

ВЛАДИМИР ГРИНГМУТ

ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ,
ЛЮДИ РУССКИЕ!

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

РУССКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ

Серия самых выдающихся книг, рассказывающих о борьбе русского народа с силами мирового зла, русофобии и расизма:

Булацель П.Ф. Борьба за правду
Бутми Г.В. Кабала или свобода
Вязигин А.С. Манифест созидательного национализма
Грингмут В.А. Объединяйтесь, люди русские!
Достоевский Ф.М. «Царство антихриста»
Дубровин А.И. Черная сотня
Жевахов Н.Д. Еврейская революция
Иванов В.Ф. Русский мир и масонство
Ильин И.А. Национальная Россия
Марков Н.Е. Лики Израиля. Войны темных сил
Меньшиков М.О. Письма к ближним
Нилус С.А. «Близ есть, при дверех...»
Осипов В.Н. Записки ниционалиста
Пасхалов К.Н. Русский вопрос
Тихомиров Л.А. Битва за Россию
Шарапов С.Ф. После победы славянофилов
Шафаревич И.Р. Русофобия
Шевцов И.М. Бородинское поле
Шмаков А.С. Еврейские речи

ВЛАДИМИР ГРИНГМУТ

**ОБЪЕДИНЯЙТЕСЬ,
ЛЮДИ
РУССКИЕ!**

**МОСКВА
Институт русской цивилизации
2008**

Грингмут В.А. Объединяйтесь, люди русские! / Сост. А.Д. Степанов / Отв. ред. О. Платонов. — М.: Институт русской цивилизации, 2008.— 544 с.

В книге впервые после 1917 года публикуются произведения Владимира Андреевича Грингмута (1851–1907), выдающегося русского общественного деятеля, публициста, филолога, историка, одного из главных вождей Черной Сотни – общественного движения, объединявшего лучших людей России. Более 100 лет его произведения находились под запретом, были изъяты из библиотек, за чтение их расстреливали, бросали в тюрьму.

В своей книге «Руководство черносотенца-монархиста» и в ряде других произведений Грингмут сформулировал главные задачи, стоящие перед Русским народом в борьбе за Великую Россию и против ее внутренних и внешних врагов.

ISBN 978-5-902725-03-9

© Институт русской цивилизации, оформление 2008.

ПРЕДИСЛОВИЕ

Русский народ — уникальное явление в истории. Господь одарил наших предков редкими душевными качествами, которые способствовали органичному принятию и быстрому усвоению Православной Христианской Веры, что, в свою очередь, привело к тому, что из полян, древлян, словен, кривичей и других восточно-славянских племен выплавился народ вселенского масштаба. Именно поэтому русские ставили перед собой всегда не узконациональные, но мировые задачи. И неудивительно, что огромный вклад в укрепление и развитие России во все века вносили люди, которые не были русскими по крови. Среди выдающихся деятелей нашей истории мы знаем Русских немцев, Русских голландцев, Русских итальянцев, Русских французов, Русских шотландцев, Русских датчан, Русских шведов, Русских греков, Русских сербов, Русских грузин, которые, приехав в наши края поначалу в поисках лучшей доли, затем влюбились в Россию, принимали православную веру, впитывали нашу культуру и становились настоящими русскими людьми. Они и их потомки проливали за Россию кровь на поле брани, развивали русскую науку и культуру, а порой становились и настоящими подвижниками благочестия.

Среди этих людей особо надо выделить Русских немцев, ибо это было массовое явление. Мы не можем представить русскую цивилизацию без святых сестер Царицы-Мученицы Александры Федоровны и преподобномученицы великой княгини Елизаветы Федоровны, без Государыни Императрицы Екатерины Великой, Русское государство без министров финансов эпохи Императора Николая I графа Е.Ф. Канкрин и времен Императора Александра III **академика Н.Х.Бунге**, русскую армию без графа Э.И. Тотлебена и генерал-фельдмаршала Х.А. Миниха, русскую культуру без В.И. Даля и Д.И. Фонвизи-

на, русскую науку без академиков К.М. Бэра и А.Х. Востокова, русскую архитектуру без К.А. Тона и А.И. Штакеншнейдера.

Видную роль играли Русские немцы и в монархическом движении в начале XX века. Достаточно упомянуть барона Михаила Фердинандовича Таубе, доктора Алексея Николаевича Борка, Николая Дмитриевича Тальберга, отца и сына Сергея Константиновича и Александра Сергеевича Гершельманов, барона Александра Васильевича Каульбарса, Федора Викторовича Винберга, Николая Александровича Энгельгардта. Ну и конечно впереди этого списка должно поставить Владимира Андреевича Грингмута — одного из вождей русской Черной Сотни. В 1907 году в телеграмме на имя председателя Союза Русского Народа Александра Ивановича Дубровина Император Николай II Александрович назвал монархистов-черносотенцев «истинно русскими людьми». В дальнейшем монархисты активно использовали для самоназвания это, найденное для них самим Царем, имя. Истинно Русский немец В.А. Грингмут внес огромный вклад в становление монархического движения в России, которое сумело отразить первый натиск революции в 1905—1906 годах.

Владимир Андреевич Грингмут родился в Москве 3 марта 1851 года. Его предки принадлежали к старинному славянскому роду из Прусской Силезии. Дед Грингмута был бургомистром города Лигнице. Отец Вилибальд-Генрих, окончив курс университета со степенью доктора философии, занимал кафедру классической филологии в Бреславльском университете. Его пригласил в Москву в качестве воспитателя своих детей попечитель Московского учебного округа граф Сергей Строганов. После отъезда графа в Петербург в 1847 году отец Грингмута остался в Москве и преподавал языки в одном из пансионатов. Постепенно он обрусел, стал зваться Андреем Ивановичем, но русского подданства не принял и веру не сменил. Мать Владимира Андреевича — Берта Петровна фон-Соколовская — была дочерью директора известной Прохоровской Трехгорной мануфактуры. У Владимира был еще младший брат Дмитрий, который родился в 1852 году.

С детства родители обучали детей языкам: русскому, немецкому и французскому. Помимо этого Владимир освоил латынь, древнегреческий и английский. Он получил домашнее образование. Причем, особое внимание его отец уделял эстетическому воспитанию сына. В 1866 году Грингмут поступил вольным слушателем в Московский университет по классическому отделению (не окончив гимназии, он не мог стать студентом). Здесь он познакомился с профессором римской литературы Павлом Михайловичем Леонтьевым, который оказал на юного Грингмута огромное влияние.

По достижении шестнадцатилетнего возраста Грингмут должен был пройти предусмотренный в лютеранстве обряд конфирмации. Как и требовалось, он написал сочинение на тему «Семь последних слов Спасителя». Московский пастор Нэф был в восторге от текста, он утверждал, что за 40 лет своей деятельности ему не приходилось так радоваться, как после прочтения блестящего сочинения Владимира Грингмута¹. Пастор настойчиво советовал Грингмуту-старшему отправить сына для обучения на богословский факультет в Германию. Но Бог судил иначе, не для пропаганды лютеровой ереси наделил Он талантами этого человека. Вскоре в 1870 году умер отец, не оставив сыновьям ни пенсии, ни капитала.

При помощи П.М. Леонтьева осенью 1870 года Грингмут был принят младшим тьютором в Лицей Цесаревича Николая². Четыре года спустя он выдержал экзамен в испытательном комитете Московского учебного округа и получил диплом на звание учителя по классическим языкам. В 1874 году началась преподавательская деятельность Грингмута.

2 июля 1875 года Владимир Андреевич обвенчался в церкви Св. Георгия Победоносца на Всполье с дворянкой Рязанской губернии Любовью Дмитриевной Змиевой. Вскоре после бракосочетания Владимир Андреевич принял русское подданство (впоследствии он получил потомственное дворянство). Жена Грингмута была искренно и сердечно религиозной православной русской женщиной. Именно через ее посредство Господь привел протестанта Грингмута в лоно Православной

Церкви. Это важнейшее событие в его жизни произошло в 1878 году. **То было настоящее чудо!** Вот как вспоминал об этом со слов самого Грингмута его духовник известный московский протоиерей о. Иоанн Соловьев.

«В половине 1878 года молодые супруги были в городе (т. е. в городских торговых рядах) за разными покупками и на возвратном пути, по желанию Любви Дмитриевны, зашли в часовню Иверской иконы Божией Матери. Любовь Дмитриевна горячо молилась во время совершения молебна. «Как стрелой кольнуло совесть мою помимо воли моей возникшее и всколыхнувшее все мысли и чувства мои сознание того, что я протестант и, как протестант, даже, так сказать, права не имею молиться так, как молится она; я, всем сердцем переживавший все страхи, опасения и упования жены, под давлением этого сознания, по окончании молебна вышел из часовни и был весь этот день сам, что называется, не свой», — так приблизительно рассказывал об этом о. Соловьеву сам Владимир Андреевич.

«Виденное им, — продолжает о. протоиерей, — в эту ночь сновидение еще более усилило возбужденное в нем тем сознанием настроение неудовлетворенности, недоумения, нерешимости и т. п. В этом настроении он явился на уроки в Лицей, и первый, кого он встретил здесь, был тогдашний старший надзиратель Иван Александрович Милованов. Поздоровавшись с Владимиром Андреевичем и ничего не зная о рассказанном выше, он сказал: «Странный сон видел я сегодня, будто вы решились принять православие и просить меня быть крестным отцом вашим и вообще руководителем или лучше распорядителем в этом деле». «Как громом поразили меня, — передавал Владимир Андреевич, — слова эти, потому что точно такой же именно сон видел и я, засыпавший с мыслию о принятии православия и недоумениями о том, как же устроить это дело... Приняв все это — и случай в часовне, и совпадение сновидений — за указание Свыше, я тут же, без всяких колебаний, решил волновавший меня вопрос и, спустя две или три недели, я присоединен был к православной церкви чрез таинство миро-

помазания в день своих именин, 15 июля 1878 года, в Георгиевском на Всполье храме...»³.

Принятие святой православной веры перевернуло всю жизнь Грингмута. Отныне он стал в полном смысле русским человеком, причем более русским, чем иные русские по крови. Прекрасно сказал об этом о. Иоанн Восторгов в своем «Слове в годовщину смерти В.А. Грингмута»: «Он уверовал в Православную Церковь, и вместе с тем он уверовал и в Россию, в русский народ, в его мировое призвание, в его вселенское значение, ибо призвание, значение и смысл бытия русского народа, его особливой русской и своеобразной государственности, его положение среди других народов мира — все это определяется именно его православием. Он полюбил Россию и русский народ, его историю, его быт, его душу, его государственный строй, его будущее, — и России в порыве целожизненного самоотвержения и самоотречения он отдал весь труд своей жизни»⁴.

С 1 января 1894 года В.А. Грингмут стал директором Лицея Цесаревича Николая. В этой должности раскрылся его талант организатора и руководителя. Самой главной заслугой Грингмута-педагога было **построение преподавания в Лицее не просто в согласии с Церковью, но в Церкви**. Директор Лицея ввел обычай — в начале учебного года и перед экзаменами приносить чудотворные иконы Спасителя, Божией Матери и св. великомученика Пантелеимона. Были установлены дни, в которые все ученики должны были собираться в храме Лицея для молитвы одной семьей. По просьбе Владимира Андреевича 22 февраля 1895 года в Лицей прибыл протоиерей Иоанн Кронштадтский, который с того дня и до 1905 года ежегодно служил в лицейском храме.

С 1871 года Грингмут начал пробовать себя в качестве публициста. Он сотрудничал в изданиях М.Н. Каткова «Московских ведомостях» и «Русском вестнике», в «Гражданине» князя В.П. Мещерского, «Современных известиях» Н.П. Гилярова-Платонова и других консервативно-охранительных органах печати.

В 1887 году умер бессменный главный редактор «Московских ведомостей» Михаил Никифорович Катков, который всегда оставался для Грингмута примером журналиста и гражданина. Решением Особого совещания при министерстве внутренних дел газета была передана его заместителю С.А. Петровскому. Грингмут стал членом редакции и фактически первым помощником нового главного редактора. Он стал чаще печататься, появляются его передовицы, посвященные проблемам образования и внутренней политики, заметки о школе и вопросах искусства. В 1890 году в Москве начал издаваться журнал «Русское обозрение», который замышлялся как орган православно-монархической мысли и призван был объединить усилия видных русских национальных мыслителей. Среди его сотрудников с самого начала оказался В.А. Грингмут, которому были поручены отделы «Текущие вопросы международной политики» и «Летопись современной беллетристики», а в 1894—1896 годах он вел один из главных отделов издания «Современные вопросы».

В 1896 году С.А. Петровский оставил пост редактора «Московских ведомостей», и Особое совещание приняло решение передать газету Владимиру Андреевичу Грингмуту. О том, насколько был высок к тому времени его авторитет, свидетельствует надпись Государя Императора Николая II на представлении Особого совещания от 17 апреля 1896 года. Она гласила: **«Очень рад этому выбору»**. И Государь не ошибся.

Выйдя в отставку с поста директора Лицея Цесаревича Николая, Грингмут приступил к исполнению новых обязанностей. 9 декабря 1896 года, после молебна в Иверской часовне перед чудотворной иконой Божией Матери и панихиды в Алексеевском монастыре на могиле М.Н. Каткова, он прибыл в редакцию газеты. Началась десятилетняя «эпоха Грингмута» в «Московских ведомостях», а поскольку эта газета была ведущим органом православно-монархической мысли, то не будет большим преувеличением сказать, — и в русской национальной журналистике. В «Московских ведомостях» он почти ежедневно готовил передовые статьи, вел, продолжая tradi-

цию «Русского обозрения», еженедельную рубрику «Вопросы русской жизни», публиковал статьи по вопросам театра и искусства, писал для рубрики «Памяти почивших». Кроме того, он не прекратил сотрудничать с «Русским вестником», «Календарем Лицея Цесаревича Николая» и другими изданиями. Казалось, трудолюбие Владимира Андреевича не знает пределов, — его всегда видели за письменным столом.

Помимо публицистики он пробовал себя и как беллетрист: написал комедию и несколько рассказов. Был причастен Грингмут и к научному сообществу. Он состоял членом-корреспондентом Московского Археологического общества. Находилось время и для активного участия в церковно-общественных делах. С 1897 года он исполнял обязанности ктитора при храме св. прп. Сергия Радонежского на Большой Дмитровке. Благодаря его усилиям запущенный храм расцвел. Он был постоянным жертвователем на нужды японской миссии, состоял в длительной переписке с архиепископом Японским Св. Николаем.

Политической деятельности В.А. Грингмут был причастен уже в 80-е — 90-е годы XIX века, когда он стал одним из ведущих сотрудников «Московских ведомостей», «Русского вестника» и «Русского обозрения» — главных выразителей православно-монархической мысли. Уже тогда начала формироваться и все громче заявлять о себе национально ориентированная группа образованного слоя России. Именно они составили интеллектуальный костяк будущего черносотенного движения. К этой группе принадлежал и Владимир Андреевич Грингмут. По возникновении в Петербурге первой черносотенной организации Русского Собрания Грингмут вступил в ее ряды, вел активную переписку с одним из организаторов поэтом В.Л. Величко, принимал участие в разработке программы.

Политикой же в полном смысле слова Грингмут начал заниматься с 1905 года. Следует подчеркнуть, что он вынужден был стать политиком. **К этому его призвал Царь!** 18 февраля 1905 года появился Манифест Государя Императора, призы-

вавший всех верных подданных на борьбу с революцией. А на следующий день был опубликован рескрипт Государя на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина, в котором говорилось о Высочайшем намерении привлекать облеченных доверием народа людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законов. Эти два документа и подвигли Грингмута к активной политической деятельности.

С присущей ему энергией и организаторским талантом он принялся за создание Монархической партии. В нескольких номерах «Московских ведомостей» был опубликован цикл его статей о теоретических и практических вопросах организации партии. Уже 24 апреля 1905 года вокруг редакции был создан первый кружок. Приток новых членов потребовал вскоре учреждения Центрального бюро при редакции. А к осени существовали отделы уже в 60 городах. В начале сентября были проведены два собрания московских монархистов для определения избирательного комитета и разработки воззваний к выборам в Государственную Думу. Наконец, 6 октября состоялось собрание, утвердившее Программу партии и план предвыборной кампании. Русская Монархическая партия росла и крепла... Но 17 октября вышел инспирированный всесильным тогда графом С.Ю. Витте Манифест, который усугубил беспорядки и подтолкнул революцию.

На следующий день на квартире В.А. Грингмута состоялось частное собрание монархистов. Оно проходило под гвалт и улюлюканье собравшейся под окнами революционной черни. На этом собрании вождь монархистов обратился к своим соратникам: «У нас Царя украли, у нас украли Россию! Идите, ищите, бегите, чтобы найти снова Царя, чтобы вернуть Его, чтобы спасти Россию»⁵.

Кровавая московская смута октября — декабря 1905 года стала для Грингмута тяжелым испытанием. Эти события вызвали, по его собственной оценке, «душевное оцепенение» и «горькое раздумье»⁶. Во время смуты он жил под постоянной угрозой разгрома редакции и покушения на свою жизнь. Однажды, в марте 1906 года, попытка покушения состоялась — в

редакцию явилась террористка с бомбой. Но Господь не попустил свершиться злодеянию.

Испытания не сломили волю Владимира Андреевича. Бог давал ему силы для борьбы с наступающей крамолой. Епископ Никон (Рождественский) рассказывал: «Вспоминаю тяжелые и позорные для Москвы дни октябрьских забастовок и декабрьского восстания... Нас, Русских людей, носителей родных заветов Святой Руси, поносили, оплевывали, а в революционных подпольных листках приговаривали и к смерти. Оставалось одно утешение: Богу молиться да взаимно ободрять, нравственно поддерживать друг друга. И вот с тоскующей душой, бывало, подходишь к телефону, звонишь и спрашиваешь: живы ли вы, Владимир Андреевич? Все ли благополучно? И слышишь в ответ: «За все Слава Богу: сегодня сподобил Бог Святых Тайн приобщиться, и чувствую себя спокойно»... Вот в чем искал он себе подкрепления — в общении с Господом! В Вере Православной он видел единственный якорь спасения и для родной земли. И стоял крепко за Православие, мужественно отражая все издевательства иудействующей печати, всегда готовый умереть за святые идеалы родной Церкви Православной и родной Русской земли»⁷.

С удвоенной энергией выступил Грингмут на борьбу с торжествующей революцией. Его усилиями в ноябре 1905 года разрозненные до той поры московские черносотенные организации: Монархическая партия, Союз Русских Людей, Кружок москвичей, Общество хоругвеносцев, Добровольная народная охрана, московский Союз Русского Народа, Общество русских патриотов, Сусанинский кружок, Союз законности и порядка, Кружок русских студентов и др. объединились во Всенародный Русский Союз. Это была уже реальная сила, вставшая на пути смуты. И одним из главных вождей ее был Владимир Андреевич Грингмут. Его авторитет среди черносотенцев уже к концу 1905 года был весьма высок. Именно ему было предоставлено право обратиться с речью к Государю 1 декабря 1905 года во время Высочайшего приема в Царском Селе семи депутатов от правых организаций.

Учтя тяжелый опыт осени 1905 года, в 1906 и 1907 годах В.А. Грингмут занимался активной организаторской деятельностью. Важнейшей задачей было создание новых местных отделов Монархической партии и укрепление уже существовавших. С этой целью Грингмут совершал частые поездки по губернским и уездным городам, где выступал перед единомышленниками. Он посетил Нижний Новгород, Калугу, Коломну, Иваново-Вознесенск, Смоленск, Зарайск и другие города, трижды был в Твери и Рязани. Эти поездки подрывали и без того совсем не богатырское здоровье Владимира Андреевича.

Не менее важной задачей было сплочение единомышленников. С этой целью по инициативе Грингмута в 1906 году установлены памятные дни монархистов и разработана символика монархического движения. 26 февраля Монархическая партия избрала своим постоянным девизом слова Государя, сказанные Иваново-Вознесенской депутации 18 февраля: «Самодержавие Мое останется таким, каким оно было встарь». Вскоре изготовили нагрудный знак монархиста, на котором был выгравирован этот девиз. В ознаменование Указа Императора от 8 июля о роспуске революционной Думы в этот день — праздник иконы Казанской Божией Матери — монархисты решили подносить к образу Богородицы в московском Казанском соборе лампаду с надписью: «Русские монархисты в призывание молитвенной помощи от Царицы Небесной Царю Самодержцу Всероссийскому в память дня 8 июля 1906 г.»

«Ахиллесовой пятой» черносотенного движения было разделение на множество организаций, партий и кружков. И В.А. Грингмут активно занялся объединительной деятельностью. В феврале 1907 года ему удалось достичь соглашения об объединении двух крупнейших московских организаций — Русской Монархической Партии и Союза Русского Народа. Окончательное слияние в единый Русский Монархический Союз планировалось к 1 января 1908 года. Как один из самых авторитетных вождей Черной сотни, Грингмут стал инициатором и организатором объединения усилий всех православно-монархических партий и организаций России на борьбу с кра-

молоой. Он был активным участником Всероссийских Съездов Русских Людей, выступал на них, разрабатывал проекты решений.

Помимо задач организационных опыт первых месяцев борьбы со смутой со всей остротой поставил и ряд теоретических проблем, требовавших дальнейшей разработки. Для этого, а также для пропаганды монархических идей в августе 1906 года в Москве был создан политический клуб монархистов — Русское Монархическое Собрание. В.А. Грингмут принимал участие во всех заседаниях и нередко выступал с докладами.

Публицистической вершиной творчества Грингмута является написанная осенью 1906 года статья «Руководство черносотенца-монархиста». В систематизированной и доступной для простого человека форме вождь монархистов давал ответы на все важнейшие социально-политические вопросы современности. В статье определялись благородные цели черносотенного движения. Черносотенцы стремятся, писал Грингмут, «к тому, чтобы воссоздалась могущественная, единая, неделимая Россия и восстановилась грозная сухопутная и морская ее сила; к тому, чтобы Россия управлялась Неограниченным Самодержавным Государем и чтобы Государя от народа не отделяли ни чиновники, ни думцы; чтобы внутренний порядок и всестороннее, свободное развитие государственных и народных сил строго ограждались твердыми законами на полное благополучие России и в согласии с ее вековыми историческими основами»⁸. Эту статью Грингмута единомышленники называли «политическим катехизисом черносотенства».

Вместе с тем Грингмут стремился воспрепятствовать тенденции превращения черносотенных организаций в типичные политические партии, занимающиеся главным образом выборами в Государственную Думу. Он считал, что у **черносотенного движения есть более высокие и вечные цели — национальное и религиозно-нравственное возрождение русского народа**. Удастся достичь этих целей — и тогда никакие враги не одолеют Россию.

Грингмута тревожил факт активного участия в революционных беспорядках студентов, а иногда даже и гимназистов. Для него, профессионального педагога, было ясно: причина этого печального явления — в развращающем воздействии на молодежь существовавшей системы образования. Поэтому он направил свои усилия на создание образцовой русской национальной школы.

Владимир Андреевич лелеял грандиозный замысел покрыть Россию сетью Кирилло-Мефодиевских школ (низших, средних и высших), которые в научном отношении не уступали бы европейским, но были бы образцами религиозно-нравственного, русского национального воспитания. По его инициативе в декабре 1906 года были созданы особые школьные комиссии при отделах Союза Русского Народа, а с 1 сентября 1907 года планировалось открыть в Москве 1-й класс Кирилло-Мефодиевской гимназии. После смерти Грингмута эта замечательная идея, к сожалению, не получила широкого распространения. Но все-таки Русскому Собранию в Петербурге и в Иркутске, а также одесскому Союзу Русских Людей удалось открыть гимназии. В Москве были созданы две 2-классные церковно-приходские школы, одна из которых, открытая Русским Монархическим Собранием, носила имя В.А. Грингмута.

Неустанная деятельность надорвала здоровье Владимира Андреевича. Однако он не прекращал трудиться. 20 сентября 1907 года, несмотря на запрет врача, больной, он поехал в Рязань на встречу с единомышленниками. Вернувшись, слег с воспалением легких. 28 сентября Владимир Андреевич Грингмут скончался. Господь устроил так, что даже смерть его послужила делу единения православно-монархических сил. Ведь его хоронили в день Покрова Пресвятой Богородицы, который был годом ранее объявлен праздником всех монархических организаций России.

Отпевали новопреставленного раба Божия Владимира Митрополит Московский и Коломенский Владимир (Богоявленский) соборне с 3 епископами, 4 архимандритами, прото-

пресвитером Успенского собора Кремля, 33 протоиереями и священниками. Грингмута похоронили на кладбище московского Скорбященского монастыря.

В 1884 году Владимир Андреевич подарил своей дочери дневник, в котором написал такие слова: «Жизнь человеческая есть великий дар Божий, и мы должны дорожить каждым днем, принимать его с благодарностью и по возможности дольше сохранять его в памяти, так как каждый день, не только счастливый, но и горестный, содержит в себе бесчисленные свидетельства премудрости и всеблагости Господа и дает нам тысячи драгоценных указаний и наставлений не на один год, а на всю нашу жизнь»⁹. В соответствии с этим заветом он прожил и свою жизнь.

В речи на погребении Грингмута его ближайший сподвижник по Монархической партии священномученик протоиерей Иоанн Восторгов сказал: «Наделенный от Бога не одним, а всеми пятью талантами, он в избранном тернистом пути жизни, в служении Русскому народу, его вере, историческим заветам и устоям его государственности работал на все таланты, ему данные, и ни одного из них не закопал в землю... И блажен ты, раб благий и верный, со тщанием и страхом Божиим трудившийся. Ты видишь в радость Господа своего»¹⁰.

...25 апреля 1910 года был освящен крест-памятник на могиле Владимира Андреевича Грингмута в Скорбященском монастыре, исполненный по рисунку знаменитого русского художника Виктора Михайловича Васнецова (памятник и сама могила в годы безбожного лихолетья были уничтожены). На памятнике были высечены предсмертные слова Грингмута, его завещание русскому народу: **«Православные русские люди, собирайтесь, объединяйтесь, молитесь».**

А. Степанов

УЧИТЕЛЯ РОССИИ

Великий учитель России

Среди водоворота текущей жизни с ее жгучими вопросами и лихорадочным волнением мрачное число 20 октября¹ заставляет всю Россию остановиться, опомниться, оглянуться.

«Куда мы стремимся? Строго ли держимся намеченного пути? Верно ли решаем осаждающие и волнующие нас вопросы?»

Так спрашивают себя Русские люди, мысленно обращаясь к Тому, Кто ныне из лучшего мира все так же любовно взирает на дорожную Свою Россию, но — увь! — уже не может давать ей советов и наставлений тем простым и живым словом, которым Он некогда решал труднейшие вопросы государственной жизни.

Слово Его умолкло навеки, и, тем не менее, все Русские люди обращают свои взоры к Нему, ждут от Него указаний и вразумлений и проверяют свои взгляды и действия безошибочным мериллом Его взглядов и Его действий. Для всех нас все более становится ясным, что, по мере того, как величавый образ Царя ПРАВИТЕЛЯ исчезает по неумолимым законам времени, тем определеннее, тем ярче выступает пред нами лучезарный образ великого Царя УЧИТЕЛЯ.

Да, Он был для России великим Учителем при жизни Своей и остался таковым и после Своей безвременной кончины.

Чему же учил Он и как учил Он Россию?

Он прежде всего учил ее дорожить превыше всего Православной верой, которой Россия обязана своим бытием, своим развитием, своим просвещением. Он учил нас ограждать нашу Православную Церковь от какого бы то ни было нарушения ее святыни, не допускать умаления ее достоинства, как Церкви

государственной, сохраняя за Ней принадлежащее ей во всех пределах Империи Всероссийской первое место, как Церкви, освящающей своей благодатью великий подвиг Русского Царя и беззаветное служение Ему Русского народа.

Он учил нас видеть в этом Царском подвиге и в этом беззаветном служении драгоценнейшую сущность всего государственного строя России и всей нашей государственной жизни, сохраняющей в Самодержавии Русских Царей великие заветы прошлого и обеспечивающей Русскому народу великое будущее.

Он учил нас любить Русский народ и дорожить его незаменимыми государственными качествами: его смиренной верой в Бога, его безусловной преданностью Царю, его трезвым государственным чутьем, благодаря которому создалась вся идеальная и реальная мощь Империи Всероссийской, собравшей под державой Русского Царя многие племена, проникающиеся основной зиждительной идеей Русского народа.

Он учил нас ясно намечать государственные цели России и идти к ним твердыми шагами по открытому прямому пути чистой правды и высшей справедливости. Он учил нас не забывать великих уроков прошлого, со спокойной прозорливостью оценивать явления настоящего и никогда не терять из виду всех возможных последствий в будущем.

Таково было Его учение, имевшее то великое преимущество, что оно для всех было ясно и наглядно и никаких сомнений не вызывало, никаких лжетолкований не допускало. Враги России негодовали на это учение, возродившее богатырские силы Самодержавной России, друзья ее восторгались этим учением, но враги и друзья ни на минуту не расходились в своих суждениях о сущности этого учения: все без исключения ясно знали, чего желает Царь-Самодержец, куда Он ведет Россию, что Он считает для нее вредным и что полезным.

Эта ясность учения Александра III является драгоценнейшим его качеством и для всех будущих времен России; вот почему 20-е октября, день поминовения Великого Царя-Самодержца, является для Русских людей днем самоиспы-

тания, днем проверки своей государственной совести, днем сравнения своих действий и помышлений с непреложными наставлениями великого Учителя.

Эти наставления дают на каждый тревожащий нас вопрос такой простой, категорический ответ, что перед ним сразу исчезают все колебания и сомнения. Нельзя себе даже представить случая, чтобы по какому-нибудь из современных нам вопросов мы могли спорить о том, в каком основном смысле решил бы его Александр III. Точно так же и при жизни Его никто ни на минуту не сомневался в том, что Он все вопросы, касающиеся государственных основ России, решит не иначе как *истинно-русским* образом.

Александр III не оставил нам теоретического изложения Своего государственного учения. Но мы в этом теоретическом изложении и не нуждаемся; вся Его жизнь, все слова Его и действия являются для нас практическим, наглядным наставлением, *как* нам жить, *как* нам говорить и действовать. Его учение не было отвлеченной гипотезой, которая осталась бы не примененной к действительной жизни и в основательности которой можно было бы поэтому сомневаться. Нет, мы все знаем, что Его учение постоянно и непосредственно применялось к самым жизненным вопросам Русского государства и постоянно давало самые блестящие плоды, вызвавшие в короткое время небывалое доселе мощное развитие национального возрождения России.

В этом именно и заключается неопровержимость и непреложность учения Александра III, которое так радует друзей России и так огорчает ее врагов: успех Его политики у всех на глазах, отрицать его нет возможности, и никто не в силах умалить его значение. Если вы хотите благоденствия, могущества, единства и славы России, — поступайте именно так, как поступал Александр III; если вы хотите противоположных результатов, — поступайте иначе.

Тут не может быть места каким-либо отговоркам, уклонениям или сомнениям со ссылками на то, что мы-де не знаем, как в данном случае поступил бы покойный Император. Исто-

рия всей Его жизни, ясная, прозрачная, как хрусталь, лежит и вечно будет лежать пред нашими взорами открытой для всех книгой, в которой лишь вольные или невольные слепцы читать не могут.

Эта открытая книга будет для России вечно служить мудрым наставлением в мирные дни и спасительным маяком в бурные времена ее исторической жизни, от которых да предохранит ее всеблагая милость Божия.

Покойный Император оставил нам не только Свои заветы, но и верного Исполнителя их в лице возлюбленного Сына Своего, ныне благополучно царствующего Государя Императора. Вся Россия знает, как Державный Сын свято чтит заветы Отца Своего, а потому и вся Россия твердо уповает, что Верховный ее Вождь ведет ее все той же дорогой могущества, единства и славы, которые так же дороги Его Царскому сердцу, как и сердцу беззаветно преданного Ему верноподданного Русского народа.

Чему нам учиться у Петра?

Петровские празднества окончились¹, так что можно подвести им некоторые итоги.

Мы оставим в стороне официальные торжества, которые, по правде сказать, никакой глубокой идейностью не отличались. Зато главенствующая у нас «либеральная» печать успела высказать за это краткое юбилейное время очень много «идей».

К сожалению, «идеи» эти ни новизной, ни глубиной, ни разнообразием не отличаются: это все те же банальные вариации на одну и ту же давно избитую тему о необходимости, «следующую по стопам Петра», работать над усиленной европеизацией России. А так как-де европеизация России есть не что иное, как исполнение политической программы наших «либералов», то из этого-де следует, как дважды два — четыре, что если мы будем исполнять эту программу, то этим самым мы будем идти по стопам Петра Великого. Словом, наши «либералы» преспокой-

но отождествляют себя с Великим Петром, полагая, что никто не заметит всей нелепости этого отождествления.

Петр Великий всю жизнь свою олицетворял собой Царскую Самодержавную Власть в самом полном, неограниченном ее смысле. — Наши «либералы» всеми способами стремятся уничтожить эту Власть.

Петр Великий был истинным верующим Сыном Православной Церкви и мечтал не о разрыве Церкви с Государством, а о наитеснейшем их объединении. — Наши «либералы» мечтают о полном упразднении всех догматов церковных, то есть, об упразднении самой Церкви и рукоплещут атеистическим подвигам г. Комба².

Петр Великий велел Русским людям учиться наукам, художествам и промыслам у иностранцев, но во главе каждого русского дела ставил только Русских людей. — Наши «либералы» находят вполне естественным и даже желательным, чтобы русские дела находились в руках враждебных России инородцев и даже иностранцев.

Петр Великий хотел, чтобы русское юношество приучалось с юных лет к упорному труду и непременно достигало в науках тех же успехов, каких достигают молодые люди в образцовых высших научных школах Западной Европы. — Наши «либералы» желают, чтобы русские школы являлись школами не труда, а праздного своеволия, из которых выходили бы целыми стадами недисциплинированные ни в умственном, ни в нравственном отношении оболтусы, годные не для серьезного научного труда, о котором всегда мечтал Великий Петр, а лишь для безобразных школьных и уличных скандалов.

Уже одно это последнее обстоятельство ясно показывает, что Петр был поборником истинного просвещения России, а наши «либералы» отстаивают принципы дикого варварства.

Таким образом, Петр и наши «либералы» являются прямыми антиподами.

Сколько же нужно смелости, чтобы отождествлять программу Петра с программой наших «либералов», как это делали юбилейные статьи «либеральной» прессы!

«Либеральная» программа требует разрушения того, что Петр отстаивал самым непоколебимым образом.

«Либеральная» программа требует перенесения к нам из Европы того, что в Европе Петра либо совсем не интересовало, либо вызывало его негодование. Он взял из Европы лишь немногие, хотя и существенные, ее особенности: ее технику и ее науку, ибо их только он, по справедливости, признавал полезными для России. Он очень любил Голландию, но и в ней он не соблазнился ни республиканским ее устройством, ни ее религиозным свободомыслием, а очаровался одной лишь мореходной техникой, которая в то время действительно была первой в мире. Нашим же «либералам» хотелось бы именно перенести в Россию западноевропейские *политические и религиозные* порядки, или, вернее, — беспорядки.

«Либеральная» программа, наконец, отвергает именно то, чем Петр так стремился наградить Россию и в чем она и до сих пор так нуждается, — серьезную, трудовую, научную школу.

Петр Великий был олицетворением *упорного, неустанного, полезного труда*.

Вот чему нам следует у него учиться.

Он пробудил Русских людей от той медлительной вялости и бессрочной, неторопливой деятельности, которые являлись наиболее слабыми сторонами их симпатичной «широкой натуры», и призвал их к бодрой, быстрой энергии и к точной, отчетливой работе, которая ни в чем не уступала бы научной и технической работе заграничных ученых людей.

«Учиться и трудиться» — вот был истинный девиз всей его личной жизни; это был завет, который он оставил в наследие всей обновленной им России.

«Учиться и трудиться» — вот что и доселе велит нам Петр. Что сказал бы Он, если бы снова явился среди нас и увидел, в каком положении находятся наши школы, из которых наши «либералы» стараются изгнать даже самый принцип труда, заменяя его легоньким преподаванием, так как на их Простаковский взгляд учение есть только излишнее мучение, которого в школе ни под каким видом терпеть нельзя.

А между тем, когда же мы, наконец, сравняемся с Европой в научном просвещении, если мы, «либерально» отвергая заветы Петра, не будем с малолетства ни серьезно учиться, ни серьезно трудиться? Ведь серьезный, полезный труд без серьезного, сосредоточенного учения немыслим.

А потому, пусть «либералы» по-прежнему стараются разрушить нашу научную школу, но пусть они не отождествляют себя с Великим Петром, так как они этой своей деятельностью являются заклятыми врагами как Петра, так и всей России.

Что нам завещала Екатерина Великая?

Открытие в Вильне памятника Екатерине Великой отвлекло на несколько мгновений внимание России от тяжких событий, переживаемых ею как во внешней, так и во внутренней ее жизни. Но воспоминание о Великой Императрице могло бы служить нам в настоящее именно время глубоким назиданием в более обширном смысле, нежели тот, который непосредственно связан с совершившимся в Вильне торжеством.

Заслуга Екатерины Великой пред Россией заключается в том, что она сама, всей душой и всем умом проникшись не только государственным, но и национальным величием своего второго отечества, заставила, вместе с тем, и Европу преклониться пред этим величием и возбудила в своих подданных *государственное и национальное самосознание*, как необходимое условие для существования и развития великого народа.

Этим самосознанием был в свое время преисполнен и Петр Великий. Но он в России был почти одинок. Он собрал вокруг себя лишь небольшую, сравнительно, стаю птенцов, которым сообщил свою пламенную веру в великое мировое призвание России. Все почти остальные его подданные относились более или менее скептически к его великим преобразованиям, а Европа смотрела на него как на исторический курьез, как на баловня судьбы, со смертью которого Россия, забыв об его новшествах, снова вернется к своему прежнему, внеевропейскому существованию.

Сильным и здоровым национальным самосознанием отличалась и допетровская Русь с первых времен еще своей Киевской зари, но лишь в смысле своего собственного, обособленного от остального мира, существования, без более широких государственных и мировых задач. К этим мировым задачам впервые *призвал* Россию Петр, но уверовать в них *заставила* нас Екатерина.

Чем объяснить это чудодейственное влияние Великой Императрицы?

Тем, что она так искренно, так горячо полюбила Россию.

Любовь Петра к России и его увлечение ее славой и будущим величием казались всем вполне естественными: Он родился и воспитался в России, он чувствовал в себе, вступив на престол своих предков, непосредственную, преемственную с ними связь, побуждавшую его свято хранить и увеличивать оставленное ими драгоценное достояние. Кому же и радеть о величии и славе России, как не природному Русскому Царю, который во всех Русских людях видит не только своих подданных, но своих родных братьев, дорогих сердцу земляков? Словом, Петр Великий был по рождению своему истинно Русским Царем, и не в этом было его величие, а в том, что он своим могучим умом понял мировое призвание России и своей железной волей сразу вознес ее до высокого уровня этого призвания.

Но в Екатерине II, продолжавшей дело Петра, было много лично ей свойственных, поражавших своей необычайностью, сторон.

Она не *была*, а *стала* истинно Русской Царицей, и она, женщина, не только исполняла дело, которое под стать было такому лишь гиганту, как Петр, но и сумела сделать то, что ему не удалось при жизни, пробудив во всей России бодрое, величавое, национально-государственное самосознание и заставив Европу признать, что Россия не только вступила на арену мировой политики, но и навеки останется в ней, заняв на ней первое место.

Что Екатерина II, при данных ей от Бога обширных и блестящих качествах ума, могла поставить себе и России великие

мировые задачи, это, конечно, было вполне естественно; но что она полюбила Россию не только как государство, но и как нацию, как народ, со всеми его индивидуальными особенностями, что она научилась ценить эти столь чуждые ей на первых порах особенности, что она увидала в нем такие драгоценные качества, которыми остальные европейские народы не обладали, что она, сбросив с себя все специально немецкое, стала чисто Русской Царицей, не красневшей за своих подданных, а гордившейся ими, — вот что действительно стоит в мировой истории как единственный факт, вызывающий всеобщее изумление.

Петр Великий стыдился «варварства» своих подданных и выбивал его из них насильственными мерами, вводя европейские порядки в России, не сообразуясь много с ее национальными особенностями. За исключением коренных основ Самодержавия и Православной Церкви, он особенно не дорожил индивидуальными свойствами Русской государственной и общественной жизни, не различая в них истинно культурных элементов и элементов действительно некультурных, а целиком заменяя их целиком же взятыми европейскими порядками, как действительно вечно культурными, так и случайными, обусловленными лишь специальным временем и местом. Это была великая, необходимая, но спешно и энергично произведенная работа, *a grands coups de hache*¹.

Совершенно иного свойства была государственная работа Екатерины.

Она лучше Петра знала Европу, тонко различая в ней и хорошие, и дурные ее стороны. А потому *она лучше Петра знала и Россию*, так как истинное знание предмета всегда возникает из близкого, тщательного сравнения его с предметами аналогичными.

Если для России необходим был великий преобразователь, вышедший из недр ее народа, то ей затем столь же необходим был другой реформатор, пришедший к ней извне, изучивши ее сперва совершенно объективно, но затем полюбивший ее всеми силами пылкого сердца и просвещенного ума.

Таким именно реформатором была Екатерина, ясно понимавшая великий завет, оставленный Петром всем его потомкам, и исполнившая его с большим еще совершенством, с большею прочностью и с большим знанием как бывшей ей столь близкой Европы, так и ставшей ей столь дорогой России.

Нас, русских, часто и справедливо упрекают в том, что мы начинаем ценить свои национальные сокровища лишь тогда, когда их оценят иностранцы. Не заслуживает ли этого упрека, как русский человек, и наш Великий Петр? Не вызвал ли он во всех русских рядом с чувством государственного самосознания чувство национального самоунижения, которое до сих пор еще живет в рядах наших жалких «либералов», выродившись даже в омерзительное чувство национального самооплевания?

А мы уже видели, что без национального самосознания великого народа быть не может.

Это поняла впервые у нас Екатерина, которая снова пробудила в России любовь ко всему русскому, но не ради московской обособленности, а ради мирового величия.

И эту национальную любовь она завещала нам вместе с государственными заветами Великого Петра.

Она научила нас любить свой язык и дорожить им, как будущим мировым языком, и этим она положила начало всей нашей русской словесности, которая до нее лишь робко прозябала.

Находясь в постоянных живых сношениях с первыми писателями Западной Европы, Екатерина легко могла впасть в соблазн подчиниться их идеям и навязать их затем России. Но нет, этого она не сделала, и нигде самостоятельность ее ума не проявила себя с таким блеском, как именно в этом отношении, служа вечным назидательным примером для всех последующих поколений русского образованного общества. Она положила основания не только для русской словесности, русской науки и русского искусства, но и для будущих вех русской национальной государственности и ее научного учения.

Не слепое подражание Западу завещала она нам, но и не слепое его игнорирование, а тщательное изучение Европы, в ее прошлом и настоящем, дабы воспринять от нее все то, но и только то, что необходимо для нашего национального развития.

Не самоунижение поставила она нам как идеал нашей общественной и государственной жизни, а бодрую, твердую веру в неиссякаемые материальные и духовные силы России, в ее славную, великую будущность, в ее мировое призвание.

А эта вера никогда нам не была более необходима, чем в настоящее время, когда ею должны всецело проникнуться все силы русского народа от высших до низших, дабы отстоять честь и славу России и все великое ее достояние, оставленное ей великими ее Царями-Собирателями Земли Русской, среди которых сияет вечным блеском звезда Екатерины.

Апостолы и ученики нашего национального евангелия

В чем состоит наше «национальное евангелие», в чем состоит та «благая весть», которую мы несем и в народ, и в общество, и в Правительство?

В нашем триедином знамени — «Православие, Самодержавие, Русская Народность».

Мы всегда и всюду повторяем эти столь священные для нас слова и делаем это так часто, что является опасность, как бы они не превратились в пустую формулу не только для наших врагов и единомышленников, но и для нас самих.

С другой стороны, нам необходимо защитить наше национальное евангелие от другого нареkania, будто в нем ничего нет самобытно-русского, будто оно есть лишь сколок с германского, точнее, прусского, девиза: «Mit Got fur Konig und Vaterland!» — то есть «с Богом, за короля и отечество».

Но уже при сравнении наших заветных слов с этой формулой мы найдем в них более глубокое значение.

Там говорится только вообще о «Бог», мы же говорим о Святой Православной Церкви, как самой верной хранительнице Христовой истины.

Там говорится только о «короле», мы же говорим о неограниченном Самодержавии Русского Царя.

Там, наконец, говорится лишь о германском «отечестве», населенном почти одними немцами; мы же говорим о Русской народности и о том первенствующем положении, которое ей принадлежит в России.

Таким образом, наше национальное евангелие не есть пустая внешняя формула, подобная германскому девизу, а отличается глубоким нравственно-религиозным и государственным содержанием.

К тому же германский девиз, впервые провозглашенный Пруссим королем Фридрихом Вильгельмом III¹ в 1813 году, во время войны с Наполеоном, никогда в Германии не оспаривался и никакой роли в развитии государственного и общественного самосознания Германии не играл.

Совершенно иное дело — наша национальная хоругвь: «Православие, Самодержавие, Русская Народность». Провозглашение, утверждение и защита этой святой хоругви совпадает теснейшим образом с историей России, с развитием ее национальной самобытности, с ростом ее величия и славы.

Об этом стоит серьезно подумать.

Россия, занимая географически место между Азией с ее тысячелетними преданиями, с одной стороны, и между Европой с ее вековыми традициями, с другой, должна была решить жизненный вопрос своего исторического существования: держаться ли ей азиатских или европейских государственных заветов, или же, наконец, выработать свои собственные идеалы, на основании собственных своих государственных начал?

Долгое время Россия держалась последнего, единственно правильного, взгляда на этот, для нее столь важный, жизненный вопрос.

Но вот пришел Петр и своим могучим порывом не только «прорубил окно в Европу», но настежь открыл ворота из Европы в Россию и, превратив Московское Царство во Всероссийскую Империю, приказал ей забыть самобытные Русские

предания, броситься в погоню за европейскими обычаями и учреждениями безо всякого разбора, не отличая в них драгоценного золота от обманчивой мишуры.

Покинутая, обиженная Москва попробовала было протестовать, но очень скоро она была принуждена довольствоваться одним глухим ропотом. Она роптала со всей Русской Россией, видя, как в Петербурге попиралось все то, что было дорого Русскому уму и сердцу; она инстинктивно чувствовала свою правоту, но не могла ее ясно доказать на основании непреложных научных данных, так как в то время преданность Православию, Самодержавию и Русской самобытности таилась лишь смутно в глубине сердец Русских людей, и никто еще не думал о том, чтобы обосновать эту самобытность на строгой исторической и логической почве.

Да и можно ли было в то время спорить с Петербургом, когда он, под водительством Петра I и Екатерины II, отвечал на все доводы Москвы громом побед, раздававшимся на всех границах Российской Империи, превращая ее в могущественную первоклассную европейскую Державу?

Впрочем, мы должны быть справедливы.

Кто обратил первый любовный взор к *Русской* России с искренним желанием постичь ее тайны посредством изучения ее особенностей?

Петербургская Императрица Екатерина II, окружившая себя целой плеядой не только западных, но и Русских ученых и поэтов и направившая их внимание на серьезное исследование столь дорогой Ее сердцу России.

Ломоносов, Державин, Румянцев, фон Визин проложили путь великому чародею Пушкину², который своим творческим гением сразу постиг всю суть России и представил ее в таком истинном, обаятельном виде, что мы и доселе в его творениях продолжаем учиться, *как и за что* любить Россию.

Но ни инстинктивно-народное, ни поэтическое самосознание России не могли создать тот непреложный кодекс нашего национального евангелия, который необходим был для ее сознательной государственной жизни: он был выработан в

тиши кабинетов глубокими Русскими мыслителями, начиная с конца 20-х и в течение 30-х годов прошлого столетия.

Основой нашего национального евангелия является Православие: эта основа и была прежде всего изучена и определена первыми апостолами нашего национализма — Алексеем Степановичем Хомяковым, Иваном Васильевичем Киреевским и Константином Сергеевичем Аксаковым³.

Они доказали нам, что мы должны крепко держаться Православной Церкви не только потому, что мы в ней рождены и крещены, не только потому, что верными ее сынами были наши отцы и деды, но и потому, что Православная Церковь хранит в себе непреложную истину Христова учения, искаженного в западных церквях.

Эти же три первоапостола нашего национального евангелия, изучив особенности славянских народов вообще и Русского народа в частности, доказали, что Русский народ имеет особую историческую миссию, и что лишь сохранив свою самобытность, он может исполнить назначенную ему Провидением великую историческую задачу.

Таким образом был положен прочный фундамент Русскому национализму в его Православной Вере и в его исторической самобытности.

Но это новое учение проповедовалось лишь в тесных «славянофильских» кружках Москвы, а отчасти и Петербурга, среди личных знакомых Хомякова, Киреевского и Аксакова.

Вышло оно из их скромных ученых кабинетов и получило более широкое распространение среди образованного Русского общества лишь под влиянием тяжкого оскорбления, нанесенного Русскому национальному чувству в 1836 году пресловутым «философическим письмом» Чаадаева⁴.

Письмо это, по свидетельству современников, произвело целую бурю в читающей России. В нем прямо доказывалось иезуитскими софизмами, что России нечем дорожить в своем прошлом и настоящем, и что нет для нее светлого будущего.

Все Русские, в которых хоть капля была национального достоинства, восстали против этой кощунственной клеветы и

потребовали себе готового оружия, чтобы опровергнуть ее не одними только пламенными чувствами своего сердца, но и неотразимыми доводами логики и науки.

Оружие это оказалось крепко и надежно выкованным в ученой лаборатории славянофилов, и этим оружием немедленно воспользовалось все Русское общество не только для того, чтобы изобличить Чаадаевскую ложь, но и для того, чтобы самому просветить себя обнаруженной Хомяковым, Киреевским и Аксаковым Русской национальной истиной.

Начались знаменитые 40-е годы, явившиеся первым расцветом Русского национального самосознания и озлобленным против него походом космополитизма.

Вся образованная Москва разделилась на два лагеря: на «западников» и «славянофилов», из коих последние постепенно увеличивали свои силы в борьбе с противниками, тем более, что в славянофильском лагере вскоре затем явились два новых, сильных борца: Юрий Федорович Самарин и Иван Сергеевич Аксаков⁵.

Первый из них изучил положение Русского народа на нашем западном побережье и начертал первые основы нашей окраинной политики; а второй, близко изучив характер Русского народа в центральных и южных наших губерниях, стал на защиту его самобытности, отражая попытки исказить ее со стороны Петербургской бюрократии.

И вот впервые проповедь Русских национальных идеалов дошла и до петербургских правительственных сфер, которые немедленно отнеслись к ним так же враждебно, как они относятся к ним и в настоящее время.

И это весьма естественно: Петербург всегда относился и относится к Москве с надменным пренебрежением, в особенности если Москва желает поучить Петербург уму-разуму, если Москва указывает ему на церковные и государственные традиции России, на ее самобытность и на ее мировые, исторические задачи.

Вот почему Петербург стал коситься на первых апостолов нашего национального евангелия и дал почувствовать

Самарину и Ивану Аксакову свою тяжелую полицейско-бюрократическую руку совершенно так же, как и он в настоящее время изволит косо смотреть на учеников и преемников великих русских апостолов 30-х и 40-х годов, провозгласивших непреложные истины Русского национального евангелия, столь непонятные легкомысленно-шаблонному петербургскому бюрократизму.

Но этим истинам суждено было проявиться в еще большем блеске и заставить умолкнуть перед собой изумленный этим блеском Петербург. Как и в 1836 году, причиной этого торжества национальной идеи явилось тяжелое оскорбление национального чувства Русского народа, нанесенное России в 1863 году взбунтовавшимися поляками и их заграничными коронованными подстрекателями⁶.

Но для отражения этого позора недостаточно было славянофильского орудия, выкованного Хомяковым, Киреевским, Самариным и Аксаковыми: для сохранения единства России и для отражения наносимого ей удара необходимо было дополнить провозглашенные славянофилами истины *церковные* и *народные* такой же великой истиной — *государственной*.

Эту истину провозгласил последний из апостолов нашего национального евангелия — Михаил Никифорович Катков⁷.

Катков первый понял великую заслугу Петра, которую не могут умалить великие его ошибки: он превратил Московское Царство во Всероссийскую Империю и дал этим России широкую возможность быть вершительницей судеб Вселенной. Он сделал Россию первой великой державой в Европе и Азии, наметил ее морские границы, давшие ей возможность дышать широкой грудью. Он же положил основание Русскому флоту и правильно устроенной Русской армии.

Увлекаясь, к сожалению, без разбора, европейскими «новшествами» и прививая их насильственным путем в России, Петр, однако, сохранил в неприкосновенности неограниченное Самодержавие Русских Царей, которое стало для Империи Всероссийской, при ее могучем и широком развитии, еще более необходимым, чем для сравнительно небольшого

Московского Царства. Великому организму Всероссийской Империи стали необходимы новые могущественные учреждения для твердого обеспечения ее целостности и единства; но эти учреждения должны были развиваться из естественного роста Российской Державы, которая не могла уже довольствоваться, при изменившихся условиях, старым патриархальным бытом Московского Царства, но еще менее могла искусственно измениться по западноевропейским мертвым шаблонам.

Катков указал на то равновесие государственных учреждений, которым должна была отличаться Россия, занимая твердое, незыблемое положение в Азии и в Европе.

Таким образом, Катковым был произведен окончательный синтез *церковных, народных и государственных* начал России. Он привел в должную гармоническую связь те великие три сокровища нашего национального евангелия, которыми жила, живет и будет жить Россия, — Православие, Самодержавие и Русская Народность.

Само собой разумеется, что Петербург со своей космополитической бюрократией отнесся в 60-х годах с такой же враждой к великой национальной проповеди Каткова, с какой Петербургское Правительство 40-х годов отнеслось к Юрию Самарину и Ивану Аксакову. Одно лишь личное доверие Императора Александра II, выказанное Каткову, спасло его от когтей невежественного, хлыщеватого Петербургского Правительства, члены которого, конечно, никогда и в руки не брали великих творений Хомякова, Киреевского, Самарина и Аксаковых, а Каткова читали лишь потому, что его читал сам Государь.

Проповедь Каткова, спасшая Россию от международного позора 1863 года, длилась в течение 60-х и 70-х годов в непрестанной борьбе с начавшимся тогда уже революционным походом против Самодержавия Русских Царей и с содействовавшей этому походу Петербургской бюрократией.

Революция организовала пресловутое «хождение в народ», кончившееся жалким фиаско, так как народ, хотя инстинктивно, но твердо стоял за свои национальные сокровища. Тогда началось «хождение» в нашу невежественную, расша-

танную космополитизмом интеллигенцию и бюрократию, и этот поход увенчался блестящим успехом.

Катков в своих пламенных статьях не переставал указывать на это грозное явление как на предзнаменование революции, но никто из тогдашних «умников» его и слушать не хотел, издеваясь над его «неизлечимым пессимизмом», так как-де «революция в России невозможна».

Мы теперь знаем, до какой степени был прав Катков и как непростительно близоруки были тогдашние «умники».

Новое национальное горе, вызванное гнусным преступлением 1 марта 1881 года, вызвало вместе с тем и новое торжество Русского государственного идеала.

Русское национальное евангелие воссияло на самом Царском Престоле и немедленно вызвало такое могущественное возрождение всех национальных сил России, какого она еще никогда не достигала, ибо Провозвестником и Осуществителем великих идей славянофилов и Каткова явился сам Царь-Миротворец, незабвенный Александр III.

В бессильной злобе умолкли все адские силы революции, и к ним присоединились, для общего заговора против Царя, предательски-легкомысленные Петербургские правительственные сферы.

Убив своими интригами в 1887 году Каткова, они возликовали, когда в 1894 году так безвременно почил сам Великий Государь, вознесший Россию Своим Русским национальным правлением до недостигаемых высот славы, мира и благоденствия. Началось новое царствование...

Но я умолкаю, так как события последнего десятилетия не только у всех в живой памяти, но и у всех перед глазами.

Петербургская бюрократия сделалась из «либеральной» прямо революционной: она повернулась спиной ко всей России, ко всей ее истории, ко всему ее народу и, изменив Царскому Самодержавию, устремилась, на европейский манер, ограничить Его тысячью путями. Русское национальное евангелие в Петербурге не только закрыто и запечатано, но и Бог весть куда заброшено.

И мы видим, как немедленно, вследствие этой петербургской измены Русским национальным идеалам, рухнули законы в России, воцарился грубый произвол разнузданной крамолы, и Русская земля обагрилась кровью своих лучших, преданнейших Царю и Отечеству сынов.

И вот настала теперь *наша* очередь нести Русское национальное евангелие в Русский народ и в Русское Правительство.

Кто мы такие? Кто нам дает это право?

Мы — ученики тех великих апостолов, которые научили Россию *сознательно* дорожить своими национальными сокровищами.

Мы идем в народ, пробуждаем его своим словом, объединяем его в крепкие союзы, и народ радостно идет нам на встречу, с первого же слова нас понимает, так как мы лишь разъясняем то, что они веками хранили инстинктивно в своем уме и сердце.

Мы несем «благую весть» и в Петербургские Правительственные сферы и там возвещаем истины Русского национального евангелия, но Петербург нас упорно не понимает, то есть не хочет понять, и жалуется на то, что мы будто бы «вмешиваемся в его дело» и «даем ему приказания».

Нет, мы далеки от этого, мы не имеем ни права, ни охоты «приказывать Петербургу».

Мы лишь считаем своим долгом просвещать его невежество; мы доказываем ему, что без непрерывного осуществления вековых истин, провозглашенных Хомяковым, Киреевским, Самариным, Аксаковыми и Катковым, Россия *жить не может, Россия погибнет, умрет*.

Вот что мы говорим Петербургу, и от нашей проповеди мы не отстанем до конца нашей жизни, в твердой уверенности, что если не теперь, то в будущем великие истины Русского национального евангелия снова воссияют на Царском Престоле, и Россия снова возродится во всем блеске своей славы, своего единства и могущества.

М.Н. Катков и современное общество

Прекрасна статья князя Д.Н. Цертелева¹, появившаяся в «С.-Петербургских ведомостях» (№ 354) и направленная против попытки умалить великое значение М.Н. Каткова².

Такие попытки для нас, к сожалению, не новость. И при жизни покойного издателя «Московских ведомостей», и после кончины его злоба врагов и зависть «друзей» не щадили усилий, чтобы низвести этого гиганта Русской государственной мысли до степени заурядного писателя, «не лишенного таланта», но утратившего будто бы для настоящего времени всякое значение!

Легко понять, чем вызывались и доселе вызываются подобные попытки.

Они прежде всего объясняются тем недовольством, которое весьма естественно испытывают все мелкие души в присутствии крупной величины, так как она их своей тотальностью столь же естественно отодвигает на задний план. Но есть и другие причины, тесно связанные с той деятельностью, которая навсегда обессмертила имя великого патриота, пожертвовавшего четверть века своей жизни на борьбу с врагами своего отечества.

Борьба эта, окончившаяся полным торжеством тех русских государственных начал, для защиты которых М.Н. Катков не щадил своих сил, велась им при таких условиях, при которых иной даже сильный борец не устоял бы и преждевременно сложил бы свое оружие.

Кто были те враги России, с которыми боролся великий публицист? Каково было то современное общество, среди которого ему пришлось вести эту борьбу?

Вот те вопросы, которые прежде всего приходят на ум каждому, кто по достоинству желает оценить заслуги М.Н. Каткова перед Россией.

Враги его хорошо и, к сожалению, слишком хорошо известны. Это та пресловутая антирусская партия, которая, прикрываясь столь симпатичным с первого взгляда флагом «либерализма», вела Россию к расчленению, к смуте, к террору, к 1 марта.

Начиная с 1863 года, М.Н. Катков вступил в открытую борьбу с этими пагубными стремлениями и тотчас почувствовал себя почти одиноким в этой борьбе. Он встретил отчаянное и упорное сопротивление не только со стороны прямых революционеров, но и со стороны столь многочисленных «легальных» их единомышленников и попустителей на всех ступенях нашего общества, которые, открыто отрекаясь от сочувствия «насильственным» действиям, на самом деле радовались успеху этих действий, следуя принципу: «Чем хуже для России, тем лучше для нас».

Остальное общество, видя непосильную борьбу одного богатыря против такого количества явных и тайных врагов, держалось в стороне, не верило в окончательную победу правого дела и даже находило всякую защиту его излишней. Михаил Никифорович очень скоро понял, что ему придется вынести всю борьбу на одних своих плечах, но он, в сознании своего долга, не отступил перед этим гигантским трудом, принял его на себя и достиг того, что дело его оказалось, в конце концов, делом правым, делом, к которому тотчас же примкнули все колебавшиеся, как скоро оно оказалось торжествующим.

Но это торжество наступило не скоро, и предшествовавшая ему борьба была беспримерной по той стойкой энергии, которую М.Н. Катков противопоставлял упорству и коварству своих врагов и нерешительной апатии своих «друзей».

Он постоянно указывал на очевидные признаки возраставшего зла, а ему, с одной стороны, посылались шипевшие злобой упреки за то, что он так мужественно и так открыто обнаруживал все тайные козни заклятых врагов России, а с другой стороны, выражалось недоумение близоруких людей, беспечность которых нарушалась постоянными призывами к сопротивлению тому злу, которого они не хотели замечать.

Когда, наконец, предсказания Михаила Никифоровича оправдались, когда уже нельзя было сомневаться в том, что опасность, на которую он указывал, не есть «болезненный бред его воображения», а является реальной, зловещей действительностью, тогда начался новый, трудный период патриотической

деятельности М.Н. Каткова, вызванный новым тактическим приемом его противников: в опасности уже никто не сомневался, но к устранению ее предлагали как раз те меры, которые могли только усилить ее! Началась борьба московского публициста против той пресловутой «диктатуры сердца»³, которая грозила увлечь Россию на самые опасные пути и против которой М.Н. Катков восстал со всей силой своего убеждения. Сколько и здесь ему пришлось услышать незаслуженных упреков, недостойных глумлений и запальчивых обвинений!

Враги умолкли лишь тогда, когда снова самые факты слишком ясно подтвердили основательность высказанных великим патриотом опасений.

Царствование великого Монарха-Самодержца⁴ водворило в России мир и порядок, при которых пробудились к жизни все могучие и плодотворные силы нашего отечества. Михаилу Никифоровичу было дано видеть торжество тех принципов, за которые он так долго и так одиноко боролся; ему дано было лицезреть воплощение того идеала Русского Царя, который во время борьбы постоянно предносился пред его духовными взорами, ободряя его в тяжкие минуты душевных страданий. Он видел, что Россия спасена именно потому, что, по воле Верховного Вождя, государственная жизнь России обновилась оживлением тех вековых начал нашего отечества, против которых так упорно боролась «либеральная» партия.

Великое дело возрождения России могло быть задумано и совершено лишь в Бозе почивающим Императором, изумившим весь мир теми быстрыми и поразительными успехами, которые сделала Россия в течение столь недолгого ряда лет на всех поприщах своей государственной жизни. Все как будто не хотели верить своим глазам, видя, что Россия не «колосс на глиняных ногах», как ее величали наши внешние и внутренние враги, а здоровый, сильный организм, которому следовало лишь возвратить возможность самобытного развития. А между тем, в чем же заключалась вся деятельность М.Н. Каткова, как не в провозглашении этой истины в то время, когда никто ее не видел или не хотел видеть? Когда эта истина стала очевидной,

все нашли ее настолько естественной, что даже высказывалось удивление, как это можно было когда-нибудь сомневаться в ней! И на этой почве явилось немало людей, ставших очень умными *post factum* и удивлявшихся, почему это так высоко ставят заслуги Каткова, когда он, «в сущности, говорил то же самое, что и они».

Скоро уже будет десять лет, как М.Н. Катков отошел в вечность. На государственное и общественное поприще вступило за это время много новых людей, из которых иные не читали ни одной строчки из пламенных передовых статей московского патриота, иные читали его мысли лишь в искаженном виде на столбцах дышавшей злобой «либеральной» печати, а иные, наконец, сохранили о заслугах М.Н. Каткова лишь смутное воспоминание, как о «деле давно минувших дней». Наше общество вообще твердой памятью не отличается, и наглядные уроки истории писаны не для него, хотя бы они и относились чуть не ко вчерашнему дню. Мы так довольны водворившимся в России миром и порядком, что нам не хочется даже вспомнить, давно ли мы этим миром и порядком наслаждаемся, какими средствами он у нас был восстановлен и чего нам следует избегать для того, чтоб он снова не нарушился. Нам лень обернуться назад на пройденный нами путь и извлечь себе поучение из тех опасностей, которые нам с таким трудом удалось миновать; мы так охотно готовы снова предаться беспечному *dolce far niente*⁵, следуя правилу: «когда тихо, нужно спать».

Но враги России не спят. После кончины М.Н. Каткова они приободрились, сосчитали свои ряды и принялись за свою деятельность под покровом общего мира и тишины. К ним на помощь, хотя и бессознательно, пришли и те «непризнанные гении», которые при жизни М.Н. Каткова скромно молчали, а после его кончины стали давать волю своей затаенной зависти, стараясь так или иначе подкопаться под великие заслуги покойного. Являлись и такие лица, которые пытались *заменить* Каткова на почве публицистики и умаляли его великие достоинства, приравнивая их к своим собственным силам.

Заменить Каткова! Кто может отважиться на такое смелое притязание? Это все равно, как если бы кто дерзнул выразить намерение заменить собой Пушкина! Великие гении являются веками, и они, по существу своей природы, никем заменены быть не могут. Но еще непростительнее забывать о великих гениях и из каких бы то ни было побуждений умалять их заслуги.

В современном нам обществе нет никого, кто мог бы сравняться с покойным московским публицистом. Но если его нет в живых, то живы его заветы, его поучения, жива память о его деятельности. Наша обязанность, обязанность всего нашего общества, заключается в том, чтобы хранить эти заветы, следовать этим поучениям и воодушевляться примером его великого подвига. Конечно, обстоятельства за эти десять лет во многом изменились, но великая заслуга М.Н. Каткова заключается именно в том, что он был человеком не только «своевременно метко сказанных слов», как иные его желали бы представить, а провозгласителем вековых идей, которые столь же верны были двадцать лет тому назад, как они верны теперь и как они останутся верными и впредь.

Не забывать мы должны Каткова, как этого хотелось бы его врагам и завистникам, людям, не знающим истории вчерашних дней и не желающим ее знать, а постоянно помнить о нем и руководствоваться его общими принципами при суждении о настоящих вопросах, которые, в сущности, являются одними и теми же, как и те вопросы, которые волновали наше общество в первую половину публицистической деятельности покойного патриота.

Но на непосредственных учениках и сотрудниках М.Н. Каткова лежит еще и другая обязанность: свято оберегать его память от всякого поползновения на ее светлую чистоту, с чьей бы стороны это поползновение ни исходило. Благородный, рыцарский образ покойного ратоборца за русскую правду, высокие достоинства его безупречной духовной чистоты, столь хорошо знакомые его близким друзьям и ученикам, остались недостаточно известными всему Русскому обществу, которое

столь многим обязано М.Н. Каткову. Можем ли мы поэтому допустить, чтобы клевета, зависть и небрежность создавали нелепые легенды о Каткове, совершенно не соответствующие истинным основам его характера? Не должны ли мы, наоборот, поставить себе в нравственный долг воссоздавать по мере сил своих его истинный образ? Тогда, быть может, умолкнут голоса современников, утверждающие, что Катков уже отжил свой век и что учиться у него нам больше нечему.

По нашему глубокому убеждению, для нашего именно общества великие наставления Каткова являются как нельзя более полезными и своевременными.

Чем Россия обязана Муравьеву?

В Вильне воздвигается памятник человеку, которому со временем воздвигнет в своих стенах памятник и первопрестольная Москва, как выразительница Всероссийской Государственной идеи.

Муравьев¹ не какой-нибудь местный деятель, память которого в своем сердце хранит лишь население того или другого края Русской Империи; в Муравьеве вся Россия свято чтит величавый образ русского государственного деятеля в полном смысле этого слова; и если ныне Северо-Западный край с благодарностью вспоминает Муравьева-Виленского за то, что он не дал порваться связи края с Россией, то Россия еще более обязана ему тем, что он сохранил ее целостность и единство, восстановил ее мощное значение в глазах ее друзей и врагов, и предотвратил казавшуюся неизбежной для нее опасность позорной утраты национального достоинства и самосознания.

Эту великую историческую заслугу графа М.Н. Муравьева может оценить в полной мере лишь наше русское национальное чувство, имеющее свое идеальное средоточие в Москве, создавшей и собравшей вокруг себя все необозримое государство Российское и не утратившей своей *государственной мощи* даже после того, как она уступила *правительственную власть* новой северной столице.

Всякая опасность, угрожающая единству созданного Москвой государства, нигде так живо не ощущается, как именно в Москве. Москва всего более дорожит впервые провозглашенным ею всероссийским государственным началом и зорко следит за тем, чтобы начало это всюду торжествовало, пролагая путь русской культуре даже на самых отдаленных окраинах Русской Империи; а потому, при всяком колебании русской государственной идеи на окраинах, тотчас сжимается чуткое сердце России — древняя столица ее, Москва. Окраины, еще не вполне проникнутые русской государственной идеей, иной раз удивляются, почему именно Москва так заботится о них, так горячо принимает к сердцу их интересы, так пристально следит за развитием общественной и государственной их жизни и так тревожится, так скорбит, если в этой жизни проявляются признаки, враждебные всероссийскому началу. Но для москвича эта забота, эта тревога, эта скорбь являются чувствами, совершенно естественными и непреодолимыми. С ними он рождается, живет и умирает; из них он черпает бодрость во всякое время готовность словом и делом вступить в борьбу за свою Православную Церковь, за Самодержавие своих Царей, за славу России и за несокрушимую ее целостность.

Таким именно москвичом по воспитанию и по духу был незабвенный Михаил Николаевич Муравьев. Когда петербургская правительственная мысль уже готова была примириться с началом расчленения России, московское государственное чутье, в лице М.Н. Каткова и М.Н. Муравьева, всей силой своей патриотической энергии восстало против этого недостойного малодушия. Первый — словом, а второй — делом доказали всю великую силу русской государственной мощи, все жалкое бессилие устранивших нас внутренних и внешних врагов.

Вдохновенные статьи Каткова и решительные, мудрые мероприятия Муравьева сразу рассеяли отуманивший нас мираж «польского вопроса» и дали, наконец, князю Горчакову² возможность ответить должным образом на дерзкие угрозы европейской коалиции.

Никто, конечно, осязательным образом не может в точности доказать, какова была бы дальнейшая судьба России, если б эта судьба не была вручена в 1863 году Муравьеву. Но все говорит за то, что, не явись вовремя Муравьев в Вильне, не только достоинство, но и самая территория России потеряли бы тяжкий урон. М.Н. Муравьев посылался из Петербурга не для того, чтобы сохранить за Россией всю западную ее окраину, а лишь, если бы то оказалось возможным, удержать за Россией литовские и белорусские ее губернии: польские же губернии, весь Привислинский край считался в Петербурге уже утраченным!

Таким поручением московское сердце Муравьева удовлетвориться не могло: он поставил себе задачей не уступать врагам ни одной пяди Русской земли, и действительно сокрушил их не только в пределах вверенного ему края, но и в смежных с ним очагах польского мятежа, в Киевском и Варшавском генерал-губернаторствах.

Быстрые и решительные меры, принятые Муравьевым, сразу потушили разгоравшийся пожар и спасли от его губительного действия много тысяч человеческих жизней и миллионы рублей государственного и частного достояния. М.Н. Муравьев понимал тот великий гуманный принцип, который велит жертвовать немногими для спасения многих и предотвращать бесконечные потоки крови показательным применением нескольких строгих, заслуженных кар.

Страшно подумать, во что обратился бы на долгие годы Северо-Западный и Привислинский край, если бы вместо М.Н. Муравьева появился в Вильне человек мягкий, уступчивый, заботящийся не об интересах России, а о своей популярности, дорожащий польской лестью и верящий польской лжи. Варшавский открытый мятеж питался бы неистощимым запасом сил из Виленского края, в котором «все обстояло бы благополучно». Заслуга Муравьева заключается, между прочим, в том, что он вскрыл Виленскую подпольную интригу и заставил шляхетские деньги идти на подавление, а не на поддержание открытого мятежа.

Страшно подумать и о том, что случилось бы, если б угрозы Франции и Англии увенчались хоть каким бы то ни было успехом и послужили бы прецедентом для дальнейшего иноземного вмешательства во внутренние дела России. Россия понесла бы одновременно тягчайшие материальные и нравственные поражения, которые послужили бы преддверием для новых, дерзких и самоуверенных нападений со стороны ее врагов.

Конечно, Россия вышла бы в конце концов победительницей из того тяжелого кризиса, в который ввергло бы ее победоносное польское восстание. Но кто исчислит те жертвы, которые ей пришлось бы принести, пока на ее спасение явились бы такие люди, как М.Н. Муравьев?

Граф Михаил Николаевич предохранил Россию от этого кризиса, а все западные наши окраины — от дальнейших ужасов фанатического мятежа. Мало того, умиротворение вверенных ему губерний было совершено им так быстро, что он немедленно мог приступить к той просветительной, мирной деятельности, которая еще более проявила все богатство его государственного ума. То, что он в какие-нибудь два-три года успел сделать в Северо-Западном крае для пробуждения и укрепления в нем стародавней русской национальной и государственной идеи, отличалось такой разумной и дальновидной прочностью, что плоды его деятельности не только не исчезли из края после его ухода, но продолжали и доселе продолжают широко развиваться в указанном им направлении. Этой деятельностью он давно уже воздвиг себе памятник в сердцах всего местного населения, помнящего, чем был Северо-Западный край до 1863 года, и чем он стал затем благодаря трудам и работам графа Муравьева.

Говорят, что пример графа Муравьева может быть поучительным для наших окраинных государственных деятелей лишь в том случае, если бы снова вспыхнул на окраине вооруженный мятеж.

Это неправда.

Пример графа М.Н. Муравьева равно поучителен как для правителей, призванных *усмирять* мятежный край, так

и для государственных деятелей, призванных *управлять* усмирённым краем, ибо М.Н. Муравьеву дано было явиться образом русского государственного деятеля на окраинах как в бурное, так и в мирное время. И мирная его деятельность, несомненно, еще более заслуживает подражания, чем предшествовавшее ей, вызванное необходимостью, проявление суровой строгости.

Михаил Николаевич при этом в оба периода своей деятельности никогда не тяготился тем, что за ней следила Москва, так как он знал, что он действует вполне согласно со всероссийским духом первопрестольной столицы. Ниже мы приводим свидетельства того, как Муравьев дорожил Москвой, и как Москва дорожила Муравьевым не только в лице своего великого патриота М.Н. Каткова, но и своего первосвященника митрополита Филарета³.

Филарет, Муравьев, Катков. Сколько мыслей вызывают имена этих трех истинных москвичей, а следовательно, и истинных сынов России. Россия могла бы смело смотреть вперед, если бы все Русские чтили память и воодушевлялись примером этих трех бойцов за святость Православной Церкви, за Самодержавие Царского престола, за славу и единство России.

К сожалению, современная Россия слишком способна забывать уроки прошлого, заслуги отошедших в вечность великих людей и оставленные ими заветы. Она не думает о том, что, утратив эти заветы, она впадет в прежние ошибки и накличет на себя прежнюю беду, для отвращения которой у нее, быть может, не будет ни Филаретов, ни Катковых, ни Муравьевых...

П.М. Леонтьев и наша классическая школа

Двадцать пять лет прошло с тех пор, как неумолимая смерть заставила Павла Михайловича Леонтьева¹ расстаться со своим великим другом и соратником Михаилом Никифоровичем Катковым, с развившимся под его тщательным наблюдением изданием «*Московских ведомостей*», с созданным им и столь дорогим его сердцу Лицеум и со всем великим делом

гуманитарного просвещения России, которому он, вместе с М.Н. Катковым, отдал все свои гениальные силы.

Чем был Павел Михайлович для своего друга, — об этом М.Н. Катков сам поведал в свое время на страницах своей газеты в таких вылившихся из наболевшего сердца трогательных словах, что их и ныне нельзя читать без глубокого умиления.

Чем был Павел Михайлович для Лицея Цесаревича Николая², это и доселе живо чувствуется в стенах Лицея, который, в сущности, и теперь еще живет и, надеемся, всегда будет жить той жизненной энергией, которую при его создании вложил в него его незабвенный основатель. Свято хранится в Лицее не только память о П.М. Леонтьеве, но свято соблюдаются и утвержденные им образцовые порядки, которым Лицей главным образом и обязан своим процветанием.

На нашу долю выпадает задача очертить сегодня хоть несколькими словами великие заслуги Павла Михайловича относительно просвещения России.

Конечно, во всей многосложной и многополезной деятельности П.М. Леонтьева трудно отделить его личные заслуги от заслуг М.Н. Каткова, до такой степени они тесно сливались в своих мыслях, трудах и надеждах. Но едва ли мы ошибемся, если в великой школьной реформе 70-х годов, проведенной по повелению Императора Александра II тогдашним министром народного просвещения графом Д.А. Толстым³, всю *подготовительную* работу поставим в заслугу П.М. Леонтьеву, а всю победу света над мраком путем убежденного и убедительного слова припишем по справедливости М.Н. Каткову.

Подготовительная работа к школьной, как и ко всякой иной государственной, реформе, может быть двоякая. Признав настоящее положение школы неудовлетворительным, можно либо пускаться в разные фантазии относительно ее улучшения, либо найти тип действительной, уже существующей, хорошей школы, изучить его и найти способ к его осуществлению при данных условиях реформируемой школы. Первый способ легкий, общедоступный, но и не серьезный. Второй способ по своей трудности и сложности под силу лишь уму

глубокому и широко образованному, но он один и может приносить полные плоды.

Таков именно и был ум Павла Михайловича Леонтьева, и он, естественно, не мог остановиться на первом фантастическом способе приготовления школьной реформы. В тиши своего рабочего кабинета он не «сочинял» какой-либо «своей» гимназии; он искал способы поставить русскую гимназию на тот же высокий научный уровень, на котором стоят гимназии западноевропейские; он трудился над той задачей, над которой только и может трудиться серьезный человек, радеющий об истинном научном просвещении России.

Мы понимаем, что могут находиться люди, которые, поверхностно изучив дело, скажут, что П.М. Леонтьев решил эту задачу неудовлетворительно; но мы не понимаем, как могут находиться люди, претендующие на серьезность, которые прямо отрицают необходимость постановки этой задачи!

Одно из двух: либо русская наука должна стоять во веки вечные *ниже* европейской науки, или она должна возвыситься до ее уровня. В этом случае и русские университеты должны непременно стоять на том же уровне, на котором стоят лучшие европейские университеты, а именно университеты Германии, Франции и Англии. Эти университеты стоят высоко в научном отношении не только потому, что в них учат хорошо подготовленные профессора, но *главным образом* потому, что в них учатся *специально подготовленные к научным занятиям студенты*. В этой специальной гимназической подготовке будущих студентов заключается вся сила европейских университетов, вся сила европейской науки. Ввиду этого нам безусловно необходимо, чтобы и наши университеты обладали этой силой, чтоб и наши студенты приступали к своим занятиям *с такой же*, испытанной веками, научной подготовкой, как и западноевропейские студенты.

Тут нет места *фантазиям*, тут очевидные, убедительные, неоспоримые *факты*. Западноевропейская средняя школа дает прекрасные научные результаты; необходимо, чтоб и наша средняя школа давала такие же результаты. Чему обяза-

на западная школа этими результатами? Своей классической системе, которая безусловно преобладает в средних научных школах Германии, Франции и Англии, при всем различии их в остальной своей организации. Очевидно, что и наша средняя научная школа достигнет тех же блестящих результатов, как и западная школа, если она пойдет по общему с ними классическому пути, и чем ближе она будет придерживаться этого неоспоримо столь плодотворного на Западе пути, тем ближе она будет подходить к западным научным школам по своим результатам.

Такова была простая логика, которой неуклонно придерживался П.М. Леонтьев в своих работах, подготовивших нашу школьную реформу 1872 года. Раз наметив себе ясный, определенный путь, он тщательно изучил организацию германских, французских и английских средне-научных школ, сравнил эти организации между собой, вывел из этого сравнения все существенно важное и необходимое, подлежащее применению к нашей средне-научной школе в том виде, в каком ее заставляла школьная реформа графа Толстого, и указал графу те способы, посредством которых это применение могло быть осуществлено.

Сразу догнать нам европейскую школу было немыслимо: у нас не было ни готовых учебников, ни готовых дидактических методов. Все нужно было создавать, и притом создавать постепенно, систематически, распределив осуществление полной реформы на десятки лет, по истечении которых наша гимназия стояла бы во всех отношениях на том же высоком уровне, на котором стоят западноевропейские средне-научные школы.

Ввиду этого, осуществив более полный идеал европейской гуманитарной школы в своем Лицее, который должен был самостоятельно вырабатывать и действительно выработал превосходные дидактические приемы, Леонтьев предложил графу Толстому план гимназической реформы, которая должна была с 1872 года постепенно вводиться, постепенно совершенствоваться и расширяться, постоянно стремясь достиг-

нуть европейского идеала, от которого в силу непреодолимых обстоятельств она в 1872 году была еще очень далека.

К сожалению, надеждам П.М. Леонтьева не дано было осуществиться. Гимназическая реформа, введенная в 1872 году, стала действительно выходить из своего зачаточного состояния и с каждым годом понемногу совершенствоваться благодаря личному за ней наблюдению П.М. Леонтьева. Но внезапная смерть его, последовавшая уже в 1875 году, положила конец этому развитию наших гимназий, и они на 35 лет замерли в своем недоразвившемся состоянии, и не только не пошли вперед по пути к своим высоким идеалам, но пошли даже от них в обратную сторону!..

Причин этому прискорбному явлению было много, главная же заключалась в том, что граф Д.А. Толстой был после 1875 года парализован в своей реформаторской деятельности усилившимся против него натиском политических противников, которые сломили временно его силу в 1880 году. С этого времени в течение нескольких лет в наших гимназиях свирепствовала буря легкомысленнейшей беспринципности, погубившая немало свежих ростков, только что успевших пустить корни на нашей педагогической ниве; а когда, при графе И.Д. Делянове⁴, наступила эра покоя и порядка, то пришлось более думать о лечении ран, только что нанесенных нашей гимназической системе, чем о дальнейшем ее развитии. А в учебном деле не идти вперед — значит идти назад.

Вот почему наши гимназии остались со времени смерти П.М. Леонтьева недоразвившимися организмами, ждущими нового могучего толчка к тому, чтобы бодро шествовать вперед по пути все к тому же вечному общечеловеческому идеалу средне-научной школы, который для нас все по-прежнему является в образе западноевропейской гуманитарной школы.

Дождутся ли наши гимназии этого животворного призыва к настоящему их великому назначению — быть *такими же* серьезными и плодотворными рассадниками будущих студентов, специально подготовленных к научным занятиям, какими являются средне-научные школы Западной Европы? Это по-

кажет будущее. Пока же мы слышим лишь хаос всевозможных голосов, предлагающих перекроить наши гимназии на тысячу разных фантастических образцов. И что же? Почти невероятно, но среди этого хаоса не раздалось *ни одного голоса*, который указал бы на единственно верный путь к усовершенствованию наших гимназий, к продолжению глубоко и зрело обдуманной реформы П.М. Леонтьева, к приближению наших гимназий к их западноевропейскому идеалу. Все упорно молчат об этом идеале, он как будто не существует для них, одни — потому что они просто его не знают, а другие — потому что они его не хотят знать!

До чего доходит некомпетентность наших критиков, видно уже из того, что все они говорят о наших гимназиях со всевозможных точек зрения, но все с каким-то слепым единодушием отождествляют наши жалкие гимназии с самим классицизмом и, забравывая наши гимназии, забравывают вместе с тем и классицизм! Эти изумительные реформаторы не подозревают даже, какое громадное пространства отделяете наш псевдоклассицизм от *истинного* европейского классицизма. Они даже и не сравнивают наши гимназии со средне-научными школами Германии, Франции и Англии, а прямо сознательно отстраняют самую мысль о таком сравнении и похваляются своим невежеством в деле западноевропейской педагогики, прикрываясь флагом «национальной» школы! «Мы хотим», говорят они, «чтоб из русских школ выходили Русские люди, а не какие-то там немцы, греки или римляне».

Эти суждения далеко не новы: они раздавались и тридцать лет тому назад, когда у нас шла великая борьба за классическую школу, которая окончилась столь блестящей победой ее великого поборника М.Н. Каткова. Он вместе с тем был и высшим поборником нашей *русской национальной идеи*, и его всегда донельзя возмущал упрек его врагов, будто он ратует за какую-то «антинациональную» школу.

«Этот упрек, — неоднократно говорил он близким ему сотрудникам, — свидетельствует о величайшем невежестве тех, кто его произносит. Нет на свете более национальных

школ, чем школы Германии, Франции и Англии, в которых на первом плане стоит изучение древних классических языков и литератур. Из этих школ не выходят какие-нибудь лже-римляне, или псевдо-эллины и не жалкие космополиты, а *настоящие немцы, французы и англичане*. Почему же из наших классических школ не будут выходить точно так же *настоящие русские*? Напротив того, все наши отрицатели национализма вышли из неклассических школ. Классическая литература не разрушает, а укрепляет в душах юношей общую идею национальности, истинный же дух местной национальности передается им не преподаваемыми *предметами*, а преподающими живыми *людьми*. Увеличьте число истинно русских, истинно православных преподавателей, и вы гораздо более сделаете для национализации наших гимназий, чем если вы увеличите число уроков русской истории или русской словесности, поручив преподавание этих предметов какому-нибудь нигилисту, который, благодаря именно этому обилию уроков, сумеет вытравить из русских детей последние следы их природного национального чувства».

Те же взгляды постоянно высказывал и П.М. Леонтьев, доказывая, что классическая школа является национальной школой по преимуществу, подходя исторически своей древне-греческой частью столь же близко к нашей русской культуре, насколько близко она подходит своей древнеримской частью к культуре западных народов, но служа вместе с тем для всего образованного человечества хранилищем драгоценнейших первоисточников общеевропейской культуры.

Да хранит же Господь нашу многострадальную среднюю школу от новых разрушительных бурь легкомысленного прожектерства, от всякой не только внезапной ломки, но и медленной порчи, которая еще более оторвет ее от общечеловеческих культур и научных идеалов. Наша школа нуждается в усовершенствовании и в дальнейшем развитии по тому единственно правильному пути, который подготовил ей П.М. Леонтьев, к которому ее призвал М.Н. Катков и на который ее поставил, но, к сожалению, не повел, граф Д.А. Толстой.

Рано или поздно русская гимназия должна будет вернуться на этот путь, если только России не суждено вечно находиться в положении недоучившегося ученика Европы.

Но чем позднее наступит этот момент, тем труднее будет нашим школам сравняться с западноевропейскими научными школами, которые нас не ждут, а постоянно идут вперед по своему веками испытанному пути.

В течение всего истекшего столетия наша средне-научная школа шла *вперед* лишь в 30-х и 40-х, да в 70-х годах, остальные же семь десятилетий она находилась либо в регрессе, либо в застое. При таких условиях ей трудно догонять научные школы Франции, Англии и в особенности Германии. Если предстоящая реформа нашей гимназии не подвинет ее вперед по направлению к западноевропейской средне-научной школе, она подвинет ее назад, и нам еще долго придется ждать, пока осуществится мечта М.Н. Каткова и П.М. Леонтьева о возвышении наших научных школ до уровня школ европейских.

Вот почему все Русские люди, которым дороги интересы истинно-научного просвещения России, всегда будут свято хранить память этих двух великих реформаторов русской научной школы и будут дружно отстаивать дальнейшее развитие подготовленной и начатой ими реформы, столь внезапно прерванной двадцать пять лет тому назад вместе с прервавшейся жизнью незабвенного Павла Михайловича Леонтьева.

Вячеслав Константинович Плевэ

Это был в полном смысле слова государственный человек¹.

Он, несомненно, представил бы собой крупное явление в любую эпоху нашей истории, а среди современных нам развинченных, надорванных характеров он возвышался истинным гигантом своею *ясною мыслью, глубоким умом, железною волей и золотым сердцем*.

Счастлирое, гармоническое сочетание этих, столь редких самих по себе качеств в одном человеке делало его в высшей степени обаятельным для всех, кто приближался к нему, хотя

и для простой с ним беседы, не говоря уже о тех, кто находился в постоянных с ним сношениях, имея таким образом полную возможность близко изучить и по достоинству оценить все различные стороны его цельной, вполне уравновешенной, индивидуальности.

Ясность мышления была его первым, тотчас же бросающимся в глаза, качеством, отличавшим его в особенности в высших петербургских сферах от всей этой массы изящно говорящих и смутно мыслящих, поверхностно любезных людей, которые сперва чаруют и затем разочаровывают всех нас, русских «провинциалов», в особенности москвичей. Можно с уверенностью сказать, что никто никогда такого разочарования в Вячеславе Константиновиче не испытывал. В нем тотчас же сказывался солидно образованный питомец Московского университета, глубокий ум которого прошел строгую логическую дисциплину и привык не скользить над представляющимися ему вопросами и задачами, а подвергать их серьезному аналитическому изучению. Он умел внимательно слушать своего собеседника, а потому и вполне его понимать; он умел излагать свои собственные мысли с такою категорическою ясностью, что собеседник, в свою очередь, вполне понимал его мысли, желания или советы и расставался с ним с чувством полного удовлетворения. Все подчиненные покойного министра всегда в точности знали, чего он от них требовал, а потому легко и охотно исполняли эти требования.

— Вы не поверите, — говорил нам один из старых губернаторов, — какое блаженство служить при таком министре, с которым никаких недоразумений у меня быть не может, так как я в точности знаю, чего он от меня ждет, а он, в свою очередь, отдает себе совершенно ясный отчет в том, чего я жду от него.

А другой, непосредственно подчиненный Вячеславу Константиновичу, администратор выразился о своих деловых, служебных беседах с ним в таких словах:

— Каждая из этих бесед является для меня практическою лекцией государственной философии. Слушаешь и не знаешь, чему более удивиться, громадному ли всеобъемлющему поли-

тическому опыту «профессора», глубине ли его мыслей или ясности их изложения. И никогда ни одной пустой фразы, ни малейшего риторического эффекта! Я помню еще Валуева²: того можно было заслушаться, так красиво он говорил, а как очнешься, так и не вспомнишь, что он собственно хотел сказать. У Вячеслава Константиновича совсем не то: его речь вас не очаровывает какою-либо блестящею красотой; зато она вас просвещает, научает и оставляет такое неизгладимое впечатление, что вы затем до конца жизни будете помнить каждое ее меткое, глубоко продуманное слово. Ах, какой он умница!

Да, его действительно можно было назвать «умницей». Он быстро распознавал и схватывал сущность самых сложных явлений, тотчас же находил верное решение трудных, запутанных задач, проявляя при этом такую живую инициативу и такие оригинальные приемы, что он ими иной раз озадачивал людей, привыкших к более шаблонной рутине в своей государственной деятельности. Но это не были приемы какого-нибудь «гениального дилетантизма», для которого не существует никаких, ни юридических, ни логических, законов, и который старается *epater le bourgeois*³ широкими размахами своего необузданного фантастического произвола. С другой стороны, это не были приемы хитроумного клязуничества и коварного крючкотворства, исходящие из тонкого, ехидного инквизиторского ума, всегда готового совершить величайшие беззакония «на законном основании»: нет, это были приемы столь же легальные, сколько и лояльные, ибо одна из драгоценных характерных черт В.К. Плеве была его благодарная откровенность. Он имел, как выражаются французы, «мужество своих мнений» и всегда их прямо высказывал; как это делают люди со здоровым умом, с цельным характером. Данного им слова он никогда не изменял и не нарушал; это твердо знали как его друзья, так и его враги, всегда ясно понимавшие *a quoi s'en tenir*⁴. Но если он не стеснялся всем в глаза говорить правду, то, в свою очередь, и он умел выслушивать ту правду, которую ему говорили в глаза, если даже она, по-видимому, должна была ему и не нравиться. На самом же деле он, как умный человек,

выше всего ставил полную, искреннюю правду и, выслушав ее, всегда был за нее благодарен.

Но зато всякую ложь он глубоко ненавидел и боролся с ней с той *железной энергией*, на которую мы указали как на третье его выдающееся качество. Он не мог мириться ни с фальшью, ни с обманом, а так как вся наша либерально-революционная пропаганда всецело зиждется на подлой лжи и бессовестном обмане, распространяемых и в народе, и в обществе, и в школе, и в печати, прибегая вместе с тем к самым гнусным подпольным средствам, — то весьма понятно, что честная, благородная душа В.К. Плеве должна была возмущаться этою пропагандой и объявить ей беспощадную войну. Непоколебимая твердость его воли проявлялась, однако, не в одной только этой борьбе. Ее чувствовали и ценили все его подчиненные, которых она постоянно побуждала к неуклонному, беззаветному исполнению своего долга и к тому неустанному труду, которому он сам подавал пример своею неутомимою, всегда ровною, бодрою и плодотворною деятельностью. Каждую меру, которую он признавал полезною, он приводил в исполнение с систематическою последовательностью, какие бы препятствия он ни встречал на своем пути; все намеченные им обширные реформы он, безо всякого сомнения, привел бы к успешному завершению, если б ему не было суждено столь преждевременно расстаться с жизнью и с тем служением Родине, которому эта жизнь всецело была посвящена.

Но было бы ошибочно отождествлять его твердую волю и систематическую настойчивость с каким-либо слепым упрямством. Люди с глубоким, ясным умом никогда упрямыми не бывают, то есть никогда не настаивают на своем мнении, коль скоро их убедят в его неосновательности. К тому же, как мы сказали, Вячеслав Константинович обладал еще одним качеством, которое совершенно исключает сухое, узкое упрямство. Мы говорим об его поистине *золотом сердце*, которое так высоко ценили все близко знавшие его люди. Никто не умел так входить в чужое положение, так вникать в чужую нужду, как

этот «грозный Олимпиец». Богатый жизненный опыт и природная доброта делали его душу доступною самым искренним, горячим побуждениям, и мы лично знаем много примеров, когда покойный министр являлся истинным христианином не только по вере, но и по делам. Сделать кому-либо добро было великою для него радостью, и он неоднократно говорил, что его высокое положение имеет для него лишь одну привлекательную сторону — большую возможность делать добро. Эта его доброта удивительно сочеталась и с его открытым, благородным характером, и с его твердою волей, и с глубоким ясным умом, так что все эти качества взаимно друг друга дополняли, вызывая ту спокойную, гармоническую уравновешенность, которая и составляла основную характерную черту в его государственной деятельности.

Много еще увидит Россия министров внутренних дел, которые будут отличаться теми или другими достоинствами, но едва ли многие из них будут обладать тем редким сочетанием качеств, которое составляло индивидуальную особенность нашего незабвенного Вячеслава Константиновича, и в этом отношении мы понесли в нем, действительно, незаменимую утрату...

Николай Иванович Бобриков

Мы назвали (№ 153) мученически скончавшегося генерала Бобрикова¹ «образцовым окраинным генерал-губернатором».

Объяснимся.

Нет такого государства в мире, в котором окраинные провинции имели бы такое выдающееся государственное значение, как в России. Не только по своему географическому положению, но и по характеру своего населения, и по прошлой своей исторической жизни русские окраины представляют, каждая в отдельности, целый конгломерат серьезных и сложных задач, которые разрешить может только человек высокого государственного ума, серьезного, разностороннего образования и твердой, разумной воли.

Таким именно человеком и был Николай Иванович Бобриков.

Мы помним его в то еще время, когда он, в 1897 году, только что готовился к тому высокому посту, к которому его призывала Высочайшая Воля. Окружив себя всей доступной ему исторической литературой по финляндскому вопросу, он по целым дням предавался серьезному его изучению.

— Я не хочу, — говорил он, — явиться в край с тем, чтобы там на месте изучать его историю под руководством тех самых лиц, которые так усердно и так искусно его исказили. Пусть они с первых же моих шагов узнают, что я нахожусь во всеоружии подробного знания их предшествующей деятельности. Тогда у них пропадет охота ставить мне западни и ловушки.

Когда мы в прошлом году в беседе с Николаем Ивановичем напомнили ему эти слова, он с улыбкой нам ответил:

— Ну, положим, я ошибся: они все-таки вначале ставили мне немало западней и ловушек, так как никак не могли поверить, что я уже в тонкости успел изучить их софизмы. Они не были приучены к тому, чтобы чужать в русском государственном человеке серьезного знатока финляндского вопроса. И действительно, если б я в 1897 году не подготовился основательным образом к теперешней моей должности, я на первых же порах невольными ошибками испортил бы все дело и скомпрометировал бы свое положение. Правда, я изучил тогда лишь половину того, что мне нужно было знать; другую половину я изучил на месте. Но она была бы для меня совершенно недоступна без той первой, основной половины.

Нам невольно приходят на память слова другого государственного деятеля, отправлявшегося на один из важных окраинных постов. На наш вопрос, ознакомился ли он с историей того края, в котором ему предстояло действовать, он ответил:

— Нет, извините, я книжек не читаю; мне нужна живая жизнь, а не мертвая буква.

Очень довольный этой фразой, которую может выставить в свое оправдание всякое легкомысленное невежество, мой сановник отправился в назначенную ему окраину, окунулся в

«живую жизнь», ничего в ней не разобрал и, барахтаясь, наделал столько ошибок, что потом и сам не знал, как из них выпутаться.

К тому же 1897 году относится и другой высказанный Николаем Ивановичем принципиальный взгляд на отношение окраинного генерал-губернатора к своим предшественникам.

— Я ясно вижу, — говорил он, — в чем грешили прежние генерал-губернаторы Финляндии. Но раз я буду назначен на этот пост, я никогда не позволю себе указывать населению на мое разногласие с лицами, занимавшими этот пост раньше меня. Если вообще жалоба преемника на своего предшественника является признаком дурного воспитания и ограниченно-го ума, то такая жалоба на наших окраинах является той ошибкой, которая, по пословице, «хуже преступления».

— Почему именно?

— А потому, что все наши окраинные вопросы возникли, в сущности, из непоследовательности и вечных противоречий нашей политики. А потому на окраинах генерал-губернаторы со своей, по крайней мере, стороны не должны содействовать уверенности местного населения в непрочности правительственных мероприятий.

Мы неоднократно имели впоследствии возможность проверить глубокую основательность этого мудрого правила. Сколько раз приходилось нам видеть прискорбную картину окраинных администраторов, открыто похвалявшихся тем, что они систематически уничтожают благотворные мероприятия своих предшественников, к великой радости злейших врагов России!

Н.И. Бобриков приступил к своему служению Русской идее на финляндской окраине с заранее составленным планом, распределенным в последовательном порядке на целый ряд лет. Встречавшиеся инциденты в финляндской жизни вносили в этот план те или другие поправки, но в основных своих чертах он оставался неизменным. Шаг за шагом, с верным, почти математическим, расчетом, Н.И. Бобриков отвоевывал у финляндского сепаратизма те позиции, которые он обманым

образом, пользуясь нашим благодушным слепым доверием, занял в начале XIX столетия, и на которых он, как казалось, так прочно укрепился под шум наших «великих реформ» во второй половине того же столетия.

Русские люди, не посвященные в этот систематический план финляндского генерал-губернатора, склонны были, в особенности на первых порах его деятельности, обвинять его в чрезмерной медлительности, удивляясь, что он не принимает той или другой решительной меры против махинаций финляндских крамольников.

— Я теперь еще не могу принять этой меры, — говорил Николай Иванович тем, кто ему высказывал такие упреки, — так как я решил принять ее лишь по прошествии (такого-то) времени, когда предварительно будут осуществлены законным порядком другие меры, без которых данная мера должного значения иметь не может. Потерпите, всему придет свой срок.

С железной энергией, с несокрушимой силой воли, при неутомимой дневной и ночной работе совершал свое великое дело этот истинно русский богатырь, служа верой и правдой Царю и России.

Да, это действительно был образцовый окраинный генерал-губернатор: он явился на свой пост с серьезной подготовкой, с должным уважением к преемственным традициям Русской Государственной идеи, с глубоко и зрело обдуманном планом действий и с несокрушимой волей отдать себя всецело на служение этой идее и на осуществление этого плана.

Трудно будет заменить такого выдающегося государственного деятеля, тем более, что в Финляндии теперь нужен генерал-губернатор именно бобриковского закала, человек, в тонкости знающий финляндский вопрос и имеющий полную возможность и силу разрешить его в тех твердых нормах, которые были указаны Н.И. Бобрикову Верховной Властью и которых он с таким неуклонным, доблестным самоотвержением держался до последнего своего издыхания...

ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ РОССИИ

1899 год

Идя навстречу новому столетию, Россия продолжает неустанно трудиться над постепенным развитием и усовершенствованием своего многосложного государственного организма.

Нелегка эта работа, так как нам во всех почти областях нашей государственной и общественной жизни приходится одновременно не только приспособляться к новым, вечно меняющимся условиям нашего исторического поприща, но и исправлять допущенные в прежнее время ошибки, тормозящие, до известной степени, полный ход государственного развития великой Российской Империи. Нет никакого сомнения, что ее богатые силы рано или поздно справятся с этими задачами, и что великая мощь России развернется тогда во всю свою ширь. Но пока нам приходится, не унывая, прилагать немало энергии к решению как той, так и другой задачи.

Истекший 1899 год был тоже свидетелем этой двойной работы, начавшейся с тех пор, как в Бозе почившему Императору Александру III пришлось стать у кормила правления и твердой рукой направить государственный корабль на прямой и верный путь, с которого он временно сбился среди поспешного и недостаточно осмысленного осуществления великих и прекрасно задуманных реформ предшествовавшего царствования. Легкомыслие в государственных делах всегда карается тяжкими последствиями, устранить которые иногда не в силах целый ряд поколений при самом искреннем желании, при самой серьезной энергии.

Наглядным тому доказательством служит наш злополучный дворянский вопрос, который возник у нас с тех именно

пор, как, вопреки ясно выраженной Воле Царя-Освободителя судьба русского дворянства оказалась в руках людей, — в том числе, к сожалению, и некоторых представителей самого дворянства, — которые заранее в уме своем поставили крест на существовании доблестного служилого сословия России и затем четверть века не без успеха упорно трудились над разорением и гибелью дворянства.

И вот теперь, когда печальные последствия этой ошибочной политики стали для всех очевидными, приходится с неимоверным трудом, среди всевозможных препятствий соиздать новое русское дворянство на развалинах старых дворянских традиций.

В истекшем 1899 году были положены первые камни нового здания в силу твердовыраженной Воли Государя Императора, проявившейся, между прочим, и в назначении для упорядочения внутренних дел России государственного человека¹, открыто, на деле заявившего свое глубокое понимание того великого значения, которое имеет для России дворянство.

Упорядочение внутренних дел России! Где оно начинается, где оно кончается? Вольные и невольные прегрешения исполнителей великодушной воли Александра II подорвали не одно наше дворянство. Они одновременно в корень разорили и другое великое сельское сословие России — наше несчастное крестьянство, погубив этим и наше сельское хозяйство, бывшее искони основой действительного богатства России. Кто исчислит все последствия этой разрушительной политики? Сколько приходится принимать разнообразных мер для того, чтобы восстановить расшатанный порядок в нашей сельской жизни и чтобы воскресить на местах необходимое согласие и взаимные трудовые отношения между помещным дворянством и крестьянами!

Все эти задачи с особенной наглядностью выступили разом, как в одном фокусе, в истекшем году, настоятельно требуя немедленного разрешения. А немедленно разрешить их невозможно, тем более, что к прежним ошибкам присоединилось у нас немало новых увлечений, еще более нарушивших наше

внутреннее экономическое равновесие. Но увлечения эти несомненно скоро отойдут в область прошлого, так как теперь уже ясно осознана необходимость одновременного гармонического развития всех экономических сторон России.

А потому, ясно поняв, где находится истинный путь нашего внутреннего государственного и экономического возрождения, мы должны с удвоенной энергией направиться по этому пути и впредь уже стойко его держаться.

Тогда мы будем иметь полное основание рассчитывать на здоровое, нормальное развитие всей нашей внутренней и внешней жизни.

Эта вера в предстоящий нам успех должна придать нам еще большую энергию в нашем неустанном труде над разумным исправлением как прежних, так и *новых* наших ошибок, которые мы, к сожалению, встречаем не в одной лишь экономической, но и в других областях нашей государственной и общественной жизни.

Истекший 1899 год был грустным свидетелем тяжких последствий одной из подобных новых ошибок. Нам уже неоднократно приходилось указывать на те искажения нашего университетского Устава, только что введенного в 1884 году с целью упорядочения нашей университетской жизни. Искращения эти до такой степени извратили и расстроили все отдельные, тесно между собой связанные части нового Устава, что вместо упорядочения получилась полнейшая дезорганизация наших университетов, вызвавшая те доселе небывалые у нас грустные явления, которые омрачили всероссийское национальное торжество, к которому так радостно готовилась Россия, стремясь загладить свои прежние заблуждения и восстановить во всей чистоте лучезарное имя своего величайшего поэта². Пришлось и здесь, в университетской жизни, приступить к сложной работе постепенного устранения допущенных ошибок, которые ни в одной области не ведут к таким пагубным последствиям, как в области воспитания юношества. Здесь каждая необдуманная, легкомысленная мера может иметь роковое значение на долгие годы и для всего государства. А мы, к сожалению, всегда так

склонны решать вопросы воспитания и образования с легкой фантазией, не смущаемой серьезным знанием дела!

Исправлять прежние ошибки — вот одна из главных задач нашего времени, без исполнения которой мы вперед двинуться не можем. Достаточно вспомнить, сколько ошибок наделали мы в нашей окраинной политике, хотя бы в одном финляндском вопросе, чтобы понять всю необходимость и, вместе с тем, всю невероятную трудность их исправления.

Иstekший год ясно показал, к чему привели наши прежние поблажки финляндским политикам: они не привлекли их к России, а оттолкнули от нее, и теперь, когда насущные интересы Империи требуют принятия важных общегосударственных мер для блага России, финляндцы не хотят знать Россию, не хотят даже подчиняться ясно выраженной Царской воле! Конечно, им придется в конце концов смириться пред этой волей; но сколько еще потребуется для достижения этого конечного результата, искупительных трудов и жертв России за допущенные ею прежде необдуманные увлечения!

Мы, однако, обязаны не только постоянно исправлять наши старые грехи, но и тщательно остерегаться новых.

Девятнадцатый век, — век *парламентаризма*, — приходит к концу; наступает новый век — век *социализма*.

Парламентаризм, начиная с 60-х годов истекающего столетия, грозил охватить Россию и подорвать все ее жизненные силы. Благое Провидение дало нам возможность устоять против этой опасности и отдалить ее навсегда от пределов нашего отечества. Даже самые отсталые, закоренелые защитники парламентаризма, мечтавшие о водворении его в России, постепенно умолкают, по мере того, как в парламентарных странах все яснее обнаруживаются ужасные язвы этого нелепейшего из всех политических учреждений. Русские парламентаристы, слава Богу, отодвинулись теперь на задний план; зато на первый выступили новые и более опасные в настоящее время враги русского государственного и социально-экономического строя — проповедники социализма во всех его разнообразных видах. Искусственное, лихорадочное развитие русской про-

мышленности окрылило их великими надеждами на быстрое развитие у нас громадных масс рабочего пролетариата; ибо в этом развитии они видят первое условие для «борьбы с капиталом», о которой они мечтают с целью переустройства или, вернее сказать, расстройтва всего нашего государственного и общественного быта.

Вот та опасность, с которой нам придется считаться самым серьезным образом как в настоящее время, так и в течение, по крайней мере, первой половины будущего столетия, ввиду того, что социализм, по всей вероятности, будет быстро и успешно развиваться в конституционных государствах, обессиленных парламентаризмом.

Ввиду этой увеличивающейся с каждым днем опасности упорядочение наших внутренних дел становится особенно сложным и трудным. Социализм под различными наименованиями имеет уже и у нас твердые позиции в самых разнообразных частях нашего государственного организма, а потому Правительству приходится напрягать всю свою бдительность и энергию, чтобы распознавать его под той или другой невинной, по-видимому, личиной, ставить преграды его распространению и искоренять его всюду, где бы он ни появлялся.

Могущество России зависит прежде всего от ее внутренней здоровой мощи. Мировое значение ее обуславливается не только необъятной обширностью ее владений, не только неистощимостью ее неизмеримых боевых сил, но прежде всего несокрушимостью ее внутренней государственной организации, покоящейся на беспредельной преданности ее 130-миллионного населения единой Воле Самодержавного Царя.

Вот почему нам необходимо пуще всего беречь незыблемость этого устоя и тщательно устранять все, что может так или иначе подточить или поколебать его. Обширные владения и бесчисленное население тогда лишь имеют первостепенное мировое значение, если они связаны воедино одним общим великим и живым идеалом прочного государственного

и культурного Самодержавного строя, которым в настоящее время во всей Вселенной обладает одна только Россия.

Если Всевышний сохранит и в грядущие времена этот единственный драгоценный залог величия и славы России, то и Верховный Вождь ее — Русский Православный Царь сохранит навеки то неоспоримо преобладающее международное положение, которое даст Ему возможность довершить, до окончательного осуществления, великую идею всеобщего мира, впервые провозглашенную в истекшем году на международном совете всех государств ныне благополучно царствующим Императором России³.

Осуществление этой идеи, конечно, потребует упорного и терпеливого преодоления многих препятствий, пока так или иначе не будут укрощены дикие страсти алчности и своеволия, присущие, к сожалению, даже иным, казалось бы, высококультурным государствам. Особенно разителен в этом отношении пример Англии, омрачившей истекший год, ознаменованный только что упомянутым торжеством мира, одной из самых возмутительных по своей несправедливости и бесчеловечности войне, которые когда-либо были занесены на скрижали истории человечества⁴.

Пока в Европе существуют государства, способные возбуждать такие войны, высокогуманная мысль России останется лишь в области великих и светлых идеалов. Она приблизится к своему действительному осуществлению, лишь когда все государства укротят свои воинственные страсти в сознании непреоборимого могущества России и непреложности ее твердой воли.

Это могущество и эта воля будут тем непобедимее, чем с большей самостоятельностью и независимостью будет развиваться по своим вековым историческим путям государственная и социально-экономическая жизнь России, опираясь на гармоническое, строго национальное развитие всех своих природных, сельскохозяйственных, торгово-промышленных, воспитательных и просветительных сил, под сенью Святой Православной Церкви и неограниченного Царского Самодержавия.

Мировое значение китайского вопроса

Мы печатаем статью о китайском вопросе Вл.С. Соловьева¹, написанную им незадолго до его кончины (см. *Моск. Вед.* 1900 г., № 246).

Как глубокий мыслитель, покойный философ не мог относиться к этому вопросу с тем поверхностным легкомыслием, с каким к нему отнеслась и до сих пор относится почти вся русская печать, не предвидевшая всей важности китайского кризиса, не понимавшая его сущности и считающая его ныне почти уже законченным, когда он только что начинает проявляться во всем своем мировом значении.

Для мелких людей все мелко, мелочно и ничтожно; они могут охватить своим умом лишь внешнюю форму отдельного события, понять же его внутреннее значение и определить то место, которое оно занимает среди других событий на общем фоне мировой истории, — это выше их сил, а потому и никакого интереса для них не представляет. Философия истории для них — совершенно неведомая область, которая их к тому же смущает своими грандиозными перспективами, а потому они ограничиваются поверхностным обсуждением последней телеграммы, пришедшей с Дальнего Востока, не заглядывая в сущность той великой эволюции, которую ныне Дальний Восток переживает.

Вл.С. Соловьев, подобно другим дальновидным философам всемирной истории, давно уже предвидел и предсказал эту эволюцию, в которой он чуял первые признаки грядущего «панмонголизма»²; да, впрочем, не видеть этих признаков нельзя было сколько-нибудь серьезному и мыслящему человеку, — до такой степени они были ясны и убедительны. Но, к сожалению, большинство тех людей, которые влияют на наше общественное мнение, ни серьезностью, ни вдумчивостью не отличается.

Первые вести о страшных событиях в Китае³ оставили этих людей равнодушными, так как они были уверены, что события эти носят лишь случайный, преходящий характер и уж, конечно, никакого отношения к России не имеют. О том,

что эти события знаменуют собой начало новой исторической эры, — об этом никто из этих господ и не думал, да до сих пор и не думает. Они убеждены, что с настоящим китайским кризисом можно «как-нибудь» покончить, и что затем Китай тотчас снова погрузится в свой многовековой сон.

Но в том-то и заключается новая эра мировой истории, что Китай окончательно проснулся и стал, как непримиримый враг, лицом к лицу ко всем своим соседям. Одних он боится, других презирает, но всех одинаково ненавидит. На историческую арену выступили для единоборства монгольская и христианская культура, Европа и Азия, и единоборство это, очевидно, продолжится не год, не два, а с большими или меньшими перерывами целые десятки, а может быть, и сотни лет.

Кто останется победителем в этой мировой борьбе? Как следует обеспечить себе окончательную в ней победу? Когда наступит решительный момент этого великого кризиса? Чем ознаменуется торжество той или другой стороны? — Вот вопросы, достойные серьезного обсуждения.

Но не ждите, чтобы эти вопросы интересовали наших петербургских публицистов, так как они уверены, что как только иностранные послы столкнутся с Ли Хун Чаном, китайский вопрос благополучно сойдет со сцены и можно будет заняться другими «злободневными» темами.

Грядущие события обнаружат всю мелочность этих близоруких людей; они пренаивно удивились бомбардировке Благовещенска и еще более удивились тому, что так тщательно был подготовлен китайский поход против России на Маньчжурской границе⁴. Они, несомненно, удивятся с такой же наивностью еще многому другому, пока, наконец, не убедятся в том, в чем Вл.С. Соловьев и другие серьезные мыслители давно уже были убеждены, — в зарождающемся мировом христианско-монгольском кризисе.

Кризис этот предугадан и предсказан был Соловьевым с неопровержимой логической точностью.

В одном лишь отношении нельзя согласиться с мнением преждевременно почившего философа.

В конце своей статьи он приводит суждение своего отца, покойного историка С.М.Соловьева, о том, что «история человечества пришла к концу», на том-де основании, что на смену грекам пришли римляне, на смену римлянам пришли германцы и славяне, на смену которым уже некому прийти.

Такого пессимистического взгляда держался и Вл.С. Соловьев.

Но если действительно на смену римлянам пришли германцы и сказали свое великое слово в истории человечества, то славяне, олицетворенные в России, своего слова еще не сказали. Русская эра в истории человечества еще не наступила.

Она наступит лишь тогда, когда Россия, в полном сознании своей мировой миссии выйдет победительницей из той великой борьбы, в которой ныне начинают сталкиваться христианский Запад с языческим Востоком...

Мировое призвание России

Мы вчера¹ высказались против того пессимизма, с которым Вл.С. Соловьев незадолго пред своей кончиной взирал на предстоящую борьбу христианского Запада с языческим Востоком, так как он считал эту борьбу «концом всемирной истории».

Ту же самую мрачную мысль он высказывал уже на смертном одре кн. С.Н. Трубецкому², но тут же присоединил к ней соображения, достойные серьезного внимания.

Князь Трубецкой рассказывает в последней книжке *«Вестника Европы»*³, как он спросил больного Соловьева о его личном отношении к наступившим уже китайским событиям, а затем передает ответ покойного философа и дальнейший ход их разговора:

«Я говорю об этом (отношении к китайским событиям) в моем письме в редакцию *«Вестника Европы»*, — отвечал Владимир Сергеевич. — Это — крик моего сердца. Мое отношение таково, что все кончено; та магистраль всеобщей истории, которая делилась на древнюю, среднюю и новую, пришла к концу... Профессора всеобщей истории упраздняются... их

предмет теряет свое жизненное значение для настоящего; о войне Алой и Белой роз больше говорить нельзя будет. Конечно все!.. И с каким нравственным багажом идут европейские народы на борьбу с Китаем!.. Христианства нет, идей не больше, чем в эпоху Троянской войны; только тогда были молодые богатыри, а теперь старички идут!»

«И мы говорили об убожестве европейской дипломатии, проглядевшей надвигающуюся опасность, о ее мелких алчных расчетах, о ее неспособности обнять великую проблему, которая ей ставится, и разрешить ее разделом Китая. Мы говорили о том, как у нас иные все еще мечтают о союзе с Китаем против англичан, а у англичан о союзе с японцами против нас. Владимир Сергеевич прочитал мне свое последнее стихотворение, написанное по поводу речи императора Вильгельма к войскам, отправлявшимся на Дальний Восток. Он приветствует эту речь, на которую обрушились и русские, и даже немецкие газеты; он видит в ней речь крестоносца, «потомка меченосца рати», который «перед пастию дракона» понял, что «крест и меч — одно». Затем речь снова вернулась к нам, и Владимир Сергеевич высказал ту мысль, которую он проводил еще десять лет тому назад в своей статье «Китай и Европа», что нельзя бороться с Китаем, не преодолев у себя внутренней китайщины».

Последние слова Соловьева вызовут, конечно, серьезного читателя на глубокое размышление.

Что такое, прежде всего, та «внутренняя китайщина», которую мы должны прежде всего преодолеть у себя для того, чтобы успешно бороться с Китаем?

«Либеральные» друзья Вл.С. Соловьева несомненно тотчас же готовы будут растолковать нам, что наша «внутренняя китайщина» заключается в нашей «клерикальности» и в отсутствии у нас «конституции». Они будут отстаивать эту нелепость, хотя отлично знают, что покойный философ всю жизнь свою защищал именно религиозные и монархические начала в современном человечестве. Но наши «либералы» этим смущаться не станут, и мы заранее уверены, что они воспользуются «внутренней китайщиной» как эффектным боевым термином,

как удобным Schlagwort⁴ для своих пошленьких партийных целей, бывших столь антипатичными такому глубокому мистическому мыслителю, каким был Соловьев.

То, что он подразумевал под «внутренней китайщиной», мы отчасти видим из слов кн. Трубецкого, который, говоря о том зле, против которого Соловьев боролся, называет, рядом со «внутренним китаизмом», *надвигающееся одичание и обскурантизм*.

Надвигающееся и уже нагрянувшее на Россию с Запада одичание в виде грубого материализма и социализма, грозящих разрушить высшие идеалы религии, науки и искусства и погрузить нас во мрак невежественного обскурантизма, — вот те *внутренние* враги, с которыми Россия должна бороться, которых она должна преодолеть прежде, чем ей суждено будет одержать окончательную победу в наступившем мировом кризисе между христианским Западом и *внешней* восточной китайщиной.

Действительно, России еще много нужно поработать над собой, чтобы освободиться от всего, что ей препятствует на пути к ясному самосознанию и к полному развитию своих самобытных сил, дабы в назначенное ей Промыслом время сказать свое *новое* слово в истории человечества. Слово это будет не современным пошлым безыдейным европейским словом, над которым так зло смеется Соловьев, не зачерствелым фанатическим словом китайского Востока, а чисто *русским* словом, доселе неслышанным ни Европой, ни Азией, словом, которое просветит, освободит и спасет человечество из тех безысходно-рационалистических сетей, в которых оно все более запутывается.

Соловьев не верит в грядущее торжество не только русской, но и вообще какой бы то ни было светлой идеи. Для него магистраль человеческой истории уже кончилась, и в будущем он видит лишь хаотическую борьбу дряблого, безыдейного и бес сильного Запада с диким, фанатическим «панмонголизмом».

Если к Западу причислить и Россию, то, конечно, нельзя прийти к иному выводу, как к тому, который так страшил и мучил покойного философа. Но Россия не Запад и не Восток: для нее не обязательны ни жалкая материалистическая

безыдейность Европы, ни окоченелый фанатизм Азии; ей одинаково чужды как сухой рационализм наших западных соседей, так и языческая фантазмагория азиатских племен. Россия есть Россия, государство совершенно своеобразное, государство по преимуществу *православно-христианское* и состоящее уже по одной этой *идее* неизмеримо выше прочих европейских и азиатских государств и народов.

Такова Россия, говорим мы, *по идее*. Но такова ли она уже теперь в действительности? Конечно — нет.

Россия должна стремиться к осуществлению этой высокой, всеконечной идеи, и в этом заключается весь смысл ее исторической жизни. *Когда* ей суждено будет достигнуть этого идеала, имеющего целью обновить все человечество, — это никому, кроме Бога, неизвестно; но это неведение никоим образом не должно ослаблять ее энергии в постоянном стремлении к этому идеалу, так как ни отдельному человеку, ни целому народу не стоит жить без высшего идеала.

Неустанно работая над своим внутренним самоочищением и самоусовершенствованием, борясь со своими *внутренними* врагами, Россия не должна упускать из виду своих внешних врагов, памятуя, что они не станут ждать, пока она кончит свое внутреннее обновление, а постараются заставить ее врасплох и помешать ей в этом обновлении. Она всегда должна быть готова отразить этих врагов, с какой бы стороны ей ни угрожали. Нет большей политической ошибки, как уступать внешним врагам под тем предлогом, что «у нас и без них дома достаточно дела». Вот тогда-то именно они никогда нам своим домашним делом спокойно заняться не дадут.

Обновление свое на почве православного христианства Россия должна твердо и прочно оградить от всякого внешнего непрошенного нарушения. Обновление это нужно не только для нее самой, но и для всего человечества, которое она лишь в обновленном своем виде может спасти от грядущего «панмонголизма».

Но в чем же должно состоять это внутреннее обновление России?

Мы постараемся с возможной точностью ответить и на этот вопрос, хотя, в сущности, для серьезных, истинно Русских людей тут и вопроса быть не может.

Обновление России

Готовясь к исполнению своего мирового призвания, Россия должна, говорили мы вчера¹, обновиться.

Она должна, стремясь к достижению высшего православно-христианского идеала, освободиться от всего, что ей препятствует в этом стремлении, преодолеть в себе все, что противоречит этому идеалу, освободиться от современного как европейского, так и азиатского обскурантизма, дабы выступить могущественной, непобедимой в своем духовном величии вершительницей судеб человечества в предстоящей грозной борьбе между Западом и Востоком. Она должна, прежде всего, выработать и выяснить самой себе то великое освободительное слово, которое она призвана провозгласить впоследствии всей Вселенной, для обновления и спасения ее от ужасов западного дикого материализма и не менее дикого восточного панмонголизма.

Без этого внутреннего самообновления и самоусовершенствования Россия не может приступить к разрешению даже менее сложных мировых задач.

Мы все скорбели в 1878 году, когда Россия остановилась у ворот Царьграда² и должна была отложить на неопределенное время осуществление заветной русской мечты о Святой Софии. Мы роптали тогда на интриги европейских держав, но один уже тот факт, что мы нашли нужным и возможным подчиниться этим интригам, ясно показывает, что мы еще не обладали той духовной мощью, без которой нам и немыслимо было прикасаться к решению такого высокого и святого вопроса, как Царьград и Св. София.

Мы теперь только можем вполне понять ту нравственную немощь, которой страдала Россия конца 70-х годов. Великое подвижничество ее военной рати стояло в прямом противоречии с разрушительным брожением, которое подтачивало силы

ее государственная организа. Что могла бы сделать вечного и прочного в Царьграде такая Россия, которая, после геройского освобождения Болгарии, не нашла ничего лучшего, как наградить болгарский народ шаблонной конституцией? Могла ли такая Россия решить уже в то время многовековой вопрос Ближнего Востока, когда она не сумела даже окончательно решить вопроса болгарского и в Берлине нашла возможным переделать то, что ею было сделано в Сан-Стефано?³ Такая Россия, без ясного самосознания, без уверенности в своих силах и своем призвании, без определенного прямого пути, Россия, приближавшаяся к катастрофе 1 марта⁴, — такая Россия должна была остановиться у врат Царьграда и вернуться домой для того, чтобы опомниться, очиститься от всякой скверны, обновиться духом, дабы приняться за назначенное ей Промыслом Божиим дело с ясными, чистыми помыслами и в истинно-православном настроении.

Казалось, что для этого самообновления нужны целые века, что недуг России так глубок, что к его излечению и приступить нельзя. И что же? Оказалось, что для начала полного обновления и прочного исцеления России достаточно было тринадцатилетнего царствования Александра III, достаточно было Его несокрушимой веры в здоровые силы России, достаточно было Его железной воли, призвавшей эти силы к новой, деятельной, жизненной энергии, пред которой сами собой исчезли все наши наносные недуги.

И вот через двадцать лет Россия стала неузнаваема. Она еще далеко не достигла своего идеала православно-христианского государства, но она уже видит этот идеал, она к нему стремится. Она начинает сознавать себя «ни Азией, ни Европой»: она старается уяснить себе свое особое, самобытное мировое призвание.

Может ли, поэтому, быть какое-либо сомнение в том, каково должно быть обновление России?

Это то обновление, начало которому было положено великим Царем-Самодержцем. Александр III явился нам Носителем самого высшего идеала, какой когда-либо сиял пред очами

какого бы то ни было государства или народа, — идеала христианского вселенского миролюбия.

Идеал этот потому так высок, что он всецело указан не человеческими мудрствованиями, а Божиим Откровением, давшим нам в учении Христа ясное представление о *действенной* христианской любви, которой должны руководствоваться как отдельные люди, так и целые государства, являясь мощными защитниками всех невинно угнетаемых и оказывая им действительную защиту не на словах только, но и на деле.

Государство, которое почувствовало бы призвание взять на себя эту истинно христианскую задачу, должно было бы для постоянного успешного ее решения пользоваться небывалым доселе в истории бесспорным нравственным авторитетом в соединении со столь же несокрушимой физической мощью, для того именно, чтобы и словом, и делом служить Христу на сей земле среди находящегося на ней добра и зла, деятельно защищая первое и грозно карая второе.

Такого государства, соединяющего в себе признанную всеми чистоту высокохристианского духа со стоящей в услужении этой чистоты грозной внешней мощью, до сих пор в истории не было.

Таким государством должна стать Россия.

Историческое значение XIX века

Два мировых события, ознаменовавшие собой самый конец XVIII века, придали своими последствиями характеристическую физиономию всей политической истории истекшего XIX столетия:

Французская Революция и появление кровавого метеора Наполеона I.

Весь XIX век только и жил последствиями этих столь разнородных мировых событий, боровшимися и переплетавшимися между собой в самых неожиданных, причудливых комбинациях.

Французская революция, провозгласив свои утопические доктрины *демократического эгалитаризма*, грозила превратить всю Европу в такое же поприще безумного террора, каким явилась несчастная Франция после падения ее монархической власти. Мощная рука Наполеона I, ошеломившая смелым ударом революционную гидру, задержала на целых полстолетия ее поход на остальную Европу, и лишь в 1848 году она снова появилась на всем континенте¹, хотя далеко уже не в своем прежнем виде необузданного, кровавадного чудовища.

Но Наполеон не ограничился подавлением революции и образцовой реорганизацией Франции: он возмечтал о мировом владычестве и приступил к покорению европейских народностей под иго Французской Империи.

Этим чудовищным насилием была вызвана та восставшая против него могущественная реакция *национализма*, которая впервые проявляется с такой силой в Европе, начиная с 1812 года, и с тех пор быстро усиливается и развивается, характеризуя собой всю политическую жизнь великих и малых племен культурного мира в течение всего XIX века.

Народы, освободившиеся от иноземного ига, стали, под влиянием повышенного чувства самосознания, с увлечением направлять свои помыслы к самопознаванию, к изучению своей самобытности, к установлению родственных связей с братскими племенами, к соединению их в самостоятельные организмы, не терпящие над собой чуждого им по происхождению владычества. Война за независимость Греции, объединение Италии и Германии, возникновение Балканских государств — вот главные результаты этого повсеместного национального движения, которым так лихорадочно дышало все XIX столетие.

Даже когда в 1848 году снова воскрес революционный демократизм, он принужден был воспринять в себя националистические элементы, противоречившие его космополитическим теориям; но он отомстил национализму тем, что привил и ему элементы демократические, которые всюду систематически искажали наилучшие национальные организмы. Все племена, освобождавшиеся от чужеземного ига, считали для себя

обязательным немедленно обзаводиться демократической конституцией и парламентом и этим создавали над собой новое олигархическое иго, которое подчас было несравненно хуже прежнего и неизбежно приводило государство к бесплодным партийным междоусобиям, а иногда и к полному финансовому разорению.

Демократизм и национализм являются, таким образом, двумя главными политическими силами, направлявшими всю Европейскую историю XIX столетия. Но по мере того, как национализм с каждым годом усиливался, демократизм после своего теоретического апогея в 50-х годах быстро стал всюду проявлять свою практическую несостоятельность и к концу столетия обнаружил до очевидности всю свою внутреннюю ложь и бессмысленность.

Не раз появлялись в течение XIX века более или менее удачные попытки уничтожить или по крайней мере парализовать эту ложь и все ее последствия. Таковы, между прочим, были попытки, увенчавшиеся временным успехом в начале второй половины XIX столетия во Франции и Пруссии.

Но попытка, сделанная Наполеоном III², лишенная нравственной основы законных государственных традиций, обречена была на позорную гибель: с ложью демократизма не мог справиться столь же ложный монархизм. Правда, Наполеон III сумел придать Франции в течение 20 лет внешний вид первоначальной европейской державы, являвшейся даже как бы вершительницей судеб всего мира. Но вся эта внешняя иллюзия разлетелась в прах, как только Франция соприкоснулась с Пруссией, в которой Бисмарк³ сумел обуздать бессмысленный демократизм широкой национальной политикой, основанной на вековых монархических преданиях Гогенцоллернского дома.

Быстрый рост Германии в конце XIX века и победоносное развитие ее экономических сил является самым выдающимся за это время политическим событием в Европе. Германия обязана своим возрождением князю Бисмарку, давшему с мудрой энергией могущественное преобладание *национальному* элементу над элементом *демократическим*.

На смену князю Бисмарку явился император Вильгельм II⁴, который также, по мере возможности, сдерживал порывы парламентарного демократизма, не находя еще, однако, в себе решимости покончить с этим злом, ставящим ему на каждом шагу препятствия в осуществлении его широкой национальной политической программы. Но во всяком случае, ему удастся на благо Германии всякими правдами и неправдами лавировать среди этих препятствий, не позволяя демократизму вмешиваться в жизненные интересы Германии и сохраняя за ними лишь декоративную часть парламентской драматургии.

Зато во Франции демократизм получил после 1871 года полную возможность развернуться во всю свою ширь и обнаружить все свои вопиющие недостатки. Правда, последствия этих недостатков не дошли еще до той степени политической безнравственности, которой достигла другая неограниченно-демократическая страна — Соединенные Штаты Северной Америки; но что Франция быстрыми шагами идет к той же государственной деморализации, ясно показывают появлявшиеся за последнее время острые кризисы в ее внутренней истории, каковы буланжизм⁵, панамизм⁶ и не окончившийся еще доселе дрейфусизм⁷.

Вообще демократический принцип, энтузиастически провозглашенный в конце прошлого века, торжественно осуществленный в середине истекшего столетия, успел уже к концу его обнаружить всю свою несостоятельность и кончиться по всей линии постыдным банкротством, между прочим и в своей колыбели, в Англии, в которой демократия оказалась жалкой игрушкой такого бессовестного честолобца, как Чемберлен, возбуждающий народные восторги своей осужденной всем миром цинически бесчеловечной политикой по отношению к двум несчастным героическим республикам Южной Африки⁸.

Но нравственное банкротство демократического парламентаризма к концу XIX века далеко еще не предвещает победы над ним национализма, как бы сильны ни были его успехи во всех культурных центрах Вселенной.

Национализму грозит другой враг, враг всякой человеческой культуры, порожденный все теми же бессмысленными утопиями демократической революции. Враг этот, *социализм*, собирался лишь со своими силами в XIX веке, дабы в наступающем XX столетии помериться со всеми государствами мира и ниспровергнуть в них все их политические и общественные устои.

Каковы будут перипетии этой борьбы, когда и чем она кончится, этого, конечно, предсказать невозможно, но едва ли можно ошибиться, назвав XIX век веком *парламентаризма*, который в эти сто лет прошел все стадии радужных иллюзий, кровавой борьбы, полновластия и позорного падения, тогда как наступивший XX век будет по преимуществу веком широких экономических, торгово-промышленных, социальных и социалистических вопросов, с которыми, как некогда с парламентаризмом, будут бороться и переплетаться те же вопросы националистические, но уже не на одной почве древнего Европейского континента, а преимущественно на всемирной почве широкой колониционной политики.

Колонизационная политика является одним из тех великих наследий, которое XIX столетие передает новому веку и, вероятно, еще многим будущим векам. Судьбы великих европейских держав будут отныне решаться в Африке и в Азии, так как в этих двух исполинских континентах в течение XIX века постепенно накопилось столько непримиримых между собой европейских интересов, столько жизненных экономических вопросов и столько жгучего национального материала, что потребуются долгие и долгие годы неустанной мирной и кровавой борьбы, чтобы должным образом прочно разрешить те великие мировые задачи, которые всюду представляются нам в таинственной будущности Азии и Африки, тем более что и Америка с Австралией легко могут выйти из своей теперешней замкнутости, чтобы принять участие в предстоящей всемирной борьбе за существование народов Вселенной. Перипетии китайского вопроса, возникшего в истекшем году, представляют нам, как в микрокосме, все будущие исполинские борь-

бы европейских держав вдали от Европы с туземными силами и между собой. И в этих будущих борьбах все сильнее будут проявляться самые элементарные силы национализма, вопреки всем эгалитарным иллюзиям обанкротившегося демократического космополитизма...

Мы до сих пор не говорили о России, занимавшей в течение всего XIX века, благодаренье Богу, совершенно обособленное, привилегированное положение в Европе, предохранявшее ее от всех унаследованных от XVIII века революционных бурь и крушений. Конечно, Россия слишком близка к Европе, чтобы не испытывать и в себе отраженных последствий европейского взбаламученного моря, но бушующие волны его, совершая даже тяжкие опустошения на берегах России, всегда в конце концов бессильно разбивались о гранитные скалы ее мощного побережья. Об эти скалы разбились и Наполеоновское нашествие, и декабристское сумасбродство, и севастопольское нашествие, и польская коалиция, и конституционные домогательства наших легальных западников, и нелегальных террористов, в то время как наше национальное самосознание, воспрянувшее с особой силой, как и в Западной Европе, с 1812 года, постепенно укреплялось и уяснялось сперва в боговдохновенных речах русских иерархов, в вещих стихах русских поэтов, в пламенных статьях русских публицистов, затем в словах и действиях русских правительственных лиц и, наконец, в полном, законченном олицетворении своем — в царствовании Русского Царя-Самодержца Александра III.

Но если демократические западные влияния и не достигли в России своей главной цели, сводящейся к ограничению, затем и к уничтожению Самодержавной Власти, они создали в России обширную массу людей, все еще стремящихся к этой цели, захвативших в свои руки многочисленные воспитательные и образовательные, даже чисто научные центры, а также всю почти русскую печать, ведущих отсюда соответствующую пропаганду среди юношества и всего русского общества и проникающих во все общественные и правительственные сферы,

искажая там правительственные предначертания в антиправительственном направлении.

Таким образом, если в Западной Европе в течение XIX века происходила борьба между национализмом и демократическим эгалитаризмом *согласно историческому ходу событий*, вызванных падением монархической власти, то в России возгорелась и до сих пор ведется та же самая борьба, но *вопреки логике событий*, так как Самодержавная Власть в России не только не пала, но сознательно окрепла, а потому в России не должно было бы быть ни малейшей почвы для каких бы то ни было демократических, конституционных вожелений. Если у нас, однако, возможен такой политический абсурд, то он объясняется только тем, что Правительство настолько чувствует себя безопасным, что предоставляет своим врагам свободу антиправительственных агитаций.

Действительно, демократический парламент нам теперь уже более не опасен: если мы устояли против соблазна ввести у себя эту нелепость в то время, когда она на Западе еще блистала своей мишурой, то уж, конечно, не введем ее у себя, когда она на Западе так позорно пала и от нее остаются лишь разорванные, грязные лохмотья.

Но если нам не опасна пропаганда парламентаризма, то для нас вовсе не безопасно систематическое дискредитирование правительственной власти, проповедь материалистических и космополитических теорий, подрывающих в народе веру в Бога, преданность Царю и любовь к Отечеству. Мы мало, слишком мало боролись в XIX столетии с распространением этих теорий, и достигли этим того, что в настоящее время социализм является для нас столь же грозным призраком XX века, как и для Западной Европы, которая *не может* предохранить себя от него теми мерами, которые Россия *и может*, и *должна* выдвинуть против него.

Об этих мерах мы поговорим особо. Теперь же, в заключение, мы позволим себе *еще раз указать на тот факт*, что Европа в XIX веке жила в политическом отношении двумя силами: *демократизмом и национализмом*; из них мы передаем

XX столетию лишь *вторую* силу в полном развитии и полной энергии, тогда как первая совершенно ослабла и влачит лишь жалкое существование.

И в России обе силы пришли к таким же результатам всюду, где появлялась первая, она производила действие разлагающее, разрушающее, болезненное, вредное, тогда как вторая всюду оживляла самосознание, вызывала здоровую бодрость, созидательную деятельность и полезную энергию.

Ввиду этого нам необходимо в наступившем ныне XX столетии освободиться от разбросанных у нас повсюду тлетворных остатков демократизма и заняться укреплением в России здорового, сознательного, просвещенного национализма, заключающегося в заветных индивидуальных свойствах Русского народа, в его преданности Богу, Царю и Отечеству.

Россия в XIX столетии

Нет ни одного государства цивилизованного мира, которое бы не изменило в большей или меньшей степени своего внешнего и внутреннего облика в течение XIX столетия. Но едва ли можно найти другое государство, которое подверглось бы за это время таким разнообразным и сильным изменениям, как наше Отечество.

Все эти изменения имели своим конечным результатом тот неоспоримый факт, что Россия не только окончательно вступила в разряд великих мировых держав, но и заняла среди них в политическом отношении первенствующее место.

Конечно, Россия и в XVIII веке, при Петре Великом и Великой Екатерине, играла выдающуюся роль в политических судьбах Европы, но она в то время исключительно сосредоточивалась в олицетворявших ее двух гениальных ее Вождях, окруженных блестящими стаями талантливых исполнителей Высочайшей Воли, за которыми лишь смутно чуялась неведомая еще Европе великая таинственная мощь русского народного гения. Европа знала русских Царей, рус-

ских царедворцев и полководцев, о России же, как государственном и национальном организме, она имела самое смутное и дикое понятие.

Да и какое понятие имела сама Россия о себе? Необразованные массы Русского народа тихо, молча, отчасти бессознательно хранили в себе те драгоценные заветы русской старины, которым суждено было лишь в XIX веке выступить на свет Божий в назидание образованной России; а образованная Россия в течение всего XVIII века создавала лишь свое «варварство» и старалась резко отделить себя от Русского народа и рабски подражать во всем столь уродливо искажившейся в XVIII веке западноевропейской цивилизации.

Тяжелы были ученические годы России, наполненные тщетными усилиями русских образованных людей совершенно сбросить с себя черты русского национального характера и превратиться в жалкую копию еще более жалкого оригинала, который, тем не менее, благодаря все-таки невольной преданности некоторым *своим* национальным преданиям, стоял неизмеримо выше своих русских подражателей.

Но уже на пороге XX века в России появились первые протесты здравого русского смысла против этого жалкого, бесплодного подражательного космополитизма. Русское самосознание пробуждается Екатериной Великой, Ломоносовым, фон Визиним, Державиным и с этого момента неудержимо растет, воплощаясь в великих и скромных героях 1812 года, в таком историографе, как Карамзин, в таких великих иерархах Русской Церкви, как Платон и Филарет¹, и в таком гениальном поэте, как Пушкин.

Россия покончила со своим западным ученичеством, она вернулась домой, она стала сама собой — и вот перед *самобытной* Россией широко растворились доселе запертые двери Европы, и все европейские державы признали Россию себе равной с того момента, как она перестала перед ними раболепствовать в слепом подражательном стремлении, а заговорила русским языком для выражения русских чувств и русских дум как в политике, так и в литературе и искусстве.

Совершившийся факт столь внезапного пробуждения всего могущественного разнообразия русского национально-го гения не мог не поразить русских мыслителей, на глазах которых Русский народ из вчерашнего «варвара» превратился в богато одаренную нацию, живущую неисследованными еще драгоценными культурными идеалами. Изучить, исследовать национальное сокровище Русского народа — вот что стало задачей той знаменитой плеяды людей «сороковых годов», в большинстве подготовленных к этой серьезной задаче той классической школой, которой обессмертил себя граф Уваров. Много сделали эти люди, Хомяковы, Киреевские, Аксаковы, Погодины, Григорьевы, а впоследствии в особенности великий публицист земли Русской М.Н. Катков² для систематического, научного выяснения и яркого, убедительного изображения истинной сути русской самобытности, а также для установления из нее тех логических выводов, которые должны были определить будущую историческую миссию России.

Но прежние «западники», эти слепые подражатели Европы, не сложили своего оружия пред столь величаво развернувшимся на их глазах национальным гением России. Они по-прежнему упорно отрицали всякое самобытное ее культурное значение; они еще более увлекались примером Европы с тех пор, как Французская революция соблазнила и их легковверные, поверхностные умы своими громкими лживыми фразами «о свободе, равенстве и братстве».

Не зная и *не желая знать* самобытных исторических и культурных особенностей России, наши западники вообразили себе, будто все то, что по неизбежным логическим законам совершалось во Франции, а затем, по тем же *западным* законам, совершалось в остальной Европе, будто все это должно, вопреки логическим законам *русской* самобытности, совершиться и в России. Они вступили в непримиримую борьбу с серьезными национальными мыслителями 40-х годов и своею численностью одержали во многих отношениях решительную над ними победу.

Победу эту одержать им было тем легче, что результаты национальных исследований русских мыслителей 40-х годов оставались пока в пределах ученой публицистической литературы и не только не были еще усвоены правительственными сферами, но возбуждали в них даже неудовольствие своей откровенной критикой всех наносных, ненациональных элементов тогдашнего государственного строя России.

Император Николай I, конечно, не давал ходу вожделениям западников, понимая верным своим чутьем их заблуждения и вековую правду Русского народа, но он стоял совершенно одиноким на вершине России и не мог передать своего верного понимания ее сущности в тех ясных, несокрушимых чертах, в которых впоследствии сумел выразить свой национальный идеал Царь-Самодержец Александр III.

Когда Император Николай I почил от великих дел своих среди вихря нагрянувшего на Россию севастопольского шквала³, в России восторжествовали и в обществе, и в законодательстве, и в администрации теории западников. Севастополь был объявлен не славной эпопеей в истории храброго русского войска, а каким-то символическим крушением «старой, мрачной» России, на которой был поставлен крест, для того чтобы создать на ее развалинах какую-то новую Россию, не помнящую ни родства, ни племени, и создать ее по последним рецептам западноевропейского политического хаоса.

На смену серьезным, вдумчивым 40-м годам наступили бесшабашно легкомысленные «шестидесятые годы», подготовленные к тому же варварски поверхностной средней и высшей школой, заменившей собой классическую школу графа Уварова.

Как раз в это время начались по воле Императора Александра II те великие три реформы, которых с таким нетерпением ожидали как все Русские люди, так и наши западники: отмена крепостного права, установление правового суда и привлечение местного общества к местной хозяйственной деятельности⁴.

Великодушный Государь ясно сознавал благое значение этих трех реформ, которые не только не находились в противо-

речи с национальными заветами Русского народа, но прямо ими требовались, во имя непосредственного сближения Русского Царя со своим Народом.

К сожалению, реформы эти, исполненные руками торжествовавших в то время западников, совершенно исказили благие намерения Царя-Освободителя.

Правда, отмена крепостного права устранила стоявшую между Царем и крестьянами чрезмерную, дававшую повод к злоупотреблениям, власть помещика, но вместе с тем она устранила всякую власть помещика даже в благотельной ее форме, выбросила крестьян на произвол необузданной свободы и вызвала в конце концов как разорение помещиков и крестьян, так и враждебный антагонизм между ними и страшное потрясение всех экономических основ России.

Правда, реформа судебных учреждений уничтожила тот черный, позорный суд, который так грубо издевался над Русским народом, всегда стремившимся верным чутьем своим к *Царской* справедливости, но, вместе с тем, она поставила между народом и Царем автономное учреждение Сената, меняющее своими толкованиями изданные им законы, а сверх того, та же реформа превратила уголовный суд в нечто до такой степени противоречащее понятию «школы народной нравственности», что пришлось прибегнуть к целому роду «новелл», чтобы хоть сколько-нибудь смягчить вредные последствия, вызванные этой «школой».

Правда, земская и городская реформа сблизили представителей населения с представителями Царской власти, но не для предполагавшейся дружной совместной работы, а для организации систематической оппозиции «общественного самоуправления» Правительству. Новая реформа действительно призвала местное население к деятельности, но этот призыв был сделан на основании того «выборного начала», которое по своей присущей ему нелепости никогда нигде никакого блага не приносило, а потому обрекло и наше «самоуправление» на деятельность, принесшую гораздо больше вреда, чем пользы. К тому же земское и городское выборное начало было введено у

нас, по идее наших западников, не столько ради блага местных интересов, сколько ради приготовления всей России к тому «великому» выборному началу, которое в их мечтах должно было в очень скором времени ограничить собой Царское Самодержавие.

Совершилось то, что при этих условиях должно было совершиться: наступило самое тяжкое для России время XIX века, время тех мрачных «семидесятих годов», которые понизили значение России среди европейских держав и привели нас к невыразимому ужасу 1 марта.

Это роковое число заключило собой цикл нашей западной эволюции. Результат ее обнаружился со столь ошеломляющей ясностью, что вся Россия возликовала, когда Император Александр III провозгласил конец всяким шатаниям и окончательное возвращение России на твердый национальный путь Православия и Самодержавия, — на тот путь, по которому она затем уже спокойно шла в течение двух последних десятилетий истекшего века, постепенно исправляя тяжкие ошибки предшествовавшего смутного времени и не только не ведая внутренних тревог и внешних унижений, но заняв среди держав Вселенной самое высокое почетное место хранительницы всеобщего мира.

И вот в начале XX века Россия стоит в полном сознании своей государственной мощи, своей национальной самобытности, своей исторической миссии. Она стала полноправной, первенствующей европейской державой, потому что перестала рабски подражать Европе, потому что она наравне с европейскими державами дорожит, прежде всего, своим национальным достоянием. И те лишь представители ее литературы и искусства вызвали уважение и преклонение Европы, которые оставались верны своей русской самобытности. К тому же и восстановление серьезной классической школы призвало русскую науку с 80-х годов к новой плодотворной жизни и возвысило ее до уровня науки европейской.

Но вместе с тем Россия стала не менее могущественным государством и в Азии, призывая ее к деятельной жизни под

сенью русских культурных идеалов, идеалов истинно христианских — строгой справедливости, религиозности и сердечно-го человеколюбия.

Эти высокие качества, воплощенные в благодатное царствование ныне правящего Россией Государя, твердо держащегося непреложных царственных заветов своего Великого Родителя, да руководят Россией в течение грядущих времен, да хранят ее от возвращения к прежним печальным блужданиям, да помогут ей уврачевать оставшиеся еще многочисленные недуги, навеянные этими блужданиями, и да утвердят ее навеки в ее национальном религиозно-государственном сознании — единственном залоге ее грядущего счастья.

Где мировая задача России?

I

Как это ни странно, но в нашем обществе слышатся иногда суждения, являющиеся резким диссонансом среди общего высокого национального подъема, вызванного нашей войной против азиатских «цивилизованных» варваров.

Мы не говорим о наших «либеральных» японофилах, черпающих свои убеждения из пасквилей г. Струве¹ и старающихся затем распространить свои изменнические взгляды среди народа хотя бы в тех копеечных изданиях, которыми так справедливо возмущается газета «Свет»². Нет, мы здесь имеем в виду лиц вполне благомыслящих, искренних патриотов, не могущих, однако, возвыситься до объявшего в настоящее время всю Россию народного энтузиазма. Они составили себе точно определенную программу внешних и внутренних вопросов, которыми, по их мнению, Россия только и должна заниматься, так как-де в решении одних этих вопросов и заключается все ее историческое призвание. Если внезапные мировые события иногда отвлекают Россию от этих вопросов, она должна, по мнению этих почтенных людей, как-нибудь отбояриться от этих событий, — как бы велики они ни были, — и скорее, скорее вернуться к ре-

шению своих заветных программных задачек, дальше которых ее будто бы ничто и интересовать не может.

Мы еще могли бы понимать лиц, доказывающих, что у России вообще нет никаких исторических задач, ни великих, ни малых, а что живет она «так себе», зря, без ветрила и руля, неизвестно почему и для чего. В таком нигилистическом воззрении на судьбу России есть своя логика, хотя и очень невежественная. Но какой логикой могут руководиться люди, признающие глубокий смысл в историческом развитии России и верящие в ее историческое призвание, и вместе с тем пытающиеся ограничить ее в этом призвании, говоря, например, что будущность ее лежит только в Европе, а отнюдь не в Азии?

Само существование современной России опровергает в корне чисто отвлеченную, кабинетно-географическую теорию о мнимом существовании каких-то двух отдельных материков, именуемых Европой и Азией. Европа есть, в сущности, небольшой полуостров на западном берегу великого Азиатского материка. Правда, этот полуостров сыграл в культурно-историческом отношении ту же роль на своем материке, какую некогда небольшой эллинский полуостров сыграл по отношению ко всей Европе. Но уже и в те отдаленные времена для гениальных государственных умов никаких границ между Европой и Азией не существовало. Когда Александр Великий, встав во главе Эллады, повел ее на тогдашний Дальний Восток, в Афинах или в Спарте могли тоже находиться глубокомысленные патриоты, доказывавшее как дважды два четыре, что у Эллады никаких задач на Востоке нет, так как там нет у нее ни единоплеменников, ни единоверцев, а что Александру Македонскому следовало бы ограничиться решением чисто эллинских задач — освобождением греков из-под того или другого ига, примирением враждующих мелких государств и городов в самой Элладе и созданием единого эллинского союзного государства в противовес северным, южным, восточным и западным «варварам». О, с какой горячей убедительностью эти близорукие патриоты доказывали всю «безусловную необходимость» решения всех этих задач, видя

в этом решении единственное историческое призвание Эллады, единственную ее культурную миссию! Они не видели того, что мог прозревать только великий гений Александра. Этот вдохновенный носитель эллинского идеала расширил мощным порывом культурную арену Греции до устья Нила и истоков Инда и создал впервые то европейско-азиатское культурное государство, которое по идее и форме было воспринято и поочередно осуществлено его преемниками: Римом, Византией и Россией.

Когда Рим посылал свои победоносные легионы на Дальний Восток, Дальний Запад и Дальний Север, он не имел сентиментальных целей спасти там или освободить каких-либо единоплеменников. Римские орлы являлись всюду провозвестниками римской государственной идеи и плодотворной, живительной греко-римской культуры. И совершалась эта «романизация» тогдашнего исторического Мира не по единичной личной воле исполнявших ее римских императоров, а в силу органического развития римской исторической идеи.

А ведь в Риме тоже могли существовать искренние мелочные патриоты, видевшие историческую миссию Рима в решении различных, сравнительно микроскопических, внутренних задач или внешних вопросов, касавшихся тех или других побережий одного лишь Средиземного моря. Они, вероятно, тоже упрекали вершителей римских судеб в измышлении слишком широких и смелых «всемирных» планов. Если бы римляне послушали этих умников, то восточные варвары, нагрянувшие на Европу во время переселения народов, не нашли бы себе преграды в ее романской могущественной культуре, которой они сами так быстро принуждены были подчиниться, а смели бы с лица земли все завещанные человечеству культурные сокровища греко-римской цивилизации.

II

Точно в таком же положении находится теперь и Россия, великая преемница первого и второго Рима.

Для всякого серьезного мыслителя совершенно праздным является вопрос: каким государством является Россия — «европейским» или «азиатским»? Она не является ни тем, ни другим, а совершенно своеобразным, самобытным государством, *государством Русским*, к которому не подходит ни европейская, ни азиатская мерка.

Россия существует и мощно развивается не по европейским или азиатским шаблонам; Самодержавная Власть ее Царей является осуществлением чисто православно-христианского идеала, не имеющего ничего общего ни с азиатским деспотизмом, ни с европейским феодализмом.

Логическим ходом история России, постепенно развиваясь, расширилась ныне от Северного, Балтийского и Черного морей до берегов Тихого океана. Где в ней кончается Европа и начинается Азия, — этого она не знает, ибо все громадное занимаемое ею пространство является единой Российской Империей. Жизненные интересы этой Империи весьма разнообразны, но все они для нее одинаково дороги как на Востоке, так и на Западе. Вся она представляет собой живой организм, каждая часть которого имеет важное значение для всего целого и для всех остальных его частей. Поочередно та или другая часть привлекает к себе особое внимание и попечение Русского Правительства и народа, и на это время забота их не сосредоточивается с одинаковой интенсивностью на остальных частях организма, находящихся в более или менее нормальных условиях. Но кто же в таких случаях может посоветовать Русскому Правительству или Русскому народу махнуть рукой на какую-либо из страдающих в данную минуту частей на том основании, что она-де находится на Западе или Востоке, а Россия должна-де исключительно интересоваться своими восточными или западными задачами и сделаться исключительно либо «азиатским» либо «европейским» государством?

Вот почему на вопрос «где мировая задача России, в Европе или в Азии?» можно дать только один ответ: «И в Европе, и в Азии». Но лучше всего не заботиться об этих чисто внеш-

них географических терминах, а стараться уяснить себе, не *где* находится, а *в чем* заключается мировая задача России.

Конечно, никто не может дать вполне точного ответа на этот вопрос, особенно в настоящее время, когда Россия переживает один из величайших кризисов своего исторического бытия. Могли ли современники Владимира Святого, Дмитрия Донского, Иоанна Грозного и Алексея Михайловича, — мы уже не говорим о современниках Петра Великого, — отдавать себе ясный отчет о значении каждой из переживаемых ими критических эпох в стройном историческом развитии Русского государства? Точно так же и мы не можем взять на себя подробное истолкование этого значения, которое в этом историческом развитии имеет та великая эпоха, которая начинает разворачиваться пред нашими изумленными взорами. Не имея ясного сознания, где Промыслом Божиим поставлены будущие пределы переживаемого нами кризиса и какое место займет он в историческом призвании России, мы уже по одному этому не можем разделять ошибку кабинетных филистеров, старающихся направить быстро несущуюся колесницу России на узенькую «европейскую» колею старых программных вопросов, составляющих будто бы всю суть мировой задачи России.

Можем, конечно, утверждать и доказывать, что переживаемая нами эпоха не по плечу нашему поколению; можно перечислять по пальцам все наши «ошибки», без которых-де японцы не начали бы войны; можно, наконец, составить списки разных ненормальных явлений в нашей внутренней жизни, вызванных войной: все это пища для глубокомысленных разглагольствований и остроумного балагурства в «ученых» кабинетах и светских салонах, в которых так охотно оперируют различные «специалисты», критикующее вкрявь и вкось все действия России.

На самом же деле История идет своим ходом, не обращая внимания на всех этих мелких критиканов и не спрашивая нас, по плечу ли выпавшая нам задача: если не по плечу, то тем хуже для нас, а не для Истории, которую мы тем менее будем в силах остановить в ее гигантском ходе; она лишь раздавит

нас, очищая путь для другого, более достойного ее поколения, которое окажется на высоте совершающейся великой миссии России.

Что же касается наших «ошибок», то они могли быть лишь ближайшим *поводом* к войне, а отнюдь не ее *причиной*, так как война Японии против России, как главной носительницы христианской культуры на Востоке, давно уже была решена в Токио, где ждали лишь какого-нибудь предложения, чтобы ее начать. А список наших внутренних ненормальных явлений может составляться досужими людьми до бесконечности: озадачивать же он может лишь тех наивных людей, которые, вероятно, не подозревали, что война *по необходимости* должна вызывать самые разнообразные ненормальности в нашей внутренней жизни: *a la guerre comme a la guerre*³.

Мы еще раз повторяем: если вы признаете, что Россия имеет свою историческую задачу, то согласитесь, что она ее исполнит, идя по пути, намеченному ей Богом, а не близоруким, ограниченным умом человеческим. Россия уже давно стоит перед своими «европейскими» задачами и никак до сих пор решить их не могла. Кто знает, не суждено ли ей приобрести неслыханную мощь в решении своей «азиатской» задачи, после которой «европейские» вопросы разрешатся чуть не сами собой в желанном для России порядке? Точно так же, например, сразу решились все внутренние столь запутанные вопросы Германии, после того как она «кровью и железом» разрешила свой вековой спор с Францией.

Такой взгляд на мировую задачу России не есть «шовинизм», а есть признание Промысла Божия, ведущего Россию не всегда ведомыми нам путями, как через удачи, так и через невзгоды, к постоянному расширению и укреплению ее могущества для исполнения ее мировой задачи, которой является, быть может, *просвещение всего мира светом истинной христианской культуры*.

Мы говорим: «быть может», ибо, как уже сказано, нам, современникам совершающихся великих мировых событий, не дано точного уразумения их великого исторического смыс-

ла; но еще менее позволительно втискивать мировую задачу России в узкие рамки какой-то кабинетной программы, установленной обыкновенным, столь ограниченным бедным человеческим умом.

Личность в истории

Тяжкая потеря, которую Россия испытала в лице столь трагически погибшего адмирала Макарова¹, невольно вызывает на размышление о значении индивидуальной личности в развитии мирового исторического процесса.

Как известно, существуют две исторические школы, держащиеся совершенно противоположных взглядов на ту роль, которую личность играет в истории.

Одна из них, главой которой может считаться Карлейль², создавший так называемый «культ героев», приписывает весь процесс человеческой истории одним лишь «великим людям», являвшимся инициаторами всех выдающихся мировых событий, направлявшим затем эти события по своему личному усмотрению в ту или другую сторону и дававшим им то значение, которое они доселе сохраняют в истории человечества.

Другие исторические школы, в особенности школа материалистическая, совершенно отрицают решающее влияние «великих людей» на ход мировых событий, которые-де являются лишь результатами материальных (географических и экономических) условий, в которые поставлены те или другие группы человечества.

Как тот, так и другой взгляд на значение личностей в истории страдает крайней односторонностью.

При внимательном отношении к истории культурного человечества мы находим в ней глубокий логический смысл, проявляющийся лишь при сопоставлении целых рядов столетий, но далеко не ясный для лиц, живших в течение этих столетий, хотя бы и влиявших на современный им ход событий. Дмитрий Донской, созидавший Московское царство, Иоанн Грозный, утверждавший его основы на веки вечные, так что их

не могло потрясти польское лихолетье с Дмитрием Самозванцем, расчистившим путь для столь плодотворного воцарения Дома Романовых, Петр Великий, превративший Московское царство в империю Всероссийскую, Екатерина Великая, явившаяся, после всех сложных, безотрадных перипетий русского престолонаследия в XVIII веке достойной преемницей Петра и прародительницей целого ряда великих Государей, — все они оказываются носителями *одной и той же великой русской культурно-государственной идеи*, но не в ее окончательно выразившейся формуле, а лишь в постепенном ее развитии, и каждому из этих Вождей России принадлежала лишь одна, современная ему, часть развивающейся идеи, и лишь некоторым из них дана была возможность предугадывать в более или менее ясной форме ближайшую по времени часть этого развития.

От кого же зависит создание великой исторической идеи и неуклонная последовательность ее развития в течение длинного ряда столетий?

Разумеется, не от каких-либо низменных материальных условий, которые играют очень видную, но отнюдь не решающую роль в мировой истории человечества. Есть Высшая Божественная Сила, властвующая как над космическими, так и над историческими явлениями Вселенной, с той разницей, что в первом ряду явлений орудиями творчества этой Высшей Силы служат мировые стихии, а во втором — силы человеческие, как общенародные, так и индивидуальные, таящиеся в отдельных выдающихся лицах.

Такой взгляд на историю человечества уделяет должное значение всем элементам и двигателям этой истории, как материальным, так и духовным, как индивидуальным, так и общественным.

Великие люди, работающие поочередно над развитием одной и той же великой идеи, являются на работу в назначенное им время со своими индивидуальными характерами и талантами и исчезают тогда, когда это необходимо для дальнейшего развития этой идеи, уступая место новым лицам, отличающимся иной раз совершенно противоположными свойствами

и дарованиями. Иные из них имеют громадное, титаническое влияние на ход событий и представляют собой поистине исторических «героев», но и они являются лишь крупными звеньями одной и той же цепи развития какой-либо великой исторической идеи. То, что сделали Александр Великий, Цезарь, Карл, Наполеон, Петр в течение своей жизни, совершенно ничтожно в сравнении с теми бесконечными мировыми результатами, которые вызваны были их кратковременной деятельностью в течение последующих столетий, постепенно выяснявших ту великую идею, над развитием которой каждый из них трудился, помышляя, может быть, о совершенно иных, верных или ложных, возможных или несбыточных идеях.

При таком взгляде на историю становится совершенно ясным и наше отношение к переживаемым нами историческим событиям.

Видеть в истории одно лишь хаотическое нагромождение бессмысленных случайностей может лишь тот, кто намеренно закрывает глаза на всю прошлую историю человечества, в которой мы находим столько логической последовательности и стройной гармонии. А так как сознательное создание этой последовательности и гармонии никогда не зависело ни от народных групп, ни от отдельных лиц, то остается одна лишь возможность — признание той Высшей Силы, руководящей историческими судьбами каждого народа, которую мы называем Божественным Промыслом, влияющим на ход исторического процесса. Не слепой случай, а Промысл Божий призывает, по неисповедимым Своим замыслам и путям, одних лиц к выдающейся исторической деятельности и отзывает других от нее, дабы очистить путь их преемникам.

Культурно-государственная идея России развивается уже в течение длинного ряда столетий и с каждым столетием становится яснее в своей глубокой величавости. Такие великие идеи совершают в истории свой полный цикл и не обрываются на недосказанном слове. Историческая идея России еще далеко не досказана. Она впервые появилась на свет Божий, когда Россия в Киеве принимала наследие Византии, она крепла ка-

чественно в борьбе с Востоком, она быстро развилась в количественном отношении в соприкосновении с Западом, который ее не понял и до сих пор еще ясно не понимает. А между тем настала для России новая борьба с Востоком (а может быть, и с Западом), в которой русской культурно-государственной идее предстоит развернуться во всю свою ширь и мощь.

Этот, может быть, величайший период русской истории Промысл Божий возложил на рамена нашего поколения, и не нам с ограниченным человеческим умом судить о причинах — почему эта тяжкая, ответственная задача не была возложена на наших отцов или на наших сыновей. Нам нужно принять эту задачу с покорностью пред Божией Волей и исполнять ее добросовестно, по мере сил своих, не впадая в уныние при каких-либо неудачах и утратах, какими бы они нам тяжкими ни казались, сознавая, что не нам судить об их своевременности и конечной целесообразности.

Невыразимо жалко нам, по человечески, погибшего адмирала Макарова, столь беззаветно отдавшего себя на службу Царю и Родине. Но можем ли мы разгадать конечное значение этой тяжелой жертвы? Макаров желал блага России и умер для этого блага. В чем выразится благо, вызванное его героической смертью, и когда, при каких обстоятельствах оно выразится, — мы этого не знаем и знать не можем.

То, что по воле Провидения Макаров должен был сделать в общей работе русской исторической идеи — это он сделал. Продолжение этой работы Господь Бог, через Волю Царскую, назначил его преемнику, который несомненно также вложит лучшую часть своего я в постепенное развитие той великой идеи, которой только и жива Россия.

РОССИЯ В МИРЕ

«Польский вопрос»

Назначение нового варшавского генерал-губернатора¹ выдвигает на первый план вопрос, который у нас принято называть «вопросом польским» или, иначе, «вопросом о русско-польском примирении».

На первый взгляд здесь никакого вопроса и быть не может. Привислинский край составляет нераздельную часть Российской Империи и управляется на точном основании как общих, так и специальных законов, изданных для обеспечения общегосударственных интересов.

Но законы — одно дело, а применение их — другое; применение же законов в Привислинском крае далеко не всегда отличалось той однородностью и последовательностью, которые одни только способны упрочить уважение к установленным законам. Ввиду этого та часть польского населения, которая наиболее способна предаваться иллюзиям и несбыточным мечтам, приучилась смотреть на установленные Русским Правительством законы как на нечто временное, случайное, необязательное, а это, конечно, должно было вызвать целый ряд недоразумений между местным населением и представителями правительственной власти. Устранение этих недоразумений, несомненно, для всех желательно, и если именно это устранение подразумевается под «русско-польским примирением», то ему можно только сочувствовать от всего сердца. Спокойное, твердое применение законов, чуждое всяких увлечений, всегда и всюду действует успокоительным и примиряющим образом, а на наших окраинах такая политика всегда приносила самые лучшие плоды.

Но «польско-русское примирение» получает совершенно иное значение, когда о нем говорят польские политики и их местные и заграничные органы; они требуют не однообразного и последовательного применения существующих законов, а прямо отмены неприятных им законоположений и замены их другими, более для них удобными. Тут вопрос о примирении сводится уже не к упорядочению существующих отношений, а к изменению этих отношений путем разных уступок польским требованиям.

Но уступки всегда предполагают заключение какого-либо компромисса между двумя враждующими, более или менее равными, сторонами.

Кто же в данном случае эти враждующие стороны? Русские и польские народы? Но если даже и допустить, что между ними существует какая-либо «вражда», — чего на самом деле нет, — то мы, во всяком случае, не можем себе представить, как эти «народы», живущие под скипетром Самодержавного Монарха, будут заключать между собой компромиссы и делать друг другу какие-либо уступки.

Под «русско-польским примирением» подразумевается, очевидно, нечто иное, а именно — заключение компромисса между польским населением Привислинского края и Российской правительственной властью.

Но и тут заключение какого-нибудь компромисса фактически немислимо уже по одному тому, что польское население края и Русское Правительство не являются сторонами равными. К тому же уступки с одной стороны должны быть вызваны уступками с другой, в данном же случае мы ясно видим, *кто* должен делать уступки с русской стороны, и *в чем* должны заключаться эти уступки, но *никак* не можем себе представить, *кто* может делать какие-нибудь уступки от имени всего польского населения Привислинского края, какие это будут уступки, и могут ли они вообще иметь такую же реальную, обязательную силу, какая, несомненно, будет присуща всякой законодательной реформе, произведенной Русским Правительством в угоду польским желаниям.

Но значит ли это, что все существующие ныне в Привислинском крае русские законы должны оставаться навсегда неизменными?

Это было бы очевидной несообразностью. Если законы ежегодно преобразуются и совершенствуются в остальных частях Империи, почему им не изменяться, в смысле улучшения, на западной окраине России?

Они могут и должны совершенствоваться по тем же причинам, как и в остальной Империи, не ради «вражды» или «примирения» с той или другой частью населения, а ради соблюдения общих государственных интересов.

Таков, по нашему мнению, единственно верный взгляд на данный вопрос. Правительство имеет полную возможность применять к Привислинским губерниям различные законодательные меры, из которых одни, может быть, окажутся неприятными для поляков, а другие вызовут их восторги, но руководствоваться в принятии этих мер должно не какими-либо злобными или сентиментальными соображениями, а единственно общегосударственным благом.

Поляки это очень хорошо знают и потому требуют себе уступок не во имя общегосударственных интересов, до которых им нет никакого дела, а с точки зрения «гуманности» и «терпимости». Они просят, чтобы правительство «хоть раз» произвело опыт снисходительного отношения ко всем проявлениям их национального сепаратизма, обещая, что тогда они гораздо более будут преданы России, чем теперь, когда правительство относится к ним с недоверием и подозрительностью.

Русское Правительство не раз, а, по крайней мере, уже *два раза* относилось к полякам с полным доверием и снисхождением: ответом с их стороны были 1830 и 1863 годы². Зачем же нам производить тот же опыт в третий раз?

Злопамятство и мстительность совершенно чужды Русскому народу, самому благодушному и искреннему народу во всей славянской народной семье; но забывать тяжкие уроки собственной истории было бы признаком не добродушия, а

крайнего легкомыслия, которое в государственном отношении, как это хорошо знают сами поляки, никогда к добру не приводит.

Говорят, что поляки теперь «изменились», что они теперь не мечтают о каких-либо новых восстаниях, а желают мирно жить под охраной русской державы. Говорят, что они теперь отрезвились и не предаются прежним иллюзиям об «одбуждении ойчизны». Говорят, что они отказались от Ягеллоновой идеи, требующей восстановления Польши «от моря до моря»³. Говорят... вообще много говорят в этом смысле, и мы могли бы только радоваться, если бы эти разговоры имели серьезное, реальное основание. Но в этих *разговорах*, в сущности, и заключаются, по-видимому, все те уступки, которые предлагают нам польские политики взамен весьма реальных уступок, которых они требуют от Русского Правительства.

Поляки «изменились». Если это правда, то это была бы радостная весть не только для всей России, но и для всего славянства. Давно бы пора. Причин было более, чем достаточно, для того, чтоб они поняли, наконец, как безумны были их прежние иллюзии, и как безусловно необходимо для них *раз и навсегда* отказаться от этих иллюзий. Этим искренним отказом был бы сделан первый серьезный шаг к решению всего «польского вопроса», и мы действительно имели бы тогда пред собою хоть какое-нибудь реальное доказательство искренности поляков в их «примирительных» стремлениях.

Но в том-то и дело, что мы этого всеобщего искреннего отречения поляков от Ягеллоновой идеи нигде констатировать не можем; до сих пор еще ни в одном из органов польской печати не встречалось ясных указаний на это отречение. А если так, то можно ли серьезно думать, что поляки «изменились» в том именно смысле, в каком это изменение было бы всего желательнее как для общегосударственных интересов всей России, так и для специальных интересов самих поляков?

Впрочем, в одном отношении мы можем поверить полякам: они уже не станут устраивать нового восстания, так как это грубое средство не приведет их к намеченной ими цели. Но

откажутся ли они от более утонченных, мирных средств для достижения той же цели — этого мы не знаем.

Зато мы совершенно ясно знаем, какова должна быть цель *русской* государственной политики в Привислинских губерниях, и какими средствами эта цель может быть достигнута.

Цель эта — полное слияние бывшего Польского края с Российской Империей, а средства к достижению этой цели — те, которые дадут нам возможность скорее ее достигнуть.

Но политика Русского Правительства на наших окраинах не может упускать из виду еще другую весьма важную цель.

Российская Империя со всеми ее центральными областями и окраинами создалась не сама собой, не случайно, — ее создал в течение долгого ряда веков ценой величайших усилий и бесчисленных жертв православный Русский народ. Он воздвиг тот прочный просторный дом, в котором мирно благоденствуют разные племена и народы, не находившие себе счастья и покоя, пока они не были приняты, как родные братья, в гостеприимный дом Русского народа. Многие из них не содействовали, но препятствовали созиданию этого дома, а потому, если они теперь в нем благоденствуют, они обязаны этим не самим себе, а все тому же Русскому народу.

А потому Русский народ должен быть полноправным хозяином в своем доме; русский человек должен во всех областях России чувствовать себя дома, а не на чужбине, должен всюду иметь возможность жить по-своему, пользоваться своим языком и исповедовать свою православную веру. Вот почему во всех окраинах России государственным языком должен быть русский язык и господствующей верой — вера православная, которая одна только придавала Русскому народу необходимую духовную силу в его великой, вековой созидательной работе.

Эти основные принципы русской государственной идеи должны всегда лежать в основании русской политики на окраинах России. Они нисколько не препятствуют той разумной терпимости к иноплеменникам и иноверцам, которой Русский народ всегда отличался. Так и в Привислинском крае поляки в частном и домашнем быту всегда могли свободно пользоваться

своим языком и всегда могли в своих храмах свободно молиться и совершать обряды католической церкви. В этом отношении поляки не испытывают и не должны испытывать никаких стеснений. Но, с другой стороны, они не могут требовать, чтобы мы, в угоду им, лишили русский язык его государственного значения или допустили какое-либо умаление святости или достоинства Православной Церкви.

Сохранение должного равновесия между национальными притязаниями поляков и интересами Русского Государства всецело лежит на представителях Русского Правительства в Привислинском крае. Ввиду этого от них требуется ясное понимание дела, твердость убеждений, просвещенность ума и большой такт, дабы, с одной стороны, не впасть в равнодушное *laissez faire*⁴, а с другой — в мелочную придирчивость, ибо в первом случае поляки всегда готовы увлечься несбыточными мечтами, в том предположении, что Русская правительственная власть слаба, и позволить им делать все что угодно, а во втором случае — они способны раздуть мелочные придирки в целую систему какого-то «варварского деспотизма», под игом которого они-де изнемогают.

Ввиду этого нам необходимо иметь в Привислинском крае, как и вообще на наших окраинах, безукоризненную администрацию во всех без исключения ведомствах, — администрацию, не только высоко держащую знамя русской государственной идеи, но и внушающую своими действиями уважение к этой идее, как к началу светлому, высококультурному и благодетельному. Нам постоянно нужно заботиться о том, чтобы поляки уважали нас. Будут ли они нас любить — это дело времени, это идеал, к которому мы должны стремиться, но несомненно, что любовь является результатом уважения, а не наоборот.

Уважать же нас поляки будут всегда, коль скоро мы с неуклонной, спокойной стойкостью будем охранять общегосударственные интересы России, и коль скоро охрана этих интересов в Привислинском крае будет поручена представителям Русской правительственной власти, способным своими личными даро-

ваниями, широкими взглядами и разумными действиями внушать лично к себе уважение польского населения.

При этих условиях положение дел в Привислинском крае всегда будет нормальным, и толки о какой-то «русско-польской вражде» или о «примирении» сами собой исчезнут.

Чехи и Россия

В польских и чешских газетах с большой живостью обсуждается застольная речь некоего младочешского депутата Горжицы, которую он счел уместным произнести в веселой польской компании, собравшейся в древнем русском городе Львове.

В этой речи г. Горжица отрешивался от России, называл русских «злым гением чехов» и заявлял, что русофильство чехов никогда не было искренним, что они пугали им только немцев, а что на самом деле они всегда любили поляков и вместе с ними ненавидели русских; а ненавидят-де чехи русских потому, во-первых, что «Россия ничего не сделала для чехов в прошлом и ничего не сделает в будущем», а во-вторых, потому, что в 1871 году русский посол Новиков помешал-де императору Францу Иосифу¹ осчастливить чехов автономией, которую будто бы им хотели дать тогдашние министры граф Бейст² и граф Андраши³.

Поляки, разумеется, в восторге от подобных словоизлияний, а чехи ими возмущены и упрекают депутата Горжицу в бестактности, доказывая ему, что таких вещей во всеуслышание не говорят, так как они могут-де испортить отношения России к чехам.

Нам кажется, что всему этому инциденту как поляки, так и чехи придают слишком много значения. Отношение России к чехам останется после речи г. Горжицы таким же, каким оно было и до его речи, не только потому, что она произнесена таким неавторитетным лицом, как г. Горжица, но и потому, что отношение России к чехам не может находиться в зависимости от каких бы то ни было старо- или младочешских речей.

Россия с искренним и глубоким сочувствием относится к единоплеменному чешскому народу, радуясь его радостям и горя его горем; с таким же сочувствием мы, Русские, относимся и к другим единоплеменным или единоверным народам, ни на минуту не сомневаясь и в их сочувствии к нам, так как мы никогда не смешиваем верного исторического чутья народа с честолюбивыми интересами его «интеллигенции», в особенности если она заражена теми тлетворными элементами, которые носятся в атмосфере парламентаризма.

Так и в данном случае, мы, Русские, не можем не желать от всего сердца, чтобы чешский народ в своей совокупности развивался и креп в своем национальном самосознании и дорожил своим славным историческим прошлым, когда из его среды выходили такие люди, как Ян Гус⁴, которые не отделяли своих интересов от интересов своего народа и готовы были смертью запечатлеть свои национальные и религиозные убеждения.

Что же касается современных «вождей» чешского народа, среди которых несомненно есть и вполне почтенные и уважаемые деятели, которые мечтают не об одних только гофратских и баронских титулах или о министерских постах «с портфелями» и без оных, то мы можем желать лишь одного, а именно, чтоб их парламентские, клубные, избирательные и иные «маневры» как можно менее вредили истинным интересам всего чешского народа, а, по возможности, приносили ему действительную пользу.

Одним из таких «маневров» чешской интеллигенции является в настоящее время сердечная дружба с поляками, ввиду того, что Австрийское правительство теперь находится в польских руках. Чешские политики очень хорошо чувствуют, что новое их «полонофильство» несовместимо с прежним их «русофильством», а потому одни из них стремятся уверить нас, что они-де подружились с поляками только потому, что сами поляки теперь изменились и тоже готовы стать русофилами; а другие, как, например, г. Горжица, прямо заявляют, что поляки им дороги как враги русских,

так как-де и чехи тоже одушевлены такими же враждебными чувствами к России, как и поляки.

Господа чешские депутаты могут успокоиться: нам их оправдания не нужны, так как мы их прежде всего и не думаем в чем-либо обвинять. Если они, по конституционно-парламентским соображениям, находят в настоящее время нужным идти рука об руку с поляками, то это их дело, которое нас вовсе не касается; мы от души желаем только одного, чтобы эта польско-чешская дружба принесла пользу не только чешским депутатам, но, если это возможно, и чешскому народу, и чтобы для него разочарование в польской «дружбе», которое рано или поздно неминуемо наступит, не явилось слишком тягостным и горьким.

Мы не желали бы, чтобы наши слова были неверно поняты или превратно истолкованы, а потому еще раз повторяем, что ровно ничего не имеем против теперешнего чешско-польского союза, лишь бы только чехи действительно сумели извлечь из этого союза все то, что он им сулит. Мы первые порадуемся такому результату и поздравим чешских вождей с ловкостью их политического маневра.

Но если чехи в настоящее время находят целесообразным дружить с поляками, то им вовсе нет никакой надобности уверять нас в том, будто и поляки хотят дружить с нами. Мы слишком хорошо знаем истинную цену польской «дружбы» и вовсе не нуждаемся в том, чтобы чехи выдавали полякам лестные аттестации в русофильстве. У нас есть прекрасное мерило для того, чтобы с величайшей точностью определить искренность польского русофильства: это отношение поляков к нашим единокровным братьям в Галицкой Руси. Вот если наши галицкие братья заявят нам, что поляки изменились и дружелюбно относятся к русским в Галиции, давая им полную национальную и религиозную свободу, тогда, *но только тогда*, мы поверим в искренность русофильства поляков. А чешские дифирамбы полякам, желающим будто бы примирения с русскими и в то же время бесчеловечно угнетающим русских, для нас никакой цены не имеют.

Точно так же мы не придаем никакого особого значения и «русофобству» таких господ, как г. Горжица, который самовольно присвоил себе право говорить от имени всего чешского народа, в котором никакой вражды к России нет. Так как поляки во Львове давали обед г. Горжице, то он и счел долгом сказать им что-нибудь приятное; а что может быть приятнее для поляка, как не ругательства в адрес России?

Но г. Горжица в своей речи коснулся той роли, которую будто бы играл в 1871 году русский посол г. Новиков в вопросе о даровании чехам автономии. Графы Бейст и Андраши хотели-де дать чехам эту автономию, а г. Новиков этому помешал.

Этот миф, как нам известно, доселе держится в австрийских политических кругах, и мы очень рады представившемуся случаю категорически его опровергнуть.

Чешская автономия в 1871 году встретила оппозицию именно со стороны графов Бейста и Андраши, действовавших согласно указаниям князя Бисмарка, тогда как Россия в это дело совершенно не вмешивалась⁵, как она вообще никогда не вмешивается во внутренние дела европейских государств, если они не дошли до такого беспомощного состояния, как, например, Турция; а Австро-Венгрию даже и враги ее пока еще с Турцией не сравнивают.

Вмешиваться во внутренние дела чужого государства можно только с твердым намерением поддержать свое вмешательство с оружием в руках. Россия же, неизменно преследуя миролюбивую политику, пока не затронуты ее честь и достоинство, всегда строго воздерживалась от подобных вмешательств, как бы она ни сочувствовала славянским народностям, борющимся в Австро-Венгрии за свою национальную и религиозную самостоятельность.

Вот почему Россия через своих представителей при Венском дворе никогда не противодействовала законным и естественным стремлениям славянских племен в Габсбургской монархии, но никогда и не требовала их удовлетворения, не желая вызывать политических осложнений, которые могли отразиться на этих племенах самым нежелательным образом.

Вот почему Россия воздерживается от официального заступничества не только в пользу чехов, но и в пользу гораздо более нуждающихся в защите и близких ей по вере и крови русских галичан.

Такой строго законной политики Россия будет, несомненно, держаться и впредь, пока европейский мир будет совместим с ее единством, с ее целостью и с ее высшими духовными интересами.

Эта политика нисколько не противоречит миссии России, как православной, славянской державы, которая не должна разбрасывать свои силы на необдуманные порывы, а сосредоточивать их для будущего блага всего православного славянского мира.

Политика России в Восточном вопросе

Восточный вопрос имел в своей истории много неожиданных фазисов, но последний, современный его фазис является с первого взгляда даже совершенно невероятным: христианская Европа соединила свои усилия не для того, чтобы освободить христианское население Крита из-под власти турок¹, а для того, чтобы удержать его под этой властью.

Нет никакого сомнения, что усилия Европы увенчаются успехом, но не окажется ли этот успех противоречащим логическому ходу истории?

Таков вопрос, перед которым в настоящее время несомненно многие останавливаются, так как он действительно может поставить в тупик даже людей, старающихся проникнуть в сущность политических вопросов.

Иные, пожалуй, готовы мириться с тем фактом, что Западная Европа заступает за Турцию, так как она уже часто за нее заступалась и дипломатическим путем, и с оружием в руках, как свидетельствуют о том все наши турецкие войны.

Станным для них является только участие России в этом общеевропейском концерте, так как Россия до сих пор обыкно-

венно заступалась не за Турцию, а за христианских подданных султана. Почему же Россия теперь изменила свою традиционную политику?

Но прежде чем ставить этот вопрос, необходимо доказать, что Россия в самом деле изменила свою политику в Восточном вопросе. Доказать же это можно было бы лишь в том случае, если б оказалось, что конечная цель этой политики иная, чем она была прежде, например в периоды, предшествовавшие нашим двум последним турецким войнам.

Вопрос этот заслуживает внимательного изучения.

Как в 1854, так и в 1876 году² Россия настаивала не на расчленении Турецкой империи, а на облегчении участи той или другой части христианского населения Турции. Если в том и другом случае России пришлось взяться за оружие, то она делала это лишь потому, что справедливые требования ее отвергались Турцией, которую в этом сопротивлении всегда поддерживала Англия, а иногда и другие европейские державы.

В настоящее время Россия делает как раз то же самое, что она делала накануне Крымской и последней Турецкой войны: она требует от Турции облегчения участи всего христианского населения Оттоманской империи введением разумных административных реформ. Разница в настоящем положении России заключается лишь в том, что теперь все европейские державы, не исключая даже Англии, официально поддерживают требования России, так что Турция лишена на этот раз возможности отвергнуть предъявленные ей требования, и России, таким образом, не придется обнажать своего меча против Турции.

Таким образом, политика России не только не изменилась, но, оставаясь верной своим традициям, привлекла к себе сочувствие Европы и может рассчитывать на достижение желанной цели, не прибегая к прежним кровопролитным войнам.

Этот успех русской политики в Восточном вопросе, конечно, не может быть по сердцу Англии, которая каждый успех России, где бы он ни был, привыкла считать тяжким для

себя уроном; ввиду этого неудивительно, что мирное решение возникших в Турции затруднений не может нравиться англичанам, и что они стараются так или иначе вызвать военное столкновение наперекор политике России, хотя английское правительство силой обстоятельств вынуждено официально одобрять эту политику.

Таким образом, происками Англии искусственно вызвано было внезапное обострение Критского вопроса, как раз в то время, когда он усилиями России и прочих держав приближался к мирному своему разрешению.

Как же ввиду всего этого должна была поступить Россия?

Пред ней открывались два пути: оставаясь верной своей политике, она должна была настаивать на требуемом ею мирном устранении неурядиц как на острове Крит, так и вообще во всей Турецкой империи; или же она могла, изменив своей политике, примкнуть к тайным интригам враждебной ей Англии и положить начало бесконечным войнам и междоусобиям на Балканском полуострове: ей пришлось бы приступить теперь же к началу раздела Турецкой империи, которого с таким нетерпением ждут Англия и Австро-Венгрия, но который в настоящее время вовсе не может соответствовать ни интересам России, ни интересам европейского мира, ни интересам христианского населения Турецкой империи, на котором всей своей тяжестью отозвались бы последствия мусульманского фанатизма, вызванного грозящей опасностью полного крушения Османской империи.

Вот почему Россия, заботясь, как и всегда, о мирном благосостоянии своих единоплеменников и единоверцев в Турции, должна была решительно выступить против попытки нарушить этот мир, хотя бы это нарушение и прикрывалось благовидным предлогом освобождения христиан из-под турецкого ига. Освобождение это, конечно, рано или поздно состоится, но оно должно состояться лишь при тех условиях, которые обеспечили бы освобожденному христианскому населению мирное благоденствие. В противном случае, поспешное и необдуманное освобождение могло бы принести освобож-

денным не пользу, а тяжкий вред, что уже никоим образом не могло бы соответствовать традиционной политике России.

Вот почему Россия, стараясь вместе с другими державами потушить внезапно вспыхнувший Критский пожар, ни в чем своей политики не изменила, и нарушенная, на первый взгляд, логика исторического развития Восточного вопроса остается по-прежнему строго последовательной.

Восточный вопрос будет решен не при тех хаотических условиях, которые хотелось бы создать Англии, а при нормальном ходе событий, который наиболее соответствует как христианским народам Турецкой империи, так и предназначениям мирной политики России.

Россия на Дальнем Востоке

Мы старались определить и выяснить тот высокий государственный идеал, к которому России суждено стремиться, на благо ей самой и всему человечеству.

Мы указали и на то обновление, которое должно совершиться в самой России, прежде чем она будет в состоянии достигнуть этого идеала.

Но, говорили мы, эта внутренняя подготовительная работа не должна ей препятствовать проявлять уже теперь свою *деятельную энергию* и во внешнем мире, в вопросах международной политики, в особенности, если они столь близко затрагивают ее настоящие и будущие жизненные интересы, как вопрос о Дальнем Востоке, который в настоящую минуту представляется нам в виде китайского вопроса. Отсутствие этой деятельной энергии могло бы уже теперь иметь роковые для нас последствия, не говоря о будущем времени, когда нам придется в полной готовности занять подобающее России первенствующее по мощному миролюбию место в предстоящей мировой борьбе Востока с Западом.

Но прискорбные последствия могли бы быть вызваны не только отсутствием энергии, но и целесообразным ее направлением.

Лишь та энергия будет истинно плодотворна, которая будет одушевлена неуклонным стремлением к тому православно-русскому государственному идеалу, который сияет как путеводная звезда на историческом пути России. Лишь при этом условии государственная энергия России не ошибется в своем проявлении и в применении своих духовных и материальных сил. Лишь при этом условии все частные вопросы, как в данном случае вопрос китайский, будут получать правильное решение, согласное с насущными интересами и мировым призыванием России.

Ту же самую мысль высказывает и Л.А. Тихомиров¹ в том ряде статей «Китай, Россия и Европа», который он напечатал на столбцах нашей газеты (1900 г., № 241—248).

Статьи эти вызваны были отчасти тем странным мнением, которое высказывалось, да и до сих пор еще высказывается в нашей, преимущественно петербургской, печати относительно желательного будто бы бездействия России на Дальнем Востоке, так как-де России нет никакого дела до той борьбы, которую Китай объявил Европе и в которой «нравственное право» будто бы находится на стороне Китая.

Этот призыв к пассивному, равнодушному бездействию России в таком жизненном для нее вопросе должен был, конечно, умолкнуть пред громом орудий на Амуре и в Маньчжурии, обнаружившим истинные враждебные намерения Китая, специально направленные против России. Но и этот разительный *argumentum ad oculos*², по-видимому, не убедил наших китаефилов, продолжающих утверждать, что никакой опасностью Китай нам не угрожает, и что стоит нам только протянуть ему руку, чтобы сделать из него преданнейшего друга России, после чего нам снова можно будет предаться на Дальнем Востоке сладкому *far niente*³ в области стратегического предупреждения новых вспышек панмонголизма.

Г. Тихомиров указал в своих статьях, что вся эта проповедь сентиментального квиетизма происходит от неясного представления сущности тех исторических, этнографических и, в особенности, религиозных особенностей, которые

ми Россия отличается, с одной стороны, от столь близкой ей по христианской культуре Европы, а с другой стороны — от столь чуждого ей по своему язычеству Китая. Указав на эти особенности, Л.А. Тихомиров приходит к тому же выводу, к какому пришли в своих недавно опубликованных статьях и покойный Вл.С. Соловьев, и кн. С.Н. Трубецкой⁴, и на который мы неоднократно указывали с самого начала китайского мятежа, — к тому выводу, что мы стоим перед началом того великого исторического кризиса, который неминуемо должен привести к роковому столкновению христианского Запада с языческим Востоком. Ввиду этого кровавые события в Китае, державшие все лето Европу в напряженном состоянии ужаса и трепета, являются не каким-либо случайным эпизодом в истории Китая, а прологом к той мировой драме, конец которой увидят лишь наши правнуки, но которая, тем не менее, может получить то или другое направление уже теперь, смотря по той роли, которую в ней возьмет на себя современная нам Россия.

«Наша мировая задача, — говорит г. Тихомиров, — ведет нас на Дальний Восток, но для этой задачи нам также даны и силы. Только опускаясь ниже самих себя, ниже основ своей культуры, и особенно — переставая быть христианами, мы можем не исполнить своей задачи и оказаться ниже и слабее Китая. Не китайская сила, а только наше собственное разложение может нас победить при наступающем столкновении двух культурных миров».

А потому мы снова возвращаемся к высказанной уже нами мысли: мы должны одновременно бороться с внешними и внутренними нашими врагами, с нашей «внутренней китаищиной», которая грозит нам разложением наших государственных устоев и мраком дикого обскурантизма.

Ясное понимание своих мировых задач и бодрая, деятельная энергия, стремящаяся к их решению, — вот те условия, при которых обновленная Россия может быть уверена, что в настоящем она не будет вовлечена в какую-либо политику, в которой ей впоследствии пришлось бы раскаиваться.

В какой именно дипломатической форме будет решен настоящий, вступительный фазис китайского вопроса, — это безразлично. Важно лишь одно, что он, с помощью Божией, будет решен именно как вступительный фазис, согласно жизненным интересам и историческому призванию России.

Империализм

Смешение противоречивых понятий встречается в наше хаотическое время довольно часто во всех областях человеческой деятельности.

Так и в области государственной жизни современных народов мы невольно поражаемся таким странным антиномиям, как «империалистическая республика», которой может служить соответствующим дополнением разве какая-нибудь «республиканствующая империя».

В самом деле, что может быть более противоположным друг другу, как республика и империя? Эти две государственные формы взаимно друг друга совершенно исключают. Какой же может быть «империализм» в республике? На первый взгляд такое явление представляет собой полнейший логический абсурд.

Да, конечно, это — абсурд, но только на первый взгляд.

Мы знаем в истории примеры, когда республики превращались в империю потому именно, что они задолго еще до этого окончательного превращения преисполнены были империализмом. Римская республика стала республикой империалистической, как только перед ней, после победы над Ганнибалом, раскрылись широкие горизонты мирового владычества. Точно так же и первая Французская республика была империалистической еще до совершенного Наполеоном государственного переворота, с той минуты, как она осознала необходимость вернуть себе мировое значение великой державы, утраченное ею в дни кровавого террора.

Что же после этого удивительного, если мы в настоящее время видим пример такой же империалистической республи-

ки в Соединенных Штатах, которые ныне тоже, в силу исторических законов, переживают процесс превращения в великую мировую державу?

О, конечно, превращение это в высшей степени нежелательно для всех остальных великих держав, и в особенности для России. Для нас было бы гораздо приятнее и покойнее, если бы Соединенные Штаты строго придерживались доктрины Монро¹, не увлекались широкими мировыми задачами и сидели бы у себя дома, как это делают другие республики, вроде Андорры, Швейцарии и Сан-Марино.

Да, но для этого не следовало допускать территориального и торгово-промышленного роста Соединенных Штатов.

Раз европейские державы не могли или не хотели препятствовать этому росту, им приходится серьезно считаться не только с ним, но и со всеми, столь неприятными для них, последствиями его. А эти последствия неминуемы; не только по историческим, но и по психологическим законам.

Республиканская форма правления может соответствовать лишь небольшим народам с тесно ограниченной территорией и со столь же ограниченным политическим кругозором. Какой-нибудь скромной Швейцарии, скрытой в своих горных котловинах, с гарантированной соседними державами мирной безопасностью можно быть и республикой. Но если Швейцария была бы иной в количественном отношении, она была бы совершенно иной и в отношении качественном. Если бы ей принадлежали все Альпы от Лиона до Вены и от Мюнхена до Милана со всем Альпийским побережьем Средиземного моря, она этим самым принуждена была бы играть видную роль в мировой политике и несомненно представляла бы собой некоторое время пример империалистической республики, пока, наконец, не сбросила бы с себя эту противоречивую форму правления, превратившись либо в сильную монархию, либо снова в чисто республиканский скромный союз маленьких кантонов.

Да и в современной нам Французской республике разве не проявляются тоже империалистические тенденции?

Мы вовсе не имеем в виду одну партию бонапартистов, но стремления, присущие всему французскому народу, которые так ярко выразились в эпоху буланжизма². Если, несмотря на свой природный монархизм, Франция пока еще остается республикой, то это не потому, что она не желает быть империей, а только потому, что для этой готовой империи нет пока императора. Если явятся национальные герои во Франции или в Соединенных Штатах, они будут иметь все шансы, чтобы превратить эти «империалистические республики» в настоящие империи.

В таких превращениях действует не слепой случай, а тот исторический и психологический закон, о котором мы говорили выше.

Когда республики становятся сильными и приобретают мировое значение, они по необходимости становятся империалистическими, постепенно утрачивая свой чисто демократический характер. Так было не только с Римской, но, например, и с Афинской и Венецианской республиками, как только политически их кругозор перешагнул узкие границы их первоначальной территории и они постепенно превращались в великие державы: психология малых, не идущих в исторический счет, народов существенно отличается от психологии великих народов, призванных играть более или менее выдающуюся роль в мировой истории; то, чем могут довольствоваться первые, совершенно немыслимо для духовных потребностей вторых. В малых незначительных республиках может и не быть империализма, который зато присущ всем великим республикам в переходном их состоянии между республиканским ребячеством и зрелым возрастом монархизма.

Но если это так, если в *растущих* республиках по необходимости проявляются признаки империализма, то и в *нисходящих* или впадающих в детство империях должны, по той же необходимости, проявляться признаки республиканизма.

За примерами нам ходить недалеко.

Перед нашими глазами находится такая близкая к разложению империя, в которой поистине гораздо больше ре-

спубликанствующих, чем империалистических элементов. Ослабление центральной монархической власти; центробежное стремление разноплеменных окраин, приобретающих все более самостоятельности в прямой ущерб общему государственному организму; усилившаяся вследствие этого разнузданность племенной вражды на чисто демократической почве, при общей ненависти к растерявшейся центральной правительственной власти — все это признаки того тяжелого кризиса, чтобы не сказать предсмертной агонии, которую переживает, а может быть, и не переживет, славная и сильная некогда империя Габсбургов, в которой наши либералы находят столько аналогий с Россией!³

Неосновательность этой аналогии бросается в глаза. Демократизация Австро-Венгрии — давно уже совершившийся факт, вызвавший все неизбежные с ним пагубные последствия. Попытка внести в Россию демократические элементы была, слава Богу, приостановлена еще в 1881 году, с тем, чтобы ей уже более не возобновляться до тех пор, по крайней мере, пока Россия по-прежнему будет идти из силы в силу, возрастая в своем мировом значении, которого демократизованная Австро-Венгрия уже лишилась.

Вот с этой перспективой возрастания Русской Империи наши либералы никак примириться не могут. Пред возрастающим империализмом великой Американской республики им хотелось бы видеть ослабление и умаление демократизованной ими великой Русской Империи, дабы она, по аналогии с Австро-Венгрией, распалась на мелкие национальности, объятые непримиримой племенной враждой, а затем и на мелкие государственные осколки, которые неминуемо сделались бы добычей более сильных соседей.

Империализм республик является, как вы видели, признаком усиления и укрепления их жизненной энергии и предвестником перехода их в настоящие мировые государства — империи. Республиканство и демократизм империй, наоборот, являются предвестниками падения их жизненной энергии, и если этого печального исхода не минует Австро-Венгрия, то

его минует, с Божией помощью, вопреки всем стремлениям наших либералов, — Россия.

Македонский вопрос

Что македонский вопрос¹ стал вопросом нашей, русской, жизни, видно уже из того, что он разделил русское общество на два лагеря, смотрящих далеко неодинаково на ту роль, которая предназначена России в разрешении этого вопроса.

Одни хотят уверить нас, что македонский вопрос ничем не отличается от вопроса болгарского в том виде, как он возник четверть столетия тому назад, и что, следовательно, роль России должна быть совершенно та же, что и в 1877 году, когда она в величавом порыве благороднейшего самопожертвования взялась разрубить своим мечом Гордиев узел векового Восточного вопроса.

Другие (в том числе и мы) видят все глубокое различие, существующее между болгарским и македонским вопросами, как в самом их существе, так и в тех обстоятельствах, среди которых они возникли, и поэтому не находят возможным, чтобы при столь радикально изменившихся условиях Россия буквально повторила тот же самый образ действий, как и 25 лет тому назад, если бы даже он был свободен от тех ее промахов, которые в конце концов привели ее в качестве подсудимой на Берлинский конгресс. Эти промахи вовсе не были какой-либо роковой необходимостью и отнюдь не вытекали из общей восточной политики России конца 70-х годов, и мы поэтому легко можем себе представить, что последняя война действительно получила окончательное свое завершение в Сан-Стефанском мирном договоре², и что этот договор действительно вступил в силу и применялся во всех своих частях до настоящего времени.

И тем не менее, мы и в этом случае стояли бы теперь перед тем же самым македонским вопросом, так же как мы недавно стояли перед критским, эпирским и фессалийским вопросами, и как мы всегда будем стоять перед одним из вопросов, вы-

зываемых населением той или другой европейской провинции Турецкой империи, стремящимся сбросить с себя ненавистное мусульманское иго.

В сущности, нет никакого македонского вопроса, а есть только вопрос турецкий.

Можно ли в настоящее время положить конец турецкому владычеству в Европе или нет, — вот вопрос, который следует себе поставить, коль скоро является необходимость серьезно взглянуть на современное политическое положение Балканского полуострова.

Прошло то время, когда России приходилось решать турецкий вопрос отдельными частями, достигая каждый раз лишь ничтожной доли того, что соответствовало бы ее действительным желаниям и усилиям. Как Севастопольская, так и последняя Балканская война доказали, что русское войско может совершать истинные чудеса стойкости, выносливости и храбрости, но что даже положительные результаты, достигнутые этими чудесами, вызывали впоследствии тяжелое чувство неудовлетворенности как в России, так и в освобожденных от турецкого ига государствах, которые вследствие этого относились к России далеко не с той благодарностью, на которую она вправе была рассчитывать. Так точно будет и впредь, если мы снова станем напрягать все свои усилия, чтобы в конце концов неудовлетворительно решить еще какую-нибудь частицу турецкого вопроса.

Сознания этой истины в России не было в 1877 году, когда она с таким богатырским порывом ринулась на спасение болгар, а теперь она от этого сознания отделаться не может, а потому она и неспособна на повторение того же самого богатырского порыва. А без народного энтузиазма в наше время народных войск войны вести нельзя, так же нельзя, как нельзя ее вести, например, без денег. Вот одно из главных различий между современным отношением России к Балканскому вопросу и тем, с которым она приступала к его решению в 1877 году. Кликните клич на всю Россию, что дело идет о водружении православного креста над Св. Софией, — и вся

Россия воспрянет духом и с восторгом примет участие в этом *русском* крестовом походе. Но преемники г. Стамбулова³, хозяйничающие ныне в Болгарии, убийцы короля Александра⁴, празднующие свои оргии в Сербии, и динамитчики г. Сарафова⁵, издевающегося над ясно выраженной волей Императорского Русского Правительства, — никакого воодушевления в Русском народе вызвать не могут. Неужели можно отрицать эту истину? Неужели можно ее забыть и утверждать, что с 1877 года ничего в сознании Русского народа не изменилось и что он мог бы выслать своих героев под начальством какого-нибудь нового Черняева⁶, чтобы подрататься об руку с каким-нибудь г. Машиным⁷, или вместе с г. Сарафовым подкладывать динамит под жилища мирных граждан и разбойнически захватывать и эксплуатировать богатых американок? На такие «подвиги» неспособны были бы даже худшие из черняевских «добровольцев».

Но и помимо того, сама Россия в настоящее время совершенно иная, чем она была четверть столетия тому назад. В то время она могла сосредоточить все свое внимание на одном Балканском полуострове, в пределах которого и заключался весь тогдашний «Восточный вопрос». Теперь этот вопрос сделался всемирным, так как он простерся на весь Азиатский континент, и в решении его принимает живейшее участие не только вся Европа, но и Америка. В 1877 году Россия могла еще позволить себе роскошь самопожертвования ради балканских славян. В настоящее время такая чисто «альтруистическая» политика была бы безумием не только в интересах самой России, но даже и в интересах балканских славян, которые могли бы, при неблагоприятном решении вопроса, утратить в России ту могущественную силу, которая одна только могла бы со временем, *в избранный ею самой исторический момент*, доставить им то, чего они так желают.

Значит ли это, что Россия ничего не должна делать для водворения нормального порядка в Македонии? Нисколько. Но и тут следует предоставить ей самой выбор средств для достижения этого результата.

Россия, как известно, выработала определенную программу для реформ в Македонии, которая немедленно принята султаном и немедленно же отвергнута г. Сарафовым, который этим, разумеется, мог только вооружить против себя Россию. Ничего подобного в 1877 году не было: тогда Турция отвергла реформы, предложенные Россией, которая тогда логически и должна была объявить Турции войну. Но такую логику теперь, очевидно, применить невозможно. Мало того, Россия теперь, благодаря г. Сарафову, лишена возможности требовать от Турции проведения македонских реформ, так как она при всем желании не могла бы этого сделать ввиду господствующего в Македонии мятежа.

Таким образом, Македонское восстание не только не содействует окончательному решению векового турецкого вопроса, но только осложняет его, отодвигая еще дальше время этого решения...

Ближний и Дальний Восток

Вопросы Ближнего и Дальнего Востока не раз уже привлекали к себе серьезное, сосредоточенное внимание России, но ни разу еще они не являлись одновременно на нашем политическом горизонте с такой жгучей обостренностью, как в настоящий, несомненно выдающийся по своей важности, исторический момент.

От той политики, которой ныне намерено держаться Императорское Русское Правительство, будет зависеть судьба России на многие, может быть, столетия. Ибо вся будущность России так тесно связана с Востоком, что и *европейское* свое призвание или, вернее, свое *мировое* призвание Россия может исполнить достойно лишь в том случае, если она достойно разрешит свои восточные задачи.

Каковы эти задачи?

Все они сводятся к одному главному жизненному вопросу: к основанию и поддержанию такого прочного, несокрушимого мирного положения на всем Востоке, которое давало бы

России возможность приступить к исполнению своего мирового призвания не опасаясь, чтобы какие-либо осложнения на ее восточных границах могли отклонить ее от этого призвания.

Как же может Россия создать такое положение? Одними лишь завоеваниями? Нисколько. Принципиальным воздержанием от каких-либо завоеваний? Еще менее того.

Разумная и твердая планомерная и последовательная политика России на Востоке не должна гнаться за вечно новыми завоеваниями, но и не должна избегать их, если они представляются необходимыми для обеспечения того прочного мира, который, как мы сказали, является единственной целью России.

В самом деле, России ничего другого не нужно на Востоке, кроме полной уверенности, что ее владения совершенно безопасны от какого бы то ни было насильственного нарушения их пределов. Коль скоро положение на Востоке будет таково, то ни Китай, ни Япония, ни Англия, ни Соединенные Штаты и помышлять не будут о каком бы то ни было враждебном отношении к России, как о том, например, теперь уже не помышляют ни Персия, ни Корея, и как без английских подстрекательств не помышлял бы о том и Афганистан, — Россия могла бы быть вполне покойной и, со своей стороны, не находила бы ни малейшего повода враждебно относиться к вышеназванным государствам.

Но чтобы достигнуть этого столь желательного для всех результата, необходимо, чтобы на всем без исключения Востоке имя Белого Царя почиталось как символ высшей справедливости и несокрушимой мощи.

Но этого до сих пор, например, англичане и японцы признавать не хотят, а потому и России приходится ожидать с их стороны всяких враждебных действий, начиная с закулисных каверз и кончая открытой войной, а следовательно, ей приходится быть готовой к энергическому проявлению своей мощи, причем, смотря по обстоятельствам, она может оказаться вынужденной укрепить свое положение, во избежание новых нападений, каким-либо новым завоеванием.

Вот, например, англичане, а за ними и подпавшие под их злокозненное влияние японцы, упрекают Россию, что она «безо всякого повода заняла Маньчжурию и теперь не хочет из нее уходить».

Если же по строгой справедливости восстановить действительный ход событий, то несправедливость этого упрека становится очевидной.

В самом деле, перенесемся к кануну Боксерского восстания¹. Россия в то время была так далека от каких бы то ни было не только завоевательных, но даже вообще воинственных помышлений, что вся ее бесконечная пограничная с Китаем территория охранялась лишь пикетами вошедших даже в пословицу «дремлющих казаков». Мы почти целый год и не подозревали, как тщательно Китай, под видом «боксерского мятежа», систематически подготавливал вооруженное вторжение в наши пределы, так что когда это вторжение совершилось, оно застало наш Благовещенск почти без всяких войск, место которых было поспешно занято наскоро кое-как вооружившимися благовещенскими жителями. Одновременно в самом Пекине посольства европейских держав, в том числе и Императорское Русское посольство, подверглись осаде и жесточайшему штурмованию, а построенная на русские средства Маньчжурская железная дорога была почти вся разрушена китайскими регулярными и «мятежными» войсками, и — что особенно возмутило все русские сердца — мирная Православная миссия в Пекине была разгромлена, а члены ее, принявшие христианство китайцы, испытали изуверское кровавое преследование фанатичных язычников.

Ввиду этого ничем не вызванного дерзкого вызова со стороны китайцев Россия была вынуждена выйти из своего благодушного, доверчивого к ним отношения и двинуть свои войска на Дальний Восток для защиты своей территории, для освобождения своего посла, для возобновления движения по своей железной дороге, для восстановления своей христианской Миссии и для поддержания своего политического обаяния на всем Востоке.

Русские войска доблестно исполнили возложенное на них поручение, прошли с севера на юг, при постоянных стычках с китайцами, всю Маньчжурию и нанесли этим китайскому высокомерию тот решительный удар, который немедленно отозвался и в Пекине и дал возможность, между прочим, Русским же войскам освободить из мучительной осады европейские посольства.

По восстановлении мирных отношений с Китаем² Россия условилась с ним относительно постепенной эвакуации Русских войск из Маньчжурии в том случае, если 1) полное спокойствие в ней будет восстановлено, и если 2) не возникнут какие-либо новые осложнения на Востоке, которые вынудят Россию отказаться от предполагавшейся эвакуации.

Как известно, оба эти условия не осуществились. В Маньчжурии до последнего времени не утихали дерзкие агрессивные действия хунхузов³, а вновь заключенный англо-японский союз совершенно изменил существовавшее на Дальнем Востоке равновесие военных сил⁴. Япония в союзе с Англией является ныне сильной угрозой восточному миру, и пока эта угроза не прекратится, Россия имеет, на основании своего договора с Китаем, полное право ожидать грядущих событий, не покидая своей маньчжурской позиции, которую она заняла не по собственному произволу, а в силу необходимой самозащиты.

Россия, как прежде, так и теперь, никаких завоеваний на Востоке не ищет. В этом нас убеждает история всего движения России в Средней Азии в течение всего XIX столетия. Россия всякий раз была вызываема на отражение враждебных против нее действий соседних государств или племен, и иногда находила себя вынужденной полагать предел этим действиям покорением своих врагов и подчинением себе их владений.

Точно так же и в настоящем случае Россия давно очистила бы Маньчжурию, если бы не враждебные против нее замыслы англичан, японцев, а может быть, и китайцев, которые вынуждают ее пока пользоваться своим правом и не очищать Маньчжурию и которые могут со временем вынудить ее отложить это очищение на неопределенное время...

Так будет и впредь, пока соседи России не убедятся в необходимости жить в полном мире с Россией, от которой им тогда не будет угрожать ни малейшей опасности. Все западные европейские великие державы направляют ныне свои мысли на заморскую колониальную политику, и нет никакого сомнения, что в ближайшие века судьба этих государств будет разрешаться в Африке, Америке, Австралии и Азии. Россия никаких заморских планов не имеет, а желает только оставаться спокойно у себя дома, на своей сплошной европейско-азиатской территории; если остальные державы предоставят ей этот мирный покой, она их колониальной политике, конечно, мешать не будет.

Такова мировая программа России на Дальнем Востоке, сравнительно с которым Ближний Восток является каким-то политическим пигмеем. Выход России из Черного моря, составлявший до сих пор ее жизненный интерес, утратил ныне для нее всю свою обостренность, так как Сибирская дорога открыла России иной, более удобный и краткий, путь в ее восточные владения. Святая София, как и Святая Земля, является для России чисто духовным высшим идеалом, бескровное достижение которого ей, вероятно, суждено лишь как высшая награда за конечное исполнение ее великого исторического призвания. А что касается до находящихся пока под мусульманским владычеством балканских славян, то Россия, конечно, и без военных мер сумеет улучшить их положение, если только они сами своими безрассудными действиями не будут препятствовать ее благим намерениям.

Наши друзья и враги

Если с человеком по его ли или по чужой вине стряется несчастье, он может найти себе горькое утешение в возможности сделать точную проверку своих друзей и врагов. Врагов окажется, конечно, несравненно больше, чем друзей, так как все без исключения полудрузья очутятся в таком случае в лагере открытых врагов. Но это — факт вполне естественный и

особенно удручать подвергшегося тяжкому испытанию человека не может. Но трудно и почти невозможно мириться ему с мыслью, что от него отворачиваются и те люди, которых он считал искренними друзьями и на участие которых он мог рассчитывать.

Как с отдельными людьми, так и с нациями.

На Россию нагрянуло тяжкое испытание. Что Россия была далека от того, чтобы намеренно вызвать то положение, в котором она ныне находится, — это никакому сомнению не подлежит, а потому она считать себя виновной не может. Не могут считать ее виновной и все ее друзья, сочувствие которых в данную минуту было бы для нее великим утешением.

В особенности это утешение было бы дорого ввиду того цинического злорадства, с которым относятся к России такие отъявленные ее враги, как, например, Англия, от которой мы, конечно, ничего другого не ожидали, так как никогда англичане нас в своей дружбе не уверяли и всегда от души желали нам всякого зла.

Но уже менее понятно нам то враждебное зложелательство, с которым к России, например, относится, с самого начала нашего столкновения с Японией, почти вся итальянская печать. Еще пять месяцев тому назад та же печать с таким нетерпением ожидала приезда в Рим нашего Царя и вся поголовно, за исключением двух-трех социалистических листков, уверяла нас в своей горячей и бескорыстной любви к России, ожидая от нее заключения выгодного для Италии торгового договора. Куда делись все эти пламенные любовные объяснения? Они уступили место мелкому, злостному, чисто итальянскому издевательству над Россией и над ее мнимыми «поражениями» в Японском море. Таково, по крайней мере, настроение большинства итальянского народа, тогда как правительство короля Виктора-Эммануила¹ держит себя совершенно корректно в своих «дружеских» отношениях к России.

Не только корректно, но и, по-видимому, искренно сочувствует России в ее борьбе с Японией правительство императора Вильгельма². Но, к удивлению нашему, совершенно иначе от-

носятся к нам подданные германского императора, значительная часть которых, судя по германской печати, открыто стала на сторону Японии. Правда, японцы сами по себе не особенно симпатичны немцам, но немцы им желают всякого успеха против России, «чтобы сбить спесь с этих русских, непомерно возвысившихся рядом с Германией». Впрочем, мы должны оговориться: мы судим, как мы уже сказали, о настроении народа в Германии по немецким газетам, значительная часть которых серьезно верит в какую-то предстоящую «внутреннюю катастрофу России». Они поэтому охотно подпевают нашим злейшим врагам, которые прямо спекулируют на какой-то фантастический «Порт-Артурский погром», который-де по примеру «Севастопольского погрома»³ должен будет произвести в России «либеральную эволюцию» с тем «увенчанием здания», о котором так усиленно мечтают ненавистники России. А между тем мы знаем, что эти мечты теперь именно благодаря войне, рассеявшей наш «либеральный» кошмар, менее сбыточны, чем когда-либо.

На ту же «внутреннюю смуту» в России рассчитывают, очевидно, и австрийские газеты, в отличие от мадьярских, которые за последнее время стали смотреть на Россию более трезвыми глазами. Конечно, мы не огорчаемся, видя, как австрийские поляки с особой радостью дают свободу той традиционной ненависти, с которой они всегда относятся к нам, где это только возможно. Но что те же враждебные чувства к нам питают и австрийские немцы, нас поражает как довольно странное явление ввиду тесного сближения России и Австрии на Балканском полуострове. Или, может быть, габсбургские патриоты тоже рассчитывают на какой-нибудь «Порт-Артурский погром», который-де отвлечет Россию от Балканского полуострова, предоставив его одной Австро-Венгрии? Напрасные расчеты!

Но где же, наконец, наши верные друзья?

Когда-то «друзьями России» называли себя американцы; но мы давно уже знаем цену их дружбы, определяющуюся большим или меньшим количеством долларов. Мы, конечно,

можем во всякое время купить себе любовь Америки, если к тому будет желание, но мы всегда будем знать, что Америка бросится в чужие объятия, коль скоро ее любовь там будет оплачена еще более высокой суммой.

Но вот Франция. Это ведь не прежний, а теперешний наш «друг и союзник». Разве Франция не за нас? Смотря по тому, о какой Франции вы говорите. Французский народ, конечно, всецело стоит на нашей стороне, но правительственный якобинский «блок» в парламенте нисколько не разделяет чувств французского народа и относится к нам с полным равнодушием, чтобы не сказать с затаенной враждой... Один уже г. Жорес чего стоит, требующий разрыва русско-французского договора! Конечно, президент республики г. Лубэ⁴ и министр иностранных дел г. Делькассэ⁵ делают все, что могут, чтобы сохранить добрые отношения с Россией; но что, в сущности, могут они сделать, имея против себя русофобское большинство палаты?

Так где же, наконец, наши друзья? Неужели мы совсем одиноки?

Нет, за нас громко высказываются наши родные братья славяне, в особенности славные борцы за славянскую идею чехи и, как ни слабо, в материальном отношении, их чисто отвлеченное сочувствие нам, оно исходит от искреннего сердца и потому нам так невыразимо дорого⁶.

Славяне должны понимать, и они, по-видимому, действительно понимают, что мы, сражаясь на Дальнем Востоке, не только не забываем своего исторического призвания на Востоке Ближнем и на ближайшем к нам юго-западе, но что, напротив, Россия выковывает себе на Желтом море тот меч, без которого она не может исполнить свою великую миссию на Черном море.

Итак, вот результат проверки наших друзей в возникших для нас тяжелых обстоятельствах.

Ни одно государство в целом своем национальном и правительственном составе не становится на нашу сторону. Нам сочувствует лишь император Вильгельм без своего народа,

французская нация без правительственного большинства своего парламента и чешский народ, не имеющий ни своего государства, ни своего правительства.

И вот мы, в сущности, в начавшейся борьбе не имеем возможности опереться на какие-либо реальные и активные сочувствия. Мы предоставлены самим себе точно так же, как это было 25 лет тому назад, когда мы переходили Дунай и Балканы и подошли победоносно к самому Царьграду⁷.

Одиночество нас не пугает. Мы настолько сильны и материально, и в особенности духовно, что сумеем справиться с коварным врагом и безо всякого постороннего сочувствия.

Но мы должны твердо помнить, как лицемерно нам в тяжелую минуту изменили даже по-видимому искренние друзья, и когда Господь нам поможет выйти с честью из посланного нам тяжелого испытания, нам придется впредь уже действовать так, чтобы не подвергать себя снова таким разочарованиям, какие нам теперь приходится испытывать.

«Почетный» мир?

Большинство наших «либеральных» и иных публицистов продолжают высказывать свое традиционное легкомыслие.

В то время как серьезные, истинно Русские люди напрягают все свои силы, чтобы найти и обеспечить России победоносный выход из настоящего критического положения, вышеназванные публицисты заладили одно требование: «Немедленно созвать земский собор, который и сумеет найти условия для заключения почетного, безобидного для России, мира с Японией».

Мы уже не говорим о нелепости предположения, будто две, три сотни земских и судебных говорунов, собравшись в одно место, сумеют лучше разрешить вопрос о мире, чем Императорское Русское Правительство: ведь для всех совершенно ясно, что эти господа так торопятся выступить в роли «представителей» русского народа, чтобы скорее объявить себя «учредительным собранием», захватить в свои руки правительствен-

ную власть и распределить между собой и своими присными наиболее выгодные в государстве места. О войне же с Японией они себе головы ломать не будут, а подмахнут какой угодно, хотя бы самый позорный, мир, так как весь его позор они свалят на «предыдущий режим», то есть на Самодержавие. До России же, до ее чести и славы, им никакого дела нет и не будет.

Но в таком случае можно ли верить их обещаниям, будто они найдут условия для «почетного», «безобидного» для России, мира?

В той стадии, на которой ныне находится Русско-японская война, никакого «почетного» мира для России быть не может. Разве мыслим был «почетный» для России мир немедленно после Бородина и вступления Наполеона в Москву? Если б Александр I, смутившись пред тяжкими неудачами начала кампании и не доверяя внутренней мощи России, вступил с ее врагом в мирные переговоры, то он никакого «безобидного» мира не достиг бы, а напротив того, покрыл бы и себя, и Россию вечным позором. Но он ни на минуту не усомнился в конечном торжестве русского оружия, продолжал войну с удвоенной энергией, издав высоко знаменательный исторический манифест, и довел ее до славного победоносного конца.

Какой же в таком случае возможен «почетный» мир для России теперь, когда каждое «требование», предъявленное японцами, может для России быть лишь кровавым оскорблением?

Ведь один уже тот факт, что Россия до сих пор была слабее Японии, что она еще не отплатила ей за коварное нападение, поставил Россию в глазах всего мира, а в особенности в глазах азиатских народов, в тяжкое, приниженное, невыносимое положение, так что если бы даже Япония не предъявила теперь России никаких «требований», Россия не только не извлекла бы никакого «почета» из заключенного теперь мира, а напротив того, должна была бы расстаться со своей завещанной ей Александром III руководящей ролью во всемирной политике, уступив ее своим врагам безо всякой надежды на какое-либо заступничество со стороны своих «друзей».

Всякий поймет, какими тяжелыми последствиями отозвалось бы такое положение вещей на всей дальнейшей судьбе России.

Но обо всем этом наши демагоги и не помышляют. Они затвердили одно слово «земский собор» и хотят заставить Россию верить в это слово как в какой-то фетиш, не отдавая себе ни малейшего отчета, почему именно земский собор спасет Россию.

Римляне называли революционеров людьми «жадными до новых вещей» (*cupidi rerum novarum*). Это название как нельзя более подходит и к нашим мятущимся радикалам: им нужно только одно — «новый режим», в котором они сами играли бы первую роль, а там хоть пропадай и честь, и слава России! Пусть развалится вся Российская Империя, лишь бы только им устроить свои дела и делишки по тому образцу, как их устраивают, например, американские и французские «друзья народа», служащие идеальным примером для наших земских, городских и иных «общественных деятелей».

Они обещают выхлопотать России «почетный» мир! Сколько самонадеянности в этом обещании, сколько легкомысленного шарлатанства, сколько невежества как в оценке настоящего международного положения, так и в оценке того, что для России может быть почетным и что позорным!

Алчная жажда власти положительно вскружила им голову. Они, вероятно, уже теперь распределяют между собой роли Дантона, Мирабо, Демулена, Робеспьера, Марата и Сийэса, ожидая в своем безумном увлечении, что к ним примкнет и какой-нибудь Филипп Эгалитэ¹. Они предвидят, конечно, и сопротивление Власти, и мечут между собой жребий, кому из них произнести эффектную фразу Мирабо: «скажите нашему повелителю, что мы находимся здесь по воле народа».

Нам необходимо постоянно помнить старое, безусловно верное политическое правило: «делай всегда противоположное тому, что тебе советуют твои враги». Никто не станет отрицать, что злейший враг России — Англия. А потому, если мы теперь находимся перед вопросом о войне и мире, то нам

стоит только прислушаться к тому, что нам советуют англичане, чтобы без колебания остановиться на вполне безошибочном решении. Еще более верным критерием в данном вопросе является еврейская печать всех стран света, так как ее ненависть ко всему русскому не прикрывается даже той личиной джентльменского приличия, которой еще несколько сдерживается злорадство англичан.

Что же нам советуют и англичане, и евреи? Ввести у себя конституцию и заключить немедленно мир с Японией. Как раз то же самое, что нам советуют и наши радикальные реформаторы России, которые всегда идут рука об руку с ее внешними врагами, когда вопрос идет об унижении и разложении России.

Впрочем, иные из наших «политиков» поступают в таких случаях не вполне сознательно, либо по «общейинтеллигентскому» невежественному легкомыслию, либо по старческой близорукости. Зато внешние враги наши дают нам свои советы вполне сознательно, рассчитывая наверняка, что если мы их примем, то они послужат во вред ненавистой им России.

Вот почему и евреи, и англичане, и немецкие социалисты, и французские франмасоны так усиленно желают навязать нам и конституцию, и немедленный мир с Японией. Они отлично знают, что конституция окончательно обессилит Россию и положит начало ее разложению, так что легко будет разорвать ее на части как европейским, так и азиатским ее соседям. Они с еще большей уверенностью рассчитывают и на то, что немедленный мир может для России быть лишь позорным миром и что этот позор окончательно лишит Россию как в Европе, так и в особенности в Азии, того векового традиционного обаяния, которым она доселе пользовалась для расширения и укрепления своего могущества.

Неужели же мы, зная, видя и слыша все, что вокруг нас говорят и делают наши злейшие враги, будем слепо исполнять их советы и желания? Неужели простой здравый смысл не велит нам с удвоенной энергией держаться за Самодержавие наших Царей уже по тому одному, что оно так неприятно на-

шим врагам, которые *в своих интересах* столь страстно желают, чтобы мы заменили этот оплот России вреднейшей для нее конституцией?

Точно так же мы уже по тому одному должны отвергнуть даже мысль о возможности немедленного для России мира, что немедленный мир соответствовал бы желанию наших злейших врагов, которые отлично знают, что такой мир мог бы для России быть всем чем угодно, но только не «почетным».

РУССКИЙ МИР

Православная Церковь перед судом «интеллигенции»

Вопросы церковные не сходят со страниц нашей светской печати.

На первый взгляд этому можно было бы только радоваться. В самом деле, если наше «интеллигентное» общество так интересуется Церковью, то это, может быть, потому, что оно, во-первых, стало менее интересоваться светскими вопросами, а во-вторых, потому, что оно чувствует потребность вернуться в лоно Церкви, из которого оно, по своему легкомыслию, самовольно себя удалило.

Если бы таковы были действительные причины того интереса, который наша «интеллигенция» ныне так усиленно стала проявлять к церковным вопросам, то мы первые от всей души приветствовали бы это явление, как в высшей степени желательное.

Но, к сожалению, такое предположение не находит себе реального оправдания. Интерес к церковным вопросам несколько не заслонил собой у нашей «интеллигенции» ее интереса к вопросам светским, уровень которых за последнее время не только не повысился, но даже значительно понизился. К тому же то невежественное легкомыслие, с которым «интеллигенция» трактует светские вопросы, переносится ею и на вопросы церковные, которые она не столько решает, сколько оскверняет пошлостью своих взглядов и рассуждений.

Что же касается желания «интеллигенции» вернуться в лоно Церкви, то это лишь благовидный предлог, прикрывающий собой совершенно иные цели.

В самом деле, можно ли предполагать, что такое искреннее желание присуще всей нашей «интеллигенции»? Если бы

наша «интеллигенция» представляла собой какую-нибудь замкнутую партию людей, солидарных между собой и отвечающих друг за друга в своих стремлениях и желаниях, то мы могли бы ожидать от них какого-либо общего стремления к Церкви. Но мы не можем даже сказать, чтобы та единственная связь, которая соединяет всех наших интеллигентов — их невежественное легкомыслие, — у всех них стояло на одном и том же общем для всех уровне. И легкомыслие, и невежество отличаются у наших «интеллигентов» массой различных ступеней и оттенков и входят между собой в самые разнообразные комбинации. Ввиду этого можно, конечно, предположить, что, по всей вероятности, есть немало отдельных «интеллигентов», которые, отличаясь наименьшей степенью легкомыслия и невежества, чувствуют действительную потребность и искреннее желание вернуться к Церкви и войти с верой и благоговением под ее святую и благодатную сень. Кто не знает таких отрадных примеров, и никто не укажет ни одного случая, когда бы Церковь не открывала с истинной материнской любовью своих всепрощающих объятий таким искренно кающимся грешникам. Если бы таковыми именно грешниками, жаждущими церковной благодати, были *все* наши «интеллигенты», то русское общество находилось бы накануне своего коренного нравственного обновления, накануне того лучезарного дня, когда русская «интеллигенция» слилась бы навеки с Русским народом в общей православной вере в Церковь Христову.

Но, увы, до этого дня нам еще очень далеко, да и наступит ли он когда-нибудь? Как бы многочисленны ни были упоминаемые нами выше примеры искреннего раскаяния «интеллигентов», примеры эти остаются все-таки лишь единичными, теряющимися в общей массе нашей «интеллигенции», которая не только не думает о каком-либо собственном раскаянии, но с кичливой надменностью *призывает самую Церковь к покаянию перед «интеллигенцией» в каких-то ее прегрешениях!*

Разве мы не видим, как на каждом шагу «интеллигенты» в своих статьях и речах творят суд и расправу над Вселенской Церковью, пользуясь всем кляузническим аппаратом

современных присяжных софистов? У них, в сущности, та же самая цель, которая была у книжников и фарисеев, желавших «обольстить словом» Спасителя, о которых нам повествуют Св. Евангелисты Матвей, Марк и Лука:

«И взыскаша архиереи и книжницы возложить на нѣ руки в той час и убояшася народа; и наблюдще, послаша лаятелей, притворяющих себе праведники быти, да имут Его в словеси, бо еже предати его начальству и области игемонове. И вопрошиша Его, глаголюще: Учителю, вемы, яко право глаголеши и учиши и не на лица зриши, но воистину пути Божию учиши. Достоит ли нам Кесареви дань даяти, или ни?

Разумев же Иисус лукавство их, рече: что Мя искушаете, лицемери?»¹

Кому неизвестны современные «лаятели», которые фарисейски подходят к представителям Церкви, «притворяясь праведниками», и сказав им несколько льстивых слов, внезапно ставят им какой-нибудь коварный софистический вопрос, чтобы поймать их на ответе и предать в лице их всю Церковь на глумление народное, и донести «начальству и власти игемонов» на Церковь, как на учреждение вредное, подлежащее полному уничтожению?

Что же отвечают им представители Церкви? Те из них, которые, подобно самому Спасителю, ясно видят все «лукавство» и «лицемерие» этих мнимо праведных «лаятелей», отвечают им с тем же достоинством и с той же меткостью, с какими некогда сам Спаситель отвечал искушавшим его фарисеям.

Но, к сожалению, встречаются и близорукие простецы, дающие себя «обольстить словом» и слепо верящие соблазнительным словам лицемеров, «притворяющих себе праведники быти». Они теряются, не находят, что ответить на поставленные им лукавые вопросы, и готовы даже преклониться перед умственным превосходством и мнимой ученостью своих вопросителей. Это те жалкие люди, которые, несмотря на свой духовный сан, совершенно обмиршились в постоянном соприкосновении с нашим легкомысленным, невежественным обществом и совершенно утратили возможность стоять выше, чув-

ствовать глубже и видеть дальше его. Чего же ожидать от этих рясофорных «интеллигентов», которые образовали свой ум не на святоотеческих творениях, а на «творениях» современных беллетристов? Как же *таким* представителям Церкви не становиться в тупик перед софизмами современных «лаятелей»?

Но можно ли хоть на минуту допустить, что эти софизмы могли бы сколько-нибудь смутить истинных представителей Церкви, хотя бы, например, Филарета Московского, Амвросия Оптинского, Феофана Затворника, Серафима Саровского, Варнаву Черниговского, Иоанна Кронштадтского и великих современных архипастырей наших, возвышающихся спасительными светочами над морем нашей бушующей «интеллигенции»?

Впрочем, по правде сказать, чтобы ответить на все эти жалкие софизмы, не требуется даже какой-либо особо выдающейся прозорливости и учености: они до такой степени пошлы и глупы, что можно сразу разоблачить скрывающуюся в них бессовестную ложь и тенденциозную передержку.

А тенденция современных фарисеев совершенно очевидна. Так же как и древние фарисеи, они измышляют и ставят свои духовные вопросы не ради праздного словопрения, а дабы дискредитировать Православную Церковь, лишить ее божественного авторитета в глазах народа и Правительства и подготовить этим ее окончательное упразднение.

Точно так же, как Спасителя ненавидели фарисеи за то, что Он беспощадно уличал их в лицемерии, точно так же и «интеллигенты» наши ненавидят Его Церковь, уличающую их в лукавстве и ставящую еще некоторые пределы их необузданному произволу.

Они уже самовольно освободились от многих стеснявших их церковных догматов, законов и обрядов. Но этого им мало: они хотят истребить *все без исключения догматы*, не говоря уже о законах и обрядах, которые они просто перестали соблюдать.

Они всю свою жизнь очень легко обходятся без постов и говения, без молитв и причащения, совершенно игнорируя даже существование Церкви. Лишь в одном жизненном вопросе им приходится еще считаться с Церковью — в вопросе

брачном: вот почему они с таким бешенством теперь набросились на брачные законы Церкви, как на последнюю крепкую ее позицию. А встречая на своем пути неугодное их пошлым инстинктам воззрение Отцов Церкви на святую чистоту брака, они, кстати, с такой же яростью нападают и на Святых Отцов, и на всю аскезу христианской Церкви, столь тесно связанную с основной верой христианства в *наиболее важную, загробную, вечную* часть жизни человека. Уже из одного их стремления думать лишь о своей земной жизни и превратить ее в какую-то веселенькую оперетку — видна вся низменная подкладка их «великого учения».

Церковью же они интересуются лишь с той целью, чтобы найти в ней слабую, по их мнению, сторону, учинить над этой слабой стороной «интеллигентную» инквизицию и затем обратиться к народу и Правительству с громкими криками: «распни, распни Ее».

Кстати, во Франции ее уже и распинают². Что же это мы-то отстали от этой «просвещенной нации», давно уже упразднившей церковные брачные законы и столь успешно развращающей народ, приучая его к тому брачному распутству, о котором так вздыхают наши «интеллигенты?»

Послание Святейшей Вселенской Патриархии

Лишь на днях обнародовано Святейшим Правительствующим Синодом полученное им год тому назад «Послание» Святейшей Вселенской Патриархии от 30 июня 1902 года, полный текст которого мы привели в № 156 *Моск. Вед.*

«Послание» это займет, без сомнения, выдающееся место в истории Православной Церкви, не только знаменуя собой пред целой Вселенной полное духовное единение всех автокефальных православных церквей, тех «согласно в священном сонме вместе молящихся во Христе сестер», но и ставя на очередь согласного решения чрезвычайно важные, давно уже назревшие вопросы не только специально церковной, но и общей народной и даже международной жизни.

Святая Православная Церковь с отпадением от нее западно-римской ее ветви, присвоившей себе название католической, отказала себе в праве созывания вселенских соборов, на которых естественным и преемственным образом могли бы решаться в духе истинной веры и христианской любви все религиозные вопросы, неизбежно возникающие с изменением исторических и культурных условий православных народов. Мы не станем здесь входить в исчисление всех прискорбных последствий, вызванных этим самоограничением Православной Церкви, которая зато приобрела утраченную прочими христианскими церквями необычайную стойкость в твердом и верном сохранении древнейших преданий Святой Христианской Церкви первых веков ее существования, благодаря чему наша Православная Церковь является ныне верным прибежищем всех, чье сердце не удовлетворено инославными и иноверными учениями и ищет истинной христианской веры во всей ее первобытной апостольской чистоте.

Отсутствие вселенских соборов в современной Православной Церкви может до некоторой степени восполняться *обменом мнений* между святейшими патриархами и предстоятелями автокефальных церквей. Такому именно обмену мнений посредством письменного общения полагает ныне начало Святейшая Вселенская Патриархия в лице Патриарха Константинопольского Иоакима, достойно занимающего Святейший Апостольский и Патриарший Вселенский Престол.

Святейшая Вселенская Патриархия не возбуждает в своем «Послании» от 30 июня 1902 года каких-либо новых вопросов, «а лишь предлагает общей заботе долгое время бывшие в пренебрежении для взаимного выяснения их поместными церквями».

«Посему, — говорит Святейший Патриарх Иоаким, — сначала следует, мы думаем, исследовать, что когда-нибудь казалось уважаемым предстоятелям святейших автокефальных церквей полезным совершить, но не совершено, что отныне должно и можно совершить для соединения православных народов в единстве веры, во взаимной любви друг к другу и со-

гласии, и что за сим должно сделать к большему утверждению Святой Православной нашей Веры и лучшей защиты Божиих церковей против нападок противного духа века сего».

Таким образом, автокефальные церкви приглашаются не только обсудить вопросы, которые затем в точности исчисляются в «Послании» Святейшей Вселенской Патриархии, но и в свою очередь поставить на общее обсуждение собственные вопросы, бывшие уже предметом их забот, но еще не получившие окончательного решения.

Этот призыв автокефальных церквей к самостоятельной активной инициативе в предложении общих для всей Православной Церкви мер, долженствующих содействовать теснейшему единению православных народов и защите церковей против нападков неверия, несомненно найдет себе живой отклик во всем православном мире и принесет много полезных плодов на Божьей ниве.

Нашим читателям более чем кому-либо известно, сколько накопилось в одной Русской Православной Церкви настоятельных вопросов, давно уже и тщетно ожидающих своего разрешения. Это замедление произошло, между прочим, и потому, что наш Святейший Правительствующий Синод в смирении своем не считал себя достаточно компетентным для самостоятельного решения вопросов, требующих предварительного обсуждения всех автокефальных православных церковей. «Послание» Святейшей Вселенской Патриархии открывает теперь широкий путь к взаимному междущерковному обсуждению подобных вопросов, которым наш Святейший Синод, несомненно, и воспользуется.

Впрочем, один из таких вопросов, давно уже служащий предметом заботливого внимания Святейшего Российского Синода, ставится на очередь самой Святейшей Вселенской Патриархией. Это — вопрос о старокатоличестве¹.

«Послание» Патриархии затрагивает великий общий вопрос о желательном воссоединении всех христианских церковей и предлагает «наблюдать и заботиться, чтобы по возможности расчистить ведущий к этой цели и ныне неправильный путь,

изыскивать точки для соглашения и соединения и для взаимных дозволенных уступок, до тех пор, пока не завершится это дело, и тем исполнится, к общей радости и пользе, изречение Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа о едином пастыре и едином стаде».

Ввиду этого «Послание» предлагает «некоторое предварительное рассуждение о том, чтобы приготовить гладкий и широкий путь для любезного и взаимного сближения и определить, с общего согласия членов всей Православной нашей Церкви, основания, меры и средства, какие будут признаны для сего наилучшими».

Одной из таких именно желательных мер и является воссоединение с Православной Церковью «недавно отделившихся от Римской церкви западных христиан, которые, приняв название старокатоликов и утверждая, что они содержат все принятое нераздельною Церковью до IX века, а также постановления семи святых и уважаемых Вселенских Соборов, себя же возвещают как сущих уже в Кафолической Православной Церкви, ищут с нею единства и общения в смысле окончательного, формального признания».

Но одно признание старокатоликов себя православными их еще действительно православными не делает: они могут и ошибаться, утверждая, что они ничем в своей вере от истинно верующих сынов Святой Православной Церкви не отличаются. И действительно, само «Послание» указывает на то, что нашими церковными мужами высказываются относительно выражаемого старокатоликами исповедания веры различные суждения:

«Одни относительно такого исповедания заявляют, что в догматическом отношении оно далеко отстоит от чистого Православия, а другие, напротив, рассуждают, что оно не содержит в себе никаких отличий, препятствующих единству веры и церковному общению».

Ввиду этого разногласия Святейшая Вселенская Патриархия «признала за благо спросить относительно этого важного предмета благочестивого и братолюбивого мнения свя-

тейших и единовѣрныхъ церквей, если только имъ покажется благовременнымъ и признано будетъ желаннымъ содействовать осуществлению желанія о полномъ единеніи съ нами названныхъ христіанъ, и темъ положить доброе начало къ ожидаемому и вождѣленному всемирному христіанскому единству».

Наиболѣе вескимъ мнѣніемъ въ рѣшеніи этого важнаго вопроса будетъ, несомнѣнно, мнѣніе Святейшаго Правительствующаго Россійскаго Синода, который, какъ извѣстно, давно уже подробно изучалъ вопросъ о старокатоликахъ, входя съ ними въ непосредственное общеніе и возбуждая этимъ въ Россіи целую литературу о старокатоличествѣ, въ которую привнесли серьезныя вклады какъ духовныя, такъ и свѣтскія русскія писатели. Темъ большая ответственность возлагается нынѣ на Русскій Святейшій Синодъ, который, конечно, сумеетъ въ своемъ мнѣніи выказать какъ свою заботливость объ охраненіи неприкосновенной чистоты Святой Православной Вѣры, такъ и свою мудрость въ указаніи наиболѣе вѣрныхъ путей къ столь желанному полному единенію съ нами отделившихся отъ Римской церкви западныхъ христіанъ, не пристаившихъ къ протестантству и ищущихъ спасенія въ лонѣ Святой Православной Церкви.

Не меньшаго вниманія заслуживаютъ, по мнѣнію Святейшей Вселенской Патриархіи, и вопросы объ *общемъ календарѣ* и о *пересмотрѣ нашей церковной пасхалии*.

Различныя интересы чисто свѣтскаго характера неоднократно побуждали православныхъ христіанъ заняться обсужденіемъ вопроса: можетъ ли православный міръ отказаться отъ «переданнаго намъ отцами и Церковью свыше провозглашеннаго» Юлианскаго календаря, столь тѣсно связаннаго съ православной церковной пасхалией?

По свидѣтельству «Посланія» Святейшей Вселенской Патриархіи, «и въ отношеніи къ сему предмету мнѣнія среди нашихъ православныхъ разделяются на двѣ половины».

По всей вероятности, среди этихъ «православныхъ» разумеются и люди свѣтскіе, ибо, насколько намъ извѣстно, мнѣнія духовныхъ православныхъ лицъ, по крайней мѣрѣ въ Россійской Православной Церкви, единогласно высказываются за сохра-

нение Юлианского календаря, «считая», говоря словами «Послания», «издревле принятый у нас календарь за единственно приличный для Церкви и, по основаниям, которые приводят, находят изменение его не только ненужным, но думают, что такового необходимо избегать».

Однако ввиду того, что иные «православные» «являются сторонниками западного календаря и введения его у нас, находя это приличным и ожидая получить от западной церкви религиозную, по их особому пониманию, пользу» (?) Святейшая Вселенская Патриархия предлагает святым православным церквям «войти в сношение друг с другом, дабы иметь одно мнение и одно решение всей Православной Церкви, коей одной только подлежит суждение об этом предмете, и изыскание, по необходимости, способа соединить возможную требуемую научную точность с сохранением освященных церковных определений».

Таково содержание «Послания» Святейшей Вселенской Патриархии.

Весь православный мир будет ожидать с напряженным вниманием ответных мнений, которыми предстоятели святых автокефальных церквей откликнутся на это высокознаменательное «Послание», и будет молить Господа Бога о том, чтобы Он просветил мудростью сих верховных пастырей Святой Православной Церкви в предстоящих им трудах, дабы все подлежащие им важные вопросы нашли себе решение в духе истинной Православной Веры.

Ответное послание Святейшего Синода

Вопрос, почему наш Святейший Синод обнародовал лишь по истечении целого года полученное им Послание Святейшей Вселенской Патриархии, теперь окончательно разрешен: Синод, очевидно, счел более уместным огласить «Послание» одновременно со своим «Ответом».

Мы не знаем, чем руководился Святейший Синод в этом своем решении, но полагаем, что не ошибемся, если решение

это поставим в связь с весьма естественным желанием Синода оградить себя в своих размышлениях о Послании Святейшей Патриархии от всяких внешних влияний, в особенности же от влияния светской печати, которая, конечно, не преминула бы в течение целого года обсуждать вкривь и вкось вопросы, возбужденные Вселенской Патриархией, волнуя и запутывая неопытное в богословских вопросах общественное мнение и ставя этим Святейший Синод в невольную зависимость от элементов, ничего общего не имеющих с истинной Верой Православной Церкви. Мудрым своим решением Святейший Синод предотвратил от себя эту опасность и получил таким образом полную возможность в течение целого года безо всяких помех углубиться в изучение вопросов, предложенных Святейшей Патриархией; и в обстоятельное обсуждение своего на них «Ответа».

«Ответ» этот в настоящее время предан во всеобщее сведение, и мы познакомили наших читателей с полным текстом этого выдающегося по своей важности документа (*М.В.* 1903 г., № 163).

На все вопросы, предложенные ему Вселенской Патриархией, наш Святейший Синод не счел возможным дать иной ответ, кроме отрицательного. Он также не признал своевременным воспользоваться приглашением Святейшей Патриархии и не поставил на взаимное обсуждение ни одного из тех немалочисленных собственных вопросов, которые уже были предметом его самостоятельных забот, но еще не получили окончательного решения.

Правда, Святейший Синод затрагивает в своем «Ответе» вопрос величайшей, первостепенной важности, о котором совершенно и не упоминалось в Послании Вселенской Патриархии: вопрос о созыве общего Собора всех Восточных Православных Церквей. Но Синод возбуждает этот вопрос лишь для того, чтобы тотчас же его устранить, так что и в этом случае «Ответ» Святейшего Синода не изменяет своему общему чисто отрицательному характеру. Даже и там, где, как, например, в вопросе об изменении календаря, Синод выражает не-

которую готовность сделать уступку светским требованиям, уступка эта едва ли имеет виды на практическое осуществление, ибо встретит несомненное несочувствие со стороны всего православного — преимущественно простого — народа, который найдет более чем странным праздновать, например, Богоявление 19 января, Сретение 15 февраля, Успение Пресвятой Богородицы 28 августа, а Рождество Христово 7 января (!), тогда как западные церкви сохранили бы право праздновать эти святые, столь дорогие каждому христианину дни в те месяцы и в те их числа, в которые они всегда праздновались с тех самых пор, как существует Церковь Христова. Нет, такой «положительный» ответ есть по существу своему тот же ответ отрицательный.

Но каков бы ни был ответ Святейшего Правительствующего Российского Синода, он является для Русского православного христианина безусловно авторитетным мнением высшей в России Церковной власти, не подлежащей какой-либо критике, в особенности со стороны светской печати, и, конечно, не мы станем колебать авторитет этой власти в настоящее именно время, когда все благомыслящее люди должны спланиваться для укрепления столь необходимого для народного блага авторитета власти как духовной, так и светской. Мы преклоняемся пред ответным Посланием нашего Синода не только по чувству духовной дисциплины, но и по глубокому внутреннему убеждению.

Как на тот вопрос, который затронул сам Синод, так и на те два вопроса, которые ему предложила Вселенская Патриархия, он действительно мог дать только отрицательные ответы. Но мотивировка этих ответов могла бы, может быть, отличаться большей полнотой и убедительностью.

Доводы Святейшего Синода сами по себе совершенно верны, но могли бы, нам кажется, быть приведены и другие, быть может, еще более веские аргументы как против созыва Собора, так и против чрезмерной уступчивости в вопросе о старокатоликах. Что касается вопроса о календаре, то, конечно, и он мог бы получить отрицательный ответ с более об-

стоятельной мотивировкой, которая, однако, своими специальными научно-техническими подробностями чрезмерно обременила бы и без того уже пространное Ответное Послание Святейшего Синода.

Создание Собора Восточных автокефальных Православных Церквей наш Синод считает хотя весьма желательным, но в данное время небезопасным ввиду того, что в вопросы чисто религиозные могли бы проникнуть политические течения, которые служили бы не выяснению, а лишь осложнению и затемнению этих вопросов. Это совершенно верно, как верно и то, что затемнение религиозных вопросов на предполагаемом Соборе содействовали бы не только политические, но и, главным образом, национальные течения, которые в Восточной Православной Церкви находятся в гораздо более остром антагонизме, чем в западной Римской.

Там, на Западе, католики уходили из-под власти папы не столько по вопросам национальным, сколько по вопросам чисто церковным. Папа возмутил против себя немцев с Лютером во главе не тем, что он когда-либо навязывал им непременно итальянских епископов и священников, а искажениями веры Христовой, орудиями которых были те же немцы, вроде Тецеля¹. Освобождаясь от центральной власти Рима, протестовавшие против нее немцы, а затем и другие западные народы вышли вместе с тем и из лона римско-католической церкви, образовав свои собственные «протестантские» церкви. Зато все миллионы католиков, оставшиеся верными папе, соединены между собой не только единой верой и единым богослужением, но и единым церковным языком. При этом единстве национальные различия если и играют какую-нибудь роль в западной Римской церкви, то роль лишь второстепенную, совершенно исчезающую перед властным деспотизмом «непогрешимого» папы. Вот почему папа может созывать «соборы», не опасаясь особенно ни политических, ни национальных сильных оппозиций против его «ультрамонтанства»²; ему приходится опасаться лишь расколов чисто религиозных, каким и был на последнем Ватиканском соборе старокатолический.

У нас же, на Востоке, в особенности в славянском мире, автокефальные церкви старались и доселе стараются обособиться отнюдь не на религиозной, а на чисто национальной почве. Вот почему Восточная Православная Церковь лишилась даже единства церковного языка, и уже в одном этом обстоятельстве предполагаемый Собор встретил бы весьма существенное, почти непреодолимое препятствие. А о массе национальных разногласий, которые возникли бы на этом Соборе, и говорить нечего. Мы ежедневно видим в современной нам политической жизни, что национальные чувства всюду принимают первенствующий, ожесточенный, непримиримый характер. Они подчинили себе и политику, и религию, а потому легко себе представить, как они возгорелись бы на арене Собора, на котором сошлись бы для обсуждения спорных вопросов представители различных восточных православных национальностей, не имеющих над собой единой бесспорной власти, каковой в Римской церкви является грозный папский деспотизм.

Но национальные страсти так сильно обострились лишь с начала XIX столетия и, может быть, придет время, когда они улягутся. Лишь тогда можно будет думать о созвании Всеправославного Собора, а до тех пор Восточным автокефальным Церквам придется, как доселе, говоря словами Святейшего Синода, «по возможности приближаться к светлому идеалу древнецерковного вселенского общения, поддерживая между собою постоянную и живую связь посредством письменных и других сношений».

Такое постоянное общение должно будет выработать себе и особые нормы и традиции, которыми можно будет руководствоваться при решении междуцерковных вопросов.

Так, например, доселе нельзя еще с точностью предвидеть, как будет решен возбужденный Вселенской Патриархией вопрос о принятии в лоно Православной Церкви отложившихся от Рима старокатоликов.

Патриархия обратилась с этим вопросом, как известно, не к одному лишь Святейшему Российскому Синоду, а к пред-

ставителям всех Святейших Православных Церквей. Как отнесутся к этому вопросу остальные Церкви, кроме Российской, как отнесется к этому вопросу сама Вселенская Патриархия по получении всех ответов на поставленный ею вопрос, возьмет ли она на себя окончательное его решение и чем она могла бы руководствоваться при этом решении, — все это пока открытые вопросы, нуждающиеся не только в решении, но и в самом методе их трактования.

Вот почему так желательна была бы более обстоятельная мотивировка того отрицательного ответа, которым встретил этот вопрос наш Святейший Синод.

В самом деле, ответное Послание Святейшего Синода совершенно основательно указывает на то, что «главные столпы старокатолического движения, воспитанные хотя не в православных, но все же церковных преданиях, один за другим сходят с жизненной арены, уступая место новым людям, не столь твердым в церковности, не жившим церковною жизнью», а потому легко могущим соблазниться окружающим их миром протестантским.

Но ведь сущность вопроса о той или другой вере заключается не столько в том, *кто* верует и *кем* он окружен, а в том, *как* он верует.

Старокатолики не скрывают своей веры, и никогда никто в неискренности не обвинял их. Какова же эта их вера? Православная или не православная? В этом весь вопрос, решить который может не светский какой-либо или духовный писатель, а одна лишь Православная Церковь в лице Святейшего Российского Синода или в лице Всеправославного Собора.

И вот Святейший Синод произносит свое веское и справедливое слово о старокатоликах, но о сущности их веры воздерживается от всякого суждения. На это воздержание у него, без сомнения, должны быть основательные причины, но тем не менее и мы, и старокатолики остаемся в неведении, православная ли их вера или нет? По-видимому, она *не* православна, так как, в противном случае, Синод не затруднился бы исполнить их желание, которому он сам так очевидно сочувствует. Но

почему их нельзя признать православными? Это, может быть, следовало бы сказать и им, и нам, и остальным автокефальным церквям, и Вселенской Патриархии, которая ведь ни о чем другом и не спрашивала, как только о том, каково «догматическое и литургическое учение старокатоликов, изложенное в их катехизических и символических книгах».

Но Святейший Синод, может быть, оставляет этот вопрос намеренно открытым, в надежде, что не вполне еще православное учение старокатоликов станет со временем более православным и тогда можно будет исполнить их общее с нами желание. В таком случае нам остается только и от всего сердца повторить заключительные слова, посвященные этому вопросу в ответном Послании Синода:

Мы должны серьезно и твердо, по совести и пред Христом, раскрыть старокатоликам нашу веру и неизменное убеждение в том, что только наша Восточная Православная Церковь, неповрежденно сохранившая всецелый залог Христов, есть в настоящее время Церковь Вселенская, и тем показать им, что они должны иметь в виду и на что решиться, если действительно верят в спасительность пребывания в Церкви и искренно желают единения с нею. Наша любовь и наши молитвы должны сделать эти нелепые для гордого ума условия удобоприемлемыми для старокатоликов».

Церковный переворот

I. Как он произошел

Вот каким образом совершился, по сведениям петербургских газет¹, тот церковный переворот, на внезапность и несвоевременность которого мы указывали нашим читателям (*Моск. Вед.* 1905 г. № 83).

Оказывается, что вся инициатива этого переворота принадлежит никому иному, как г. председателю Комитета министров С.Ю. Витте.

Дело в том, что в Особом Совещании Комитета министров по окончании рассуждений по вопросам о положении сектантства и иноверия председатель Совещания С.Ю. Витте обратился к членам его с краткой речью, в которой ярко оттенил ту несомненную мысль, что теперь, когда Высочайшей волей будет дана свобода иноверию, Православной Церкви, стесненной тяжелой опекой светской власти, будет затруднительна борьба с расколо-сектантством; что, остановившись в своих суждениях только на вопросах, касающихся иноверия, и не коснувшись положения Православной Церкви, Особое Совещание взяло бы на свою душу тяжелый грех пред общей нашей матерью — Православной Церковью. «Не надо забывать, — говорил С.Ю. Витте, — что у нашего народа, у этой 120-миллионной массы, есть только два сокровища, которыми он живет: одно — это земля и то «небольшое», что он от нее получает, другое — его живая вера, которая облегчает тяжесть земной ноши, дает ему силу мириться с горестью жизни. И страшно, как бы нам не лишить народ этого, самого дорогого для него, сокровища».

Вслед затем С.Ю. Витте приехал к митрополиту Антонию² с визитом и отрадным известием. Он сообщил, что получил от Верховной Власти полномочие возбудить в своем Особом Совещании вопрос о преобразовании управления господствующей Церкви, и просил владыку изложить по пунктам требования и чаяния церковной иерархии.

Ввиду этого, под руководством высокопреосвященного Антония наличным составом канонистов и профессоров церковной истории и гомилетики С.-Петербургской Духовной Академии были выработаны семь пунктов о желательных преобразованиях в постановке у нас Православной Церкви.

В этих пунктах перечислялись необходимые, по мнению митрополита, реформы: дарование Православной Церкви такой же автономии, какой пользуются старообрядцы, сектанты и инославные общества; участие священников в общественно-государственных учреждениях; привлечение архиереев в выс-

шие государственно-законодательные собрания; дарование Церкви прав на недвижимую и движимую собственность, ее приобретение, наследование и пользование; учреждение особого совещания из епископов, духовенства и мирян для пересмотра церковного управления. Но в этих пунктах ничего еще не говорилось о созвании Собора и о восстановлении патриаршества в России.

С.Ю. Витте нашел эти требования слишком скромными. Ввиду этого, он сам составил краткую записку «О современном положении Православной Церкви», представляющую собой свод мнений выдающихся канонистов, современных церковных деятелей и профессоров духовных академий о «характере и каноническом достоинстве церковной реформы Петра Великого». В этой записке С.Ю. Витте констатировал неканонический характер реформы Петра и ее неблагоприятное влияние на последующую церковную жизнь. Главная мысль этой записки и ее вывод — тот, что со времени насильственной, совершенной по протестантским образцам, реформы Петра, Церковь Русская в своей канонической жизни порвала связь с церковным преданием, что от этого гложет религиозная жизнь.

Не желая вести реформу бюрократическим путем, С.Ю. Витте совершенно воздержался в записке от проектов каких-либо реформ, настаивая только на одном, на *созыве поместного собора*, на рассмотрение которого и должен быть представлен вопрос о церковной реформе.

Митрополит Антоний вполне одобрил записку С.Ю. Витте. Газета «Слово» сообщает из хорошо осведомленного источника, что в беседе со столичным духовенством высокопреосвященный Антоний назвал записку С.Ю. Витте прекрасной; «записка написана хорошо», выразился владыка в беседе с одним лицом. Благоприятное впечатление она произвела и на остальных ознакомившихся с ней иерархов.

Свою записку С.Ю. Витте разослал в напечатанном виде всем членам Комитета Министров, назначив на 17 марта (1905 г.) заседание по этому вопросу.

Но обер-прокурор Синода³, неожиданно узнав о принятой без его ведома реформе церковного управления, исходатайствовал, во имя автономности Церкви, изъять вопрос о церковной реформе из ведения светской власти для передачи его в Синод.

Пред синодальным заседанием, в котором предполагалось обсуждение вопроса о реформе Церкви, К.П. Победоносцевым была разослана особая записка, представляющая возражения на записку С.Ю. Витте. Главный, основной тезис записки С.Ю. Витте «о неканоническом характере церковной реформы Петра и о замене в ней соборно-представительного управления Церкви коллегиально-бюрократическим» оставлен, по словам петербургских газет, безо всякого возражения. К.П. Победоносцев доказал только то, что реформа Петра I не оказала тягостного влияния на церковную жизнь, что Церковь несколько не стеснена светскими чиновниками, что, одним словом, в церковной жизни все обстоит благополучно.

Эта записка составляет, по уверениям «Слова», сколок с одной диссертации некоего Рункевича⁴, именно из тех ее глав и мест, которые на совете профессоров С.-Петербургской Духовной Академии были официально признаны представляющими церковную жизнь в неверном, предвзятом свете, составленными ненаучно и узкотенденциозно.

Утверждают также, что далее в записке К.П. Победоносцева возражения делаются как раз против тех мыслей записки Витте, которые взяты из сочинений, удостоенных премий за ученые труды самим же Синодом. Несомненно одно, что контр-записка К.П. Победоносцева произвела на членов Синода отрицательное впечатление.

Во вторник, 15 марта, состоялось заседание Синода, в котором члены Синода единогласно решили ходатайствовать о разрешении созвать поместный собор Русской Церкви для обсуждения вопроса о желательных церковных реформах. Направление мыслей иерархов было так ясно, а решимость их каким бы то ни было путем довести до све-

дения Монарха о своих желаниях так сильна, что светская власть воздержалась от прямого противодействия. К тому же членам Синода стало известно о воле Государя — созвать поместный собор, выраженной им по поводу представленного, по слухам, тем же С.Ю. Витте письма с докладом о ходе прерванных в самом начале суждений Особого Совещания о церковной реформе и о желании представителей Церкви просить о созыве Собора.

Присутствовал в этом заседании не обер-прокурор, а его товарищ, В.К. Саблер⁵, который, во всяком случае, глядел с *bonne mine*⁶ на то, что происходило. Когда через день Синод снова собрался, товарищ обер-прокурора уверял, что искренно счастлив, ибо его давние мечты об автономии Русской Церкви сбылись. Один из членов Синода при виде этой радости даже заметил, что, вероятно, у товарища обер-прокурора было ночное видение.

Окончательное решение о созвании Собора Синод принял в пятницу, 18 марта, вечером, собравшись на квартире у митрополита, без присутствия органа светской власти. Решено было ходатайствовать о созыве Собора в Москве, в начале лета, если можно, в мае месяце. Собор должен состоять из епископов, управляющих епархиями. Таких иерархов в России имеется 63. Исключительная цель Собора — избрание патриарха и преобразование, сообразно с этим, высшего церковного управления.

Итак, говорит «Слово», «инициатива в этом великом деле принадлежит С.Ю. Витте».

«Я и все братья епископы, — высказался преосвященный Антоний, — будем всю жизнь молить за него Бога».

Ввиду этого, нельзя сомневаться, что если митрополит Петербургский и Ладожский, выдвигаемый, как мы видели из петербургской телеграммы (*Моск. Вед.* 1905 г., № 83), в качестве первого кандидата на патриаршую кафедру, действительно ее займет, то он будет управлять Православной Русской Церковью в полном единомыслии с С.Ю. Витте.

II. Что теперь следует делать

В особом прибавлении к №11 «Русского дела»⁷ от 24 марта 1905 г. напечатано сообщение М.А. Новоселова⁸, сделанное им в собрании частного кружка православных ревнителей Церкви, клириков и мирян.

Изложив все доводы в пользу реформы нашей Церкви, М.А. Новоселов высказывает ту же мысль, которую высказывали и мы, а именно: *чем желательнее эта реформа, тем нежелательнее поспешное, необдуманное ее осуществление в настоящее именно, столь смутное, время.*

Вот заключительная часть этого интересного сообщения:

«Решение Синода состоялось со столь необычайною торопливостью, что по предмету таких важных решений не происходило никакого опроса даже самих *епископов* Церкви Русской. В этом случае повторилась прискорбная история закона о вторичном браке прелюбодеев, который синодальные архиереи сочли возможным представить на Высочайшее утверждение, не только не спросив совета у прочих русских епископов, но даже не сообщив им ничего о предполагаемом шаге.

Во всем этом проявляется привычка нашего церковного управления действовать изолированно от православного народа, этого тела Церкви, с неизбежным при этом произволом.

Россия такая страна, где один и тот же народ составляет единую с Соборами и патриархами Церковь, а с Царем в таком же единстве составляет государство.

Ходатайствовать перед нашим Царем о том, что необходимо для нас, как членов Церкви, составляет нашу прямую обязанность. Но в нашем ходатайстве не могут быть допущены ошибки, коими изобилует постановление Св. Синода. Ошибки эти следующие:

1) Постановление Синода игнорирует политическое положение нашей Родины, привлекающее все внимание Русских людей к трудной борьбе с надвинувшимся на Россию Монгольским Востоком.

2) Постановление Св. Синода не принимает во внимание, что сложившиеся за 200 лет отношения церковного управления к государству, обществу, а равно внутри самой Церкви, в епархиях и приходах, решены сотнями и тысячами узаконенных, коих пересмотр для замены их правильными представляет работу в высшей степени сложную, которая не может быть разумно исполнена в «24 часа».

3) Постановление игнорирует то обстоятельство, что Русская Православная Церковь, которая вполне уяснила, как сказано выше, *общие* основы реформы, даже и до сего дня не имела побуждения размышлять о достодожном решении всех упомянутых *частностей*. А между тем неправильное их решение может исказить действие даже самых правильных церковных основ.

4) Что касается постановления Синода о выборе патриарха в «текущую сессию», то против этого не может не protestовать ни один православный человек. Ибо простая замена Синода патриархом дала бы этому последнему незаконные права. Православные люди не могут предоставить патриарху тех преувеличенных прав, какими Синод, в силу самой своей неканоничности, облечен в отношении низших епископов и даже простых мирян в их приходской жизни.

Поэтому нам, мирянам, теперь же надлежит войти к своему Царю со всеподданнейшим ходатайством осуществить назревшую потребность русского сердца, о которой уже столько лет свидетельствует вся умственная работа просвещенных собратий наших — православных мирян, но осуществить ее, избегнув ошибок, в которые впали в своем постановлении синодские архипастыри.

Мы должны: 1) просить Государя, чтобы Он соблаговолил объявить делом первой необходимости правильное устройство Русской Церкви, *немедленно по окончании войны*.

2) Что касается времени продолжения войны, то просить Государя Императора принять во внимание состояние духа православного Русского человека, который не может в настоящую минуту достодожно предаться делу устройства родной

Церкви, требующему всецелого напряжения его умственных и нравственных сил, тогда как любовь к Родине естественно влечет его мысли к спасению ее от вражеского нашествия. Посему просить Государя не давать соизволения на исполнение постановления Святейшего Синода.

3) Ввиду же предстоящего тотчас после войны созыва Поместного Собора просить Государя Императора Высочайше обратить внимание архипастырей, пастырей и всех православных мирян, ревнующих о благе Церкви, подготовить, каждому по мере сил, те соображения о разных сторонах церковной жизни и устройства, которые должны быть представлены будущему Собору как материал для обсуждения.

Москве, представительнице русского духа, следует первой начать дело составления такого всеподданнейшего ходатайства, исполнение которого, с одной стороны, обеспечило бы осуществление самых заветных желаний православных людей, с другой — предохранило бы Русскую Церковь от губительных последствий ошибок, допущенных в постановлении Синода».

Свобода иноверия и инославия

День 17 апреля 1905 года¹ останется навеки памятным не только в истории Русской Православной Церкви, но и в истории России, как коренной поворотный шаг в церковной политике Русского Государства.

В неуспынной заботе о благе своих подданных Государь Император отныне решил обеспечить каждому из них «свободу вероисповедания и молитвы по велениям его совести» и принять «действительные меры к устранению стеснений в области религии».

В соответствии с этим решением Государю благоугодно было «в постоянном, по заветам предков, общении со Святою Православною Церковью», повелеть, чтобы отпадение от Православной Веры в другое христианское исповедание или вероучение не подлежало преследованию, и чтобы «отпавшие, по

достижению совершеннолетия, от Православия лицо признавалось принадлежащим к тому вероисповеданию или вероучению, которое оно для себя избрало»; чтобы из Православной Церкви могли возвращаться в нехристианскую веру «лица, числящиеся православными, но в действительности исповедующие ту нехристианскую веру, к которой до присоединения к Православию принадлежали сами они или их предки»; чтобы раскольники всех толков и согласий, «которые приемлют основные догматы Церкви Православной, но не признают некоторых принятых ею обрядов и отправляют свое богослужение по старопечатным книгам», именовались отныне «старообрядцами» и чтобы с ними уравниены были всякого рода сектанты (кроме запрещенных уголовным законом последователей изуверных учений) в свободном отправлении духовных треб как в частных, так и в молитвенных домах чрез избранных старообрядческими и сектантскими обществами духовных лиц, утверждаемых в должностях надлежащей правительственной властью, освобождаемых от призыва на действительную военную службу и именующихся, с разрешения той же гражданской власти, принятыми ими при постриге именами; чтобы распечатаны были все молитвенные дома, и чтобы разрешена была постройка и возобновление церквей и молитвенных домов, а также устройство скитов, обителей и богоугодных заведений всех христианских исповеданий; чтобы во всякого рода учебных заведениях преподавание Закона Божия инославных христианских исповеданий велось на природном языке учащихся духовными лицами подлежащих исповеданий; чтобы старообрядцы и сектанты могли устраивать свои собственные начальные школы с преподаванием детям Закона Божия по вере их родителей и чтоб они имели для погребения умерших свои особые кладбища; чтобы старообрядцы и сектанты не были стеснены в своих правах на службу государственную и общественную; чтоб прекращено было обязательное закрытие римско-католических монастырей в губерниях Царства Польского; чтобы все лица, прошедшие курс римско-католических духовных семинарий, занимали духовные должности в римско-католических епархиях без пове-

рочного испытания по русскому языку и чтобы безотлагательно отменен был § 1 инструкции о непосредственном участии представителей учебного ведомства на выпускных экзаменах этих семинарий. Сверх того, предоставлено много других льгот инославным христианским общинам и обещаны таковые же, «касающиеся важнейших сторон религиозного быта лиц магометанского исповедания».

Государь Император признал за благо утвердить все эти льготы по составленным в Комитете Министров положениям, «призывая благословение Всевышнего на это дело мира и любви и уповая, что оно послужит к вящему возвеличению Православной Веры, порождаемой благодатью Господнею, поучением, кротостью и добрыми примерами».

Таким образом, совершенно ясно, что та свобода, которую Государь ныне дарует инославным христианам и иноверцам, всегда столь враждебно относившимся к Православной Церкви, даруется им ради «мира и любви», и что поэтому следует ожидать, что и они отныне будут относиться к Православию с такими же «миром и любовью», помня, что, по мысли Царя, даруемая им ныне свобода должна «послужить к вящему возвеличению Православной Веры».

Мы поэтому ожидаем, что они сами будут стараться, дабы столь благи надежды Государя действительно оправдались, так как в противном случае, если б они стали злоупотреблять дарованной им свободой для унижения Православной Церкви, для соблазнения ее чад и умаления ее законного первенствующего в Государстве Российском положения, и если б они вообще содействовали не утверждению мира и любви в приютившей их у себя России, а возбуждению религиозного междоусобия, — они могли бы ошибиться в своих расчетах и повредить собственным своим интересам. Ведь совершенно немыслимо, чтобы Государь мог допустить малейшее покушение на единство и достоинство Святой Православной Церкви, столь тесно связанной и с нерушимостью Царского Самодержавия, и с целостью, благополучием и даже самим существованием России.

Вот почему мы будем надеяться, что Господь просветит кротостию и благоразумием доселе столь надменные умы наших старообрядцев, сектантов и инославных христиан, которые доселе с таким презрением относились к русской «мужицкой» вере. Они, вероятно, теперь поймут, что дарованная ныне русским подданным свобода отпадения от Православной Веры не тождественна со свободой совращения православных в другие вероисповедания и вероучения, так как подобное совращение отнюдь не могло бы «послужить вящему возвеличению Православной Веры».

Точно так же старообрядцы должны будут отказаться от своего столь фанатического взгляда на Православную Церковь, как на «раскольническую секту»; мы надеемся, что они отнюдь не будут истолковывать оказанную им милость именоваться не «раскольниками», а «старообрядцами» в том смысле, что теперь «раскольниками» оказались мы, так как-де в происшедшем в XVII веке несомненном церковном расколе кто-нибудь да должен считаться «раскольником», — либо Никон, либо Аввакум. Мы надеемся, что они теперь не станут уже более настаивать на том, что им, как «хранителям истинной древле-православной веры», должны быть «возвращены» «отнятые у них» древние Кремлевские святыни, в особенности Успенский собор с его драгоценными мощами, находящимися-де в незаконном владении ненавистных им доселе «никониан». Напротив того, мы хотим верить, что они, проникнутые благодарностью за дарованные им царские милости, строго ограничатся их пределами и не будут уже, вопреки царской воле, именовать своих настоятелей и наставников несвойственными и незаконными титулами каких-то «митрополитов», «архиепископов» и «епископов», так как и это своеволие было бы недозванным посягательством на целость и величие Православной Церкви. Эта мысль ясно высказана в Высочайшей Государя Императора телеграмме на имя Московского генерал-губернатора о распечатании алтарей старообрядческих часовен: *«Да благословит и умудрит их (старообрядцев) Господь, — говорит Государь, — с полною искренностью пойти навстречу желаниям*

и стремлениям Русской Православной Церкви воссоединить их с нею и прекратить Соборным решением тяжелую историческую церковную рознь, устранить которую может только Церковь».

Мы не сомневаемся и в том, что православное миссионерство не прекратит своей апостольской деятельности для просвещения истинным светом Христовым заблуждающихся иноверцев и для привлечения их в лоно единственно-спасительной Святой Православной Церкви; мы надеемся, что православные миссионеры не встретят на своем пути инославных и иноверных, старообрядческих и сектантских «миссионеров», соблазняющих русское православное население к отпадению от святой веры его предков, от веры его Царя, от той веры, которая охраняла доселе своим покровом духовную мощь всей России. Ни для кого ведь не тайна, что инославные христиане и иноверцы во всех своих жалобах на «стеснения» имели главным образом в виду добиться не «свободы совести», которой у них никто не отнимал, а *свободы совращения православных людей от их веры*, в чем действительно Русское Правительство им доселе ставило серьезные преграды. Теперь они, мы надеемся, сами поймут, что если б они стали пользоваться этой свободой совращения, то они оказались бы неблагодарными по отношению к Русскому Православному Царю, который, как защитник Православной Церкви, не может допустить, чтобы чада ее совращались на ложный путь.

Это в особенности относится и к полякам, от которых теперь будет зависеть судьба наших бедных, забытых и забытых православных приходов в Подляшь², о которых всегда так горячо заботилась православная Москва, взирающая теперь с душевной тревогой на этих стойких борцов Православной Церкви, окруженных воинствующим католицизмом с его пышными, богатыми костелами, затмевающими своим блеском убогие, мученические церковки православных людей. Устоят ли они теперь среди всколыхнувшегося моря польской католической свободы, среди новых костелов, среди возрожденных польских монастырей? Это будет зависеть от благородства и

лояльности поляков, которые, как мы надеемся, ввиду дарованной им религиозной свободы не станут злоупотреблять ею для окатоличения всей западной окраины России и, конечно, не допустят, чтобы среди начавшегося в Польше движения польские монастыри играли бы ту же роль, как и в 1863 году.

И еще одна надежда, за которую мы крепко держимся, так как, если она оборвется, горе России будет слишком велико.

Мы говорим о наших злополучных школах, в которых Государь Император уже неоднократно и настойчиво выражал желание видеть «религиозно-нравственное воспитание» наших детей. Мы не хотим верить тем опасениям, которые нам уже теперь высказывают законоучители, преподающие Слово Божие в среднеучебных заведениях и ужасающиеся пред тем глубоким безверием, которое стало проявляться в старших классах училищ вследствие разнузданности атеистической пропаганды в нашем обществе и в нашей печати. Учащееся юношество приучилось ныне действовать скопом, а такого скопа опасаются законоучители со стороны легкомысленных юношей, которые могут сразу заявить, что они решили через год или два, по достижении совершеннолетия, «отпасть от Православной Веры», а потому считают излишним далее изучать Православное Богословие. Мы отнюдь не допускаем возможности таких выходов, которые могли бы иметь успех лишь в настоящем, к счастью, уже кончившемся «учебном» году, когда наши школы находились в таком позорном, хаотическом положении. Но не может же оно продолжаться и в будущем году! В течение лета высшее учебное начальство, наверное, успеет выработать меры, которые осуществят, наконец, Высочайшую Волю об утверждении в наших училищах истинного и прочного религиозно-нравственного воспитания, и тогда такие школьные затеи, как вышеуказанные, станут невозможными.

Будем же надеяться, будем верить, что враги Православной Церкви будут обезоружены примером любви, который явил им Православнейший, Самодержавнейший Государь, что они на любовь ответят любовью, на мир — миром, и что они

отныне откажутся от своих замыслов окатоличить запад России, огерманизовать ее юг, обьисламить и обуддизировать ее восток, а север и центр ее совратить в старообрядство.

Этого никогда не будет, этого не допустят ни Бог, ни Царь.

Первая задача

Для успешного движения России по пути, указываемому ей ее исторической природой, ее народной психологией и Верховной Волей ее Царей, со стороны образованных Русских людей требуется, прежде всего, проникновение всей полнотой русской идеи.

Чтобы действовать по-русски, надо по-русски думать и чувствовать. В этом-то отношении доселе нельзя не сделать самых серьезных упреков даже той части нашего образованного общества, которая *хочет* верно служить предначертаниям Верховной Воли.

Знаменитый герой Двенадцатого года, Ермолов¹, когда-то очень ядовито просил, чтобы Государь «пожаловал его в немцы». Это относилось к духу собственно административных сфер тех времен, когда русское национальное сознание впервые пробивало себе путь в образованном классе. В настоящее время Русский человек нередко готов произнести те же слова по адресу окружающего его общества. Возьмем ли мы деятельность чисто научную, или деятельность печатного слова, или деятельность педагогическую, или деятельность в различных общественных учреждениях, наконец, даже личную жизнь каждого в своем домашнем частном быту, — повсюду лучшие усилия человека, желающего жить и действовать *по-русски*, окружены тяжелыми помехами и препятствиями со стороны, казалось бы, *своих же* людей. Во всякой другой стране верность духу и быту своей нации составляет вернейший способ найти деятельность успешную и покойную. Только у нас стремление быть Русским нередко составляет некоторого рода подвижничество. Это печальное явление обуславливается

тем, что в образованном русском обществе доселе замечается какое-то ленивое отношение к ясному пониманию *всей полноты* Русской идеи.

Всякая национальная идея, и особенно русская, освещает одновременно *все* стороны жизни и деятельности. У нас же, по косности и лености нашей образованной мысли, даже те люди, которые желают быть Русскими, сплошь и рядом не дорастают до этой полноты понимания, а потому — каждый в своей односторонности — тяжело давят друг на друга, взаимно мешая своей общей работе. Эта односторонность понимания большинства особенно стесняет усилия тех, кто умел от нее освободиться и действует *всецело* как Русский человек.

Мы видим действительно, что у нас даже люди, заявляющие себя несомненной преданностью *Самодержавию*, обнаруживают полную холодность или даже отрицательное отношение к *Православию*. Они являются иногда горячими папистами, или совершенно холодными, антицерковными протестантами, или вполне «свободомыслящими» атеистами. Но очевидно, что все такие лица ясно не понимают и того Самодержавия, которому они полагают служить. Самодержавие в действительности немислимо иначе, как на почве искреннего и сознательного Православия, а потому все такие лица, желая укреплять Самодержавие, против воли вредят ему, во всей той мере, в какой подрывают Православие.

Реже, но очень часто, замечается обратное явление. Люди, истинно преданные Православию и Церкви, являются какими-то либералами в отношении Верховной Власти, и особенно легко — в отношении социальных и административных условий действия Самодержавной Власти. Все таковые лица точно так же постоянно рискуют только *вредить* вере и церкви, на пользу которым они искренно желают служить.

Нередко видеть также, что люди, объявляющие себя верными слугами Самодержавного Царя и верными сынами Православной Церкви, оказываются покровителями всех иноплеменников в постоянный ущерб Русской народности, поддерживают все «патриотизмы», стараясь осмеять и обуздать только

один *русский* патриотизм. Но ясно, что такие неосмысленные слуги Самодержавия и сыны Церкви могут фактически только подрывать и веру, и Самодержавную власть... Ведь церковь не в одних пышных храмах, не в одной даже иерархии; она — в душе *народа* Русского. Не поляк, не финляндец, не армянин или язычник-инородец несут хоругвь Православной Церкви, а Русская народность. Точно так же и Самодержавная Царская власть держится и процветает не только тем, что в Своде напечатаны подлежащие параграфы основных законов, и не только тем, что существует известный правительственный механизм, а прежде всего тем, что она живет в душе и сердце *Православной и Русской народности*. Пока живо Самодержавие в душе народной, нетрудно воссоздать правительственный механизм и написать законы. Но если б исчезла душа народная, носительница этого великого принципа, то неизбежно изменятся и законы, и правительственный механизм.

Итак, нельзя быть за Русскую Церковь и за Царя, не становясь и за Русскую народность. Это три совершенно нераздельные принципа; а между тем — в довершение абсурдов, замечаемых в мысли нашего образованного общества, — у нас имеются даже и такие люди, которые горячо стоят за Русскую народность, считают себя националистами, но не принимают ни Православия, ни Самодержавия. Ясно, что такие «националисты» не понимают в Русской народности ничего, кроме самых второстепенных и малозначащих ее проявлений. Однако и такое состояние ума, при котором пренебрегается все *духовное* содержание народа и высоко ценятся только блины, хороводы да поддевка с сарафаном, — встречается у нас очень нередко.

Это отсутствие *полноты* сознания русской идеи, эта раздробленность симпатий лишь на отдельных ее проявлениях составляет, конечно, печальное наследие двухсотлетней эпохи европейского ученичества нашего. Внутренняя нелогичность такого психологического состояния прекрасно выяснена в статье уважаемого профессора А.И. Введенского (*Моск. Вед.* 1900 г., № 104).

Но в настоящее время период ученичества кончился, и первая обязанность русского образованного общества состоит в том, чтобы стать действительно *Русским*, усвоить русскую идею во *всей ее полноте*.

Русским людям, не желающим оставаться в расколе от России и ее Верховных Вождей, необходимо серьезно и глубоко проникнуться сознанием неразрывной связи Православия, Самодержавия и Народности. В логической формуле все может быть расчлениваемо, и историческая действительность может в различных местах развивать *отдельно* эти принципы. Но тот великий исторический факт, который называется Русской Землей, — по существу состоит из неразрывного соединения этих трех принципов. Вместе росли они у нас, помогая один другому, вместе существуют, вместе поддерживаются. В этом — все величие и сложность русской национальной идеи и ее великая мировая будущность. Только по неразрывной связи Православия, Самодержавия и Народности в русской идее Россия заключает в себе возможность и способность *по-своему* отнестись ко всякому событию, историческому столкновению и национальной потребности.

Отрывая хоть один из составных элементов целостной русской идеи, мы обеспложиваем ее *всю*. Она перестает уже тогда быть сама собой, цельной, законченной, способной к действию как в целой нации, так и в отдельных ее членах.

Источником творческой культурной деятельности является всегда свободная работа ума, чувств и желаний общества и народа. Эта работа prepares те средства, которые могут объединять, комбинировать и целесообразно направлять к общему благу Верховная Власть. Но эта работа возможна только на почве *целостной* национальной идеи.

В эпоху, когда Верховная Власть окончательно указывает России путь движения, люди русского общества должны особенно вспомнить и глубоко понять, что их способность к творческой культурной работе *всецело* зависит от их проникновения всей *полнотой* содержания русской идеи. Не *только* за Царя нужно быть, не *только* за Церковь, не *только* за На-

родность, но одновременно за Православие, Самодержавие и Народность. В науке, в искусстве, в общественном настроении, в быту экономическом и домашнем, — во всем, чем мы живем, чем действуем, во всем, что творит наш ум, чувство и сила, — наша работа будет лишь тогда велика и плодотворна, если мы при этом будем твердо стоять на почве *нерушимого* единства *Православия, Самодержавия и Народности*.

Твердо стать на эту почву каждому отдельно и всем вместе, поддерживая на ней друг друга, — вот *первая задача*, осуществление которой предлежит русскому образованному обществу в новую открывающуюся пред Россией культурную эпоху.

Самодержавие, правовой порядок и бюрократия

Наши либеральные софисты отождествляют Самодержавие с бюрократией и противопоставляют ему правовой порядок.

В том и в другом случае они подтасовывают карты, рассчитывая на легкомыслие и невежество нашей публики.

Бюрократия есть несомненное зло, но оно может существовать как в Самодержавном, так и в республиканском государстве; так, например, в современной Франции бюрократический централизм несравненно сильнее развит, чем в России. Но могут быть и самодержавные, и республиканские государства, свободные от бюрократии.

Но если Самодержавие по своему существу вовсе не тождественно с бюрократией, то Русское Самодержавие по своему же существу вовсе не противоположно правовому порядку.

Под бюрократией разумеется всемогущая власть чиновников, под правовым порядком — торжество законности в государственной жизни. И Русское Самодержавие имеет все средства к обузданию своеволия бюрократов и к осуществлению принципа строгой законности во всех государственных и общественных сферах.

Русское Самодержавие ведь тем и отличается от восточного деспотизма, что последний проявляет свою силу в произволе, не подчиняющемся никаким законам, а Русское Самодержавие

всецело покоится на законном основании, действует в пределах точно установленных законов и, обладая громадной законной силой, может вполне заставить всех и каждого в Государстве строго соблюдать существующие законы, то есть обеспечить в государственной жизни строгий правовой порядок.

Это не только теория — это исторический факт.

У всех еще в памяти славное царствование Александра III, Царя по преимуществу Самодержавного, при котором чиновничий произвол был доведен до минимума, строгая законность — до высшей своей степени, вследствие чего все внутренние силы России возросли до пышного расцвета среди глубокого внутреннего и внешнего мира, а Россия заняла принадлежащее ей первое место в мировой политике.

Все помнят этот быстрый подъем духа всей России благодаря Самодержавной политике Царя-Миротворца.

Россия после 1 марта была «полна измученными, изверившимися людьми». Какое же Александр III применил «средство против *упадка сил в лучшей части общества*, против этого ужасного зла, которое грозило неисчислимыми бедствиями нашему Отечеству»?

Ничего другого, кроме торжественного провозглашения принципа Самодержавия, справедливости и законности и строгого соблюдения его в государственной и общественной жизни.

«Человеческие действия составляют результат настроения. Дайте людям подъем духа, влейте в сердца их бодрость, вызовите уверенность в завтрашнем дне, и вы увидите, что они сделают чудеса».

Александр III вызвал эту уверенность, усмирив внутреннюю смуту, «сковывавшую у нас мысль и совесть», призвал к жизни национальную мощь России, «и страна в короткое время переродилась, подобно тому, как под лучами весеннего солнца в несколько дней покрывается зеленью оттаявшая земля. Отовсюду явились скрытые силы, дотоле томившиеся в бездействии, подняли доход земледельца, создали базис для прочного процветания мануфактур и торговли. Производительный труд нашего даровитого и переимчивого народа в

короткое время восстановил потери, которые накликала политика шаткого безвластия, всем жертвовавшая для дешевой популярности. Тринадцать лет твердой законности «свободы и разумной работы без ненужных и вредных помех сделали Россию просвещенной, богатой и довольной».

Приведенные в кавычках слова заимствованы нами из передовой статьи «Русских Ведомостей» (№ 314, от 11 ноября сего года) с той только разницей, что слова эти отнесены либеральной газетой к будущему времени, когда, как она надеется, в России будет уничтожено Самодержавие, мы же ее слова перефразировали, отнеся их к недавнему прошлому, к царствованию Александра III, когда духовный подъем России не был мечтой, а был действительным фактом, как прямое последствие провозглашенного и твердо примененного принципа Самодержавия.

Все величавое царствование Царя-Миротворца имело не только громадное реальное значение, но еще более важное значение принципиальное, явившись великим назиданием для Русского Правительства, общества и народа, как бы говоря им:

«Хотите мира и счастья России? Хотите немедленного спасения после какой-либо, сохрани Боже, тяжелой внешней или внутренней катастрофы? Берите пример с меня: я спустя три года после Берлинского позора возвысил Россию до общепризнанной международной славы; я, на другой же день после 1 марта, вернул России внутренний мир, покой, подъем духа и широкую, успешную, живую деятельность».

Как же можем мы забыть этот великий исторический урок?

Господа «либералы» стараются всячески игнорировать и замолчать великое и славное царствование Александра III, и в этом именно и заключается вся их низкая подлость, рассчитанная, как мы уже сказали, на легкомыслие и невежество их читателей. Они похожи на врача, который, призванный к дифтеритному больному, сделал бы вид, что он никогда ничего не слышал об антидифтеритной сыворотке и стал бы предлагать старые, уже отвергнутые наукой средства. Такого бессовест-

ного шарлатана, конечно, следует самым решительным образом отстранить от больного, которому он ничего кроме вреда принести не может. С такой же решительностью следует отстранить и наших «либеральных» шарлатанов от врачевания России, так как они, притворяясь, будто никогда не слыхали о великой живительной эпохе Царя-Самодержца, хотят отравить Россию таким заведомо негодным и опозорившимся на Западе зельем, как парламентарная конституция!

Мы еще раз повторяем: Самодержавие может лучше всего обеспечить России законный правопорядок и этим парализовать вред бюрократизма.

«Да, скажут нам, но ведь теперь у нас существуют и применяются различные исключительные законы, «осадное положение», экстренные меры и т. д., противоречащие нормальному правовому порядку».

Совершенно верно, но все эти меры по существу своему вызваны вовсе не Самодержавием, а той войной, которую внутренние враги России по собственному почину первые объявили существующим государственным законам.

Такие точно исключительные меры борьбы применяются и конституционными, и республиканскими государствами, коль скоро является крайняя опасность, угрожающая существованию государства, когда «необходимо отстаивать безопасность и высшие интересы государственного строя».

Разве мы не видели, что на основании этого мотива республиканская Франция не задумалась нарушить такой основной принцип правового порядка, как несменяемость судей, чтобы обеспечить безопасность существующей во Франции формы правления? Наши «либералы» нашли в свое время это нарушение вполне естественным, и нет никакого сомнения, что, если б они завтра захватили правительственную власть в России, они, борясь с нами, их противниками, боролись бы точь-в-точь, как и их единомышленники во Франции борются с националистами и монархистами.

Русские «либералы» объявили войну Самодержавной России безо всякого вызова с ее стороны; они ведут орга-

низованную войну, как явную, так и подпольную, против существующих государственных законов; этим самым они поставили себя вне защиты этих законов и вынудили Правительство принять исключительные меры для борьбы с их беззаконием.

Что бы вы сказали, если бы японцы стали жаловаться на то, что они при своем наступлении в Маньчжурии встречают со стороны Русского Правительства не мирные действия нормального правового порядка, а совершенно исключительные меры серьезной борьбы?

К таким же серьезным мерам противодействия Русское Правительство вынуждено прибегать, охраняя государственные законы против ополчившихся на них надпольных и подпольных «либералов». Как только они окончательно прекратят свой поход и подчинятся существующим законам, Самодержавие тотчас же отменит и свои исключительные меры и всюду водворит нормальный правовой порядок.

Но в том-то именно и дело, что наши «либералы» стремятся не к соблюдению существующих законов, а к их нарушению. Они и слышать не хотят о том, чтобы прекратить свои военные действия, направленные против законного Правительства. Но в таком случае они и не имеют права жаловаться на то, что и Правительство принимает против них исключительные меры для ограждения мира и благосостояния России.

А что эти меры действительно могут обеспечить мир, благосостояние, славу и могущество России — лучше всего доказало Самодержавное Царствование Александра III.

Великое преступление

Каждый раз, как возвращаешься с какого-нибудь народного собрания и делишься впечатлениями с присутствовавшими на нем единомышленниками, у всех неизменно вырывается одно и то же восклицание:

«Какой это чудный народ! Если б только Правительство *знало* этот народ, если б оно только *пожелало* на него опе-

реться, оно сразу приобрело бы такую *несокрушимую мощь*, перед которой не могла бы устоять никакая смута, никакая крамола».

В самом деле, какой это чудный народ, с чистой, искренней душой, с золотым сердцем, с ясным, трезвым умом! Как отзывчив он на всякую благородную мысль, на всякое доброе чувство, на всякое горячее патриотическое слово!

Сколько раз я видел пред собой эти сотни, эти тысячи открытых, добрых, озаренных общей радостью лиц, с напряженным вниманием следящих, притаив дыхание, за речью человека, пришедшегося им по душе и в ясных словах излагающего то, что у них так долго и так смутно таилось в глубине их сердец. Нельзя без захватывающего очарования взирать на эту трогательную картину, на этих сосредоточенно слушающих седых и белых, как лунь, стариков, на этих умиленно внимающих, с катящимися по морщинистому лицу слезами, старушек, на эту восторженную молодежь, с искрящимися глазами, ловящую каждое слово, побуждающее ее к благородным подвигам на поприще верного и стойкого служения Богу, Царю и Родине!

И как отзывчива, как благодарна эта народная масса, чуждая какого бы то ни было слепого фанатизма, слушая разъяснение и оправдание своих самых дорогих, заветных убеждений, которые в настоящее время подвергаются со стороны разбушевавшихся врагов Русского народа дерзкому издевательству и злобному гонению; с каким искренним, задушевым увлечением выражает этот народ свою признательность тем его пастырям и руководителям, которые раскрывают перед ними истинную сущность творящихся на Руси событий и разъясняют, как к ним должен относиться Русский человек, верующий в Бога, повинующийся Царю и любящий свою Родину.

Да, какой это *чудный, славный, добрый народ!* *Народ Боголюбивый и Царелюбивый.* Сколько в нем еще сохранилось *духовных сокровищ*, давно уже утраченных развращенными народами Запада! Какие *чудеса* мог бы совершать с таким народом Русский Царь, если б представители Его Власти руко-

водствовались *светлыми, вековыми, победоносными идеалами* многомиллионного Русского Народа, а не так называемым «*общественным мнением*», выражаемым лишь ничтожной кучкой «*интеллигенции*», утратившей последние следы Русского облика в своих чувствах и мыслях и опирающейся на жалкую фразеологию еврействующей печати.

Но, увы! *Петербург не знает* или *не хочет знать* ни высоких, светлых идеалов Русской души, ни великой благородной мощи ее вековых заветов, ни трогательной умиленности ее глубочайших чувств к Богу, Царю и Родине.

Русская народная душа — это величайшее сокровище, которым дорожило бы всякое *национальное, народное* Правительство, но для *нашего Петербурга* она *гроша медного не стоит*: для него дороги лишь те *обтрепанные западные идеалы*, которые насильно навязаны России графом Витте и усиленно рекламируются его рептилиями.

И в этом заключается *великое преступление Петербурга*, — преступление, совершаемое под покровом *глубокого лицемерия*.

В самом деле, разве все реформы, которые теперь с такой лихорадочной поспешностью изготавливаются, и явно и тайно, в Петербургских канцеляриях, не проходят под флагом «*народа*», «*народного блага*», «*народных интересов*», «*народных желаний*», «*народной воли*»? Но раз Петербургские канцелярии не знают или не хотят знать Русского Народа, то как же они могут знать, в чем заключаются его блага, его интересы, его желания, его воля? Они имеют перед собой статистические цифры, собранные по искусственным бюрократическим шаблонам, разные доклады, записки и другие столь же бюрократические и столь же шаблонные материалы, но *живой народной души с ее заветными мечтами и духовными нуждами у них нет*, и они даже не замечают отсутствия этого *наиболее ценного и необходимого* для их работы «*материала*».

Русская народная душа, полная высших религиозно-нравственных сокровищ, — мы ее видим, мы ее чувствуем на

наших народных собраниях, мы понимаем ее трепет, ее стремления, ее чистые порывы, но, увы, мы видим и понимаем, как *бессердечный Петербург* не только ее *презрительно игнорирует*, — это было бы лишь полбеда, — но как он ее систематически *развращает и отравляет*, и в этом заключается его *страшное, наибольшее преступление*.

В самом деле, сердце обливается кровью, когда видишь, с каким бесчувственным, казенным равнодушием Петербург взирает на те *потоки развращающей народную душу литературы*, которые ежедневно своими ядовитыми волнами разливаются по всей России, *стараясь лишить Русский Народ его Боголюбия и Царелюбия!* И с таким же казенным равнодушием тот же Петербург карает тех крестьян и рабочих, которых сам же он своим преступным попустительством отравил этим ядом!

Что же может сказать Петербург в свое оправдание? О, конечно, очень многое. Он, вероятно, прежде всего вот что скажет:

«Я должен свято хранить великий принцип *свободы слова*».

Какого слова? Всякого? И доброго и злого, и целебного и ядовитого, и правдивого и лживого? Значит, если злое, ядовитое и лживое слово отравляет Русскую народную душу и превращает честный, благочестивый и преданный Царю Русский народ в разбойническую толпу хулиганов, то такое слово должно даже пользоваться полной свободой?

«Да, конечно, иначе будет нарушен священный принцип *свободного слова*».

Значит, этот «священный» почему-то принцип дороже спасения Русской народной души?

«Конечно, дороже. Если этот принцип будет нарушен, «кадеты» заедят Правительство в Думе своими запросами, а печать расстроит нервы Петербурга своими обвинениями в нарушении этого священного принципа».

И из-за этого принципа, из-за «кадетов» и из-за Петербургских нервов должна погибнуть Русская народная душа?

«Но ведь мы допускаем свободу не только яда, но и противоядия. Пусть ядовитая печать отравляет народ, а хорошая его исцеляет»!

Но что сказали бы мы о враче, который равнодушно давал бы своему пациенту яд вперемешку с противоядием? Зачем отравлять народ и затем подвергать его более чем сомнительному лечению, если можно сохранить его целым и невредимым? А к тому же где ручательство, что каждый отравленный печатью Русский человек получит и свою долю противоядия? Подумайте только о необъятном количестве ядовитой крамольной литературы! Сколько она отравит людей, которые затем станут заражать своим ядом других людей, прежде чем к ним достигнут листки правдивой печати!

Один из деятелей Французской революции обессмертил себя преступной фразой: «Пусть лучше погибнут колонии, чем какой-нибудь принцип»!¹ Но там шла речь только о колониях. Что же сказать о Петербурге, который театрально-пошло восклицает: *«Пусть лучше погибнет Русский народ, чем принцип свободы слова»!*

Принцип «свободы слова»! Пусть свободное слово изобличает все язвы нашей государственной бюрократии. Кто может возразить против такого ее действия? Но Петербург своим преступным попустительством дает крамольникам полный простор развращать душу Русского народа *кощунственной проповедью против Бога, анархической пропагандой против Царя, возмутительным издевательством над всем, что дорого и свято Русскому народу!*

Еще есть время положить конец этому преступному бездействию Петербурга! *Необходимо теперь же принять строгие меры охраны Русского народа от потоков развращающего его печатного яда!*

Пусть лучше нарушится бессмысленный принцип «свободы всякого слова», чем погибнет Боголюбивая и Царелюбивая душа Русского народа!

Опомнитесь, петербургские душегубы!

Двухсотлетие Петербурга

Петербург празднует 16 мая¹ двухсотлетнюю годовщину своего основания.

В тот же день Россия может праздновать двухсотлетие своего вступления в число европейских держав.

Но в тот же день и Москва может с благодарной памятью встретить двухсотлетие своего посвящения в «хранилищницу животворных Русских идеалов».

Великий Петр, признав в гениальном полете своего ума, что настало для России время сравняться во внешней цивилизации с государствами Западной Европы, перенес для сей цели столицу будущей Российской Империи на крайнюю западную ее границу. Здесь прорубил он не только окно, но и дверь в Европу, как бы для того, чтобы тут, на пороге России, принимать для строгой проверки все, чем нас захочет одарить Европа, и, отобрав добрые зерна от плевел, направлять лишь одни эти зерна для плодотворного посева их на необъятной русской ниве.

Здесь, на этом дальнем рубеже России, Петр основал новый город, который уже одним иноземным немецким именем своим должен был привлекать к себе, как некий духовный порто-франко, иноземных просветителей России. Этот город обрекался таким образом на исключительное, пред всей остальной Россией, восприятие и концентрацию европейской культуры в огульном, неразобранном ее виде, но вместе с тем он становился столицей, то есть местом пребывания самого Царя и его Высшего Духовного и Гражданского Правительства, дабы те из вносимых иноземных элементов, которые оказались бы вредными России, парализовались, по мере возможности, присутствием могущественных выразителей Русских национальных принципов — Православной Церковью и Царским Самодержавием, а европейская культура тут же на месте, под окном Царевым, приспособлялась к истинным потребностям России.

Но мало того, в противовес новому средоточию европейского космополитизма необходимо было сохранить в сердце России прочный оплот вековых русских национальных традиций, средоточие истинного Русского духа, из которого как Русский Царь, так и Русский народ всегда могли бы черпать новые животворные силы для верного служения священным заветам своей Родины.

Этим великим духовным оплотом России оказалась Москва, покинутая Петром, сохранившим, однако, за ней все ее высокоидеальное значение Первопрестольной Столицы за все то время, когда он неустанно работал на созданном им новом поприще кипучей деятельности на благо обновленной им России.

К перенесению своей резиденции на устья Невы побуждали Великого Преобразователя и другие чрезвычайно важные государственные причины. Его влекли к этому северному краю чисто московские стремления, которым в свое время уже повиновались и Александр Невский, и Иоанн Грозный. А в данное время ему необходимо было быстро создать для России военный и коммерческий флот, а этого он мог достигнуть лишь постоянным, личным присутствием на тех обильных водой и лесами местах, где флот этот создавался, — на берегах Ладоги и Финского залива. Ему хотелось тут же вызвать к жизни из среды своего народа целое новое сословие русских мореходных торговых людей, которые взяли бы в свои — русские — руки все торговые сношения с Западной Европой — великая мечта, до сих пор еще не осуществившаяся, но вечно стоящая перед нами, как неисполненный идеальный завет Петра. Мы уже не говорим о том, что главная опасность, грозившая существованию Государства Российского, шла в то время от шведов, и Санкт-Петербург был поэтому основан прежде всего как пограничная крепость, которой Петр в 1703 году защитил Московскую национальную и государственную святыню, точно так же, как он ту же святыню защитил в 1709 году на полях Полтавы.

Москва, освобожденная от непрестанных хлопот столь лихорадочной в то время правительственной деятельности, со

всеми ее неизбежными увлечениями, ошибками, разочарованиями, компромиссами и уступками, — могла теперь жить с большей сосредоточенностью и спокойной последовательностью, вырабатывая в тишине своих кремлевских святынь то ясное сознание чистых русских идеалов, которое иногда, может быть, не проявилось бы с такой осязательностью, если бы этому не содействовал яркий контраст петербургского космополитизма, против которого Москва с первого же его проявления предприняла тихую, теоретическую, но упорную борьбу.

Эта борьба выдвинула в XIX веке первую и вторую плеяду славянофилов, протестовавших против всего великого дела Петра, и наконец, — М.Н. Каткова, который своим гениальным умом впервые верно оценил историческую роль Великого Преобразователя России, но вместе с тем впервые и выяснил истинное значение Петербурга и Москвы в деле нашей государственности и культуры.

Россия с 1703 года живет двойственной жизнью. Эта двойственность имеет много нежелательных для России последствий и препятствует установлению гармонического строя ее жизни. Но как *временный* режим, установленный Петром, эта двойственность имела свое глубокое историческое основание.

Представим себе, что всю преобразовательную работу свою Петр Великий совершил бы в Москве, что Москва была бы наводнена всей массой как полезных, так и вредных иностранных элементов, что, словом, Москва стала бы «Петербургом». Конечно, всегда бывает трудно в точности определить все то, что совершилось бы в истекшей истории народа при предположенном изменении того или другого условия ее развития. Но едва ли мы ошибемся, утверждая, что бурный наплыв иностранных элементов в их грубом хаотизме — как он именно и совершился в Петербурге — легко мог одержать победу над хранившимися в Москве вековыми *духовными* традициями Русского народа. Одна уже упорная, не только принципиальная, но и деловая, борьба между иноземной и русской стихией в стенах Москвы, с несомненной поддержкой первой из них со стороны Правительства, нанесла бы идеальному зна-

чению Москвы тяжелый урон, от которого она едва ли могла бы оправиться. Победа космополитизма в Москве была бы тем полнее и вреднее, что ни один уже город во всей России не мог бы служить денационализованной Москве каким-либо серьезным национальным противовесом, и Россия быстро пошла бы с легким сердцем и легкой совестью по пути как полезного, так и вреднейшего западного «прогресса» не только в научном, техническом и художественном, но и в политическом и религиозном отношениях.

От этой именно опасности Россия была предохранена Петром Великим, оставившим Москву во всей ее идейной неприкосновенности, как священный палладиум России, как святой ее храм. Петр перенес всю мирскую, бурную и на первых порах еще не вполне разборчивую европеизацию России на совершенно иное «опытное поле» на отдаленной окраине, только что отвоеванной у западного врага и уже успевшей в значительной степени утратить к этому времени свой былой древнерусский характер. Здесь европейские эксперименты могли производиться «на чистоту» без всяких стихийно-национальных помех; здесь как случайные, так и неизбежные на первых порах ошибки и неудачи могли легче сглаживаться, не причиняя непоправимого вреда основным устоям России, которые хранились в Москве под сенью ее вековых святынь, оставаясь пока в стороне от преобразовательных работ, не мешая им, но и не терпя от них какого-либо урона или ущерба.

Так длилось два столетия, в течение которых Петербург вырос в первый по внешнему блеску город России, в «красу полнощных стран», а Москва, сохранив за собой значение средоточия духовных сокровищ России, сделалась сверх того и центром ее материальных богатств. Петербург остается еще по праву постоянным местопребыванием Русских царей — уже по тому одному, что в нем сосредоточен весь правительственный механизм России, тогда как Москва постепенно уже становится временной Царской резиденцией, где «под благодатной сенью Святой Матери Церкви, в стенах древнего Кремля, среди великих святынь московских и славных памятников родной

истории русские цари почерпают в заветах старины русской и в проявлениях чувства народного обновленные силы для служения возлюбленному Отечеству», как о том свидетельствует Высочайший рескрипт, данный 16 апреля на имя Августейшего Московского генерал-губернатора².

Таким образом, как Петербургу, так и Москве было определено особое назначение Промыслом Божиим двести лет тому назад, когда Петр Великий вдаль от старой столицы создавал новую.

Исполнил ли Петербург это назначение? К сожалению — нет, но об этом мы поговорим особо. Москва же свое назначение исполнила вполне. Вот почему центр тяжести Российского государства, искусственно перенесенный в 1703 году на Неву, с тех пор неоднократно естественным путем возвращался на берега Москвы-реки, всякий раз, когда Русским Царям и Царицам необходимо было испрашивать высшее благодатное освящение своих подвигов на предстоявшем им Царственном пути, и всякий раз, когда Русский народ, на глазах всего мира, чувствовал потребность выражать на деле свою беззаветную преданность Русскому Самодержцу.

Да процветает же и впредь великолепный град Петра, да развиваются в нем силы богатого морского порта на пользу русской промышленности и торговли, да станет он, со своим несокрушимым Кронштадтским бастионом, твердым оплотом Русской Державы от всяких вражеских покушений, да освободится он от созданного им уродливого, совершенно чуждого заветам Петра, либерального бюрократизма, и да приближается он с каждым годом все более к идеалу истинно Русского города и богатого источника русских культурных сил для благого просвещения лежащих к северу его окраин России!

Пожелаем же и Москве, с честью и достоинством выдержавшей двухсотлетнее нелегкое испытание, оставаться и впредь носительницей священных русских идеалов, дабы, когда на то будет воля Господня и Царское решение, снова стать, и по праву и на деле, единственным средоточием церковных и государственных начал России.

Коренная реформа местной администрации

Читатели наши несомненно обратили должное внимание на замечательную речь орловского дворянина Сергея Александровича Нилуса¹, которую мы поместили на страницах нашей газеты (М. В. 1903 г., №№ 14—16).

Глубокий знаток сельской жизни и сельского хозяйства, посвятивший почти весь свой жизненный труд родной земле и выстрадавший физически и нравственно все ее тяжелые невзгоды, С.А. Нилус предлагает зрело обдуманый им проект реформы сельской администрации, которая не может быть иначе названа, как *коренной*.

Да иначе не могло и быть, коль скоро С.А. Нилус не ограничился, подобно громадному большинству наших «комитетских» реформаторов, одной лишь внешней формой переживаемого нами кризиса, но сосредоточил свое внимание на самом источнике этого кризиса, на самом корне угнетающего Россию зла.

Предлагаемая С.А. Нилусом реформа является коренной ломкой существующего у нас сельского административного строя, коренной ломкой тех демократических «традиций», которым, правда, еще не минуло и пятого десятка лет, но которые, к сожалению, успели уже, как цепкий паразит, присосаться к организму Русского народа, все более нарушая нормальные функции этого организма и все более истощая его здоровые силы.

Весь тяжелый вред этих «традиций», разоривших и до безобразия исказивших дворянскую и крестьянскую сельскую жизнь в особенности Черноземной России, этого могучего некогда жизненного центра, создавшего вокруг себя все исполинское Русское государство, — давно уже признан всеми серьезными русскими людьми без различия партий. В самом деле, все в один голос признают ненормальное, даже критическое, почти безвыходное положение нашего центра. Различие взглядов начинается лишь с предложения целительных средств для устранения констатированного всеми недуга.

В то время как одни предлагают упомянутому демократическому паразиту предоставить еще большую свободу саморазвития вплоть до полного поглощения им всей России, — другие, желая спасти Россию от этой гибели, видят единственную возможность этого спасения в коренной операции, которая должна покончить с демократическим принципом, столь чуждым, по своему существу, государственному идеалу Русского народа.

Правительство наше несомненно стремится к оздоровлению нашей местной жизни и неоднократно уже принимало меры, которые должны были вести к этой цели. Но до сих пор все эти меры были какими-то робкими опытами, слабыми частичными паллиативами, не касавшимися того чисто демократического начала, на котором основано все наше злополучное местное управление. При этих условиях правительственные меры, при всем их благожелательстве, обречены были на неуспех, подрывавший лишь правительственный авторитет и еще более усиливавший демократизацию России.

В самом деле, можно сколько угодно усиливать, например, власть губернаторов, действующих от имени Государя Императора; но если эта *власть* обречена на постоянные столкновения с далеко не фиктивной демократической *властью* наших земств, действующих от имени «общества» и публично шельмующих неугодных им губернаторов, то, при этих условиях, о плодотворной, гармонической деятельности местной администрации не может быть и речи.

Двух властей в России быть не может: в ней неограниченно должна господствовать лишь одна власть, власть Самодержавного Государя, рядом с которой недопустима ни в принципе, ни в реальном проявлении, ни малейшая частица какого бы то ни было *народовластия*, какой бы то ни было *демократии*. А между тем наши выборные земства и городские думы мнят себя «представителями народа», призванными отстаивать его интересы против Правительства, а следовательно, призванными и *бороться* против него!

К чему же нам допускать эту неслыханную аномалию в Самодержавном Государстве? Она по роковой ошибке была до-

пущена у нас сорок лет тому назад и принесла за это время неисчислимый вред России. Почему же сразу *коренным* образом не покончить с ней? Зачем мы ограничиваемся только тем, что ставим выборные земства и думы в более тесные рамки, которые только усиливают эффектные вопли наших демагогов о «стеснении общественной свободы»; зачем мы постепенно отбираем от них все плохо исполняемые ими функции, вызывая этим еще новые вопли все о том же стеснении Правительством демократических принципов общественной деятельности? Не лучше ли, не справедливее ли раз и навсегда открыто признать полную несовместимость демократических принципов с принципом Самодержавия и устранить *коренной* реформой нашей местной жизни даже малейшие поводы к жалобам на стеснение «законных» будто бы народовластных элементов?

Этим сразу уничтожились бы и та пагубная двойственность, от которой так страдает вся внутренняя жизнь России, и тот искусственно созданный раскол между Русским Правительством и русским обществом, стоящими почему-то друг против друга в двух вооруженных лагерях, вместо того чтобы дружно работать рука об руку, служа верой и правдой Царю и России.

Но, может быть, мы этим «убьем общественную деятельность», как об этом всюду кричат защитники демократического разложения России?

Нет, мы лишь пробудим русское общество к здоровой, полезной деятельности.

Для этого у нас в России есть только один путь — энергическая, разумная деятельность самого Правительства.

Когда Правительство бездействует, тогда неизбежно является иллюзия, будто все спасение России — в «обществе», которое должно упразднить совершенно-де ненужное Правительство; тогда начинается пагубная, *разрушительная* деятельность общества.

Но когда Правительство стоит на высоте своего долга, развивая всюду бодрую и всех бодрящую разумную энергию, все общество пробуждается к *здоровой, созидательной*

деятельности, стремясь всюду оказать содействие правительственной инициативе по ясно и громко провозглашенной Правительством национальной программе.

Но возвратимся к проекту С.А. Нилуса.

Наши демократы в настоящее время всюду, кстати и некстати, толкуют о необходимости ввести у нас «мелкую земскую единицу».

Мы с ними совершенно согласны: чем мельче государственная единица, тем она полезнее, дельнее и плодотворнее.

А потому необходимо прежде всего избавить Россию от таких бесполезных и часто зловредных крупных единиц, как *губернские* земства. Один уже этот шаг почти сразу рассеял бы весь тяжелый демократический кошмар, тяготеющий над Россией, и мы уже лет через пять убедились бы в бодром ее здоровье, коль скоро она не чувствовала бы над собой сумасбродного ига губернских демагогов.

Но и выборные *уездные* земства являются в этом отношении таким же несомненным злом, хотя и меньшего калибра. Одна лишь *мелкая земская единица* величиной с сельский приход, с земским или «сельским», как предлагает С.А. Нилус, начальником во главе, будет действительно дельной и полезной государственной ячейкой.

Сельские начальники должны быть назначены из числа поместных, сидящих на земле или посаженных на землю, русских православных дворян, подчиненных строгому контролю непосредственных и ответственных царских представителей, какими должны быть как предводители дворянства, так и губернаторы, выбирающие себе наиболее дельных сотрудников и советников из лучшей части *местного общества*.

Вот единственное спасение для России, вот справедливое разрешение дворянского и крестьянского вопроса, вот, вместе с тем, и ясная, определенная программа дальнейшей правительственной деятельности, программа не двойственная, не хромающая на оба колена, но открытая, прямая, одухотворенная одним только принципом, — принципом истинно Русского Царского Самодержавия, при котором источником всякой

власти на Руси является Царская воля, Царский выбор, а не какие-либо «выборы народные» или «общественные».

Выборное начало есть демократическая язва, губящая всякое, даже самое благое, дело. Всюду, где отдается предпочтение *количеству* перед *качеством* голосов, естественному *большинству* посредственностей перед столь же естественным *меньшинством* ума, таланта и гения, — там неизбежно должны царить и действительно царят: безумие — над умом, интрига — над честностью, партийные страсти — над спокойной, плодотворной работой, разрушительные элементы — над созидательными.

Этого не видят или не хотят видеть лишь те, кто сами стоят за демократизацию России, или те, кто, дорожа здоровой общественной деятельностью, не могут почему-то представить себе ее без «неизбежной» будто бы, хотя и вредной, выборной системы. А между тем, как мы сказали, здоровая, бодрая общественная деятельность может в России быть вызвана не той или другой выборной системой, а лишь здоровой и бодрой национальной деятельностью самого Правительства.

Нам скажут, что уничтожение выборных общественных самоуправлений явится у нас не только коренной реформой, но целым государственным переворотом, чуть не революцией.

Да, но только революцией не снизу, а сверху, революцией созидательной, а не разрушительной, революцией, которая спасет, а не погубит Россию.

В 60-х годах у нас была произведена Правительством революция в духе демократическом; почему же Правительство, наученное сорокалетним опытом, должно остановиться перед коренным переворотом в духе самодержавного монархизма, если только оно будет убеждено в необходимости этого переворота?

А общественное мнение? Да оно все горой станет за Правительство, лишь только услышит от него призыв к твердой, национально-самодержавной политике России, — призыв, выраженный в ясных словах, не подающих повода к каким-либо жетолкованиям.

Мелкие подробности проекта С.А. Нилуса могут вызвать ту или другую практическую оценку; но безусловно верна принципиальная его *основа*, выраженная автором с несомненным гражданским мужеством против столь сильного у нас демократического общественного течения, — основа твердая и ясная, вполне согласованная с истинно-русским государственным мировоззрением.

Вот за эту основу, основу Царского Самодержавия, не допускающего рядом с собой никакого *выборного народовластия*, всецело стоим и мы.

Кризис дворянского землевладения

«Дальше идти некуда!» — говорит С.А. Нилус «от имени умирающего нашего земледельческого центра» (М. В. 1903 г., № 312), откликаясь на такой же отчаянный вопль А.С. Суворина¹, который, скорбя о том же «злополучном, многострадальном центре», недавно воскликнул: «Клянусь Богом, что так продолжаться не может».

И со всех сторон мы слышим то же самое. Мы завалены письмами из наших центральных губерний, в которых раздаются все те же вопли, повторяющиеся с таким же отчаянием и в устных рассказах дворян-землевладельцев, изнывающих под невозможными условиями современной сельской жизни и работы: «Так жить нельзя». «Руки опускаются». «Так продолжаться не может». «Мы не в силах больше бороться». «Дальше идти некуда».

И не успели мы напечатать (№ 312) надрывающую сердце статью С.А. Нилуса, как нам уже сегодня говорят и пишут люди, близко знающие наш центр, это сердце России:

«Да, это правда! Это сущая правда! Мы подписываемся под каждым словом г. Нилуса! У него вырвалось из души то, что у всех нас на душе, то, что растерзало нашу душу! Спасибо ему, что он за всех нас кликнул этот предсмертный крик центрального земельного дворянства: *дальше идти некуда*».

А длинные, ужасающе длинные списки дворянских имен, продающихся с публичного торга, из коих все почти и идут под беспощадный аукционный молоток, — этот залитый слезами скорбный лист и грозно трагический мартиролог русского «служилого, передового» сословия подтверждает, холодными как лед, безжалостными цифрами, что все эти отчаянные крики и вопли — не плод разгоряченной фантазии каких-нибудь двух-трех «неудачников», а голос суровой, неумолимой истины, раздающейся под тисками железной необходимости.

Да, действительно, так жить нельзя!

Давно уже начавшийся кризис дворянского землевладения в наших центральных губерниях достиг того кульминационного пункта, после которого возможны лишь два исхода: либо окончательная смерть, либо чудесное спасение. Но смерть настанет сама собой, логически неизбежным ходом событий, а спасение может наступить лишь каким-нибудь внезапным коренным изменением жизненных условий земельного дворянства, а этого в настоящее время можно именно ждать лишь как чуда небесного.

Но если этот тяжелый кризис существует уже давно, то неужели до сих пор ничего не делалось для его устранения?

О, напротив, для этого *делалось* очень многое, но, к сожалению, ровно ничего *не сделано*. Какая-то «тайная вражья сила», по выражению С.А. Нилуса, постоянно парализовала самые лучшие начинания Правительства и постоянно тормозила и сводила на нет самые благие его намерения.

Создан был Дворянский банк *для помощи дворянскому землевладению*, и рядом с ним Крестьянский — для помощи землевладению крестьянскому. Казалось бы, чего же лучше?

И вот оказалось, что, помимо добрых намерений и здравых взглядов Русского Правительства, у нас существует еще нелепая демократическая доктрина, по которой «дворянское землевладение должно быть разорено, уничтожено и передано в руки одних лишь крестьян».

Эта доктрина оказалась сильнее Правительства. Наступило время совершенно непредвиденного Правительством применения этой торжествующей доктрины. Действие обоих

банков оказалось так хитро согласованным, что Дворянский банк систематически разорял с бессердечным злорадством дворянское землевладение и преподносил его ликующему Крестьянскому банку на беспощадное растерзание и «раздробление», для дальнейшей передачи его крестьянам, которые уже окончательно довершали хищническое уничтожение многовековой культурной работы дворянского землевладения.

Правительство поняло все грозное для России значение этого зла, и для устранения его было учреждено Особое СовеЩание *для спасения земельного дворянства*.

Вся Россия воспрянула надеждой, что теперь-де, наконец, настало светлое время для коренного устранения всех тех препятствий, которые не давали развиваться столь необходимому для государства служилому сословию. Все были уверены, что краеугольным камнем этой реформы будет устранение того рокового недоразумения, которое, как мы только что видели, направило действия Дворянского и Крестьянского банков на систематически интенсивное разорение дворянства в угоду демократической доктрине о «нивелировке сословий».

И что же? Доктрина эта опять оказалась сильнее разумного и великодушного намерения Правительства! Особое СовеЩание работало долго, очень долго, над всевозможными вопросами, касающимися дворянства, а в это время Крестьянский банк невозбранно продолжал со все столь же усиленной быстротой пожирать дворянские имения, передававшиеся ему все с той же любезной предупредительностью Дворянским банком. Особое СовеЩание кончило свои работы, даже не коснувшись этого капитального и в сущности единственного вопроса, от которого зависит весь сельскохозяйственный кризис наших центральных губерний, а Крестьянский банк продолжает и поныне свою раздробительно-разорительную деятельность к великому ликованию всех наших радикальных демократов и к гибели некогда столь крепких сословных устоев и всей сельскохозяйственной культуры России.

Но Правительство решило продолжать борьбу с этим торжествующим злом, перенеся ее на другое поприще. Об-

разовано было новое Особое Совещание *для спасения нашего сельского хозяйства*, гибнущего от применения к России не одной только доктрины демократизма, но и от вступившей с ней в союз еще более нелепой и пагубной доктрины марксизма.

Доктрина эта, давно уже опровергнутая учеными серьезными экономистами, воссияла над Россией как некая «нео-проверяемая научная аксиома». По этой доктрине сельское хозяйство должно быть непременно уничтожено и заменено промышленностью, которая, в свою очередь, должна выработать громадный голодный пролетариат, дабы ввергнуть все государство в режим социализма. Этого-де непременно требует «наука», созданная Марксом.

И вот слепые адепты этой науки поставили крест над русским сельским хозяйством, а следовательно, прежде всего, над нашим земельным дворянством, и обрекли его на «постепенное вымирание» наряду с лихорадочно быстрым, совершенно искусственным насаждением промышленности в России.

Вот от этого именно самоубийственного процесса новое Особое Совещание и должно было спасти Россию, все благосостояние и весь внутренний порядок которой зиждется, *прежде всего*, на исторических и культурных условиях, на сельском хозяйстве.

Учреждение этого Особого Совещания снова возбудило во всей России ярые надежды, которые, однако, очень быстро потускнели и сменились грустным разочарованием.

Оказалось, что к решению вопроса о сельском хозяйстве были привлечены, прежде всего, такие элементы, о которых заранее можно было сказать, что они внесут в этот вопрос не деловую ясность, а непроглядный «идейный» сумбур. И действительно, эти элементы создали целые вороха не идущих к делу, словообильных проектов, которые ныне безнадежно загроздили первоначально столь простой и целесообразный путь, о котором мечтало Правительство, когда оно, с такими светлыми упованиями, учреждало Особое Совещание для возрождения гибнущего сельского хозяйства.

Не унывая, однако, в своих благих намерениях, Правительство создало еще новое Совещение — уже со специальной целью *спасения гибнущего Центра России*. Мы уже знаем, что и это Совещение опять-таки обратилось прежде всего за советом все к тем же элементам, которые давно уже зарекомендовали себя не только равнодушным, но и враждебным отношением к сельскохозяйственным интересам вообще и к интересам дворянского землевладения в особенности. А от спасения этого именно землевладения, в сущности, и зависит спасение многострадального нашего Центра.

Оказалось то, что должно было оказаться: созданные в Петербург советчики написали и наговорили много не идущих к делу фраз и уехали, не подвинув дела ни на шаг...

Так дальше идти нельзя.

Одно из двух: или дворянство, *земельное* дворянство, нужно России, или оно ей не нужно.

Если оно не нужно, то пусть оно умирает, пусть торжествуют доктрины демократизма и марксизма, пусть Россия быстро и неуклонно летит в пропасть социалистической анархии.

Но если дворянство нужно России, то пусть Правительство твердо станет выше этих безрассудных доктрин, пусть оно сломит их влияние, в каких бы сферах оно, явно или тайно, ни проявлялось, дабы, наконец, *действительно* спасти дворянство от грозящей ему гибели, — не ради дворянства, а *ради России*.

Двойная задача нашей окраинной политики

Жизненные интересы России предъявляют ей безусловное, неумолимое требование — неустанно заботиться о том, чтобы границы ее являлись не слабым, а твердым оплотом ее государственного организма.

А между тем, эти границы чрезвычайно отдалены от национального центра России и заселены совершенно чуждыми и даже враждебными ей племенами, содействующими не

укреплению, а ослаблению этого столь необходимого ей оплота. Одними крепостями тут делу не поможешь, коль скоро не только вокруг этих крепостей, но и в стенах их живет население, преданное не интересам России, а своим собственным национальным и «государственным» интересам, или даже интересам врагов России.

Ввиду этого, окраинная политика Русского Правительства принуждена считаться со всевозможными препятствиями, которые, однако, не должны ослаблять его благоразумной энергии и мудрой последовательности в разрешении той государственной задачи, которую ставят не какие-либо случайные увлечения и фантазии, а, как мы уже сказали, жизненные интересы всего государства. Не «шовинизм» и не «панруссизм» заставляют Россию заботиться об укреплении русской государственности на своих окраинах, а естественная *force majeure*¹ борьбы за существование, которая с такой категорической неумолимостью действует и в каждом отдельном человеке, заставляя его заботиться о прочности стен того дома, в котором он живет. Это требование так ясно, что его могут отрицать лишь наши окраинные сепаратисты, по весьма понятной своекорыстной причине, и наши «либералы» — по причине совершенно непонятной слепоты своей.

Но трудная задача нашей окраинной политики облегчается одной характерной особенностью, которой отличаются все почти наши окраины.

Россия, в силу логического хода своей истории, постепенно расширяя пределы своего государства, всюду заставляла в новых, приобретаемых ею землях, составляющих ныне ее окраины, не *одну* какую-либо тесно сплоченную группу нерусских людей, а по меньшей мере, *две* группы, из коих одна была господствующей, а другая подчиненной, одна — угнетающей, другая — угнетенной.

Так, в Финляндии Россия нашла финское население, угнетаемое шведами; в Эстляндии она застала эстонцев, поработанных немцами, в Лифляндии и Курляндии — латышей в точно таком же рабстве у тех же немцев; Литва представила

России древнее литовское население, изнемогавшее под польским игом; в самой Польше простой народ невыразимо страдал под крепостническим гнетом гордой шляхты, обратившей его в состояние простого вьючного скота, «быдла»; в Украине против тех же польских угнетателей боролось малорусское казачество; наконец, на Кавказе все местное православное грузинское племя безжалостно эксплуатировалось не только мусульманами, но в особенности величайшим бичом всего края — армянами.

Таким образом, Россия всюду являлась с двойной миссией: 1) освобождения угнетенных от угнетателей и 2) водворения русской государственности.

Весьма естественно можно было надеяться, что угнетенные из простого чувства благодарности станут на сторону России, освободившей их от невыносимого гнета, и помогут ей в ее государственном деле.

Но твердо *рассчитывать* на чью-нибудь благодарность в делах политики, в которые к тому же еще замешаны вопросы национальные, было бы, конечно, великой ошибкой. И действительно, во всех вышеупомянутых окраинах коренное население, освобожденное Россией от своих угнетателей, явилось в крае лишь новым антирусским элементом. Таковы «младофинны», «младоэсты», «младолатыши», «младолитовцы», польские «демократы», малорусские «украинофилы» и «младогрузины» — всюду поднявшие, с большей или меньшей энергией и притязательностью, свои национальные флаги и мечтающие не о более тесном сближении с освободившей их Россией, а о своей собственной национальной, а то и «государственной» самостоятельности!

И вот бывшие угнетатели этих «младонаций» обращаются к нам, русским, с такими речами:

— Вот видите, что вы наделали! Вы их освободили от нас, вы их спустили с цепи, а они набросились не только на нас, но и на вас. Это грубый народ, их все время нужно было держать под железной палкой; а вы протянули им руку, вместо того чтобы протянуть ее нам, людям культурным, шведским

графам, немецким баронам и польским магнатам. Освободив их, вы толкнули их на путь социализма, который столько же опасен нам, как и вам. Бросьте их, сговоритесь лучше с нами, мы готовы идти с вами на примирение: ведь мы представляем собой консервативный элемент, а потому мы должны быть ближе вашему сердцу, чем все эти вчерашние рабы, а сегодняшние демократы.

Так говорят нам на наших окраинах, в особенности — в Балтийских и Привислинских губерниях. В Финляндии шведы до таких откровенностей еще не дошли, но несомненно дойдут, как только финны их окончательно покинут. Лишь на Кавказе мы этих речей не слышим и, вероятно, никогда не услышим, так как там, в сущности, русской окраинной политики совершенно не существует, и мы не только не освободили грузин от армянского ига, а сами добровольно пошли под это иго. Но, конечно, когда-нибудь и в «пламенной Колхиде» восторжествует русская государственная идея, как она ныне начинает торжествовать среди «финских хладных скал», и как она считается уже восторжествовавшей в Вильне, Варшаве, Юрьеве, Ревеле и Риге.

Мы говорим — «считается восторжествовавшей», так как до полного фактического ее торжества еще очень и очень далеко, как в Северо-Западном и Привислинском краях, так и в крае Прибалтийском. Но здесь, по крайней мере, поляки и немцы заговорили о «примирении», доказывая, что они были бы для России более верными друзьями, чем эсты, латыши, литовцы и польские демократы. Польские толки о «примирении» давно всем известны, а что такие же голоса раздаются и из среды прибалтийских немцев, об этом мы почерпнули весьма интересные и ценные сведения из «Путевых впечатлений» нашего корреспондента, «Вечного Странника», напечатанных в № 158 нашей газеты.

Итак, нас стараются уверить, что наша освободительная миссия на окраинах была ошибочной, и что нам все время следовало идти рука об руку с «миролюбивыми, культурными» угнетателями местного варварского населения!

В 1888 году мне пришлось провести довольно продолжительное время в Риге, как раз в самый разгар введения русских судов. Я познакомился там с очень интересной личностью, старым архитектором, латышом, неким (если память не изменяет) г. Бауманом, очень умным человеком, прошедшим всю свою жизнь в крае и ненавидевшим немцев всей своею душой. Он строил здание нового *русского* Окружного суда и очень этим гордился.

— Вы не можете себе представить, — говорил он мне, — как мы все, латыши и эсты, страдаем от этих проклятых немецких судов, которые специально измышлены, чтобы в них не было ни права, ни правды, и чтобы в них всегда торжествовали одни только немцы! Вот посмотрите, как они теперь презрительно относятся к вам, русским. А если бы вы знали, как они теперь за нами ухаживают, чтобы мы стояли на их стороне и дружно с ними шли против вас! Чего только они нам теперь не обещают, как только они нам не льстят! Мы-де с ними принадлежим к высшей культуре, которую должны защищать против русских варваров! А вот припомните мои слова: лет через десять — едва ли я доживу до тех пор — все это переменится, и немцы будут вас звать в союзники против нас. Не верьте им тогда, как мы теперь им не верим. Помните, что если они вам будут обещать свое миролюбие, то это будет только потому, что вы дали им возможность освободиться от них. Если бы вы этого не сделали, то никогда бы вы с ними не справились. Они будут стараться обойти вас лестью, как теперь стараются обольстить нас, которых они так же ненавидят, как и вас. Но, умоляю вас, — не верьте им. Они будут вам говорить о своей «лояльности», о своей «преданности России», — и все это будет ложь, потому что они ничем не дорожат, кроме своих средневековых привилегий, и никого не хотят знать, ни Германии, ни России, а только самих себя. Они у соседей-поляков переняли их несовместимую гордость и заносчивое чванство, и проявляют эти качества с гораздо большей последовательностью и немецким упрямством (*Querkopfigkeit*), чем пустоголовые поляки... Но вы стали на нашу сторону, этим вы получили

возможность сокрушить даже и это баснословное упрямство. Вы в этом никогда не раскаетесь.

— Все это хорошо, — возразил я, — но вчера я был у одного из наших молодых блестящих адвокатов, стоящих во главе младолатышской партии, и то, что я там слышал, для нас далеко неутешительно. Эти господа уже мечтают о «латышском университете» и чуть не о «латышской конституции», а о России они и слышать не хотят. С ними придется нам, пожалуй, еще больше возиться, чем с немцами. Они требуют...

Старик Бауман замахал руками:

— Знаю, знаю, чего они требуют! Мало ли что им вздумается требовать. Все будет зависеть от вас: сделаете им хоть одну уступку — и все дело пропало; они вообразят, что вы в них нуждаетесь. А вы знайте, что они теперь уже к немцам назад не пойдут, и что вы ничем не рискуете, твердо стоя на почве русской государственной политики. Пусть они занимаются латышской народной литературой и этнографией, это вам мешать не будет, и это даже очень интересно, а в политику вы их не пускайте ни на один шаг. Это — молодые прыгающие жеребята, со временем они успокоятся. А вот немцы — те хищные волки: они никогда не успокоятся; вот им скоро уже невозможно будет скалить свои зубы, тогда они облекутся в овечьи шкуры; *так вы тогда особенно их берегитесь и ни единому слову их не верьте.*

Так говорил старый латыш. Жив ли он еще? Я этого не знаю, но я знаю, что пророческие слова его относительно немцев, да и относительно поляков, сбылись. Будем надеяться, что они сбудутся и относительно нас, русских.

Окраинные миражи

В настоящее время не только в обществе, но и в правительственных сферах весьма серьезно обсуждается вопрос об отношении «центра» к «окраинам». Отношение это оказывается во многих случаях крайне ненормальным вследствие многих, весьма разнообразных, причин, к которым, между про-

чим, принадлежит то ложное представление, которое «центр» доселе имел об «окраинах».

Под «центром» мы в данном случае разумеем не только русское общество наших центральных губерний, но и правительственный «центр» — наш бюрократический Петербург, который, находясь сам на окраине России, тем не менее становится жертвой фантастических иллюзий и миражей, коль скоро начинает рассуждать о вопросах, касающихся ближайших с ним северных и западных окраин России. Ввиду этой феноменальной близорукости Петербурга вполне естественным является его абсолютное непонимание того, что творится на таких отдаленных от него окраинах, как, например, Кавказ и Бессарабия, не говоря уже о Маньчжурии.

Окраинные миражи, сбивающее с толку как нашу «интеллигенцию», так и нашу бюрократию, отличаются обыкновенно двумя совершенно противоположными свойствами, характер которых особенно наглядно проявился в «польском вопросе».

До 1863 года наша легкомысленная интеллигенция и бюрократия убаюкивали себя мыслью, что в Варшаве все спокойно, что поляки очень милые люди, вполне «лояльно» относящиеся к России, и что нам поэтому необходимо идти навстречу всем их желаниям. Если раздавался трезвый голос, предостерегавший общество и правительство от подобных иллюзий, то всюду, как в нашей интеллигенции, так и в нашей бюрократии, поднималась буря негодования против такого «мрачного пессимиста», который-де всюду только видит «измену» и «крамолу» там, где процветает лишь самая миролюбивая идиллия. Всем еще памятен тот слепой фанатизм русской печати, интеллигенции и бюрократии, который обрушился на покойного М.Н. Каткова за то, что он видел и говорил *правду* о подготовлявшемся польском мятеже, возможность которого эта печать, интеллигенция и бюрократия представить себе не могли.

Но вот миролюбивая польская идиллия внезапно превратилась в изменнический бунт, озаренный «дымом пожаров». Прозрела ли тогда русская интеллигенция и русская бюрократия? Нисколько. Мираж «идиллии», правда, исчез, но тотчас

же его место занял другой мираж — «все пропало»! Бунт польской шляхты принял в запуганной фантазии даже Петербурга размер какой-то непреодолимой для России иноплеменной войны, грозящей разгромить всю Империю, а потому нам предлагали бежать из Польши и сохранить за собой хотя бы одну только Литву.

И снова потребовались трезвый голос Каткова и разумная энергия Муравьева¹, чтобы развеять этот мираж и воочию показать, что никакой опасностью России банды Лангевича² не грозили, что справиться с ними очень легко, и что вся эта легкомысленная затея заносчивых панов должна послужить лишь к тому, чтобы прочнее закрепить связь Привислинской окраины с Центральной Россией, и чтобы научить нас впредь относиться с величайшей осторожностью ко мнимой «лояльности» поляков.

Первая из этих задач действительно осуществилась; что же касается второй, то она оказалась неразрешимой вследствие того, что наша интеллигенция, из которой пополняются ряды и нашей бюрократии, неисправима: сегодня, как и сорок лет тому назад, она готова с таким же легкомысленным благодушием верить в польские миражи о «лояльности» поляков и об их «искреннем» желании сблизиться с Россией, возмущаясь таким же «благородным негодованием» против каждого здравомыслящего человека, советующего не предаваться подобным обманчивым иллюзиям.

Буквально то же самое повторилось и в «финляндском вопросе».

Слепая вера в финляндскую «лояльность» составляла одну из основных частей русского «интеллигентного» катехизиса. Кто не помнит, какой ожесточенной травле подвергались *«Московские ведомости»* и при М.Н. Каткове, и после его кончины, всякий раз, когда они пытались рассеять мираж финляндской «конституции», сочиненной «лояльными» финляндцами путем целого ряда бессовестных шантажей? Долгие годы наша газета стояла совершенно одинокой, отстаивая ту политику относительно Финляндии, которая лишь в последнее время сделалась политикой правительственной. Кто толь-

ко нас во время этого одиночества не упрекал все в том же «мрачном пессимизме» и в желании всюду видеть «измену» и «крамолу», где в самом деле, по мнению интеллигенции и бюрократии, следовало видеть лишь «честную, миролюбивую лояльность».

Теперь этот мираж исчез. Шведоманы в Финляндии сбросили свою овечью шкуру и показали свои волчьи когти, подняв дерзкие протесты против объявленной им Высочайшей Воли и организовав «пассивное» сопротивление, за которым должно было последовать, — о, ужас! — сопротивление «активное». И вот, как в «польском вопросе», пред дряблой фантазией русской интеллигенции возникает новый мираж: весь финляндский народ восстает с оружием в руках против России, и с этим восстанием нам «ужасно трудно» будет справиться; не лучше ли уж прекратить нам нашу государственную политику в Финляндии и идти навстречу желаниям гг. Мехелина, графа Борка³ и К°?

Все это мираж, один мираж! Достаточно было гг. сепаратистам убедиться в том, что Русская правительственная власть будет идти на финляндской окраине неуклонно по раз намеченному Государем Императором пути, как весь открытый задор их притих, а вместе с тем из-под их крамольного ига освободился и финский народ, не желающий иметь ничего общего с закабалившими его шведскими «господами». Эти «господа», конечно, оружия своего еще не положили и, покинув Финляндию, продолжают еще из Стокгольма вести свою преступную пропаганду, требующую зоркого за ней наблюдения со стороны русской власти; но всякий благоразумный человек теперь уже отлично понимает, что для окончательного решения «финляндского вопроса» никакого «ужасного труда» вовсе не требуется, а что для этого вполне достаточна *бдительная, неуклонная* энергия местной русской власти при постепенном, последовательном проведении Высочайше установленной правительственной программы в крае.

Если непоколебимость твердой и зоркой русской власти образумила и умиротворила население Финляндии, то она, не-

сомненно, с еще большим успехом образумит и умиротворит население Кавказа, привыкшее издавна преклоняться перед проявлением сильной, несокрушимой воли начальства, а вместе с этим усмирением тотчас же исчезнут и кавказские миражи, которые так долго морочили русскую интеллигенцию и бюрократию.

Эти миражи, как в «польском» и «финляндском» вопросах, были двоякого свойства, сперва чрезмерно убаюкивавшие русскую интеллигенцию, а затем чрезмерно ее встревожившие.

Когда наша газета в Москве и «Кавказ» под редакцией В.Л. Величко⁴ в Тифлисе старались пробудить русское самосознание, указывая на готовившееся изменническое движение кавказских армян, никто нам не хотел верить; мы прямо обвинялись в «разжигании национальных страстей» и в клевете на «честных, миролюбивых, лояльных армян». Теперь, когда последние события на Кавказе показали, каково свойство этой пресловутой армянской «честности» и «лояльности», мы присутствуем при наступлении другого кавказского миража, приводящего в трепет нашу интеллигенцию; одна ее часть считает необходимым объявить весь Кавказ на военном положении, так как-де иначе нельзя справиться с гнусной шайкой армянских кинжальщиков, другая же советует покаяться перед армянами и исполнить все их желания. На самом же деле необходимо только обуздать своеволие армянских крезов⁵ на Кавказе, чтобы кавказское население воочию убедилось в их полном бессилии перед русской властью⁶. Этим сразу подорвется армянский мятеж на Кавказе, и трудолюбивое армянское население отшатнется от своих теперешних преступных вожаков. Само собой разумеется, что армянская революционная организация должна быть подавлена своим чередом, соответствующими административными и полицейскими мерами, с которыми рука об руку должна идти и власть судебная, постановка которой на Кавказе нуждается в более строгом приспособлении к местным антикультурным условиям.

К этому последнему вопросу мы еще вернемся. Сегодня мы хотим только установить тот факт, что если наши окраины

доставляют нам столько хлопот, то это только потому, что наш центр плохо их знает и руководствуется в оценке их положения не истинной сутью дела, а лишь фантастическими миражами, впадая из одной крайности в другую, то не видя в них никакой опасности, то преувеличивая ее до чудовищных размеров.

Этим свойством поддаваться таким противоположным друг другу увлечениям русское «интеллигентное» общество отличается, впрочем, и в других государственных вопросах. Когда в конце 70-х годов М.Н. Катков указывал на необходимость принимать серьезные меры против развивавшейся тогда преступной политической пропаганды, никто его и слушать не хотел, так как он, видите ли, «страдал манией всюду видеть измену и крамолу». А когда все его предсказания сбылись, и неверующие слепцы оглушены были катастрофой 1 марта, то они затрепетали пред миражом какого-то «коренного недуга России» и перед иллюзией какой-то всероссийской всемогущей революции, и тому же Каткову пришлось успокаивать их, доказывая, что Россия вполне здорова, и что Правительству стоит только захотеть серьезно справиться с ничтожной шайкой террористов, и они тотчас исчезнут. И в этом он оказался прав, как это доказало славное, мирное царствование Александра III.

Если наша «интеллигенция» по присущему ей легкомысленному характеру так легко поддается непростительным ошибкам всякий раз, когда она принимается судить о государственных вопросах, то какой же разумный человек может допустить ее к тому активному участию в государственных делах, которого она так добивается?

Создаем ли мы «рабочий вопрос»?

Доброму примеру, поданному Москвой¹ в упорядочении быта наших рабочих, последовал и Петербург.

В воскресенье 2 февраля, в священный день Сретения Господня, состоялось в зале при Троицкой церкви Общества религиозно-нравственного просвещения первое собрание петербургских рабочих механического производства для об-

суждения способов в деле взаимопомощи и умственного и религиозно-нравственного развития².

Как и в Москве, рабочие поставили свое дело под сень Святой Православной Церкви, и один уже этот факт ярко характеризует их нравственный облик и благую цель их начинания, в отличие от всяких аналогичных рабочих движений на Западе.

Как совершенно верно заметил генерал Е.В. Богданович³ в своем прекрасном письме протоиерею Ф.Н. Орнатскому, прочитанном на этом первом собрании петербургских рабочих, нельзя не радоваться, видя «русских людей, благоговейно жаждущих освятить молитвой начало каждого важного дела, ибо сердце подсказывает: значит, жив Бог в русских людях, и Бог не попустит, чтобы молитвой начинаемое дело обратилось во зло или пошло по кривым путям».

А между тем дело, начатое московскими и петербургскими рабочими, вызывает даже у иных благомыслящих людей смутную тревогу, и нам не раз приходилось слышать серьезный укор инициаторам и покровителям этого дела. Этот укор сводится большей частью к следующему доводу:

«У нас, слава Богу, нет рабочего вопроса, к чему же нам создавать его?»

В столь важном деле никаких недоразумений быть не должно, а потому мы считаем своим долгом внимательно рассмотреть истинное значение этого довода.

Что такое, прежде всего, «рабочий вопрос»?

Под этим термином у нас обыкновенно разумеют то социалистическое движение рабочих, которое открыто на наших глазах грозит столь серьезной опасностью Западной Европе. *Такого* «рабочего вопроса» у нас действительно, слава Богу, нет, и, Бог даст, никогда и не будет.

«Россия», говорит генерал Богданович, «во многом не похожа на другие страны, где так много говорят о рабочем вопросе и где нет прирожденного могучего радетеля об общем благе народа, а в России у всех один Державный Хозяин, Отец своего народа, обо всех пекущийся с любовью и с несомненным жела-

нием обеспечить благо всех по справедливости, без пристрастия и лицемерия. Что необходимо для блага рабочих, о том неустанно печется, по Царскому велению, Правительство.

Если бы в Западной Европе был «прирожденный Радетель об общем благе народа», то и там не существовало бы того социалистического «рабочего вопроса», который мог возникнуть и развиться лишь на той зыбкой демократически-революционной почве, на которой построены все западноевропейские государства. У нас же, при Самодержавном правлении наших Государей, в равной мере заботящихся обо всех сословиях своей Державы, открытое возникновение социалистического рабочего вопроса по существу своему невозможно.

«Рабочий вопрос, — вполне основательно говорит генерал Богданович, — возникает там, где рабочим приходится самим устраиваться в своем особом положении, на свой собственный кошт и страх».

Это чрезвычайно важное обстоятельство упускают из виду те пессимисты, которые предсказывают России все ужасы, являющиеся прямым последствием лишь народовластия, а отнюдь не Самодержавия, которое, пока будет существовать Россия, всегда будет предохранять ее от тех западных язв, которые стараются привить им те «сеятели зла», которые, как пишет генерал Богданович, «ищут разорить вековые устои Земли Русской — Веру Православную и Царское Самодержавие».

Но значит ли это, что Правительство, полагаясь на силу Самодержавия, должно предоставить рабочую среду на произвол судьбы? Конечно, нет. Всюду, где не проявляется энергически разумная деятельность Правительства, неминуемо начинает проявляться деятельность антиправительственная. Примеры налицо: в наших земских и городских «самоуправлениях», в которых Правительство так долго намеренно отсутствовало, завелась и развилась противоправительственная фронда. Точно так же и в рабочую среду, долгое время оставшуюся без здорового правительственного призора, проникла социалистическая пропаганда, старающаяся создать тот именно «рабочий вопрос», который, как мы уже сказали,

является серьезной опасностью для общественного и государственного строя.

Как же должно Правительство относиться к этому прискорбному факту? Должно ли оно сидеть сложа руки и предоставлять крамольникам волновать рабочий люд своей преступной пропагандой? Конечно, нет, ибо тогда именно и создастся у нас «рабочий вопрос», как последствие инертной апатичности Правительства. Или, может быть, мы должны бороться с социалистической пропагандой одними лишь полицейскими мерами, ничего не делая для того религиозно-нравственного и умственного развития рабочих, которое могло бы дать им возможность распознать подкрадывающееся к ним зло и раз навсегда предохранило бы их от социалистической заразы?

Как это ни невероятно, но находятся у нас серьезные, по-видимому, люди, которые допускают одни лишь полицейские меры для борьбы против социалистической пропаганды и обвиняют Правительство в том, что оно будто бы «создает рабочий вопрос», когда оно помогает рабочим бороться против возникновения этого вопроса...

Это очевидное недоразумение. Происходит оно оттого, что у нас так мало знают реальную действительность нашей рабочей среды.

Тот, кто лично в этой среде не вращался, кто не говорил с русскими рабочими, всегда будет склонен думать, что между русскими и западными рабочими в этическом отношении никакой разницы нет, что русские рабочие, подобно своим западным собратьям, одушевлены одной лишь злобной ненавистью к «капиталистам» и ни о чем, кроме материальных интересов, не заботятся.

Совершенно иная картина раскрывается, однако, перед нами, коль скоро мы приходим в личное соприкосновение с нравственным характером русских рабочих. Один уже тот факт, что московские рабочие так искренно увлекаются церковным песнопением, дает нам возможность видеть то коренное различие, которое существует между ними и рабочими всей Западной Европы. Русские рабочие не пролетарии, они

сохранили свою тесную родственную связь с деревней, они сыновья нашего православного крестьянства, они, подобно отцам своим, беззаветно преданы Батюшке-Царю и готовы грудью стоять за Русь Святую. Как же нам не дорожить этими незаменимыми качествами русских рабочих? А если мы ими дорожим, мы должны развивать и укреплять их.

Московские рабочие являются к Московскому митрополиту с просьбой руководить ими в деле умственного и религиозно-нравственного воспитания. С такой же просьбой петербургские рабочие обращаются к митрополиту Петербургскому. И что же? Неужели следовало отказать им в их просьбе, дабы «не создавать» рабочего вопроса? Неужели не ясно, что если бы последовал такой неразумный отказ, то это было бы лишь на руку социалистической пропаганде, и что тогда именно возник бы у нас «рабочий вопрос» в грозном западном значении этого слова?

Московские и петербургские рабочие желают основать союзы «взаимопомощи». «Вот тут именно», говорят нам, «и таится главная опасность. Нужно препятствовать всяким рабочим организациям, как полезным, так и вредным, ибо самая полезная организация может превратиться во вредную».

Так говорят у нас люди, даже очень благонамеренные, имеющие, однако, очень странное понятие о нашем Правительстве. Разве наше Правительство, создав полезную организацию, не в состоянии предотвратить перехода этой организации к вредной деятельности? Лишь конституционное правительство не вольно в своих действиях. Правительство же Самодержавное может придать всему, что оно создает, ту разумную форму, которая, будучи внушена государственной мудростью и практической действительностью, обеспечивает действительно полезную для государства деятельность всякой созданной Правительством организации. И неужели для Русского Правительства создание действительно полезного рабочего союза взаимопомощи такая уж неразрешимая задача, что от нее нужно безусловно отказаться из опасения, как бы незначай не создать «рабочего вопроса»?

Нужно трезво и серьезно смотреть на действительную сущность вещей и не пугаться пустых призраков. У нас нет и не должно быть западного, социалистического рабочего вопроса, но как же можно отрицать, что у нас есть свой *русский* рабочий вопрос в том простом, отнюдь не тревожном значении, в котором у нас есть и дворянский, и крестьянский, и школьный, и тарифный, и пожарный вопрос, то есть в смысле различных государственных и общественных задач, подлежащих благо-разумному решению Императорского Правительства? Такие задачи, такие «вопросы» постоянно существуют, и в наиболее правильном решении их и заключается Правительственная деятельность. В этом смысле «рабочий вопрос» у нас существует с тех пор, как у нас существуют рабочие, и он может исчезнуть лишь тогда, когда у нас не будет больше ни одного рабочего. Но рабочий вопрос, под влиянием различных условий, всегда меняется и требует все новых правительственных решений, так же как, например, меняется железнодорожный, земский или какой-нибудь другой вопрос как внутренней, так и внешней политики.

Таким образом, и в этом, более узком, смысле нам не приходится «создавать рабочего вопроса», так как он помимо нас давно уже создан.

Для того чтобы окончательно успокоить наших пессимистов, мы можем указать им еще на то знаменательное явление, что образование московских и петербургских союзов рабочих, ищущих умственного и религиозно-нравственного развития в духе истины Св. веры и любви к Отечеству, встречается с нескрываемой враждой со стороны всех наших социал-демократов, делающих всевозможные усилия, чтобы отвратить рабочих от этих союзов, так как они видят в них величайшую опасность для своей деятельности. А все, что вредно для наших врагов, то, очевидно, для нас полезно.

Когда при первых шагах московских рабочих на пути к своей организации наши социал-демократы пытались забрать эти организации в свои руки, главный орган их, «*Русские ведомости*», всячески за них распинались. Но как только мо-

сковские рабочие тесно сплотились вокруг стяга Православной Веры и Самодержавия, социал-демократы отrekliсь от них, и «Русские ведомости» теперь и знать не хотят московских рабочих.

Да послужит это должным назиданием и для петербургских рабочих. Да сторонятся они тех волков в овечьей шкуре, которым очень хотелось бы втереться в их среду под предлогом «умственного их просвещения», и да станут они, с первых же шагов своих, на тот путь, который им указали и преосвященный Сергей⁴, и протоиерей Орнатский, и генерал Богданович, который, на основании своего долголетнего опыта, говорит, что «для наших рабочих нет лучшего союза, как союз с пастырями Церкви». Мститый наш патриот убежден, что «этот наш особенный русский союз сбережет русских рабочих от кривых и опасных путей, в чем да поможет им Бог».

Московские рабочие уже глубоко и верно оценили мудрые советы, преподанные им Е.В. Богдановичем, как о том свидетельствует присланный ему адрес их. Так же несомненно примут к сердцу его наставления и петербургские рабочие, и тогда совершенно будут праздными опасения насчет того, «поднимать ли нам рабочий вопрос».

Спасение нашей средней школы

В неусыпных заботах своих о правильной постановке воспитания и образования русского юношества Государю Императору благоугодно было преподать министру народного просвещения указание, каким образом следует вывести нашу среднюю школу из того тяжкого положения, в котором она ныне находится.

Вот подлинный текст этих указаний, опубликованных в «Правительственном вестнике», и долженствующих служить главными основаниями подлежащих разработке законодательных проектов о средней школе:

1) Гимназии сохраняют восьмиклассный состав; в них преподаются оба древних языка, но обучение греческому язы-

ку в большей части их необязательно. Усвоение гимназического курса открывает доступ к высшему университетскому образованию.

2) За реальными училищами, коих учебный план подлежит тоже пересмотру, сохраняется состав шести основных классов и седьмого дополнительного. Окончание курса сего последнего класса открывает доступ в высшие технические заведения.

3) Помимо гимназий и реальных училищ должны быть организованы средние учебные заведения с законченным общеобразовательным курсом при шестиклассном составе. Окончание курса в этих учебных заведениях дает право на службу в губернии.

4) Широкое развитие должно быть дано среднему техническому и профессиональному образованию, рассчитанному на удовлетворение практических потребностей жизни.

5) Особенное внимание должно быть обращено на изыскание способов к поднятию религиозно-нравственного и вообще воспитательного воздействия школ всех типов на учащихся, а также на укрепление в них преданности русской государственности и народности.

6) В видах возможно полного разрешения воспитательных задач должны быть учреждены пансионы, в которых могли бы пользоваться соответственным руководством питомцы известной группы учебных заведений данного города.

7) В соответствии с требованиями, предъявляемыми к преобразуемой средней школе, должны быть безотлагательно установлены способы более целесообразной подготовки учителей для оной.

Итак, прежде всего в гимназиях спасен восьмой класс, против которого так вооружались враги серьезного и плодотворного гимназического образования. Один уже этот факт имеет громадное значение для нашей не только средней, но и высшей школы, которой грозило нашествие плохо подготовленных недоучек, совершенно неспособных к какой-либо дельной, основательной научной работе.

Но гораздо важнее еще в этом отношении сохранение того основного принципа, что лишь «усвоение гимназического курса открывает доступ к высшему университетскому образованию». Таким образом, гимназия перестает быть «общеобразовательной» школой, каковой ее до сих пор у нас считали, а становится специальной школой, подготовляющей своих питомцев исключительно к высшему научному образованию в университетах. А так как предположено сохранить за университетами лишь право давать своим слушателям ученые степени, то как гимназии, так и университеты сразу освободятся от всей той массы лиц, поступавших в эти научные заведения не ради науки, а ради служебного диплома. А коль скоро прекратится переполнение гимназий и университетов элементом, не желающим или не могущим иметь что-либо общее с наукой, коль скоро в гимназиях и университетах будут лишь действительно и ревностно учащиеся молодые люди, то возвысятся и успехи их учения, и русская наука станет на подобающую ей высоту.

Точно так же и реальные училища получают характер специальных школ, открывающих доступ в высшие технические заведения, число которых должно быть, конечно, увеличено, чтобы все молодые люди, прошедшие полный семиклассный курс реального училища, так же непосредственно переходили, безо всяких конкурсных мытарств, в высшие технические заведения, как гимназические абитуриенты непосредственно переходят в университеты. Этим устранятся и вечные домогательства «реалистов», чтобы им открыли доступ в университеты, так как им уже не придется жаловаться на то, что «реальные училища их никуда не ведут». Они их так же естественно приведут в высшие технические заведения, как гимназии естественно приводят своих питомцев в университеты.

«Общеобразовательными» заведениями у нас отныне будут не гимназии и не реальные училища, а новый, третий тип «средних учебных заведений с законченным общеобразовательным курсом при шестиклассном составе». Эти школы будут готовить своих питомцев не для научных и не

для высших технических занятий, а для *жизни* и для государственной службы во всех казенных учреждениях, кроме службы в высших центральных ведомствах. Эти школы должны заменить собой гимназии и реальные училища для тех учеников, родители которых не предназначают своих детей для высшей научной, технической и правительственной карьеры, а желают дать им воспитание, открывающее им дорогу в практическую жизнь, в казенную службу в губернии, и дающее им необходимые льготы по воинской повинности. Само собой разумеется, что эти практические школы должны быть открыты в весьма большом количестве, дабы гимназии и реальные училища, как *специальные* школы, были избавлены от затопляющего их теперь наплыва учеников, ищущих лишь «общего образования».

Достижению той же цели должно содействовать широкое развитие средних технических и профессиональных школ, рассчитанных на удовлетворение практических потребностей жизни.

Чрезвычайную важность имеет Высочайшее указание на необходимость «безотлагательного установления способов более целесообразной подготовки учителей для средней школы».

Этими словами затронуто одно из самых больных мест нашего школьного дела. Если наша средняя школа потерпела такое тяжкое крушение, то в этом в значительной степени виноваты наши педагоги, вызвавшие своими недостатками нарекания на ни в чем неповинную классическую систему и не сумевшие должным образом отстоять ее против натиска врагов, совершенно не ведавших ее истинного значения и встречавших за частую в ее «защитниках» такое же неведение. У нас до сих пор воспитателями юношества назначались, безо всякой специальной к тому подготовки, вчерашние студенты, непосредственно переходившие с университетской скамьи на гимназическую кафедру. Какого же воспитания и преподавания можно было ожидать от таких педагогов? На этот вопиющий недостаток наших школ мы не переставали указывать с 1890

года. На этот же недостаток указывал и покойный М.Н. Катков с самого начала нашей классической реформы, — и лишь теперь является уверенность, что этот недостаток будет устранен по личному настоянию Государя Императора.

А когда же мы, наконец, дождемся, что исполнится та воля нашего Государя, которую он неуклонно подтверждает каждый раз, когда ему приходится выражать свой взгляд на школьный вопрос, и которую он снова выразил и теперь в следующих словах:

«Особое внимание должно быть обращено на изыскание способов к поднятию *религиозно-нравственного* и вообще *воспитательного* воздействия школ всех типов на учащихся, а также на укрепление в них *преданности русской государственности и народности*».

Будем надеяться, что Государю не придется более повторять этих указаний и что для пробуждения религиозно-национального духа в наших школах будут приняты не какие-либо жалкие паллиативные меры, а будет проведена, наконец, та коренная реформа, на которую мы уже неоднократно указывали. Не в программах дело и не в количестве уроков по тому или другому предмету, а в религиозном и нравственном характере воспитателей и преподавателей средней школы. А на эту именно наиважнейшую сторону нашего школьного дела у нас доселе почти никто не обращал внимания. Вот главная задача предстоящей школьной реформы, и пока она не будет окончательно разрешена, все остальные части реформы никаких благих результатов принести не могут.

Нам остается сказать о том единственном уроне, который понесла гимназия в окончившейся ныне тяжелой трехлетней борьбе.

В большинстве гимназий греческий язык перестанет быть обязательным предметом. Зато в тех гимназиях, в которых он останется обязательным, преподавание его будет поставлено, конечно, гораздо лучше и основательнее, чем в наших теперешних гимназиях, и преподавание это будет поручено самым лучшим из теперешних учителей.

Нет худа без добра: университеты вскоре убедятся, какая громадная разница будет существовать в научной подготовке между молодыми людьми, окончившими гимназический курс с одним латинским языком, и теми, которым дана будет возможность возвысить и изощрить свой ум на дивных творениях Гомера, Платона, Софокла и Демосфена. Преимущества греческого языка в гимназическом образовании станут тогда настолько для всех очевидными и осязательными, что ему можно будет предсказать еще блестящую будущность в истории Русской школы...

Семья и школа

19 сентября (1904 г.) министру народного просвещения генерал-лейтенанту Глазову¹ представлялся в здании министерства педагогический персонал С.-Петербургских средних учебных заведений. Попечитель учебного округа представил министру собравшихся, к которым В.Г. Глазов обратился с речью, указав в ней, главным образом, на необходимость единения семьи и школы.

«Школа, — так приблизительно выразился министр, — является непосредственной преемницей родительской власти над детьми, продолжательницей дела воспитания. Поэтому между школой и родителями необходима самая тесная связь, которой, однако, не существует. Как со стороны газетной прессы, так и со стороны родителей учащихся раздается немало нареканий против педагогического персонала, самый факт которых говорит о существовании розни между семьей и школой. Не со всеми этими нареканиями можно, однако, согласиться. Часто в них обнаруживается незнание условий внутренней жизни школы. Так, например, учителей нередко обвиняют в неровности характера, недостаточной сердечности, любви к делу и т. п. Говорящие это не знают, в каком тяжелом материальном, а подчас и нравственном положении находятся преподаватели. Вам, конечно, тоже приходилось слышать немало родительских упреков и часто доказывать, что они не совсем

справедливы. Вот эту-то рознь между семьей и школой и нужно постараться прекратить».

В.Г. Глазов коснулся этими словами одной из самых больных сторон нашей многострадальной средней школы, у которой, по правде сказать, в настоящее время нет ни одного живого места после тяжких ударов, понесенных ею за последние годы.

Министр взял на себя тяжкий труд залечить все раны, нарушившие правильные функции школьного организма и возродить его к новой, нормальной, плодотворной деятельности. С этой целью он, очевидно, и желает устранить недоразумения, существующие между школой и семьей, и установить между ними доброжелательное взаимодействие.

И действительно, дружное единение между семьей и школой является необходимым условием для правильного воспитания наших детей.

Это такая простая, азбучная истина, доказывать которую совершенно излишне. Гораздо труднее и сложнее вопрос о тех средствах, которыми можно достигнуть этого столь желательного для всех единения.

Само собой разумеется, что легче всего установить гармоническое согласие между *нормальной* семьей и *нормальной* школой. Но если Правительство целым рядом целесообразных мер может в сравнительно скорое время приблизить школу к нормальному идеалу, то сделать семью нормальной — не в его власти. А между тем, кто же станет отрицать, что наша современная русская семья, к сожалению, в весьма значительном большинстве случаев, очень далека от нормального совершенства и настоятельно нуждается в оздоровлении?

Драматическая и эпическая литература каждого данного общества является верным его зеркалом. Это качество особенно присуще нашей современной изящной словесности, которая ничем так не гордится, как своей реальной правдивостью. Как же отражается в ее произведениях русская семья? В самом уродливом, безобразном, отталкивающем виде.

Вот из таких-то искалеченных семей и поступают нравственно и физически изуродованные дети в наши средне-

учебные заведения, быстро заражая там своих товарищей, вышедших из тех семей, в коих еще сохранились религиозно-нравственные традиции, без которых немислимо сколько-нибудь правильное воспитание детей.

Вот почему наша школа не только является, по верному замечанию генерала Глазова, «непосредственной преемницей родительской власти над детьми, продолжательницей дела воспитания», но в большинстве случаев — первой насадительницей нравственной дисциплины в духовной жизни вверяемых ей детей, первой их истинной воспитательницей.

Ввиду этого мы можем по достоинству оценить всю трудность той сложной задачи, которая падает на нашу школу, призванную не только продолжать своими средствами воспитание детей, правильно воспитанных в нормальной семье, но исправлять все разнообразные дефекты и изъяны их семейного воспитания.

Какими же могучими педагогическими средствами должна обладать школа для успешного выполнения этой труднейшей задачи?

Она должна, прежде всего, сама обладать высокими духовными качествами, как в образцовом строе своей жизни, озаренной светом Божественной истины, любви, справедливости, порядка и труда, — тем светом, который померк в большинстве русских семей, так и в личном составе своих наставников, призванных близко изучить индивидуальные особенности каждого своего питомца, дабы до известной степени заменить ему родителей и направить его силой глубокого своего педагогического опыта и здорового, уравновешенного характера на тот путь, на котором он станет честным и дельным человеком, полезным сыном дорогого ему Отечества и верным слугой Бога и Царя.

Такова ли, однако, в настоящее время наша школа, чтобы мы могли быть совершенно покойны за успешное решение ею столь сложной задачи?

Наша среднеучебная школа находится, как всем известно, в каком-то небывалом доселе переходном, хаотическом состо-

янии. Утратив свой прежний устав, она вот уже несколько лет живет без всякого устава, на основании каких-то случайных временных правил, разобраться в которых не могут ни попечители учебных округов, ни директора, ни наставники, ни воспитанники, ни ученики, ни уличная «газетная пресса», которая вообще в педагогических вопросах ровно ничего не смыслит.

Шаткость учебного порядка вызвала в свою очередь и шаткость нравственного порядка.

Интерес к учению исчез как в учениках, так и в учителях, ибо никто из них не знает, стоит ли сегодня учиться тому, что, может быть, в следующем году будет выброшено за борт учебной программы как ненужный балласт. А раз нет серьезного учения в школе, она становится ареной нравственной и умственной разнузданности. Учебное заведение может воспитывать своих учеников лишь посредством «воспитательного учения», которое приносит столь роскошные плоды в германских школах и породило целую литературу об «*erziehender Unterricht*»², тогда как в русских школах оно известно лишь немногим серьезным педагогам. Там же, где нет серьезного учения, как в наших школах, там, очевидно, не может быть речи и о «воспитательном» учении, там, следовательно, не может быть речи и о воспитании вообще.

Но в нашей современной школе не может быть речи о воспитании и по другой причине, которая давно уже всеми признана коренным злом, губящим нашу школу, но к устранению которой до сих пор еще ровно ничего не сделано: это — переполнение классов таким чрезмерным числом, которое является непреодолимым физическим препятствием для успешного учения и воспитания.

Как может учитель, при всем своем желании, узнать всю индивидуальность каждого своего ученика, — а без этого знания никакое осмысленное воспитание невозможно, — когда он имеет перед собой в течение нескольких часов в неделю 50, 60 и более учеников, каждому из которых он может уделить лишь несколько минут, и которых он знает лишь по имени и по случайным их ответам?

В этом поистине вопиющем зле лежит основная причина тех недоразумений, которые поминутно возникают между семьей и школой. Преподаватели, находясь в постоянном нервном напряжении среди многочисленного, плохо дисциплинированного класса, постоянно делают промахи при умственной и нравственной оценке своих, неведомых им, питомцев, а промахи эти возбуждают справедливое негодование как учеников, так и их родителей. Родители жалуются директору, который еще менее знает учеников, чем преподаватели, и вот возникают новые недоразумения, которые иногда отражаются и в газетной прессе, где им придается уже широко обобщенное, иногда совершенно нелепое значение.

Сколько раз приходилось нам указывать на великое зло, происходящее от переполнения классов, зло, парализующее самые благие школьные реформы, зло, губительно отражающееся положительно на всех сторонах школьной учебно-воспитательной жизни, зло, которое подтачивало и искажало всю нашу прежнюю школу, — и что же? Все признавали это зло, а когда принялись перестраивать нашу школу, то удалили и изменили в ней все, что угодно, а это зло оставили неприкосновенным!

Насколько нам известно, новый министр решился покончить с этим злом. Если ему удастся совершить этот подвиг в борьбе с мертвящей рутиной, заповившей нашу школу, то одна уже эта заслуга обессмертит его имя. Но пока эта победа не будет одержана, пока не будет провозглашен закон, что более 30 учеников ни в одном классе среднеучебных заведений одновременно обучаться не могут, до тех пор реформа этих заведений будет встречать непреодолимые препятствия.

Генерал Глазов для прекращения розни между семьей и школой предполагает образовать под руководством попечителя С.-Петербургского учебного округа особую комиссию, «которая должна изыскать средства, чтобы уничтожить это ненормальное средостение».

От всей души желаем этой комиссии полного успеха в возложенной на нее работе. Она, несомненно, познакомится

с богатой литературой этого предмета, существующей в Германии, этой стране образцовых школ, к которым германская семья относится с таким доверием и уважением, а затем изучит подробно состояние как русской семьи, так и русской школы, ибо полюбовное прекращение всякой розни может быть основано лишь на знании индивидуальных особенностей как той, так и другой из разрознившихся сторон.

Такие же комиссии, вероятно, будут образованы и в других учебных округах, причем в особенно благоприятные условия будет, несомненно, поставлен округ Московский, так как он будет иметь возможность изучить организацию того учебного заведения, в котором отношение к семье его питомцев давно уже поставлены в наиболее нормальные условия. Мы говорим об Императорском Лицее в память Цесаревича Николая, который, при самом возникновении своем, получил от своих основателей великую задачу *индивидуального* воспитания каждого из своих питомцев, причем число их в каждом классе было ограничено нормой 25 человек.

Строго придерживаясь этих заветов, Лицей имел возможность через своих классных воспитателей (туторов) так близко изучить каждого воспитанника и войти в столь тесные, непрерывные сношения с его семьей с целью дружного, совместного его воспитания, легко контролируемого директором заведения, что упомянутые выше недоразумения, возникающие на каждом шагу в наших переполненных казенных школах, совершенно благополучно разрешаются в Лицее при первом же своем случайном появлении, не оставляя и следов какой-либо «розни» между семьей и школой³. В.Г. Глазов совершенно основательно говорит, что нареkania семьи на преподавателей часто бывают несправедливы, «обнаруживая незнание условий внутренней жизни школы», между прочим, и незнание, «в каком тяжелом материальном, а подчас и нравственном, положении находятся преподаватели», которых вследствие этого родители обвиняют «в не ровности характера, недостаточной сердечности, любви к делу и т. п.»

Но для родителей будет мало утешения, если им скажут: «миритесь с неровностью характера учителя ваших детей, так как эта неровность вызвана тем, что он мало получает жалования и вследствие этого находится в угнетенном нравственном настроении, надрывая свои последние силы в чрезмерно переполненном классе, с которым он, при всем желании, как следует справиться не может». Родители на такое разъяснение будут вправе ответить: «в таком случае обеспечьте ваших учителей так, чтоб они не были нравственно угнетены, и поручайте им классы с таким числом учеников, с которым они могли бы справиться; мы же мириться с угнетенными учителями, срывающими свою нервность на наших детях, не можем, так как мы отдаем их в школы не для какого-либо иного, а только для *правильного* воспитания».

Так ответят родители благоразумные. А что скажут те представители ненормальных, искалеченных семей, о которых мы говорили выше, — этого и предвидеть нельзя; но все их ответы были бы, несомненно, вариантами на основную «простаковскую» тему: «учите наших детей как можно меньше, дайте им возможность делать что им угодно и снабдите их как можно скорее дипломами с самыми широкими правами и привилегиями».

Легко себе представить, в какие рассадники «Митрофанушек» обратились бы наши школы, если бы Правительство, крайне нуждающееся в высокообразованных, серьезно ученых деятелях, стало исполнять желания, выражаемые такими «общественными голосами», которые нашли бы себе самую широкую поддержку в нашей «либеральной» печати, ежедневно требующей *сокращения* учебных часов и классов в наших среднеучебных заведениях.

Вот почему разрешение вопроса о прекращении розни между семьей и школой, являясь крайне необходимым, отличается такой сложностью, которая на первый взгляд для иных и незаметна.

Честь и слава генералу Глазову, что он принялся за разрешение этого сложного вопроса. Мы не сомневаемся, что ему

удастся его разрешить, коль скоро он приступит к нему *со всех его сторон*, которые столь тесно и неразрывно между собой связаны.

Да поможет ему Господь в этом предприятии на благо Русского просвещения!

Русская национальная школа

Речь, произнесенная 25 октября 1906 года на II Частной Беседе Русского Монархического Собрания¹

Мм. гг. — Правительство графа Витте разрушило нашу школу, как низшую, так, в особенности, среднюю и высшую, и теперь она брошена на произвол судьбы, а в России это значит — на произвол евреев.

Как велико это преступление перед настоящей и будущей Россией, об этом нечего и говорить, так как для всех нас это преступление столь же ясно, как и его последствия.

Уже с первой минуты объявления «явочного» порядка открытия школ, евреи и еврейки ринулись гурьбой в канцелярии попечителей с «заявлениями», что они открывают школы и для еврейских, и для русских детей, и мутная, отвратительная волна все растет и растет!

Скоро настанет время, когда у нас, в Москве, русские православные родители, теперь уже с трепетом отдающие своих детей в школы умственного разврата и рассадники баррикадного искусства, — вынуждены будут либо воспитывать своих детей дома, что невозможно, либо отдавать их в еврейско-масонские школы, из которых, по примеру Франции, будут с хулиганским гиком выброшены не только кресты и иконы, но и элементарные понятия о нравственности и патриотизме.

Этому безумному движению сверху, как бы оно ни печалило нашего Государя, так усиленно и так тщетно напоминавшего Своим министрам о необходимости религиозно-нравственного воспитания детей в Его школах, мы воспрепятствовать не можем. Пусть же это движение идет своим разрушительным путем, а мы пойдем путем созидательным.

Мы возмущаемся тем «явочным» порядком, которым евреи так пользуются для захвата школ в свои руки; но раз этот «порядок» (!!) существует, воспользуемся им и мы с вами: вступим в мирную борьбу с евреями и станем рядом с иудейскими школами создавать русские школы, русские по вере и воспитанно. Учебное ведомство нам в этом мешать не будет, — ему ведь все равно, а Судебное — авось не усмотрит «возбуждения одной части населения против другой», если мы в свои русские православные школы исключительно будем принимать русских православных детей и будем их воспитывать в русском православном духе.

Вот до чего мы дошли! Мы вернулись в первобытное духовное варварство и должны с самого начала строить русские школы для Русских людей! Но не думайте, что такое явление сделалось необходимостью только в России; нет, всюду, где евреи и масоны завладевают школой, местное население находится вынужденным создавать собственными силами свои родные, национальные школы; это видим во Франции, где школы уже находятся в безжалостных еврейско-масонских когтях; это мы скоро увидим и в Англии, где эти когти почти овладели английской национальной религиозной школой.

В России русская школа погибла под ударами революционного движения, возбужденного теми же евреями и масонами через их ставленника Витте. Соединимся же вместе, чтобы ее воскресить.

В нашей новой Русской школе должно стоять на первом месте то, что совершенно отсутствует в нашей современной школе, — *воспитание*.

Воспитание это должно быть религиозно-нравственное и национальное.

Религиозно-нравственное воспитание должно развивать в детях любовь к Богу, любовь к Церкви, любовь к родителям, наставникам и ближним, любовь к труду, любовь к своему долгу и самоусовершенствованию. А воспитание национальное должно развивать в них любовь к Царю и России.

Но это не должна быть расплывчатая, пассивная, сентиментальная любовь, а любовь бодрая, деятельная, влекущая человека к подвигу.

Что значит любить Бога? С искренней благоговейной любовью исполнять Его заповеди, бодро стоять за истину Христову, за Церковь Православную.

Что значит любить Царя, если эта любовь не является пустой фразой?

Любить Царя — значит быть его верным подданным, свято исполнять принесенную ему присягу и быть готовым пожертвовать своей жизнью за его Престол.

И любовь к Родине, и к своим русским согражданам должна быть деятельным, а не пассивным чувством. Русский человек должен не только любоваться великими героями своей Отечественной истории, но и всеми силами стремиться к их высокому духовному уровню, дабы самому сравниться с ними в ревностной, бескорыстной борьбе за благо России и Русского народа.

Столь же деятельной должна быть и любовь к ближним в ограждении их от всякой предстоящей им опасности и в энергическом противлении всякому грозящему им злу.

Та школа будет действительно русской национальной школой, которая будет выпускать из своих стен русских людей такого именно закала, людей с бодрой, действенной любовью к Богу, Царю и Отечеству.

Но этого мало. Наша школа должна будет воспитывать людей *труда и долга*, людей *любящих и умеющих* работать, людей, свято чтущих нравственный долг и свои государственные и общественные обязанности.

А потому наша школа будет *школой труда и долга*, и в этом отношении она столь же будет отличаться от нашей современной школы безделья и своеволия, как она будет отличаться от нее в отношении религиозной нравственности и национального самосознания!

Что значит «школа труда»? Значит ли это такая школа, в которой трудно учиться? Нет, та — плохая школа, в которой

трудно учиться, а наша школа должна быть хорошая, образцовая. Трудность и легкость учения вполне зависят от учителя. У хорошего учителя легко учиться, у плохого — трудно. Нет «трудных» и «легких» предметов учения, а есть только плохие и хорошие учителя, и часто бывает так, что в какой-нибудь школе гимнастика считается трудным, противным предметом, а тригонометрия — легким. Все зависит от преподавателя.

В нашей русской национальной школе подбор преподавателей должен быть *образцовый*, а потому в ней будет легко учиться. Но она будет «школой труда», потому что она будет приучать детей, отроков и юношей с первого класса до последнего к *серьезному, систематическому*, но вполне *посильному, успешному*, а потому *легкому и любимому* труду.

Из современной русской школы выходят в громадном большинстве случаев молодые люди, не способные ни к какому серьезному труду, не умеющие даже толком взяться за труд, а потому ненавидящие и не ценящие его до такой степени, что им не стыдно устраивать «научные забастовки».

Из будущей Русской школы должны выходить юноши *трудолюбивые и трудоспособные*, в руках которых каждое порученное им дело будет спориться, идти успешно и заканчиваться полной удачей, вселяя радость и бодрость в трудившихся и побуждая их к новому осмысленному и столь же успешному труду.

Но наша школа, как я уже сказал, должна быть и «школой долга». С первого же класса ребенок должен приучаться к строгому исполнению своих обязанностей как в области своего труда, так и в отношении к своим наставникам и товарищам.

Если мы столько видим вокруг себя людей нерадивых, небрежных, людей без совести и без чувства долга, то мы должны всецело винить в этом нашу школу, так как на ней, более чем на семье, лежит обязанность создавать из своей миниатюрной общественной жизни прообраз будущей действительной жизни, в которой ее бывшие питомцы должны будут обладать

в борьбе за существование наивысшей степенью энергии труда, чувства долга, силы воли и характера.

А для развития силы воли и характера воспитание в нашей школе должно быть воспитанием не казарменным, не формально-бюрократическим, а *индивидуальным*, основанным на изучении характера *каждого отдельного* воспитанника и на бережном развитии всех его личных добрых качеств в ущерб его дурным наклонностям.

Такое воспитание возможно лишь при двух условиях: 1) воспитатель должен быть истинным педагогом, любящим и знающим свое дело, а следовательно, любовно и разумно относящимся к своим питомцам, и 2) количество его питомцев не должно превышать его воспитательной силы.

Ввиду того, в каждом классе новой школы не должно быть более 30 учеников, так как дознано опытом, что лишь при таком ограниченном числе воспитанников наставник может знать их не только по именам, но и по личным их качествам, и принимая во внимание все особенности их характеров, действительно *воспитывать* эти характеры в должном направлении, развивая в них силу воли, трудоспособность и чувство долга.

Воспитание в нашей школе должно всегда идти об руку с *преподаванием*, другими словами: каждый преподаватель должен одновременно действовать и как воспитатель, развивая в своих учениках все вышепоименованные добрые качества. Как это сделать? Для хорошего педагога сделать это очень легко, для плохого — совершенно невозможно. В нашей же школе должны быть исключительно образцовые педагоги.

Мы видим, что все воспитание в будущей русской школе должно основываться на любви. Та же любовь должна царить и в отношениях наставников к ученикам, но опять-таки любовь не пассивная, не сентиментальная, не потакающая порокам воспитываемых детей, ибо такое потакательство есть величайшее зло, а потому и не может проистекать из истинной, деятельной любви. А потому наставник, побуждаемый истинной любовью к своему воспитаннику, будет желать сделать его

честным, благородным и дельным человеком, и приложит все усилия, чтобы не дать развиться в нем противоположным порокам, тщательно их устраняя с серьезной, строгой последовательностью.

Вот приблизительно та схема воспитания, которой должна будет отличаться Русская национальная школа от существующих ныне в России исковерканных и изуродованных школ лени, праздности, безбожия и крамолы.

Из нашей школы должны будут выходить православные Русские люди, готовые засвидетельствовать свою любовь к Богу, Царю и Отечеству беззаветным исполнением своего долга перед ними и бодрым, неустанным, целесообразным трудом на их пользу.

В каком отношении новая Русская школа будет находиться к семье, к родителям?

Это чрезвычайно важный вопрос, который почти совершенно игнорировался в прежней школе у нас, а теперь решен в самой уродливой форме в школе современной.

Прежде семья и школа составляли два друг другу непонятные, если не враждебные, лагеря, и ребенок, переходя из семьи в школу и из школы в семью, подвергался двум совершенно различным формам воспитания. В школе, вследствие переполнения ее учениками, воспитание было чисто казарменное, при котором совершенно уничтожалась индивидуальная личность ученика. В семье, наоборот, воспитание было совершенно случайное, в зависимости от того или другого характера родителей, от более или менее разумной их любви к детям, от большей или меньшей образованности, от их более или менее здравых убеждений.

При этих условиях о каком-либо правильном гармоническом школьно-семейном воспитании не могло быть и речи.

Недостаток этот всеми ярко ощущается, и когда началась современная варварская ломка школы, вопрос о взаимных отношениях школы и семьи был тоже решен самым варварским образом: в школу, превратившуюся в какую-то анархическую, хаотическую ораву, призвана была семья в виде такой же анар-

хической, хаотической оравы, и образовались так называемые «родительские совещания», оказавшиеся в большинстве случаев революционными митингами.

Мы не станем распространяться об этих прискорбных уродливых явлениях в современной нашей школе, а постараемся установить, каковы должны быть в будущей школе нормальные отношения между школой и семьей.

Каждый ученик, поступающий в школу, является для наставников его живейшей, интереснейшей загадкой, от правильного разрешения которой зависит все воспитание, а следовательно, и вся будущность ученика.

Разгадать ученика — значит в точности определить не только степень его познаний, но и все физические, умственные и духовные его особенности, его качества и недостатки, различные свойства его характера, как случайные, так и наследственные.

Не зная всех индивидуальных особенностей своего воспитанника, добросовестный наставник воспитывать его не может, так как на каждом шагу он рискует сделать роковые, иногда неисправимые, ошибки.

Но как же наставник может знать своего воспитанника, если он его видит в школе лишь один или два часа в день, и то лишь во время классных занятий? При этих условиях он никогда его вполне не узнает. Тут ему на помощь должны прийти родители, которые в высшей степени заинтересованы в том, чтобы школа совершенно верно и точно поняла индивидуальный характер их ребенка.

Вот почему в новой школе сношения между ней и семьей должны быть постоянными, но не в виде митингов для обсуждения общих школьных и всяких иных вопросов, а в виде тщательных совещаний отдельных наставников и отдельных родителей о наилучшем воспитании данного воспитанника.

Вот те нормальные отношения между семьей и школой, на которых будет зиждиться воспитание в будущей национальной школе.

«Русский Дом» в Москве

22 ноября 1906 года Русское Монархическое Собрание¹ выслушало в своей Частной Беседе горячий, красноречивый доклад отца протоиерея Восторгова о необходимости основать в Москве «Русский Дом».

Все присутствовавшие на Собрании, выслушав затем еще пояснительную речь председателя Русской Монархической Партии В.А. Грингмута, единогласно, с необычайным подъемом духа, немедленно присоединились к мысли отца Восторгова и тут же собрали между собой более 2000 рублей, как основание фонда для сооружения или покупки «Русского Дома» в Москве.

Тем, кто не присутствовал на этой Беседе и не слышал вышеназванных ораторов, может показаться странным, почему в Москве необходимо создать Русский Дом.

Если в Петербурге основано Русское Собрание, то это еще понятно: всем известно, что Петербург из всех крупных городов России по направлению своему наименее русский, а потому Русской колонии в Петербурге необходимо было объединиться и отгородиться от окружающих ее немцев, финнов, поляков, западников, либералов-бюрократов и в особенности евреев.

Но Москва? Москва ведь сердце России! Москва ведь всегда была по преимуществу русским городом!

Да, была — и перестала быть.

Если она на выборах в первую Думу пленилась злейшими врагами России: евреями и юдофилами «кадетами»; если в ней прежний оплот России — купечество в видных представителях своих отрекается от национальных идеалов России; если в составе 305 Московских первой гильдии купцов в настоящее время состоят 176 евреев (60% !!); если Московский университет представляет собой вертеп революционного хулиганства; если Московская Дума и Московское Земство братаются с бомбистами и баррикадными «героями»; если, наконец, среди московского духовенства объявляются крамольники, идущие

против своего митрополита², то можно ли Москву назвать русским городом?

Да, в Москве, как и в Петербурге, русским людям уже приходится объединяться и отгораживаться и от инородцев, и от евреев, и от всех многочисленных ренегатов, изменивших Родине, ее вековым идеалам и ее великому мировому призванию.

Да, и в Москве русские люди начинают уже чувствовать себя русской «колонией», которой необходимо иметь свое пристанище, свое убежище — свой *дом*.

Вот об этом *доме* нам и надо позаботиться.

Русским людям в Москве необходимо иметь дом, где они были бы хозяевами, где они чувствовали бы себя *дома*.

Это не пустая фраза, а фактическая истина, обусловленная горькой действительностью.

Во время забастовок и вооруженного восстания русские люди не находили в Москве типографии, где они могли бы печатать свои книги, брошюры и газеты. Да и теперь, сколько стоило труда для «Союза Русского Народа», для «Всенародного Русского Союза», для «Московской Областной Управы Объединенного Русского Народа», чтобы найти себе хотя бы наемное пристанище: Русские московские домохозяева, в душе сочувствуя нам, все-таки чураются нас «страха ради иудейска»; да и наше Монархическое Собрание нашло лишь случайно временное гостеприимство у добрых русских людей, но стены этого помещения уже становятся тесными для все прибывающих новых членов, — и уже с января придется мыкаться по Москве, отыскивая хотя бы наемный Русский дом для русских людей в центре Москвы.

Для всех нас стало вполне очевидным, что настала уже пора иметь нам свой собственный дом, Русский Дом, принадлежащий русским москвичам.

«Мой дом — моя крепость», говорит англичанин, и Русский Дом в Москве должен быть крепостью, твердыней, неприступным «кремлем» русского народного духа.

Если мы теперь собираемся воедино в переживаемое ныне Россией тяжелое время, то мы должны будем точно так

же собираться и в ту блаженную пору, когда исчезнет смута, дабы она не появилась снова.

Россия спала до тех пор, пока злой ее гений не замахнулся на нее, дабы нанести ей смертельный удар.

Но Господь не допустил этого вопиющего преступления; предательский удар графа Витте не убил России, а только разбудил ее на погибель самому злодею.

Русский народ проснулся, встал во весь исполинский свой рост и теперь уже не заснет навеки. Он распознал своих друзей и своих врагов, в особенности своих тайных врагов, старающихся уловить его в свои лживые, пагубные сети. Он знает, что враги эти никогда не перестанут покушаться на целостность, единство, силу и славу России, и что, следовательно, Русскому народу необходимо будет, пока жива Россия, крепко и бодро стоять на ее страже, в особенности пока будет еще продолжаться злосчастный Петербургский период ее истории.

На этой страже должна будет стоять по преимуществу *русская* Москва, крепко сплотившись между собой и имея во всякое время полную возможность немедленно собираться в своем Доме на свое вече для обсуждения и принятия немедленных мер к предотвращению новых бед и смут в России.

Но Русский Дом должен служить и для мирных, культурных целей Русского народа. В нем должна помещаться та образцовая Русская национальная «Кирилло-Мефодиевская» средняя школа, над созданием которой ныне трудится Русское Монархическое Собрание.

В том же доме должна иметь свою Управу и та «Русская школьная Матица», которая, имея попечение об этой первой русской национальной школе, должна будет покрыть всю Россию целой сетью таких же по религиозно-национальному духу низших, средних и высших школ³.

В этом же Русском Доме в Москве должны иметь свое обеспеченное от внешних насилий помещение книгоиздательство и типография Московской Областной Управы, приступившей уже к обширной народно-литературной деятельности, а также к издательству русских национальных учебников, которым

суждено будет вытеснить с книжного рынка тот лженаучный тенденциозно-революционный хлам, которым ныне отравляется наша школа.

Мы уже не говорим о том Русском национальном книгохранилище, которое должно будет найти себе помещение в Русском Доме, содержа в себе все *национальное* духовное, научное и литературное творчество Русского народа.

Наконец, в Русском Доме все Московские патриотические партии и союзы должны будут иметь удобные помещения для своих Управ, обширные залы для своих собраний и образцовую аудиторию для многолюдных публичных чтений.

Найдется ли такой дом в Москве?

Он *должен* найтись.

Если он не найдется, то его нужно будет выстроить.

Но найдутся ли для этого необходимые капиталы?

Они *должны* найтись.

Слишком велика, слишком очевидна потребность в таком доме, чтобы можно было хоть на минуту сомневаться в том, что высказанная мысль о Русском Доме получит действительное свое осуществление.

Разве нас не убеждает в осуществимости этой мечты тот разительный факт, что не успела проявиться мысль о «Русском Доме» в Москве в Частной Беседе Русского Монархического Соборания, как в несколько минут оказалась уже подписанной такая сравнительно крупная сумма, как 2000 с лишком рублей?

Открывая с сегодняшнего дня подписку на создание Русского Дома в Москве, мы непрерывно будем давать отчет о поступающих на эту цель пожертвованиях, которые, мы надеемся, будут идти не из одной Москвы, но из всей России, дорожащей созданием в Москве твердого оплота своих духовных, государственных и народных идеалов.

Принимаясь за это великое, благое дело, мы молим Господа Вседержителя не оставить нас Своей благодатной помощью, в уповании на которую мы бодро смотрим в будущее и уже видим пред духовными своими взорами величественное здание «Русского Дома» в Москве.

ИСТОКИ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ

Апология шатания умов

Необыкновенное оживление замечается в последнее время в рядах нашей «либеральной» партии. «Либеральные» профессора в своих беседах со студентами ободряют их обещанием, что их «требования» будут исполнены, заставляют их подписывать заявления солидарности с «забастовавшими» товарищами, и таким образом организуют сплоченные кадры студентов для будущих, более обширных, «требований». «Либеральная» печать идет еще дальше: мы уже видели, что она требует созыва всероссийского парламента, или, как она выражается, «всероссийского съезда для обновления не только одной школы», а теперь уже провозглашается программа ближайших требований, имеющих быть предъявленными «либеральной» партией.

Так, например, *«Русские ведомости»*¹ сетуют, что в России-де нет «свободы мысли и совести», а между тем эта «свобода» является «одним из необходимых атрибутов прогресса».

«На этом прогрессе, — говорит московская профессорская газета, — и должно быть преимущественно сосредоточено общественное внимание. В его рамки входит, как один из необходимых атрибутов, свобода мысли и совести, уже осуществленная всюду на Западе (даже в Испании), но встречающаяся еще со многими затруднениями и препятствиями в России».

Итак, в России меньше «прогресса», чем даже в Испании! Есть от чего прийти в отчаяние. Испания стала, как известно, за последнее время одним из главных очагов европейского социализма и анархизма, в Испании разнузданные народные

страсти обращаются против духовенства, как же нам не завидовать Испании? Вот тот «прогресс», к которому нас желают привести наши гг. «либералы». Смуты и брожение — вот их идеал, к которому они приглашают стремиться Русских людей. Тот, кто чужд этих революционных стремлений, тот, по их мнению, «отсталый» человек. Это прямо высказывается *«Русскими ведомостями»*, которые своими доводами и своим стилем переносят нас прямо к концу 70-х годов.

«Отсталые элементы», говорят они, «всегда восставали против всего, в чем проявляется новая жизнь, стремление вперед, попытка свободной мысли, критика существующего. Все эти прогрессивные движения квалифицировались как «духовная смута» и «тьма», как «шатание мысли и жизни».

Но даже и в конце 70-х годов, насколько нам помнится, «шатанию мысли и жизни» не воздавалось такого прославления, какого его удостаивают *«Русские ведомости»*. Они положительно поют ему хвалебный гимн, доказывая, что этому-то «шатанию» и обязано человечество «всеми последовательными этапами своего прогресса». Без «шатания» мысли и жизни человечество, видите ли, «утратило бы свою способность к совершенствованию, низошло бы до стадии животного, даже неорганического существования. История показывает, что именно эпохи, знаменовавшиеся так называемым «шатанием умов», имели в результате наиболее крупные и важные для человечества изменения в сферах религии, политики и общественных отношений».

Еще бы! Одна Французская революция чего стоит в этом отношении. От вызванных тогдашним «шатанием умов» изменений в сферах религии, политики и общественных отношений страдает и поныне все человечество, в душе которого разрушены вера и нравственность и возжено всепожирающее пламя грубого эгоизма и разнузданности страстей.

«Русские ведомости» призывают нас к этому упоительному для них «шатанию умов» и ко всем его результатам; они желают, чтобы и в России изменились религия, политика и общественные отношения, и заранее уверены в этих результатах

«шатания умов», потому что и в Западной Европе «не могли остановить этих результатов никакие козни фарисеев, никакие старания «заградить уста», никакие запугивания и преследования».

Сильно сказано. Эти слова переносят нас уже не к концу 70-х годов XIX столетия, а к 90-м годам XVIII века, когда с трибуны французского конвента раздавались точно такие же трескучие фразы.

Вся эта старая рухлядь революционного жаргона вытаскивается теперь наружу из наших либеральных арсеналов и снова подчищается и подновляется для предстоящей, по мнению «либералов», такой-то новой у нас эры. Все эти призывы «смотреть вперед, а не назад», «стремиться не к восстановлению утратившего свой смысл старого, а к усвоению постепенно вырабатываемого нового», к «борьбе прогрессивных элементов с отсталыми и отжившими», — все это так старо и избито, что просто удивляешься, как это наши «либералы» ничему за последнее время не научились.

Прославление «шатания умов» совершенно невероятно после 70-х годов, когда «шатание умов» привело нас к 1 марта, и после царствования Александра III, которое воскресило и обновило Россию благодаря именно тому, что устранило у нас всякое шатание умов, возвратив нам мир, порядок и уверенность в будущем России, окрылив нас энергией для работы на пользу этого будущего и выдвинув Россию как могущественную хранительницу мира на первое место среди держав Вселенной. Весь этот великий подвиг Царя-Миротворца был совершен без «шатания умов», и ему мы обязаны тем развитием всех сил России, благими результатами которого мы пользуемся и доныне. Если *«Русские ведомости»* хотят быть последовательными, им останется только утверждать, что так как в эту счастливую эпоху в России не было «шатания умов», то она «утратила свою способность к совершенствованию, низошла на стадию животного, даже неорганического существования».

Ведь вот до какого абсурда могут договориться «либеральные» доктрины и даже профессора. Неужели они этот

абсурд проповедают и со своих кафедр своим студентам? Но в таком случае в чем же виновата наша, сбиваемая ими с толку, учащаяся молодежь?

Маклаки парламентаризма

Наши «либералы» хотят во что бы то ни стало навязать нам истасканный, изодранный западноевропейский парламентаризм.

Они делают это со всеми приемами базарного маклачества, тщательно скрывая и замалчивая все позорные дефекты этого негодного учреждения, стараясь, как говорится, «показать товар лицом».

Перечисляя с особым злорадством все действительные и мнимые недуги России, эти господа, подобно ярмарочным шарлатанам, обещают сразу вылечить нас одним универсальным волшебным эликсиром — парламентаризмом, превознося на все лады его чудодейственную силу.

Мы еще понимали бы эти восторженные панегирики, если б они произносились не теперь, а пятьдесят лет тому назад, под непосредственным влиянием наивных иллюзий, вызванных революционными движениями 1848 года. Тогда и в Западной Европе близорукие политики искренно верили в магическую силу обоготворенной ими панацеи парламентаризма, представлявшегося им во всем ореоле чисто теоретического идеала. Но длившаяся затем пятидесятилетняя практика парламентаризма обнаружила все его неприглядные, отвратительные стороны, начиная с грубого взяточничества и кончая дикими обструкциями и кулачными расправами в парламентских собраниях.

Мы еще понимали бы, если бы наши «либеральные» шарлатаны обещали создать нам такой особый русский парламентаризм, в котором невозможны были бы все возмутительные безобразия, неотъемлемо присущие западному парламентаризму. Но они этого не делают, они просто замалчивают эти безобразия, отводя нам глаза старыми напыщенными фразами

1848 года, как будто эти фразы давно не опровергнуты позорной практикой парламентаризма.

Зато наши «либеральные» софисты изобрели новые мажорские приемы, чтобы во что бы то ни стало всучить нам свой негодный товар.

Так, например, им очень желалось бы скрыть тот общеизвестный факт, что весь парламентаризм основан на борьбе политических партий, приводящей к торжеству того или другого парламентского большинства, пред которым должно преклониться правительство. И вот они говорят Русскому Правительству:

— Тут ничего такого страшного нет: бывают даже случаи, что иные правительства вовсе и не подчиняются парламентскому большинству.

И вот они указывают на пример князя Бисмарка и Вильгельма II, на пример датского министерства Эструпа и норвежского кабинета Станга, удерживавших одно время за собой власть вопреки ясно выраженной воле парламентского большинства. Они даже ссылаются на теперешнее австрийское министерство Кэрбера¹, махнувшего рукой на весь парламентаризм и управляющего государством на основании пресловутого §14, вызывающего такое негодование среди всех парламентаристов². Словом, наши «либералы», которые в свое время громили таких «деспотов», как Бисмарка, Эструпа, Станга и Кэрбера за то, что они искажают самую сущность парламентаризма, не подчиняясь «воле народа», теперь не стыдятся выставить образ действий этих государственных людей как явление нормальное, к которому спокойно может прибегнуть и Русское Правительство, если б оно вздумало обзавестись парламентом.

Легко можно вообразить себе, каким яростным нападкам «либералов», до уличной революции включительно, подвергся бы в таком парламенте русский министр-президент, который бы захотел последовать примеру вышеназванных министров и не подчинился бы «воле народа». В истории парламентаризма были ведь и другие попытки правительств бороться против парламентского большинства, *но все они неизбежно кончались*

поражением этих правительств, как того требуют основные принципы парламентаризма³.

Еще бесстыднее те ссылки наших «либералов», которые они, желая убаюкать Русское Правительство, делают на Швейцарию и Северо-Американские Соединенные Штаты, где министры зависят не от парламентов, а от президентов. Но кому же неизвестно, что эти президенты выбираются лишь на несколько лет и сами вынуждены подчиниться воле избравшей их партии? Кто же не знает, до каких вопиющих безобразий доходит партийная борьба именно в Соединенных Штатах?

Обо всем этом тщательно умалчивают наши «либеральные» маклаки, показывая нам из-под полы лишь внешнюю мишуру парламентаризма.

Но как аттестовать тот наглый прием, к которому прибегла газета «Право»⁴ в своем № 39?

Она напечатала статью «Война и бюрократия»⁵, в которой доказывается, что если мы в японской войне встретили столько неприятных «сюрпризов», то это только потому, что у нас нет парламента и что все эти сюрпризы прекратятся, лишь только «Престол, собравши вокруг себя землю, будет славен, велик и силен».

Посмотрим, какие это были сюрпризы.

«Сюрпризом для нас оказалось «коварство» японцев, напавших на нас без объявления войны, хотя последнюю свою войну с Китаем они начали таким же точно «коварным нападением». Сюрпризом оказались и огромные вооруженные силы Японии, и ее финансовая мощь, хотя состав японской армии был точно известен нашему Генеральному штабу, а финансовые ресурсы страны, конечно, были точно известны нашей дипломатии. Мы не предвидели того простого факта, что пятидесятимиллионный народ может располагать большими деньгами и снарядит большую, хорошо вооруженную армию. Для нас оказались неожиданностью высокие боевые качества японских войск, хотя на наших глазах эти качества уже были испытаны и проявлены в двух кампаниях. Мы не предвидели той фанатической ненависти к нам, которую неминуемо долж-

ны были вызвать в Японии занятие нами Порт-Артура, оккупация Маньчжурии, соседство наших войск в Северной Корее. Самым большим сюрпризом для нас оказались мы сами, наша собственная неподготовленность к войне, засвидетельствованная правительственными сообщениями! Сюрпризом для всех оказалось малое количество наших войск в Маньчжурии...

Перечислять все наши сюрпризы и все те жертвы, которых они нам стоили, значило бы рассказать почти всю историю Русско-японской войны до последних ее дней. Мы не предвидели всего того, чего не дано предвидеть только крепко спящему.

Кто же виноват в этом? Русское общество? Оно спало по распоряжению начальства. В течение многих лет принимались все меры к тому, чтоб оно не пробудилось. Когда изредка кто-либо пытался приподняться, встать на ноги и молвить человеческое слово, это рассматривалось как нарушение общественного спокойствия и безопасности. Раздавался грозный окрик: «молчать, лежать смирно», и сильная рука пришибала ниц поднявшуюся голову. Россия за последние годы походила на дортуар⁶ в участке».

Мы никогда еще не читали в русской печати такого возмущительного, хлесткого вздора. Но, конечно, при начавшейся у нас свободе лжи нам не то еще придется читать в русских газетах.

А что вся статья эта — сплошная ложь, в этом не может быть сомнения для каждого серьезного, вдумчивого человека.

Автор этой статьи, очевидно, хочет ошеломить своих читателей таким, приблизительно, софизмом: «Только Россия могла быть озадачена столькими сюрпризами, потому что в ней нет парламента; в тех государствах, которые наслаждаются парламентаризмом, такие сюрпризы совершенно немыслимы».

Вот в этом софизме и заключается вопиющая ложь.

В самом деле, если в каком-либо государстве процветают парламентаризм и всякие «свободы», то это в Англии.

А разве для Англии не оказались сюрпризом огромные вооруженные силы буров, хотя состав бурской армии был точно известен английскому генеральному штабу? Англичане не предвидели того простого факта, что буры располагали боль-

шими деньгами и могли снарядить большую, хорошо вооруженную армию. Они не предвидели той ненависти к англичанам, которую неминуемо должны были вызвать в Трансваале английские уйтлендеры и хищническая политика Сесилия Родса⁷. А самым большим сюрпризом для них оказались они сами, их собственная неподготовленность к войне, засвидетельствованная правительственными сообщениями. Перечислять все их сюрпризы и все те жертвы, которых они им стоили, значило бы рассказать почти всю историю Англо-бурской войны.

А каким сюрпризом для всей парламентарной Европы было боксерское движение⁸ в Китае? А разве парламентарная Италия не испытала позорнейшего сюрприза при Адуде, а парламентарная Австрия при Садовой⁹? А между тем автор статьи в газете «Право» хочет уверить нас, что подобные сюрпризы возможны лишь для тех государств, которые не имеют парламента!

Или он и на вышеназванные государства распространяет возмутительную клевету, взведенную им на Россию, утверждая, что все они пред огорошившими их сюрпризами тоже походили на «дортугары в участке»? Или, может быть, он не знает всех перечисленных нами фактов?

Конечно, знает, ведь он «профессор», но он, как истинный маклак, тщательно скрывает эти факты, чтобы продать товар лицом. Как это ему не стыдно!

Политические преступления

Как это ни прискорбно, но приходится констатировать тот факт, что политические преступления как будто снова становятся хроническим вопросом нашей государственной и общественной жизни.

Мы не станем останавливаться на причинах этого возмутительного явления, так как причины эти нам известны еще с конца 70-х годов истекшего столетия и с тех пор не менялись. Всякий раз, когда у наших крамольников является почему-то предположение, что Правительство готово делать им какие-нибудь уступки, они выступают с более смелыми революци-

онными требованиями, подкрепляя их террористическими преступлениями, которые, по их расчетам, должны еще увеличить предполагаемую ими слабость Правительства и побудить его путем страха к еще большей уступчивости перед вышеуказанными революционными требованиями. Но стоит только этим господам убедиться в том, что Правительство ни на какие уступки не пойдет и твердо принимает меры совершенно обратные тем, которых от него требует «легальная» и «нелегальная» крамола, — как они тотчас же возвращаются в свои норы, и политические преступления совершенно выходят из нашего государственного и общественного обихода, как мы это, например, видели в течение всего царствования Царя-Миротворца.

Нас поэтому гораздо более интересует вопрос не о причинах снова появившихся у нас политических преступлений, а об отношении к ним нашего «общественного мнения». Выразителем его считается, как известно, наша «пресса», а потому вопрос сводится, в сущности, к тем газетным отзывам, которыми встречено было последнее политическое преступление, жертвой которого пал уфимский губернатор¹.

Консервативные газеты, разумеется, открыто выразили свое негодование по поводу этого гнусного, возмутительного события. Но консервативных газет у нас, как известно, ничтожное меньшинство, а широкое интенсивное влияние на русскую читающую публику находится всецело в руках нашей «легальной», именующей себя «либеральной», антиправительственной партии. Она является не столько *выразителем* «общественного мнения», сколько его *создателем*, так что, в сущности, небольшая группа журналистов вызывает по своему усмотрению те или другие настроения русской читающей публики, которые, различаясь собой в мелочах, имеют неизменно одну и ту же антиправительственную тенденцию.

Как же отнеслась наша «либеральная» печать к гнусному злодеянию уфимских революционеров?

Осудила ли она их кровавое возмутительное дело? Заклеймила ли она их своим презрением? Выразила ли она свое сочувствие несчастной их жертве?

Нисколько. Ничего этого вы в нашей «либеральной» печати не найдете. Вот если бы случилось какое-нибудь несчастье с передовым «земцем», который прославился бы дерзкой антицерковной или антиправительственной деятельностью, — о, тогда, конечно, наши «либеральные» фабриканты «общественного мнения» разразились бы целым потоком сентиментально-гражданских панегириков. А теперь? Кто убит? Губернатор? Ни слова о нем! Пускай «общественное мнение» приучается смотреть на убийство губернатора так же равнодушно, как на какую-нибудь банальную железнодорожную катастрофу. Можно, пожалуй, посвятить убитому коротенькую выписочку из послужного списка, но и только. Выразить же порицание его убийцам — Боже сохрани! Ведь это было бы ужасно, если б «общественное мнение» настроилось против них! Они ведь действовали *против* Правительства, а в глазах «общественного мнения» это должно считаться заслугой. Такова точка зрения нашей «либеральной» партии.

Как далеко мы ушли от конца 70-х годов. Тогда еще «легальные» крамольники считали долгом приличия после каждого политического преступления открыто протестовать против своих «нелегальных» сообщников, совершавших эти преступления. Положим, никто этим фиктивным протестам не верил, но все-таки внешний декорум был соблюден. Теперь же цинизм наших «либералов» дошел до того, что они ни о каком декоруме уж и не думают

Конечно, наши упрёки им не понравятся: они станут в театральную позу и будут трагически восклицать пустозвонные фразы, вроде того, например, что: «Вы отняли у нас право слова, так оставьте же нам право молчания!»

Но ведь на серьезных людей эти бутафорские возгласы точно так же не произведут никакого впечатления, как и бывшие фиктивные «протесты», доказывающие, что «либералы»-де добиваются революционных реформ легальными, а не насильственными путями, как будто тут главный вопрос идет о различных *средствах*, а не об общей для них *преступной цели*.

Так и теперь. Кто это отнимает у либералов «право слова»? Они могут говорить всякое слово, кроме слова революционного. А им оно только и надо. Вот они и вызывают к «общественному мнению» и внушают ему такую нелепость, будто в России вообще нет «свободы слова». А «общественное мнение», находящееся у них в слепом порабощении, верит всякому вздору, который они ему преподносят путем ли красноречивых слов или путем не менее «красноречивого молчания».

Эти жалкие эксплуататоры общественного доверия желают еще, чтобы им была предоставлена эксплуатация доверия правительственного. Какая наивность! Они воображают, что если они, например, так систематически воздерживаются от осуждения политических убийств, то никто истинного значения этого их поступка не поймет; они думают, что никто не замечает, как они этим способствуют тому, чтобы общественное мнение относилось равнодушно к таким возмутительным злодеяниям, как то, которое на днях совершилось в Уфе, и что они таким образом искусственно поддерживают ту атмосферу, в которой такие преступления могут делаться хроническими явлениями в нашей государственной и общественной жизни.

Нет, тактика их слишком прозрачна и никого в обман не введет. Мы им советуем лучше снова вернуться к соблюдению декораума посредством фиктивных протестов. Это все-таки будет приличнее, благовоспитаннее.

Чего хотят наши злодеи?

Гнусное преступление 15 июля (1904 г.) повергло в глубокое горе всех истинно русских людей, видевших в злодейски убитом Вячеславе Константиновиче Плеве¹ непоколебимо твердого и умудренного государственным опытом советника и беззаветно преданного слугу Русского Царя.

Но теперь не время предаваться неутешному горю. Россия должна мужественно встретить нанесенный ей злодеями удар и приготовиться к тому, чтобы дать им должный отпор.

А для этого необходимо прежде всего уяснить себе, чего хотят эти изверги, на что они рассчитывают, заноса свою преступную руку над таким именно государственным деятелем, каким был столь трагически павший на своем посту министр внутренних дел.

Цель у них, очевидно, была двоякая: во-первых, они хотели избавиться от противника, охранявшего Россию от их преступной пагубной деятельности, а во-вторых, они надеялись ошеломить всю Россию, лишив ее столь выдающегося радетеля о ее благе, дабы вызвать в ней такую поголовную растерянность, которой могли бы воспользоваться как ее внутренние, так и ее внешние враги.

Мы должны, следовательно, распознав намерения наших врагов, употребить все усилия, чтобы они не достигли ни той, ни другой цели.

Конечно, утрата, понесенная Россией в лице В.К. Плеве, очень тяжела, но было бы ошибочно думать, что у Русского Царя не найдется столь же опытных и верных слуг, которые могли бы продолжать великое дело, начатое безвременно погибшим В.К. Плеве, в том же духе и в том же направлении, в каком он его вел с первого же момента своего вступления в должность финляндского статс-секретаря, а затем министра внутренних дел — и до последнего своего издыхания.

Этот истинно русский дух и это разумное, твердое направление нам известны, и все мы с радостью следили за обширной деятельностью В.К. Плеве, которая с каждым шагом становилась все яснее, определеннее и плодотворнее, подготавливая целый ряд глубоких, зрело обдуманных реформ во всем внутреннем управлении России и принимая разумные, целесообразные меры для энергической борьбы с тем пагубным внутренним злом России, которое, наголову разбитое после 1 марта 1881 года, за последнее время снова ожило, в надежде по-прежнему терроризовать Русское Правительство и вынудить у него уступки революционной пропаганде.

Надежды эти оказались тщетными благодаря твердой, предусмотрительной политике В.К. Плеве, который ясно дал

понять гнусной шайке террористов и их заграничным сообщникам, что он не только ни на какие ожидаемые ими уступки не пойдет, но, наоборот, заставит их отступить пред законными требованиями Правительства, ограждающего мирный покой и порядок Государства.

Убедившись, что В.К. Плеве не поддается терроризации, негодяи решили насильственным его устранением терроризовать его преемника, кто бы он ни был. Но в этом расчете они, несомненно, снова ошибутся.

В самом деле, нужно быть очень жалкого мнения о политике Русского Императорского Правительства, чтобы предположить возможность, что кто-нибудь из высших его представителей решится в настоящую минуту спустить правительственный флаг пред шайкой гнусных убийц и считать возможным исполнение хотя бы малейшего из их безумных требований. Если В.К. Плеве запечатлел своей мученической смертью те великие начала, которые он положил в основу своей деятельности, то его преемник тем более сочтет своей священной обязанностью идти по стопам этого праведника и уж, конечно, не вступит ни в какие компромиссы с его убийцами.

Если бы политика В.К. Плеве не была опасна врагам России, они его и пальцем не тронули бы; если же они накинлись на него со всей своей адской злобой, то именно потому, что его политика оказалась самой целесообразной для борьбы с их преступной деятельностью. Эта наиболее грозная для них политика должна и впредь применяться к ним, — если б она даже потребовала новых жертв со стороны Правительства, — до полного истребления террористической шайки, как это было достигнуто вслед за 1881 годом.

На поле военной брани внезапная гибель начальника отряда немедленно возмещается новым начальником, который с той же энергией, как и его предшественник, продолжает борьбу с врагом, зная, что он борется за правое дело и что если и ему придется сложить голову за Родину, он найдет себе преемника, который немедленно поведет ту же борьбу в том же духе и с той же энергией, не давая себя «терроризовать» и не вступая

с врагом ни в какие компромиссы. Так же точно должно быть и на поприще гражданской брани с внутренними врагами Отечества, в особенности если этими врагами являются гнусные убийцы, прибегающее к тем же орудиям кровавой расправы, как и их союзники, внешние враги России.

Таким образом, надеждам русских революционеров не суждено осуществиться. После совершенного ими 15 июля возмутительного злодеяния курс русской политики относительно известной либерально-революционной программы не изменится, и ни г. Струве², ни его московские и орловские друзья, ни гг. террористы в выигрыше не останутся.

Но должна потерпеть осечку и вторая часть подлых расчетов этих гнусных негодяев: если Правительство сохранит свое полное, твердое и достойное хладнокровие, то и русское общество не даст себя увлечь в бездну смущений, колебаний и панической растерянности.

Мы должны ясно знать и твердо помнить, что политика В.К. Плеве была не его личной прихотью, а зрело обдуманной государственной системой, бесповоротно принятой Русским Императорским Правительством и последовательно проводимой им, независимо от личного характера тех или других государственных деятелей. Мы должны встретить мученическую кончину В.К. Плеве как великую утрату для России, но не как предвестие каких-либо колебаний Правительства в проведении своей государственной программы. А потому мы должны, по мере сил своих, содействовать Правительству в его задаче охранения России от преступной пропаганды внутренних врагов России, какими бы партийными кличками они ни прикрывались и на каких бы поприщах ни развивали они свою пагубную для России деятельность. Потворствовать им в чем бы то ни было — значило бы, при настоящих обстоятельствах, изменнически предавать Родину злейшим ее врагам.

Наши «либералы» с начала текущего года упорно твердили, что «осенью» у нас начнется «политическая весна», с «земским парламентом», «свободой печати», «свободой сходов» и прочими прелестями революционного катехизиса. Мы недоу-

медали пред этими смелыми пророчествами, так как отлично знали, что В.К. Плеве никогда на такой возмутительный вздор не согласится.

На наши категорические опровержения этих нелепых предсказаний нам отвечали двусмысленными улыбками и простым повторением сказанного.

Теперь всякие недоумения исчезли. Основной смысл зловещих пророчеств стал совершенно ясен: государственный переворот в России, очевидно, должен был произойти «осенью» не при содействии В.К. Плеве, а без него, по насильственному прекращении его деятельности...

Таким образом, первое условие для осуществления либерально-революционных пророчеств уже имеется налицо; но из этого вовсе не следует, чтоб осуществились и дальнейшие условия.

Правда, мы несколько не удивились бы, если бы нам сообщили, что г. Струве уже укладывает свои чемоданы для того, чтобы безнаказанно снова пробраться в Россию, и что в редакциях *«Вестника Европы»* и *«Русских ведомостей»* уже теперь заготавливают статьи для встречи «осенней» эры всяческих «свобод». Но эти действия свидетельствовали бы лишь о легкомысленной самоуверенности наших демагогов, предполагающих и в Русском Правительстве, и в обществе столь же легкомысленное малодушие. Русское общество отвернется теперь от них с тем большим негодованием, что теперь уже ясно увидит, к чему ведут те поблажки, которые оказывались «либеральной» пропаганде и в печати, и в школе, и в земстве, и в других «общественных организациях, в которых борьба с Правительством» сделалась самым модным спортом. Эта борьба за последнее время обострилась и направилась почти исключительно против министра внутренних дел, с той, как оказалось теперь, целью, чтобы подготовить общество к катастрофе 15 июля.

О, конечно, наши гг. «либералы» и «постепеновцы» будут отречься от всякого сообщничества с гнусными динамитчиками, совершившими эту катастрофу; но они, несомненно, были с ними заодно в общей систематической вражде к В.К. Плеве

и в несомненном сочувствии если не организации катастрофы, то ее результату. Ведь и в военном бою не все лица, принимающие в нем участие, обнажают меч и выпускают убийственные снаряды: есть много подготовителей и руководителей боя, которые, по существу своего положения и своей роли, даже не могут никого ни ранить, ни убить; но все они в одинаковой степени сочувствуют общей цели боя и вполне между собой солидарны, при всем разнообразии своих действий. В таком же смысле солидарны между собой и наши «либералы», и наши «террористы», дружно стремясь, хотя и разными путями, к одной общей цели — к борьбе против Самодержавной Власти Русского Царя.

Эту несомненную солидарность Русское общество никогда не должно упускать из виду, помня, что наш «либерал», ополчающийся против Самодержавия, тем самым влагает револьвер, кинжал или динамитную бомбу в руки террориста.

Мы, следовательно, знаем, *чего хотят* все эти злодеи, и должны быть готовы во всеоружии встретить дружным отпором их пагубную деятельность, в каком бы «легальном» или «подпольном» виде она ни проявлялась в своей борьбе против Царя и России.

Новое политическое преступление

Когда же, наконец, воспрянет у нас Власть во всеоружии своих грозных законных полномочий и положит конец той эпидемии политических убийств, которая чуть не каждый день поражает смертельным ударом верных царских слуг?

Вот и вчера совершилось такое гнусное преступление: Выборгский губернатор Николай Александрович Мясоедов¹ тяжело ранен тремя пулями дерзким убийцей, вошедшим в его кабинет вместе с ландс-секретарем.

Кто знает Николая Александровича, тот по достоинству оценит все политическое значение этого нового удара, нанесенного Русской Государственной идее на Финляндской окраине нашего Отечества. Этот истинно русский человек принад-

лежит к доблестной бобриковской школе и остался верным ее системе, принесшей столь благие результаты для умиротворения Финляндии под сенью России.

Вот почему финляндская крамола, сразу оперившаяся после мученической кончины Н.И. Бобрикова, выбрала своей жертвой именно Н.А. Мясоедова.

Но почему же крамола эта так быстро расправила свои крылья? Почему так внезапно увеличились ее силы?

Может быть, потому, что Русская Государственная идея стала проводиться в Финляндии еще с большей энергией, чем при Н.И. Бобрикове? О, конечно, нет. Если бы Финляндии суждено было такое счастье, она теперь пользовалась бы порядком и спокойствием, которыми она так же отличалась бы от остальной России, как это было при генерале Бобрикове. А теперь, увы, когда традиции генерала Бобрикова выброшены за борт, Финляндия сразу пала до того низкого, хаотического уровня, на котором ныне томится вся Россия.

Политика слабовольных уступок снова обнаружила все свое пагубное значение.

У нас все не хотят понять, что всякая уступка революционной крамоле не только ее не успокаивает, но лишь побуждает ее к новым проявлениям преступной дерзости.

Пока Н.И. Бобриков не делал ни малейшей уступки финляндским сепаратистам, они не смели шевельнуться, и жизнь его была в безопасности. Но как только стало известно, что он, под разными внешними влияниями, склоняется на такую крупную ошибку в угоду сепаратистам, как созыв Финляндского Сейма, — он тотчас же был обречен на смерть и пал в самом Сенате от руки подлого убийцы.

Вся Финляндия содрогнулась от страха после этого рокового для нее, — как она думала, — преступления. Она ожидала, что теперь наступит конец всем уступкам сепаратизму, на которые надеялись крамольники, и что, как ответ на убийство генерал-губернатора, представителя Самодержавного Русского Царя, наступит строгая кара всем виновным, и окончательно восторжествует во всей мощи Русская Государственная идея.

И никто так не удивился, как сами же финляндцы, когда, в ответ на злодеяние крамольников, последовали новые уступки революционному сепаратизму. Финляндский Сейм действительно был созван, и к этому присоединился еще новый, ничем уже не объяснимый, шаг, — возвращение из ссылки всех вожakov крамолы с самим Мехелином² во главе — этим заклятым, непримиримым врагом России!

Истинно русская политическая система Н.И. Бобрикова была прервана — и вот крамола сразу ожила и отпраздновала свое торжество убийством преданного своему долгу прокурора Ионсона³.

Сепаратисты выманили себе обещания относительно отмены установленного Высочайшей Волей военного закона — и вот они в виде благодарственной жертвы обрекли на заклятие губернатора Мясоедова.

Что же будет дальше?

Если будут новые уступки, — будут и новые убийства.

Ведь это непреложный закон истории. Как же можно его игнорировать?

Россия нуждается в порядке и покое. Воцарившийся у нас хаос с ежедневными революционными демонстрациями, забастовками и преступлениями держит все мирное, трудолюбивое население в нервной тревоге; никто не уверен в завтрашнем дне; вся экономическая жизнь угнетена, приостановилась; в этом диком кошмаре все, даже самое невероятное, уже кажется возможным...

Вся Россия жаждет только того, чтобы сильная, разумная и стойкая Власть заявила, наконец, о своем существовании и, прекратив политику уступок, сразу освободила бы нас от этого невыносимого нравственного гнета и рассеяла бы все окутавшие нас тлетворные туманы, вызванные алчным властолюбием на гибель Русского Царя, а с ним и всей России.

Вся Россия вздохнет свободно и возликует при первом непреложном признаке этой сильной, последовательной Власти, и в этом всеобщем ликовании исчезнет та ничтожная шайка

крамольников, которая, при отсутствии Власти, выдает себя за «Русское общество» и даже за «Русский народ», столь же шумно, как и безнаказанно, празднуя свой шабаш по всему пространству терроризованной ею России.

Как тут не вспомнить мудрые слова, сказанные незабвенным графом М.Н. Муравьевым⁴ в его Всеподданнейшем отчете по управлению Северо-Западным краем (1863—1865)⁵:

«Я тогда же имел счастье всеподданнейше повергнуть на благовоззрение Вашего Императорского Величества, что только энергические меры, *не могущие понравиться Европе и даже некоторым из наших правительственных лиц*, одни будут в силах восстановить законный порядок в крае...

Суды, учрежденные для суждения лиц, замешанных в политические беспорядки, служили только наглядною *насмешкою над слабым Правительством и усиливали дерзость крамольников...*

Мысль о *возвращении высланных за политические преступления из края лиц*, к сожалению, поддерживаемая некоторыми из главных правительственных деятелей, смею сказать, *есть мысль преступная...*

Это не однажды подтверждалось горьким опытом. *Всякая милость принимается за слабость*, и если бы Правительство при самом начале проявления манифестаций вместо примирительных и *так называемых легальных* мер употребило бы меры *справедливой строгости*, то мятеж был бы подавлен прежде полного развития, и *много несчастных жертв* было бы сбережено.

Неблагодарная гуманность есть жестокость и, смею сказать, в последствиях своих есть преступление».

Мы знаем, как быстро М.Н. Муравьев восстановил мерами *справедливой строгости* мир и порядок на Литве, а косвенным образом и в Польше, где революционный хаос успел достигнуть несравненно более грозных размеров, чем ныне он достиг в России и ее западных окраинах.

И вот мы снова возвращаемся к той же мысли, на которой мы неоднократно настаивали: лишь *диктатура* вернет Рос-

сии и всем ее окраинам порядок, прекратит массовые и одиночные кровавые самоуправства, положит конец преступным демонстрациям и забастовкам и даст возможность приступить к зрело обдуманному, действительно полезному и прочному реформам, в которых так нуждается государственная и общественная жизнь России и о которых так усердно, но пока тщетно, печется любвеобильное сердце Царя.

Достаточно вспомнить, *сколько раз* Государь с высоты Престола указывал на крайнюю необходимость *религиозного воспитания нашего юношества*. Мы теперь видим, с каким преступным равнодушием отнеслись к этим золотым Царским словам те люди, которым вверено воспитание наших детей: они бросили их в алчные, цепкие руки крамолы, а та превратила их во врагов Царя и России!

Священная воля Царя останется и впредь неисполненной его лукавыми и небрежными слугами, пока им не напомнит о ней со всей неумолимой строгостью закона поставленный для сего Царем и снабженный им полной властью временный, но идущий до конца своей задачи, диктатор.

Рано или поздно его появление станет безусловно необходимым; но чем раньше он появится, тем меньше потребуются и жертв для водворения того порядка, которого с таким мучительным нетерпением жаждет Россия.

Еще кровавая жертва!

Симбирский губернатор генерал-майор Константин Соколов¹ скончался 23 сентября от тех 400 ран, которые нанесены ему были 21 сентября осколками брошенной в него бомбы.

Это — новая жертва, принесенная кровожадному Молоху революции, и — увы — жертва не последняя! Пока Правительство окончательно не порвет с позорным наследием, завещанным ему злым гением России графом Витте, верные слуги Царя и Родины будут по-прежнему падать жертвами спущенной с цепи крамолы, которую в Петербурге все не решаются

сразу подавить одним решительным и смелым ударом — **военной диктатурой**.

Крамольные газеты говорят:

«Монархисты требуют репрессивных мер, а мы утверждаем, что репрессивные меры бесполезны. И вот смотрите, введены военно-полевые суды, а убийства продолжаются».

Это неправда.

Мы, монархисты, никогда не требовали тех или других репрессивных мер: мы вот уже второй год требуем лишь одного — **военной диктатуры**.

Другого средства спасти Россию от гибели теперь уже быть не может. А между тем именно это средство и не применяется!

Какая же разница между «репрессивными мерами» и диктатурой? Разница громадная.

«Репрессивные меры» применяются в *разных* местах *различно*. Или вы, может быть, думаете, что губернатор Янушевич², за негодностью переведенный из Тамбова в такое крамольное гнездо как Ставрополь, будет там применять репрессивные меры с той же энергией и последовательностью, с какой их применяют другие, верные своему долгу, губернаторы?

Конечно, нет. То, что у нас в одной губернии считается запрещенным, в другой считается дозволенным. А между тем вывести Россию из теперешнего кровавого хаоса может только полное *единство* истребляющей крамолу власти, а это единство может дать только **военная диктатура**.

Военная диктатура во все время своего существования прекращает действие тех законов, которыми пользуется в своих преступных целях революция. А для кого же неясно, что у нас кровавая революция до тех пор не прекратится, пока крамольники будут пользоваться, например, *свободой печати* для дальнейшего развращения Русского народа? Нормальное Правительство не решается вырвать у революции это могущественное ее орудие, а также и другие не менее сильные средства борьбы и пропаганды. А военная диктатура одним ударом

сразу обезоружит всю крамолу, спасет Россию и водворит в ней законный порядок, после чего она удалится и откроет Правительству широкий путь к мирным реформам.

Увы, вот именно этого Петербург понять не может или не хочет. Он с трудом решился, наконец, на одиночные репрессивные меры, но возвыситься до единственного спасительного средства, до военной диктатуры, у него не хватает духу!

Вот почему мы утверждаем, что доблестная кончина генерала Старынкевича является новой, но не последней, жертвой кроважандному Молоху революции.

Кровь, вопиющая к небу

Совершилось адское, чудовищное злодеяние!

Впервые с тех пор, как стоит Москва, она обагрилась Царственной кровью, пролитой злодейским преступлением! Убит в стенах Кремля наш Великий Князь!¹

Он был нашим с самого рождения своего, ибо Царь-Освободитель нарек ему имя Сергия, поставив его под покровительство Преподобного Сергия, Святого Восприемника Московского Царства.

Он был нашим, потому что всем сердцем полюбил Москву, проведя в ней свои отроческие годы.

Он был нашим, так как Царь-Миротворец поставил его над Первопрестольной своей столицей, в знак особой любви и к нему, и к ней.

Он был нашим, потому что долгие годы неустанно заботился и трудился на благо Москвы.

И вот он пал жертвой адского злодеяния, в своей Москве, в стенах Московского Кремля, у подножия его святынь!

Невинная кровь его громко вопиет к Небу не о личной мести за него, а о спасении России!

Мы видели, как на наших глазах пали один за другим целый ряд верных Царских слуг, но, увы, к стыду нашему, все эти жертвы были напрасны; они нас поражали ужасом, но не вразумляли; мы отзывались на них жалкими словами, но не

мужественным делом, а иногда даже мы исполняли заветы не убитых, а убийц...

И вот мы дождались того, что Москва покрылась позором, а вместе с ней и вся Россия, ибо все, что испытывает Москва, испытывает и Россия.

Мы не уберегли того человека, который всем нам русским служил примером прямоотой и непоколебимости своих истинно русских убеждений и беззаветной верностью идеалам Александра III. Верный своему долгу Русского Великого Князя, он не шел ни на какие компромиссы с врагами России, и вот почему они именно на нем сосредоточили свою адскую злобу, видя в нем надежнейшего советника Русского Царя; вот почему они, пользуясь нашей всеобщей преступной распушенностью, избрали именно его своей жертвой!

Поймем ли мы, наконец, все значение этой искупительной жертвы за все наши грехи, за наше слабование, равнодушие к священнейшим нашим обязанностям, за нашу трусливую слабость, готовую на всякие уступки пред напором врагов нашего Царя и нашей Родины, за наше нерадение о благе наших детей, которых мы отдаем на развращение в притоны революционной пропаганды, которыми ныне стали наши высшие учебные заведения, за наше небрежение к заповедям Господним и к нашей Православной Церкви, которую мы отдаем на поругание злейшим ее врагам!

Опомнимся ли мы, наконец, поймем ли мы, что мы уже привели Россию на край гибели, и что дальше так идти некуда по тому пути, по которому злой гений ведет Россию в эти последние четыре месяца², держа в своих руках все нити той крамолы, которая поклялась погубить драгоценнейшие сокровища России, Самодержавную Власть ее Царя, Православную Веру ее народа и его истинно-русскую душу.

Или, может быть, и эта жертва будет жертвой напрасной?

Нет, этого быть не может! Как за искупительной жертвой Царя-Мученика³ последовало возрождение России под сенью Царя-Миротворца, так и теперь, веруем мы, настанет такое же возрождение наше после несказанного ужаса 4 февраля. И как

был бы счастлив наш Великий Князь, если б он в селениях праведных мог утешить себя мыслью, что он своей кровью купил это возрождение России!

Но все будет зависеть от первых же шагов Правительства, которыми оно ответит на дерзкий вызов, брошенный ему крамолой.

Перед Правительством открываются два пути: или немедленное, беспощадное уничтожение крамолы, или...

Но о втором пути страшно и подумать: он равнялся бы беспощадному уничтожению России.

Боже Праведный! Упокой душу страстотерпца Московского Великого Князя Сергея, и пошли нам несокрушимую крепость духа, дабы исполнить тот долг, который нам поставлен его мученической кончиной!

Чего они хотят?

Сегодня, 10 февраля, мы похоронили Великого Князя¹.

Много было пролито горячих слез над его безвременной могилой, и много было сказано сердечных и назидательных слов по поводу этого страшного удара, поразившего Россию.

Но как бы умирительны ни были слезы, как бы убедительны ни были слова, их теперь недостаточно: нужно, чтобы к ним присоединилось серьезное и, скажем прямо, грозное дело.

«Зловещая тень налегла на Россию, — тень грядущих событий, тень приближающегося хаоса. Хаос можно предотвратить: для этого имеются достаточные силы. Благоприятная минута еще не упущена, — хотя многое сделано и делается, чтобы упустить ее».

Так начинает свою статью один из либеральных петербургских публицистов и затем дает советы, какими средствами следует *увеличить* «приближающийся хаос».

А потому и нам необходимо последовать его примеру и ясно сознать всю важность настоящей минуты. А затем нам следует рассмотреть, какими средствами должен быть *предот-*

вращен этот хаос, первые признаки которого уже теперь так тяжело дают себя чувствовать всей России.

Для этого прежде всего необходимо с полной ясностью и откровенностью произвести анализ обуявшей Россию революционной смуты и точно определить как ее цель, так и ее средства.

Сделать этот анализ и это определение вовсе не так трудно, как это может казаться на первый взгляд, так как и цель и средства настоящей смуты отличаются чрезвычайной простотой.

Чего хотят они, все эти «легальные» крамольники, заполонившие нашу печать, нашу школу и наши общественные учреждения? Чего хотят они, все неразрывно связанные с этими крамольниками, подпольные изверги-динамитчики?

Все они хотят только одного: уничтожения Самодержавия в России.

Все они кричат: «Россия задыхается, она не может жить без свободы слова, без свободы печати, без свободы сходок»!

А когда Правительство им, в виде опыта, дало все эти свободы, на что они ее употребили? На *единственную* цель: на поход против Самодержавия.

Они все время кричат об «ужасах» бюрократии, но требуют не реформы бюрократии, а полной замены ее «общественными силами», ясно показывая этим, что под «бюрократией» они разумеют Самодержавие, так что весь их поход против бюрократии клонится все к одной и той же единственной их цели.

Да они этого нисколько и не скрывают, требуя в своих речах, статьях и адресах все одного и того же: уничтожения Самодержавия.

Мы должны это твердо помнить и не даваться в обман, слушая их иеремиады о том, что в России нет-де той или другой «свободы». Если вы внимательно разберете их жалобы, то вы найдете, что все эти свободы им нужны исключительно все для той же цели, к которой они стремятся самыми разнообразными путями и средствами.

Орудует всей смутой небольшая шайка негодяев, живущих отчасти за границей, отчасти в России, и действующих под руководством опытного и смелого вожака.

Первым необходимым средством для успеха своей агитации шайка эта избрала, как и следовало ожидать, создание иллюзии полного будто бы сочувствия ей со стороны «всей России». С этой целью она пустила в ход столь любимое у нас средство «забастовки», и притом «всеобщей забастовки», которая должна-де длиться до тех пор, пока не будет уничтожено Самодержавие Русского Царя.

Для того чтобы забастовка эта отличалась многочисленностью участников, революционная шайка решила подчинить своей пропаганде:

- 1) все учебные заведения,
- 2) все промышленные заведения,
- 3) все общественные учреждения.

Таким образом, по расчетам крамольников, должна была создаться «страшная» фикция, будто «остановилась вся жизнь России», которая-де тогда только воскреснет из мертвых, когда она совершенно лишится Царского Самодержавия.

И вот начались забастовки всех трех категорий.

Труднее всего было организовать забастовки рабочих, так как для этого требуются громадные капиталы, без которых «бастующие» рабочие обречены на голодную смерть. Нелегко устроить и адвокатские, врачебные и земские забастовки, так как и тут затронуты личные денежные интересы «бастующих».

Вот почему эти два вида стачек удались лишь наполовину, или вовсе не удались.

Зато высшие учебные заведения забастовали с величайшей легкостью, так как «бастующие» студенты вполне уверены, что они не лишатся своих стипендий, а «бастующие» профессора, восставшие против Самодержавного Правительства, аккуратно получают от этого Правительства свое месячное содержание.

Вот почему эта позорнейшая из всех стачек так блестяще удалась «при полном единении студентов и профессоров»,

сошедшихся в общем чувстве поголовной лени на готовых хлебах и полной безнаказанности, гарантируемых им тем самым Правительством, против которого они так изменнически ведут свою борьбу все с той же единственной целью — уничтожения Самодержавия...

Зная, таким образом, цель и средства революционной крамолы, легко определить также цель и средства необходимой с нею борьбы.

Прежде всего Правительство должно прекратить свою собственную забастовку, в которую оно вступило с 16 сентября 1904 года, когда впервые было произнесено роковое слово о «доверии»², которое, как потом обнаружилось, было равносильно полному бездействию Правительства и предоставлению полной свободы революционной крамоле.

Этой крамоле никогда и во сне не снилась такая свобода. Она ею, конечно, и воспользовалась в самых широких размерах, приведших к трагическим событиям 9 января и 4 февраля³, а также ко всеобщей забастовке профессоров и студентов.

Если бы Правительство продолжало бездействовать, то мы через несколько месяцев пережили бы такую катастрофу, которая похоронила бы навеки всю Россию.

Но этого не будет, ибо первое условие для победы над крамолой исполнилось. *Правительство возвращается к активной деятельности.*

Но теперь оно найдет пред собой задачу несравненно более серьезную, чем она была пять месяцев тому назад.

То, что тогда можно было сделать двумя, тремя энергичными, разумными мерами для восстановления полного порядка во внутренней жизни России с принесением лишь небольшого числа жертв, то потребует теперь целой системы строго обдуманых и последовательно выдержанных репрессивных мер, так как теперь идет вопрос не только о водворении порядка в России, а об ее *спасении*, ибо она без сохранения Самодержавия своих Царей жить не может и распадется на жалкие, беспомощные части.

Мы знаем, чего хочет крамола, а потому пора и Правительству заявить, наконец, свою волю.

Крамола хочет уничтожить Самодержавие. Самодержавие должно уничтожить крамолу, и оно должно сделать это не только ради себя, но и ради России.

Крамола нападает *со всех сторон* на Самодержавное Правительство, а потому и Правительство должно *со всех сторон* напасть на крамолу и изгнать ее изовсюду, куда она внедрилась, — из печати, из школы, из общественных учреждений, из рабочей среды.

Одни репрессивные меры сделают, конечно, лишь первую половину предстоящего Правительству дела, но эта первая половина безусловно необходима для успеха второй половины, когда должна наступить творческая деятельность Правительства. Когда у вас горит дом, вы должны *прежде всего* потушить пожар, а затем уже строить новый дом. Одновременно тушить и строить было бы верхом безумия. Неужели это нужно еще доказывать?

Итак, мы знаем, чего *они* хотят и какие они употребляют средства для достижения своей цели. Необходимо нам определить и те средства, которыми мы должны защитить Самодержавие и спасти Россию.

Но об этом в следующий раз.

Что надо делать?

Мы ясно и прямо указали на ту цель, к которой стремится крамола, и на те средства, которые она пускает в ход для достижения этой цели (№ 42)¹.

Теперь нам предстоит столь же ясно и прямо указать на ту цель, к которой должно стремиться Правительство, и на те средства, которыми оно располагает для окончательной победы над крамолой.

Дело идет ни о чем другом, не о большей или меньшей «свободе», не о тех или иных реформах и уступках «общественному мнению», — дело идет об одном из самых драго-

ценных сокровищ России, о Самодержавии ее Царей, о собственном ее спасении.

Переживаемый нами кризис настолько серьезен и опасен, что Правительство уже не может ни гуманничать, ни кокетничать с крамоллой: Правительство должно смелой, диктаторской рукой схватить крамолу там, где она гнездится, и освободить от нее Россию, прекратив, наконец, всю эту эпидемию умственного психоза, заразившего нашу «интеллигенцию».

Главными позициями, занятыми крамоллой, являются: 1) печать, 2) высшие учебные заведения, 3) общественные учреждения и 4) рабочая среда.

1) Начнем с печати.

Может ли быть малейшее сомнение в том, что «либеральная» печать явилась главной сообщницей крамолы в ее преступной пропаганде, поднявшей на ноги всех врагов Самодержавия, сплотившей их воедино и создавшей тот хаос, от которого в настоящую минуту так страдает Россия? И печать эта, так усердно работавшая во вред России и на пользу внешнему врагу, не скрывает своего подлого дела, а гордится им, тем более что она доселе безнаказанно продолжает его.

Этому следует положить решительный предел. Правительство имеет все законные к сему средства. Говорят, цензура у нас будет заменена судом. Но все равно, — при цензуре ли, или при суде, — революционная пропаганда в печати не может быть терпима и должна быть прекращена теми средствами, какие предоставлены Правительству существующими законами.

Вся Россия видит, как ежедневно крамольная печать убеждает профессоров и студентов дружно идти против Правительства и до тех пор не прекращать своей забастовки, пока не будет свергнуто Самодержавие.

Вся Россия видит это и этим возмущается.

Но то же самое видит и Правительство и — тоже возмущается, а между тем оно имеет все законные средства, чтобы сразу прекратить это возмутительное явление.

Когда гибнет наука, когда гибнут тысячи молодых людей, когда со слезами на глазах следят за этой гибелью несчастные

родители, пожертвовавшие последние гроши на воспитание своих детей, — неужели Правительство остановится пред немедленным и решительным прекращением той газетной пропаганды, которая содействует всей этой позорной смуте? Неужели Правительство может быть более гуманным к негодной кучке революционных писак, чем к нашей молодежи, к нашим детям, сбитым с толку этими писаками?

Прекратите пропаганду забастовок в печати, и сами забастовки тотчас утратят половину своей силы. А вместе с тем будет подорвана в корне и вся преступная пропаганда против Самодержавия.

Само собой разумеется, что эта пропаганда, проявляющаяся не в одних только школьных забастовках, должна быть прекращена и во всех остальных своих видах, культивируемых в современной печати.

Тут не может быть двух мнений: или Правительство стоит на стороне Самодержавия, и тогда оно обязано защищать его всеми законными мерами против враждебных нападений, где бы и в какой бы форме они ни проявлялись; или Правительство не считает нужным этого делать; но тогда оно не исполняет прямого своего долга.

2) Прекращение печатной пропаганды школьных забастовок уничтожит, как мы сказали, целую половину их эпидемической силы. Другая половина должна быть уничтожена в самих школах строгим и справедливым действием того же Правительства.

Во всех высших учебных заведениях часть профессоров и студентов стоят за науку, за порядок и желают учить и учиться. Этим профессорам и студентам Правительство обязано оказать всю могущественную поддержку, которую только может оказать стоящее во всеоружии Власти Императорское Правительство Самодержавного Царя.

С этой целью следует немедленно устранить из университетов, а если нужно и из университетских городов, всю ту дерзкую, мятежную толпу «бастующих профессоров и студентов», не постыдившихся опозорить русскую науку нигде не ви-

данным антикультурным ее разгромом, и восставших против Царя и Отечества.

Немедленное исключение строптивых студентов из университета и увольнение изменников-профессоров от службы Самодержавному Правительству, против которого они восстали, с лишением их содержания, чинов и пенсий, — сразу прекратит все забастовки и вовсе не потребует столько жертв, как это можно думать на первый взгляд: громадная масса профессоров и студентов, освобожденная от террора, под которым их теперь держит ничтожная кучка крамольников, сразу опомнится и с радостью примкнет к тем здоровым элементам высших учебных заведений, которые стоят за порядок, за науку, за учение.

3) Крамола в общественных учреждениях как в столицах, так и в провинции сводится к известной кучке крикунов и ораторов и к не менее известной части публики, поддерживающей крамольных краснобаев своими шумными одобрениями. С этим видом крамолы справится каждый губернатор, если только получит твердые и ясные указания Правительства, и если он будет уверен, что его строгие законные меры всегда будут поддержаны тем же Правительством.

4) Что же касается крамолы, нашедшей себе путь в среду рабочих, то изъять ее из этой среды, конечно, труднее, но задача эта вполне исполнима для Правительства, если оно примет серьезные, разумные и энергичные меры.

Для рабочих забастовка не есть дело мальчишеской демонстрации как для профессоров и студентов; рабочие мечтают не об уничтожении Самодержавной Власти, а об улучшении своей профессиональной жизни. А потому Правительство, заботящееся об этом улучшении и ограждающее рабочих от внешних подстрекательств со стороны крамольной печати и бессовестных агитаторов вроде Гапона, всегда может рассчитывать, что русские рабочие во всей своей массе будут всецело стоять на стороне Самодержавия, а не на стороне крамолы.

Таков долг Правительства ввиду настоящей смуты: он весь сводится к одной ясно определенной цели: к *немедленно-*

му, *безусловному* прекращению крамольной пропаганды, стремящейся к уничтожению Самодержавия Русского Царя.

Немедленным это прекращение должно быть ввиду быстрой заразительности этой пропаганды, а *безусловным* оно должно быть по той причине, что Самодержавие и революция ни в какие компромиссы между собой вступать не могут.

Как только Правительство ясно заявит о своем твердом намерении прекратить крамолу и решительно приступит к исполнению этого намерения, вся благоразумная масса русского народа, ныне приведенная в уныние вследствие отсутствия Власти, воспрянет духом; все колеблющиеся и уже перешедшие было в ряды врагов с радостью вернутся на правый путь, а враги эти окажутся в столь ничтожном количестве, что ясно распознать и уничтожить их будет уже легко.

Таков, по нашему искреннему и глубокому убеждению, единственно возможный выход из современного хаоса. Всякие иные пути могут только усилить этот хаос и привести Россию к полному крушению.

Спасти Россию можно, только сохранив в неприкосновенности Царское Самодержавие. Ему теперь грозит начавшаяся крамола: с ней нужно быстро и решительно покончить, чтобы затем приступить, среди новой эры законного порядка, к творческой деятельности Правительства на благо всему Русскому народу, искренно преданному своему Самодержавному Царю.

Предстоящие страсти России

Речь, сказанная 15 марта 1906 года в районном
Собрании Мещанской и Сретенской частей

«Дети, недолго уже Мне быть с вами... Заповедь новую даю вам, да любите друг друга».

Вот слова Господни, которые мы слышали часто, слышали и сегодня, и которые именно теперь наводят нас на серьезные, тяжелые размышления.

Спаситель говорит эти слова Своим ученикам, предчувствуя, что наступает время страстей Его, тех несказанных мук

душевных и телесных, которые суждено было Ему принять на Себя ради спасения человечества; Он говорит эти слова, предвидя, что Он скроется от взоров верующих в Него, до того времени, когда Он воскреснет в полной славе Своей.

И России нашей, вековой Руси Святой, недолго уже быть с нами: вот со Страстной Недели наступит и для нее время страстей, время ожесточенной, сперва выборной, а затем законодательной, борьбы, борьбы партийной, междоусобной, время несказанных мук и волнений: и исчезнет от наших взоров ясный, лучезарный облик той России, с которой все мы свыклись, который всем нам дорог; останемся мы одни среди новых, неведомых нам тяжелых, нерусских, условий жизни, с вечной томящей тоской по исчезнувшей нашей Матери, но с твердой надеждой на ее предстоящее светлое воскресение.

Что же заповедал Спаситель Своим ученикам на то время, когда Он уже с ними не будет? Он велел им «любить друг друга».

То же самое заповедает и нам идущая на страсти свои Россия: любить друг друга, стоять крепко друг за друга и, если нужно, «положить душу свою за друзей своих». И так на все время, пока не будет России.

Дружно, любовно мы должны беречь ее память, с непоколебимой верностью хранить ее заветы и проповедовать заключающиеся в них истины среди наших современников, среди наших детей, дабы истины эти хранились и нашими потомками до второго пришествия Руси Святой.

Вы спросите: на какие же «страсти» идет Россия и куда она «исчезнет»? Разве ей не предстоит «обновление», а следовательно, счастье и радость? Разве она не будет существовать все такой же, какой она существовала до сих пор?

Нет, ответим мы, еще несколько дней, и старая Россия исчезнет. Да и как же ей можно оставаться такой же, какой она была, если ее подвергнут «обновлению»? А кто может поручиться за то, что всякое обновление ведет к счастью и радости? Ведь нужно прежде всего еще знать, в чем будет за-

ключаться это обновление и послужит ли оно на пользу или во вред России?

Ведь и земная жизнь Спасителя «обновилась», когда Он торжественно вошел в Иерусалим. А чем кончилось это «обновление»? Страданиями, пытками, распятием, смертью...

Так и Россия встречается ныне, вступая на новый путь, криками «Осанна!» со стороны той легковерной, близорукой толпы, которая обратится *против* нее, когда книжники и фарисеи предадут ее суду, иуды-изменники с лицемерной улыбкой выдадут ее злейшим врагам ее, которые подвергнут ее и заущению, и оплеванию, и, разделив ее ризы, распнут ее на глазах всего мира.

И мы, — это теперь уже видно, — будем бессильны отворотить от России этот позор, избавить ее от того страстного, крестного пути, на который она вступит с момента выборов в Государственную Думу.

Мы молим Господа, да минует эта чаша нашу Родину. Но, видно, в Его премудром совете написано иное.

Если бы чаша, о которой молился Спаситель на горе Елеонской, была пронесена мимо Его, если бы Он Своим крестным страданием не запечатлел истины Своего учения, то и учение Его не осветило бы так ярко находившихся во мраке язычников и иудеев, и истина христианская не проявилась бы так быстро во всей славе своей. Вот почему Иисус прибавил к Своей молитве о чаше слова безусловной покорности пред Отцом своим Небесным: «Не Моя воля, но Твоя да будет».

Так и мы должны покориться Воле Божией.

Пусть Россия, если такова Его Воля, выпьет до дна ту чашу, которая ныне ей предносится, пусть она испытает все страдания, неминуемо связанные с предстоящим ей «обновлением», но пусть она окончательно познает всю *суть* этого обновления, которое с виду кажется столь блестящим, а на самом деле исполнено величайших, смертельных для России, опасностей. Пусть познает она ту «свободу», которую ей готовят торжествующие ныне враги ее, и она увидит, что эта свобода для всех истинных сынов ее будет крестная мука. Пусть она

вкусит все отвратительные плоды парламентаризма со всей его ложью, подкупами и шарлатанством, чтобы, стряхнув с себя это грязное, истасканное рубище, снова воскреснуть в лучезарной славе Православного Самодержавия.

Если бы чаша сия миновала Россию, если бы мы, как Фома неверный, не получили возможности вложить персты свои в зияющие раны, нанесенные России теперешним «освободительным обновлением», — среди нас все еще нашлась бы куча невежественных, близоруких людей, которые мечтали бы о прелестях «выборной системы», о целебных свойствах «конституции» и об идеальной чистоте «парламентаризма».

Теперь они на деле убедятся в гибельной пустоте своих иллюзий.

Для них даром прошел весь XIX век, — «век парламентаризма», в котором это уродливейшее учреждение было искусственно взлелеяно в континентальной Европе, пышно расцвело после 1848 года и позорно провалилось на пороге XX века, выродившись в Панамские скандалы¹, кулачные схватки и безобразные обструкции. Но все это наших благодушных россиян ничему не научило. Они с такой же наивностью верят в детские бредни Жан-Жака Руссо², как в них верили французы конца XVIII века, накануне ужасов революции. Но те верили в эти бредни, в эти теории «большинства и меньшинства», по которым *сто* дураков умнее *одного* мудреца, до применения этих теорий на практике, а потому они заслуживают снисхождения. Но какого же снисхождения заслуживают наши русские современники, которые с изумительной слепотой верят в эти сумасбродные теории и искренно думают, что если они будут эти бредни применять к России, то она «обновится» на свою пользу, а не на свою гибель?

Это те именно люди, о которых Спаситель сказал, что они имеют глаза и не видят, имеют уши и не слышат. Они лишь тогда почувствуют свою ошибку, когда предстоящее всеобщее «обновление» отразится на их личных интересах, когда предстоящие страсти России заставят и их переносить несказанные

страдания. Пусть же тогда они очнутся из окутывающего их мрака и соединят свои усилия для восстановления России, для ее воскресения!

Но, может быть, ошибаются не они в своем наивном неведении, а ошибаемся мы, не забывавшие уроков прошлого России и Европы и ясно понимающие их настоящее положение? Может быть, парламентаризм не погубит, а спасет Россию?

Как спорить о будущем, которое ведомо единому Богу? Подождем, — увидим!

Но одно уже несомненно. Той России, которая жила столько веков тесным духовным единением Царя с Народом, *этой* России остается жить не много дней! Как только в Петербург явятся «представители» народа и будут там признаны таковыми, — это духовное единение, которым только и существовала Россия, сразу исчезнет, а с ним вместе исчезнет и старая Святая Русь. Явится *новая*, совершенно иная Россия, в которой не только будет Царь *противопоставлен* Народу, но Царь и Народ, сверх того, будут разобщены *представителем* Царя, премьер-министром, и *представителями* Народа, Государственной Думой. Вместо *духовного единения* Царя с Народом явится, — *чего никогда на Руси не бывало*, — *мнимое соперничество, разлад, вражда* между Царем и Народом, и это будет продолжаться до тех пор, пока Царь и Народ, отбросив разделяющие их средостения, снова сольются в одно душевное единение.

Вот тогда прекратятся страсти России, и тогда мы будем праздновать светлое воскресение ее.

А до тех пор мы будем твердо и верно хранить завет любви между собой, ни на мгновение не покидая мысли о дорогой нам Родине! На наших глазах ее распнут, погребут, наложат печать на ее могильный камень и приставят к нему кустодию.

А она, тем не менее, воскреснет в положенный ей Богом срок.

В этом наша вера, в этом наша сила!

Новое революционное орудие

Итак, сегодня, 27 апреля, народилось на Руси совершенно чуждое ей учреждение — Государственная Дума¹.

Нас отовсюду спрашивают, как мы, монархисты, относимся к этому учреждению. Вот наш ответ.

Дума, как *учреждение*, явилась по Воле Государя, а мы, монархисты, не можем не подчиняться этой Воле. Мы поэтому молча ей подчиняемся.

Но теперешняя Дума, по своему *личному составу*, явилась на свет *против* Воли Государя, ибо он пригласил народ свой прислать ему *лучших, достойнейших* людей, а выборами овладели, путем обмана и насилия, *враги Царя и России*, и прислали Царю большинство людей *худших*, с намерением лишить Царя его Самодержавной Власти. Пред такими людьми мы преклониться не можем, а будем, по мере всех своих сил, с ними бороться.

Этими словами мы совершенно ясно и точно даем ответ на поставленные нам вопросы. Такой же ответ мы всегда давали и прежде, когда нам приписывали «неповиновение Царской Власти». Самодержавную Царскую Власть мы всегда чтим и ей повинемся. Но когда мы видим, что крамола старается заменить Царскую Власть народовластием, а Царскую Волю — своим собственным своеволием, то мы восстаем против этого преступления и утверждаем, что настоящая Дума есть Дума самозванная, так как ни Царь, ни Народ не могут признать ее выразительницей их желаний, чувств и стремлений.

Настоящая Государственная Дума является в руках крамолы могущественным чисто революционным орудием. Чтобы убедиться в этом, достаточно прочесть отчет о происходившем в Петербурге делегатском Съезде кадетской партии «народной свободы», к которой принадлежит большинство думских депутатов.

Член Думы г. Квасков из Смоленска говорил на этом собрании, что партия «народной свободы» является «выразитель-

ницей народного гнева, которым объята вся Россия». Народ-де теперь уже *никакому* правительству не верит, будь то правительство Витте—Дурново или правительство Горемыкина—Стишинского². «В ответ на тронную речь нужно поднять вопрос о займе».

Комитет партии из Смоленска шлет Съезду «пожелания успеха в борьбе за свободу и *землю* и перед лицом всей России обещает поддерживать решение Думы всеми силами».

Туляков от Московской губернии говорит, что Государственный Совет есть «средостение» между Монархом и народом и недопустим как «явное нарушение прав народа, завоеванных им 17 октября».

Генко из Пензы заявляет: «Крестьяне будут нас поддерживать, пока наша партия будет двигать аграрный вопрос». Боевое настроение сказалось-де на выборах. Не раз крестьяне говорили выбранным депутатам: «Иди, умри там со славою, иначе умрешь здесь со стыдом».

Жданов из Москвы *требует* амнистии не только для всех политических преступников, но также и для погромщиков помещичьих усадеб и понесших кару *против военной дисциплины*.

Представитель Ярославля рекомендует будущей Думе *требовать* «смены безответственного министерства, немедленного признания «прав человека и гражданина» и основных положений конституционной и парламентской монархии». В случае неудовлетворения этих требований Дума должна обратиться «ко всей стране с манифестом о сущности возникшего конфликта».

А вот как член от Пскова г. Садовень понимает главную задачу кадетской партии: «Она заключается в расчистке пути для народа. Когда это будет выполнено, придется сложить с себя полномочия и передать их народу»...

Такова генеральная репетиция политической трагедии, которая будет разыграна в Государственной Думе. Совершенно очевидно, что это учреждение уже захвачено революционной партией, и что истинные цели нынешнего состава Думы заключаются совсем не в содействии Монарху в деле управления, а в противодействии ему и в продолжении революции.

Только стремлением к борьбе во что бы то ни стало, к полному захвату власти, можно объяснить себе тот горячечный бред, который высказывается в качестве политических стремлений, пожеланий и требований.

За исключением разве некоторых крестьянских делегатов, в подавляющем большинстве случаев в Государственную Думу прошло отребье провинциальной так называемой «интеллигенции» — какие-то земские врачи, бухгалтеры, политические ссыльные, учителя и т. д. Многие депутаты приехали в Думу прямо из тюрем, где они содержались за свою революционную деятельность. Даже сколько-нибудь известные земские деятели составляют редчайшее исключение. Целый ряд губернских представлен никому неведомыми крестьянами и двумя-тремя крикунами из революционеров.

И вот какой-нибудь земский врачиска, еще не переступив порога Думы, уже является выразителем «народного гнева, которым объята вся Россия». Охочий до чужого добра господин из Пензы грозит смертью тем, кто против ограбления землевладельцев. Робеспьер из Москвы требует, чтоб истребление должностных лиц и всех, кто не нравится революционерам, оставалось безнаказанным, чтобы крестьянам было предоставлено право грабить помещичьи усадьбы и захватывать их землю, и чтобы солдаты могли безвозбранно нарушать дисциплину и участвовать в вооруженных восстаниях. Если все это не будет выполнено, то Государственная Дума, особым манифестом, призовет-де Русский народ взяться за оружие и провозгласить социально-демократическую республику. Такая программа партии, захватившей обманом и насилием большинство думских голосов и бросившей еще до открытия Думы свой дерзкий вызов Правительству!

Прибавьте к этому, что революционное движение решительно нигде не прекращается, а, несомненно, прогрессирует не только материально, но и психически.

О материальном прогрессе говорят регулярные бюллетени *«Правительственного вестника»*, сообщающие, сколько ограблено казначейств, банков, винных лавок, монастырей,

церквей, купеческих контор и т. д., сколько отнято оружия, сколько сделано взрывов и убито администраторов, офицеров и частных лиц, не сочувствующих революции...

Психически революция прогрессирует явно и очевидно: цена жизни упала так, как не падали государственные бумаги ни в одну революцию. К вооруженным восстаниям мы привыкли, не верим ни в правительство, ни во власть, начинаем сомневаться даже в последней опоре — в армии...

Огонь яркими струйками бежит по низам, но близится, кажется, момент, когда выкинет пламя и с вершины здания — с крыши. Дума, предъявляющая подобные требования, — это всероссийский съезд революционеров, и никакая созидательная работа Правительственной Власти с ней невозможна.

Да, теперешняя Государственная Дума по своему личному составу является могущественным революционным средством в руках крамолы. *Как* она будет пользоваться этим орудием против Царя и Русского Народа — мы не знаем, не будучи посвящены в тайны крамольной тактики. Но будет ли эта тактика тактикой змеиной, медленно подкрадывающейся к намеченной жертве, или тактикой кровожадного хищника, внезапно бросающегося из засады на свою жертву, — во всяком случае, это будет тактика великой подлости и гнусности.

Да хранит Господь Царя и Россию от адских замыслов таких врагов!

Наш «Талейран»

Открытое письмо графу Витте¹

Ваше Сиятельство!

Лавры Талейрана², очевидно, не дают Вам покоя.

Вам очень хотелось бы сравняться с этим тонким дипломатом, и Вы всячески добиваетесь, чтобы ввиду Вашей Портсмутской дипломатической «победы»³ Вы были бы назначены на какой-нибудь высокий дипломатический пост, на котором Вы могли бы «защищать» интересы России в интересах ее врагов.

Но, увы, с Талейраном у Вашего Сиятельства нет ничего общего, исключая только одной действительно характерной черты.

У Талейрана, как известно, не было никаких убеждений. Он поочередно служил и королю, и революции, и Наполеону, содействовал его падению, и затем снова служил королю. Он постоянно лгал, лгал и лгал, и прославился своим изречением, что «язык дан человеку для того, чтобы скрывать свои мысли».

Вот в этом отношении Ваше Сиятельство действительно не только сравнились с Талейраном, но даже превзошли его.

Вы тоже свободны от всяких убеждений, и так же, как и Талейран, находитесь в непримиримой вражде с правдой.

Вернувшись ныне, к негодованию всех русских людей, из-за границы в Россию, вы сделали попытку придать себе вид, будто Вы ровно ни в чем не виноваты, будто Вы ничего не имеете общего с тем ужасом и позором, который Вы навлекли на Россию.

С этой целью Вы написали в редакцию «Нового времени» письмо, в котором стараетесь доказать, будто Вы до 18 октября, когда Ваше Сиятельство были назначены премьер-министром, никакого участия в приготовлении революции не принимали!!

Это вопиющее искажение истины выражено Вами следующими словами:

«Организация Совета Рабочих и всех других союзов, равно как устройство ими всех забастовок и доведение рабочих масс до высшей революционной экзальтации — совершилась до 18 октября, когда я не стоял непосредственно у власти и, главным образом, — когда я находился в Америке».

Восстановим факты в их действительном, а не ложном освещении.

Ваше Сиятельство изволили выехать в Америку 8 июля и, заключив 16 августа столь позорный для России и столь радостный для внешних и внутренних ее врагов Портсмутский мир, Вы вернулись обратно в Петербург 15 сентября.

В эти два с лишком месяца в России не было ни революционных забастовок, ни какой-либо «экзальтации» рабочих.

Но как только Вы вернулись в Россию, тотчас же закипела вся работа в ее революционном подполье, и на этой работе Вы построили все свои властолюбивые планы.

Вы знали, что Вы могли достигнуть премьерства лишь путем поощрения революции, чтобы посредством ее воздействовать в желательном Вам смысле на Верховное Правительство. Вы знали также, что без «свободы печати» революция в России невозможна, что в *этой* «свободе» главный залог ее успеха. Но Вы знали также, что для этого успеха Правительство само должно подать руку крамоле в ниспровержении Основных Законов Государства.

Ввиду этого, Вы 4 октября открыто провозгласили свою революционную программу в заседании Комиссии графа Сольского⁴.

Вот что Вы тогда сказали:

«Нельзя отделяться обещанием свободы на время выборов в Государственную Думу, оставляя при этом в силе статьи Цензурного устава. Правительство должно заявить, что оно внесет в Думу законопроект о свободе печати, *а до того времени необходимо дать газетам полную свободу*, привлекая их к ответственности только в тех случаях, когда они входят в конфликт с уголовным законом. И во всех других областях необходимо положить конец произволу — этому главному несчастью нашему.

Наше несчастье заключается в том, что Правительство, чуждаясь откровенности, отнимает одной рукой то, что дает другой. Вот почему нет доверия к Правительству. Без поддержки же со стороны общественного мнения никакое Правительство не справится с революционным движением. *Репрессивные мероприятия отталкивают от Правительства те колеблющиеся элементы, в которых оно могло бы находить опору.*

Необходимо принять определенное решение еще до созыва Государственной Думы.

Свобода выборов без свободы печати и собраний есть нечто нелепое. Если Правительство этого не признает, то Дума не будет иметь никакого авторитета.

Не следует забывать, что с августа Основные Законы существуют лишь на бумаге. Государственная Дума пока остается только небольшою дырой, которую народные представители превратят в широко раскрытую дверь, как только соберутся».

Эта цинически наглая речь, напечатанная в газете столь близкого Вашему сердцу Проппера⁵ и Вами не опровергнутая, — эта речь, как Вы помните, послужила сигналом для открытого поднятия революционного знамени.

Тотчас же вслед за ней начались крамольные железнодорожные забастовки; из них выросла «всеобщая забастовка», которая дошла до своего апогея 14 октября, а 15 октября стала уже падать и идти, к общей радости всего Русского народа, на полное прекращение.

Вот тогда-то Ваше Сиятельство, чувствуя, что от Вас ускользает премьерство, осмелились сочинить, вопреки истине, террористический доклад о состоянии России, и вырвали себе тот диктаторский пост, на который Вы вступили 18 октября. И тогда Вы тотчас же открыли настежь все двери для торжествующей революции, которая залила кровью всю Россию, погубила стольких русских людей и надолго отравила нашу молодежь — будущность России.

Ввиду всего вышеизложенного, я советовал бы Вашему Сиятельству, если Вы желаете оставаться в России, — наложить на себя обет молчания, ибо каждое Ваше слово есть ложь, и каждая Ваша ложь будет изобличаться и опровергаться.

К тому же Вы принадлежите к тому сорту государственных людей, которые все свои ошибки сваливают на своих Государей, вместо того, чтобы их защищать своей грудью, беря за все ответственность лично на себя.

Эта черта лукавого царского слуги-предателя глубоко ненавистна Русскому народу, а потому я полагаю, что Вашему Сиятельству лучше всего уехать снова — *вон из России*.

В противном случае *вся Россия обратится к Вам с этим единодушным требованием.*

Открытое письмо Правительству

Обращаясь с настоящим Открытым письмом к Русско-му Императорскому Правительству, я действую не от имени какой-либо группы населения или какой-либо политической партии, а лично от себя, по долгу своей совести и по долгу присяги, данной мной Государю моему Императору. Но, зная взгляды и настроение Русского народа и русского образованного общества, я не сомневаюсь, что к настоящему моему Открытому письму присоединятся все русские люди, которым дорога судьба нашей несчастной Родины.

Я считаю своим нравственным долгом предостеречь Правительство от издающейся в Петербурге газеты «Россия»¹, которая, выдавая себя за орган, стоящий близко к Правительству, на самом деле своей бестактностью и легкомыслием подрывает то доверие и то уважение, которыми Императорское Правительство должно пользоваться в глазах Русского народа.

Так, в № 294 этой газеты от 12 ноября 1906 года появилась передовая статья, приписывающая Правительству совершенно невероятные взгляды на решение еврейского вопроса, — взгляды, которые могут быть свойственны лишь злейшим врагам Правительства и России.

Я считаю достаточным указать лишь на самые возмутительные ее части. Вот они:

1) Газета сознается, что она *«не располагает данными утверждать, в каких именно размерах и какие мероприятия предложены Правительством к осуществлению» по еврейскому вопросу*, и, несмотря на эту явную неосведомленность, «Россия» берет на себя смелость *приписывать Правительству намерения, которых, очевидно, Русское Императорское Правительство иметь не может, не переставая быть Русским Правительством.*

2) «Россия» говорит: *«Некоторые общественные группы проявили несомненное стремление повлиять на Правительство и как бы оказать на него известное давление в смысле неблагоприятном для евреев».*

Да, это совершенно верно. Но разве русская печать и русские политические организации могли высказываться в *благоприятном* для евреев смысле, не нарушая долга своей совести, не извращая истины, известной всему свету и прежде всего самому Правительству? Ведь никто же не может отрицать, ввиду очевидных ныне доказательств, что вся наша крамола поднята евреями и организована на еврейские деньги! Неужели же русские люди, испытавшие столько жертв, столько нравственных и материальных ударов, благодаря евреям должны были обращаться к Правительству с «благоприятными» для евреев отзывами? Да само Правительство пристыдило бы их в такой бессовестной лжи. А «Россия» делает вид, будто Правительство желало слышать от русских людей такие же похвалы, которыми на Правительство оказывали давление еврейские и еврействующие органы общества и печати.

Может ли Русское Императорское Правительство равнодушно относиться к такой очевидной, чисто еврейской клевете, которую на него возводит газета «Россия»?

3) Затем следует еще более возмутительная клевета: «Могло ли Правительство, спрашивает «Россия», не признать неотложным еврейский вопрос? Естественно ли то *приподнятое, нервное, скажем, даже явно озлобленное, настроение*, которое, несомненно, охватило эту пятимиллионную группу населения? Правительство не только не могло, но и не должно было пройти мимо такого явления, не обратив на него самого серьезного внимания... Если оно пришло к убеждению, что часть подданных Государства справедливо (!) жалуется на свое положение и что *эта часть подданных видит для себя выход только в насилии*, оно обязано принять меры, которыми, в соответствии со всеми условиями момента, создавался бы и этот выход».

Этими словами газета «Россия» заставляет Правительство выдать всей адской крамоле, растерзавшей нашу Родину и истерзавшей сердце нашего Царя, аттестат благонадежности и законной справедливости! Ведь если бы «Россия» говорила правду, то Правительство признало бы в этой крамоле не вопиющее преступление, заслуживающее строжайшей кары, как на нее действительно смотрят и Царь, и Русский народ, а естественный «выход» из того положения, в котором у нас находятся евреи. Это опять чисто еврейская точка зрения, которая вполне свойственна названной газете, но которую она не имеет права навязывать Русскому Императорскому Правительству! Ведь если бы Правительство смотрело на крамолу не как на преступное, бесчеловечное явление, а как на явление естественное и даже справедливое, если б оно адский фанатизм еврейских крамольников считало, как его считает названная газета, лишь «приподнятым, нервным, явно озлобленным настроением», то к чему же тогда были карательные экспедиции, военные и полевые суды? Если евреи подняли восстание, требуя себе равноправия для распространения своей хищнической деятельности по всей России, и если бы, по словам «России», Правительство считало это требование «справедливым», то оно уже давно отдало бы всю нашу Родину на еврейское расхищение, дабы прекратить этим кровопролитную междоусобицу. Но именно потому, что Императорское Русское Правительство не может совершить такого предательства, которое ему приписывает названная газета, оно охраняет север, центр и восток России от губительного еврейского нашествия, а на еврейскую крамолу оно смотрит так, как весь Русский народ, а не как еврейские и еврействующие газеты.

4) Кого хочет успокоить «Россия» такими словами: *«Уничижение до Думы черты еврейской оседлости было бы актом легкомысленным и поспешным. Подобная мера, предпринятая без спроса народных представителей, была бы ничем не вызванной уступкой?»* Если эти слова должны обнадежить евреев, что через несколько месяцев Дума даст им полное равноправие, то какой же это удар для всей России. Но мы не

хотим верить этому! Газета «Россия» приписывает Правительству совершенно недостойную роль иезуита. Правительство очень хорошо знает, что при теперешнем избирательном законе вторая Дума будет так же мало походить на действительное русское народное представительство, как и первая еврействующая Дума.

И такой-то Думе, по словам «России», Правительство предоставит радикальное решение еврейского вопроса в желательном для евреев смысле, а потом будет лицемерно говорить: «Это не я отдало Россию на разграбление евреям, а сам Русский народ этого пожелал». Да ведь это будет вопиющая ложь! И на такую ложь вышеназванная газета считает способным Русское Императорское Правительство! Нет, это неправда! Правительство не может возвести на Русский народ такую клевету, пока еще, слава Богу, в Правительстве заседают люди Русские, а не евреи!

Если верить всем измышлениям «России», то оказалось бы, что Правительство собирается повторить измену графа Витте, спустив Русский флаг перед еврейской крамолой!

Ведь в таком случае отсрочка капитуляции перед еврейской крамолой «до Думы» была бы пустой формальностью, а эта капитуляция была бы позорнее, чем капитуляция Портсмутская: там мы уступили японцам, а здесь евреям.

Японцам мы отдали, к великому стыду нашему, пол-Сахалина, а евреям мы отдали бы всю Россию.

Если бы Правительство держалось того позорного образа мыслей, который ему приписывает «Россия», то оно произвело бы самое развращающее действие на все население России, ибо оно, исполнив все требования взбунтовавшихся евреев, поощрило бы к таким же бунтам и все остальные племена, населяющие Россию.

В редакции «Россия» стоят люди, близкие к графу Витте; поэтому неудивительно, что они хотят навязать теперешнему Правительству ту самую предательскую роль, которую занимал С.Ю. Витте в еврейском вопросе. Это он обещал евреям равноправие, это он побудил их добиваться этого равноправия

путем крамольных преступлений; за это именно и пал граф Витте, а газета «Россия» хочет нас уверить, будто теперешнее Правительство готово заплатить евреям по тем векселям, которые им выдал граф Витте.

Вот почему я обращаюсь к Правительству с просьбой опровергнуть клеветы, взводимые на него газетой «Россия». Она уверяет, что у нас против евреев говорят лишь люди, увлекаемые «политической страстью», а что люди серьезные должны восхвалять евреев. Это неправда.

За евреев говорят в России люди легкомысленные или продажные; против них говорят те, кто серьезно изучил историю еврейства и историю России.

Каким, например, легкомыслием, если не издевательством, звучат заключительные слова газеты «Россия» о том, что если расширить права евреев, они «найдут большой простор для приложения своей энергии и труда», как будто бы никому неизвестно, что еврейская энергия и труд будут направлены на истребление всего, чем жива Россия.

Как легкомысленно находящееся там же пророчество, что если евреи за свою крамолу будут награждены и поощрены Правительством, то они «не будут выделять из своей среды только бомбистов и грабителей». Где же гарантия этого пустозвонного обещания? В каком-либо договоре? Или в каких-либо исторических расовых чертах еврейства, вечно неблагодарного, вечно заносчивого, вечно хищно-коварного? Разве евреи нам страшны только своими «бомбистами и грабителями»? А еврейские ростовщики, биржевики, банкиры, адвокаты, вносящие всюду культ обмана, умственной и духовной безнравственности, развращающие всякую среду, к которой они приписываются? Разве все восточное и южное русское население нашей Родины стонет, изнемогает и тщетно взывает о помощи только против еврейских «бомбистов и грабителей», а не против тех железных экономических клещей, в которых его держит тамошнее еврейство?

И газета «Россия» хочет нас уверить, что Правительство намерено наградить евреев за их гнусную крамолу предостав-

лением им права — до Думы или после Думы, не все ли это равно? — права захватить в те же железные клещи и остальную Россию?

Нет, Правительство должно стоять выше этих клевет «России». Оно должно знать, что такая торжествующая победа еврейской крамолы легла бы на сознание Русского народа более тяжелым камнем, чем Цусимское поражение и Портсмутский мир.

Народ увидит в этом поражении победу еврейских капиталов, а потому Императорское Русское Правительство, обязанное всегда стоять выше всяких подозрений, несомненно поспешит отречься от тех неподобающих ему намерений, которые ему приписывает петербургская газета «Россия».

О легкомысленной статье газеты «Россия»

Та статья газеты «Россия», которую мы перепечатали в нашем издании (№ 277)¹, явилась в названной петербургской газете в виде передовой статьи, не нося на себе ни малейшего официозного или официального характера.

Это ясно уже было из того, что неизвестный автор этой статьи сам сознается, что он «не располагает данными утверждать, в каких именно размерах и какие мероприятия предположены правительством к осуществлению» по еврейскому вопросу.

Итак, ясно, что между автором этой статьи и Правительством нет ничего общего.

И тем не менее, извлечение из этой статьи было разослано по всей России Петербургским Телеграфным Агентством с пометкой: «официально»!!

С этой фальшивой пометкой телеграмма Агентства была напечатана и в нашей газете (№ 276).

Откуда явилась эта пометка?

И чья это чисто еврейская проделка, встревожившая всю Россию и набросившая на Правительство незаслуженную тень юдофильства?

Мы получаем со всех концов России тревожные запросы: «Неужели Правительство перешло на сторону крамольников-иудеев?»

И пока мы имели в руках только лживую телеграмму Петербургского Агентства, мы сами находились в крайнем смущении, так как мы все время стояли за правительство П.А.Столыпина² и не могли допустить мысли, чтоб оно могло решиться на такую вопиющую несправедливость, как на выдачу евреям премии за поднятую ими крамолу и за павших жертвами этой крамолы русских людей.

У нас камень свалился с сердца, когда мы получили подлинный номер «России» и с радостью убедились, что ее легкомысленная статья не имеет ни официального, ни официозного характера, а просто является личным взглядом ее юдофильствующего автора.

Мы поэтому уверены, что Правительство расследует дело о самовольной телеграфной отметке *«официально»* и привлечет виновного к должной ответственности.

Ведь нельзя же допустить, чтобы неизвестный автор помещенной в еврействующей газете статьи приписывал Правительству такую, например, несообразность:

«Нам ясно, что до опроса представителей народа Правительство может отменить полицейские стеснения, существующие в пределах черты оседлости».

В чем же заключаются эти полицейские меры? В том, что евреям разрешается жить в городах, а не в сельских местностях, которые, таким образом, предохраняются от их разрушительного влияния.

Мы знаем, что нам ответит автор легкомысленной статьи «России».

«Да разве вы не знаете, скажет он, что евреи давно уже обошли этот закон и преспокойно живут и в городах, и в селах, точно так же, как они свободно живут в Киеве, хотя город Киев не находится в черте еврейской оседлости».

Да, такой ответ нам может дать тот или другой сотрудник еврействующей «России».

Но такого странного взгляда не может держаться Правительство, которое отлично понимает, что если следовать этой чисто еврейской логике, то придется рассуждать так: «Если издан закон, а евреи его нарушают, то этот закон должен быть отменен».

Какой же серьезный государственный человек согласится подписаться под такой нелепостью?

А между тем газета «Россия» приписывает эту нелепость Правительству!

А как, например, согласовать предполагаемое будто бы Правительством дарование евреям полного равноправия («после Думы») со следующими словами легкомысленной статьи «России»:

«Нам ясно, что эти меры, с одной стороны, отнюдь не должны являться уступками революционной наглости, как, с другой стороны, никоим образом они не должны влечь за собой какой бы то ни было ущерб русскому населению и русскому народу».

В самом деле, посудите сами: евреи подняли наглый кровавый бунт, требуя себе равноправия, и вот Правительство *уступит* им в этом их требовании («после Думы»), но эта *уступка* Правительства почему-то «отнюдь не должна являться уступкой еврейской революционной наглости».

Но как же это сделать, когда это противно здравому смыслу?

К вам в дом входит хулиган-экспроприатор, кричит «руки вверх» и забирает себе ваши деньги, а вы из трусости, уступая ему во всем, говорите ему: «Берите, но моя уступка отнюдь не должна являться уступкой вашей революционной наглости».

И это смешное, глупое положение газета «Россия» хочет навязать Русскому Императорскому Правительству!

С другой стороны, Правительство знает, что равноправие евреев приведет Россию к гибели.

Так может ли оно, как уверяет газета «Россия», давая евреям это равноправие («после Думы»), уверять, что эта мера

«никоим образом не должна влечь за собой какой бы то ни было ущерб русскому населению и русскому народу?»

Ведь это было бы рассуждение какого-нибудь ребенка, а не серьезного государственного правительства.

Разве можно заразить организм человека чумой так, чтоб это «никоим образом не влекло за собой какой бы то ни было для него ущерб»?

Ну не правы ли мы были, указывая на то, что легкомысленная статья газеты «Россия» наносит ущерб авторитету русского Правительства?

Долг Правительства

Наделавшая столько шуму противоправительственная статья газеты «Россия» вызвала крайнее смущение в русском народе, в сознании которого Русское Императорское Правительство представляется в совершенно ином виде, нежели в легкомысленном воображении сотрудников «России», а именно в величавом виде сонма умудренных опытом серьезных государственных людей.

Правительство, стоящее на высоте своей задачи, никогда не забывает, среди текущих забот и занятий, о своем высоком нравственном долге перед Царем и о своей ответственности перед Родиной и перед историей.

Долг Русского правительства — идти с высоко поднятым Русским государственным стягом, открыто, без обиняков, провозглашая исповедание своей политической веры и ясно ставя незыблемые грани между теми явлениями государственной жизни, которые оно считает **полезными** для Государства, и теми, которые, по его убеждению, приносят ему **вред**. Безразличное отношение к этим явлениям можно простить единичному, частному, малодушному человеку; для Императорского же Правительства такое малодушное различие является преступлением перед Родиной, которая вправе требовать от Правительства ясной, разумной программы и твердой энергии в ее исполнении. «Слабость Правительства есть величайшее не-

счастье для народа», говорил Наполеон I, и безусловная справедливость этих слов подтверждается опытом всей мировой истории.

Отмена черты еврейской оседлости является столь же критическим моментом в жизни России, как великие по своим последствиям акты 19 февраля 1861 года и 17 октября 1905 года.

Может ли Правительство относиться безразлично и равнодушно к тому, каким образом будет решен капитальный вопрос о передаче всей России на хищническую эксплуатацию евреев? Конечно, нет.

Тут могут быть только два взгляда: Правительство считает эту меру либо **полезной**, либо **вредной**. Средины быть не может.

Если Правительство считает **полезным** для Государства уничтожение черты еврейской оседлости, оно обязано во что бы то ни стало осуществить эту меру через Думу, видя в этой мере спасение России.

Если же Правительство считает противным своему долгу обрекать Россию на еврейское порабощение, если оно считает уничтожение черты еврейской оседлости **вредным** для Государства, то оно должно бороться законным путем не против одной, а против двадцати Дум, если б они захотели принять столь гибельную для России меру. Это ясно, как Божий день, и так именно Русский народ понимает долг Правительства перед Царем и Народом.

А потому Русский народ никогда не поймет, чтобы Правительство могло, по словам «России», относиться с таким холодным бюрократическим равнодушием к столь важному вопросу: уничтожит ли вторая Дума черту еврейской оседлости или нет?

Правительство, как нас хочет уверить газета «Россия», лишь потому считает уничтожение черты еврейской оседлости «актом легкомысленным», что подобная мера еще не одобрена Думой; следовательно, этот акт сразу сделался бы разумным, как только опрошенная Дума выразила бы сочувствие этой легкомысленной мере!

Ведь если б это было так, то Дума обладала бы небывалой магической силой. Но какое же это было бы правительство, которое не имело бы никакого собственного умственного и нравственного мерила и верило бы в чудодейственную силу Думы!

По этой логике, если Дума объявит черное белым, то и Правительство обязано повторить за Думой ту же нелепость. Разве приговор Думы может изменить расовые особенности еврейства и сделать их из хищных вампиров ангелами-хранителями человечества? Ведь до Думы и после Думы еврей останется евреем, и взгляд серьезного правительства на него измениться не может.

Разве это достойно Русского Императорского Правительства прятаться за спину Думы и, подобно Пилату, умывать свои руки, оправдываясь тем, что это-де «не я, а Дума отдала Русский народ евреям на пропятие»?

А в такой именно позорной роли газета «Россия» хочет выставить Правительство. И не прав ли я, называя эту газету противоправительственной?

Наконец, если даже Правительство считало своим долгом в таком первостепенном государственном вопросе считаться не со своей совестью, а с «опросом народных представителей», то разве не ясно для каждого человека, одаренного здравым смыслом, что в данном случае Правительство имеет право обращаться с опросом к представителям **одного лишь народа Русского, Православного**, в форме ли личного всенародного плебисцита, либо в форме Русского Православного Земского Собора? Ведь лишь Русский Православный Народ с Русским Православным Царем является хозяином России, и от них лишь может зависеть решение вопроса, надевать ли на себя еврейское ярмо или нет, а не от того разноплеменного собрания, каким является Государственная Дума, в которой голос Православного Русского Народа теряется в хаосе голосов ненавидящих его армян, поляков и тех же евреев со своей сворой подкупленных ими еврействующих русских ренегатов.

Долг Русского Императорского Правительства — относиться с глубоким уважением к историческим правам Русского народа, если оно желает, чтобы и Русский народ относился к нему с таким же уважением.

Этот свой долг несомненно помнит Русское правительство, но его совершенно забыла газета «Россия».

Эта газета, столь усердно ратующая за евреев, желала бы выставить теперешнее Правительство в том именно виде легкомысленного раздавателя обещаний, каким отличался кабинет графа Витте. Газета «Россия» хочет нас уверить, что само Правительство уже постановило предоставить Думе решение еврейского вопроса, игнорируя Верховную Власть Государя Императора, который, может быть, в своем отеческом попечении о благе Русского народа и не согласится на эту меру. А между тем, такое легкомысленное обещание, если ему не суждено будет осуществиться, еще больше усилит вековую ненависть евреев к Русскому народу и его Государю.

Кто же может поверить «России», что на такую чреватую грозными последствиями «ошибку», которая была бы совершенно в духе графа Витте, мог бы быть способен теперешний руководитель нашей государственной политики, помнящий, как велика ответственность Русского правительства перед Царем и Россией?

Виды евреев на Россию

Пред нами последний циркуляр «Центрального бюро Сионистской организации в России»¹, содержащий много любопытного материала и показывающий, что сионисты готовятся к решительной борьбе с Русским народом.

Из этого циркуляра узнаем, что, в целях осуществления в полном объеме гражданских, политических и национальных прав еврейского народа в России, «Союз для достижения полноправия еврейского народа в России» приступает к созыву *«Еврейского Национального Собрания»* на началах всеобщего, равного и тайного, без различия пола, избирательного

права, для установления, согласно воле всего еврейского населения, принципов *еврейского национального самоопределения* и выработки основ внутренней организации еврейской жизни.

Для выработки программы предстоящего «Еврейского Национального Собрания» созывается в ближайшем времени Съезд «Союза Еврейского полноправия». «Товарищи» приглашаются вступать членами в этот Союз, образовывать группы (группа состоит из 25 человек) и деятельно готовиться к будущему Съезду.

На «Совещании уполномоченных» была всеми присутствовавшими единогласно признана необходимость созыва «Всероссийского съезда сионистов». Время, место и численный состав Съезда еще не решены. Центральное бюро, однако, уже решило, что право посылки делегатов на Съезд будет предоставлено кружку, отославшему в «Финансовый(?) Центр» ко времени выборов на Съезде деньги «за 100 шекелей».

Очень много внимания уделило Совецание уполномоченных вопросу об организации *агитации устной и печатной*.

Центральное бюро и отдельные уполномоченные завалены просьбами командировать агитаторов и присылать печатный агитационный материал. Чтобы осуществить это дело в широких размерах, необходимы большие средства, для чего рекомендуется «товарищам» обратить серьезное внимание на эту сторону дела. Для этой цели рекомендуется, между прочим, устройство *платных* агитационных собраний.

Центральное бюро принимает все усилия, чтобы поставить агитационную пропаганду на должную высоту. Решено пригласить «разъездного контролера», который находился бы в распоряжении Центрального бюро и по поручению последнего объезжал бы крупные пункты для контроля деятельности кружков.

Одним из интересных пунктов циркуляра является тот, где говорится, что совещание уполномоченных решило ввести

самообложение в размере половины платимого квартирного налога и не менее 1% квартирной платы. Одна половина доходов самообложения идет в пользу «Национального Фонда», а другая в пользу «Агитационного Фонда». Бюро выражает уверенность, что «товарищи» одобряют этот «справедливый налог на пользу общего дела» и что никто не откажется от него. Самообложение должно дать значительный доход «Национальному фонду» и, вместе с тем, должно также в большей степени дать возможность урегулировать вопрос о правильной и прочной постановке агитации.

Итак, как видно из приведенных выдержек, евреи не складывают оружия, а, наоборот, усиленно готовятся к окончательному завоеванию России и к образованию в ней Еврейского Царства. Они твердо рассчитывают на деятельную поддержку графа Витте всем их предприятиям. «Он иначе не может, — говорят они, — он *обязан* нам помогать».

Деятельным членом Центрального бюро Сионистской организации в России является Ш.Х.Левин, состоящий *«ученым евреем при Виленском губернаторе»* (такая есть должность).

С другой стороны, о видах евреев на Россию мы получили интересное письмо из Вены, в котором обращают на себя особенное внимание следующие строки.

«Еврейская революционная организация затратила уже около 6 миллионов рублей на смуту в России.

Главная цель сионистов — *добиться посредством террора полной равноправности с русскими*.

На Государственную Думу они теперь уже мало возлагают надежд, ввиду того, что монархисты и националисты в России приобретают с каждым днем все большую силу и могут на выборах провести в Думу большинство депутатов, враждебных евреям. В таком случае Дума, пожалуй, не будет сочувствовать всем еврейским вождедениям.

Ввиду этого сионисты решили *во что бы то ни стало* затормозить созыв Думы усиленной революционной деятельностью, дабы путем террора вырвать у Правительства все те

льготы, уступки и права, которые им нужны для того, чтобы затем «мирным путем» овладеть всей Россией и высосать все ее жизненные соки.

Они, однако, обещают правительству графа Витте не прибегать к этому террору, если он им *добровольно* предоставит все, чего они требуют; тогда-де тотчас воцарятся во всей России мир, тишина и порядок.

Что же касается «освободительного движения русской интеллигенции», то евреи смеются над ним.

«Русская интеллигенция, — говорят они, — находится у нас на содержании. Пока мы ей платим деньги, она действует для нашей пользы, так как вся смута в России нужна прежде всего *нам*; коль скоро мы достигнем всего, что нам надо, мы ни копейки больше на эту смуту не дадим, так как нам тогда нужно будет употребить все силы, чтобы вернуть из самой же России все затраченные нами на русскую смуту миллионы. А это можно будет сделать только тогда, когда вся смута будет прекращена, и мы, под твердой охраной русского закона, покроем всю Россию своей торгово-промышленной, чиновничьей, школьной и судебной сетью. Тогда нам совершенно не нужны будут ни русская интеллигенция, ни русские террористы, ни русское «освободительное движение».

Мы пред носом русской интеллигенции запрем наши кассы, и они все сядут на мель. Правда, дарование нам равноправия вызовет негодование Русского народа, будут погромы, избиения евреев. Это будут наши неизбежные жертвы, наши мученики. Мы лишимся их, но мы зато приобретем свои права в России, которые *останутся у нас навсегда* и которые во стократ нас вознаградят за понесенные нами жертвы и убытки. А Россия нам *безусловно* нужна. Владея Россией, мы завладеем всем миром».

Такие речи ведутся в высших еврейских финансовых сферах, имеющих свою общую организацию в Париже, Риме, Берлине, Лондоне и Нью-Йорке. Во все эти планы посвящен и граф Витте.

Русский и еврейский элементы в нашей революции

Речь, произнесенная в III Беседе Русского
Монархического Собрания 1 ноября 1906 года

Переживаемая нами революция представляет собой явление весьма сложное, так как в ней участвует много различных элементов, которые нужно в точности исследовать, чтобы иметь ясное представление о причинах и развитии небывалой еще на Руси тяжелой междоусобной смуты.

Среди этих различных элементов не последнюю роль в возникновении и ходе этой смуты играют элементы расовые.

В самом деле, в числе боевых деятелей нашей революции мы встречаем русских, евреев, поляков, финляндцев, румын, грузин, армян и представителей других народностей, населяющих Россию и соединившихся ныне между собой на ее гибель.

Все эти различные племена имеют свои расовые особенности, которые все, несомненно, отражаются на том характере, который приняла наша крамола, и подробный анализ этих расовых отражений представил бы, несомненно, много интересного и поучительного.

Остановимся сегодня пока на том влиянии, которое оказали на возникновение и ход нашей революции расовые особенности евреев и русских.

Определим сперва, в чем заключается расовый характер этих двух народностей.

Киевский профессор И.А.Сикорский¹ в своем капитальном труде *Всеобщая психология* (Киев, 1904 г.) так определяет основной характер еврейской расы: семиты имеют «раздражительную и страстную душу». Они отличаются «выдающейся настойчивостью в труде и неутомимостью», а также «острым, но не глубоким умом». Что же касается нравственных качеств евреев, то профессор Сикорский определяет их следующим образом:

«Главный отпечаток, которым отличаются чувства еврейской расы, можно бы назвать «нравственным симплицизмом»

(нравственной упрощенностью). Чувство еврея часто является в упрощенной форме, в своей обособленности и без осложнения одних чувств другими; так, *стыд* принимает форму уничижения, *страх* является в виде *растерянности*, *печаль* — в виде *слез*, *самодовольство* — в виде *тщеславия*, *кичливости*, *надменности* и *заносчивости*, *самоуверенность* — в виде *самоуверенности* и т. п.

Сущность подобных оттенков и вариаций состоит в замене многих чувств или одним из сильнейших или одним из элементарнейших.

Поясним примером: человек, чувствующий себя униженным, презираемым, — каковыми часто чувствуют себя евреи, — может не поддаться полностью одному этому чувству, *если только будет хранить в себе чувство нравственного достоинства*; подобным образом, человек гордый не впадет в заносчивость и кичливость, если будет поддерживать в своей душе уважение к чужой личности, и т. д. Но если подобного осложнения нет, если эмотивный противовес не привычен для души, то всякий вообще субъект, независимо от его национальности, становится нравственным симплицистом: его натура вместо *тонкости* приобретает *вульгарность*.

С другой стороны, «основной чертой славян» профессор Сикорский признает «чуткую впечатлительность, нервную подвижность, живость характера, непостоянство и слабую волю», которая «гораздо менее энергична, чем у других народов, и в этом отношении славяне представляют противоположность германским и англо-саксонским расам; воля у славян выражается порывами, как будто для накопления ее требуется срок. Славянский гений не чужд ясного сознания этой особенности и поэтически изобразил ее в былинах об «Илье Муромце»».

Эти два столь различных расовых характера мы действительно и наблюдаем в нашей революции.

Вся ее *фанатическая раздражительная страстность*, *настойчивость*, *неутомимость*, *тщеславие*, *кичливость*, *надменность*, *заносчивость*, *самоуверенность* внесены в нее еврейской расой, так же как и вся ее низменная, материали-

стическая, грубая, животная подкладка и все ее хищнические, грабительские цели.

Зато все ее беспардонное легкомыслие, быстрое увлечение пустыми фразами и неосуществимыми бреднями, утопическими мыльными пузырями и невежественно-детскими мечтами, весь ее нервно-изменчивый характер, с быстрым подъемом духа и столь же быстрым падением, все это слепое преклонение перед заносчивой наглостью (иноплеменных) вожаков и стадное за ними безотчетное следование до первой их неудачи, — все это, к сожалению, является в нашей революции влиянием отрицательных сторон славянской расы.

И вот по инициативе евреев и по сигналу, данному графом Витте, начинается в России революция.

К *еврейским* крамольникам примыкают крамольники *русские*, но какая громадная разница в их целях!

Евреи видят в этой революции верное средство достижения чисто реальных, грубо материальных целей; они требуют себе равноправия для того, чтобы, как жадные паразиты, присосаться не к одной только части России, но ко всей необъятной территории Российской Империи, дабы высосать кровь из всего ее населения и все сокровища из ее подземных недр, — и к этой цели они стремятся со всей *неутомимой страстностью* своего расового характера.

У русских крамольников совершенно другие цели: не реальные, а нелепо идеальные, бессмысленно мечтательные и совершенно неосуществимые, то есть *социалистические*, всей вздорности которых они не видят, увлекаясь громкими, пустыми фразами социально-революционных листов о всевозможных «свободах», «гражданских правах и неприкосновенностях», о «равноправии», о возможности завтра же достигнуть «земного рая» и т. д.

Кто же соблазняет этих наивных, близоруких, легкомысленных, *впечатлительных* Русских людей? Да все те же евреи, сочиняющие социально-революционные прокламации и пускающие в них те мыльные пузыри для того, чтобы заманить в свои крамольные ряды русских невежественных меч-

тателей, обещая наиболее честолюбивым из них даже участие в верховной Власти, лишь бы осуществилась главная, единственная цель евреев — допущение их, в виде «равноправности», к повсеместному, беспрепятственному высасыванию России.

В этой «равноправности» вся суть, вся цель нашей революции. Но только под этой «равноправностью» еврейские и русские революционеры разумеют два совершенно различных понятия: евреи видят в «равноправии» реальное средство для удовлетворения своих хищнических инстинктов; русские пустоголовые фантазеры видят в «равноправии» идеал «бескорыстного человеколюбия», и если они, по указанному выше славянскому расовому стадно-подражательному свойству, заражаются фанатизмом евреев и даже смело идут на преступление, для того чтобы добыть евреям равноправие, то они это делают лишь потому, что желают играть эффектную роль «героев освободительного движения», не сознавая, что это движение имеет своей непосредственной целью порабощение Русского народа под тяжелое, невыносимое еврейское ярмо.

Указав на роль еврейской и Русской расы в *возникновении* нашей революции, рассмотрим теперь их влияние на ее *развитие и течение*.

Как это всегда бывает, евреи выпустили застрельщиками вперед своих Русских пустоголовых единомышленников, осторожно держа свои собственные силы в резерве, так как еще неизвестно было, не встретит ли революция сильного отпора со стороны Правительства: тогда пострадали бы одни Русские застрельщики, а еврейский главный штаб с припасенным им боевым материалом остался бы незамеченным, отложив революцию до более благоприятного для него времени.

Но опасения эти были напрасны: Правительство по насильственному устранении В.К. Плеве, бывшего единственным препятствием революционному движению, всецело перешло в предательские руки С.Ю. Витте (элемент еврейский) и его легкомысленного болтливового ставленника князя Святополк-Мирского (элемент русско-польский).

Оба они объявили свое полное «доверие» русской крамоле, и застрельщики ее — во главе с такими пустозвонными краснобаями, как Шипов, Петрункевич, Родичев, Муромцев, Гейден, Стахович², и прочими земскими смутьянами, — собрались в конце ноября 1904 года в Петербурге, и тут, задыхаясь и упиваясь своей вздорной болтовней, провозгласили в своих пресловутых «пунктах» низвержение Царского Самодержавия³.

Это был первый Русский пробный шар, пущенный еврейскими руками. Весь вопрос заключался в том, как на эту дерзкую фанфаронаду отзовутся всемогущий Витте и послушный ему Святополк.

Если бы они были верными слугами своего Самодержавного Царя, они сразу положили бы конец всей этой преступной шумихе.

Как же они поступили?

Они предали своего Царя крамоле.

В этом сказался еврейский и польский элемент в нашей революции.

Одержав такую легкую победу, русские застрельщики революции возликовали гласом великим, разбрелись по всем городам Российской Империи и стали беспрепятственно на всех перекрестках трубить о своих великих подвигах. Всюду начались пресловутые «банкеты», полилось широкой рекой легко-пенистое шампанское, а вместе с ним столь же легкопенистые тосты и речи, провозглашавшие низвержение Царского Самодержавия и замену его самодержавием крамолы.

Ни в чем так ярко не проявился русский элемент в нашей революции, как в этом пьяном самовосхвалении. Это именно тот чисто русский внезапный подъем духа, за которым так часто следует его упадок.

Русская революция дошла до своего апогея в этой шумной банкетной болтовне, после которой все это разлитое море вина и речей легко улеглось бы, — если б не евреи!

Евреи, конечно, не могли удовольствоваться хлопаньем шампанских пробок и словоизвержениями таких жалких вулканов, как Шипов, Родичев и Гейден.

У них уже были припасены взрывчатые орудия иной, реальной, силы, которые одни только могли им доставлять «равноправие», столь необходимое им для того, чтобы захватить в свои хищнические сети всю, без исключения, Россию.

Вот почему первый *русский* период революции, закончившийся банкетами, сменился вторым периодом чисто *еврейским*, достигшим своего апогея во «всеобщей забастовке» и «вооруженном восстании», который и ныне еще пробавляется дерзкими случаями грабежа, насилия и убийства.

От *русского* пустозвонного пьяного слова Россия перешла к адски рассчитанному гнусному *еврейскому делу*.

Полились по всей России потоки еврейского золота, а вслед за ним потоки русской крови.

Наступили выборы в Государственную Думу, для которых граф Витте выработал специальный предательский закон, который обеспечил бы проход в Думу евреям и ожидавшимся на еврейских миллионах русским изменникам.

Правда, среди одержавших выборную победу «кадетов» были и наивные Русские люди, соблазненные, по русскому обычаю, громкими пустыми фразами о народной свободе, под которой на самом деле кроется одна лишь еврейская свобода на повсеместное и безнаказанное высасывание России; но и эти добродушные русские бараны, попав в Думу, обратились в Панургово стадо, слепо метавшееся туда, куда его вели Винаверы и Герценштейны⁴.

А Винаверы и Герценштейны вели всю Думу к полному разрыву с Царем и к превращению России в еврейскую республику, в которой евреи-капиталисты были бы хозяевами, а Русские — рабочим скотом. В этой *заносчивой самоуверенности* сказалась вся та основная еврейская расовая черта, которую, как мы видели, так метко определил профессор Сикорский.

Еврей либо пресмыкается перед Русским, пока он его боится, либо нахально задирает над ним свой нос, коль скоро чувствует за собой силу.

Во время октябрьской революции по улицам Русских городов разъезжали евреи, нагло кричавшие Русским: «Я вам царь, я вам бог».

Это — чисто еврейская черта. Мы смело утверждаем, что ни один русский революционер, какой бы смелостью он ни обладал, не способен на такую наглость.

Упоенные своим успехом, Винаверы, Якубсоны, Герценштейны, Френкели⁵ и другие еврейские политики превзошли в Думе всякую меру нахальства, а когда Дума была распущена, потащили за собой безмозглых «кадетов» в Выборг и заставили их подписать то глупейшее по своей чисто еврейской заносчивости «Воззвание», которое погубило «кадетов» в глазах всей России⁶.

«Евреи, — говорит профессор Сикорский, — обладают острым, но не глубоким умом», но они теряют и последнюю каплю этого остренького мелкого умишка, коль скоро успех туманит их мысли, и они переходят к кичливому самохвальству.

Вот почему они серьезно подумали, что по их «воззванию» Русский народ восстанет против Царя и откажет Ему и в рекрутах, и в деньгах.

Ну, а русские «кадеты» подписались под жидовским «воззванием» просто по русскому стадному чувству, в чем и признался сам старый баран Муромцев, заявивший, что он и до сих пор не может отдать себе отчета, как мог он подписать такую колоссальную глупость.

«Кадеты» в Выборге, как говорится, «дурака сваяли». Они все, как их хваленый вождь Муромцев, «задним умом крепки», что, как известно, является, по собственному нашему признанию, чисто русской чертой.

И вот «кадеты», осознав свою ошибку, покинутые евреями и лишившись их денег, перессорившись между собой, утратив всю свою блестящую позицию, жалко, позорно сели!

Но и евреям пришлось туго. Заграничные еврейские капиталисты отпускали им миллионы на русскую революцию с тем, чтобы она в течение года была закончена равноправием евреев, так чтобы уже на следующий год можно было бы

обратно высосать эти миллионы из захваченного в еврейские когти Русского народа.

Год прошел, а равноправия еще нет; поэтому заграничные капиталисты изверились в успехе русской революции и считают более для себя выгодным предложить свои миллионы не русской крамоле, а Русскому Правительству, говоря ему:

«Дайте нам равноправие евреев, и мы вам ручаемся, что у вас тотчас же прекратится революция, и откроется полная возможность заключать, где угодно и сколько угодно, стомиллионные займы. Ведь для нас совершенно все равно, будет ли у вас Самодержавная Монархия или республика; нам только одно нужно, — чтобы по всей России могли свободно жить и свободно работать евреи».

Русское Правительство до сих пор решительно отказывалось от этих льстивых сатанинских предложений, и весь вопрос теперь в том, сохранит ли Правительство до конца свое достоинство *Русского* Правительства, заботящегося о благе России, — или же оно пойдет на уступки евреям и предаст Россию на их истерзание?

А между тем русская революция продолжается. Русским она давно опротивела и надоела, но евреи, со свойственной их расе упорной настойчивостью, продолжают свою крамольную деятельность, а так как источник заграничных миллионов для них пресекался, они добывают себе деньги на бомбы и браунинги путем наглых, грабительских «экспроприаций».

Впрочем, их шансы сразу поднялись, как только в Россию приехал граф Витте, их ставленник и покровитель, — и все время, пока он будет находиться в пределах России, Россия снова будет находиться на краю гибели...

Подводя итоги нашему исследованию, мы смело утверждаем:

Русская революция по своему происхождению и по своим целям есть революция чисто еврейская. Русские революционеры сыграли в ней, согласно своему расовому характеру, лишь эпизодическую роль увлеченных пустыми фразами застрельщиков, а затем упоенных своей пустозвонной болтовней «банкетчиков».

Вся действительная, опасная, зловредная сила нашей революции принадлежит евреям, добивающимся «равноправия» из чисто хищнических побуждений и вербующих в свои ряды легкомысленных, невежественных Русских людей, соблазняя их несбыточными мечтами и осязательной реальностью еврейского золота.

Евреи и Правительство

Мы на днях говорили, что если Правительство, как это ему и подобает, *само* возьмет на себя расправу с евреями, то Русские люди никогда и пальцем еврея не тронут.

Само собой разумеется, что такой наш взгляд на разрешение еврейского вопроса не понравился ни еврейским, ни еврействующим газетам.

Так, например, они нам указывают на то, что в русской революции участвуют не одни только евреи, но и русские.

Участвуют, да, но *только* участвуют. *Руководят* же русской революцией *только* евреи.

Расправьтесь с руководителями — и участников не будет.

С другой стороны, само слово «расправа» ужасно режет еврейское ухо, так как евреям при этом слове мерещатся сотни тысяч виселиц.

Мы же под «расправой» подразумеваем нечто совершенно иное, вполне мирное, и виселицы допускаем для евреев лишь в экстренных случаях: для законной кары явно революционных преступлений.

Решение еврейского вопроса не представляет никакого затруднения, если мы освободим евреев от военной службы, или, вернее, если мы избавим военную службу от евреев, этого явно негодного, подло-трусливого, изменнического элемента, который Императорской Российской армией терпим быть не может.

Эта мысль — не новая, и ее высказывают и Русские люди, и сами евреи, предлагая даже заменить воинскую повинность для евреев повинностью денежной.

Другие предлагают объявить евреев в России «иностранными подданными» и на этом основании освободить Русскую армию от еврейской скверны.

Ни то, ни другое предложение не выдерживает критики.

Иностранными подданными в России могут быть только подданные определенного иностранного государства. Евреи же своего государства не имеют, и ни одно государство признать их своими подданными не захочет и за них ручаться не пожелает. Отсюда ясно, что они иностранными подданными считаться не могут.

Этот вопрос подробно и блестяще разъяснил Г.В. Бутми¹ в своем замечательном докладе «Практическое разрешение иудейского вопроса» на IV Всероссийском Съезде Объединенного Русского Народа².

Брать с евреев выкуп за освобождение от военной службы значило бы поставить их в привилегированное положение перед остальным населением России, которое лишено будет и права откупаться от военной службы, коль скоро эта привилегия предоставлена была бы одним лишь евреям и лицам, перешедшим в еврейскую веру. К тому же, несение денежной повинности вместо повинности военной побудит только евреев требовать себе во всем равных прав с русскими, так как-де они, евреи, «несут тоже жертвы на алтарь Отечества».

Нет, еврейские сребреники не могут равняться с благородной русской кровью. Никакой платы нам от евреев за освобождение их от воинской повинности принимать не следует.

Напротив того, мы должны признать, что так как они Отечества нашего, наравне с Русскими людьми, своей жизнью защищать не могут, то они и не могут обладать равными гражданскими правами с прочими Русскими гражданами, которые беззаветно готовы жертвовать своей кровью, своей жизнью за единство, могущество и славу России.

Итак, все Русское население, *отбывающее воинскую повинность*, должно считаться обладающим *полными* гражданскими правами.

Еврейство же, *не несущее этой тяжчайшей и благороднейшей из всех повинностей*, полным объемом русских гражданских прав обладать не может.

Г. Бутми в своем вышеназванном докладе советует освободить евреев не только от воинской повинности, но и от повинности присяжных заседателей.

И действительно, освобождение евреев от этих двух повинностей еще более сделало бы справедливым соответственное лишение их полноты гражданских прав.

Евреи и в настоящее время в России ограничены в некоторых своих правах, но ограничение это столь незначительное и большей частью столь фиктивное, что западные и южные окраины России уже теперь стонут от невыносимого ига еврейского, а если евреи добьются столь желанного ими полного равноправия с Русскими, *ради которого они только и затеяли в России революцию*, то от этого ига будут страдать в одинаковой мере и северная, и восточная окраины России, и весь ее центр.

Дабы предотвратить порабощение России евреями, евреям не только нельзя давать новых прав, — это было бы поистине государственным преступлением, но необходимо, освободив их от воинской повинности и от повинности присяжных заседателей, лишить их, *как неполноправных граждан*, тех именно прав, злоупотребляя которыми они ведут Россию к позорной гибели.

Пусть евреи не несут в России воинской повинности и повинности присяжных заседателей, пусть они, следовательно, будут лишь русскими *полугражданами*, не имеющими, например, права занимать какие-либо государственные и общественные должности, преподавать и учиться в казенных учебных заведениях, совершать какие-либо биржевые операции и нотариальные договоры, состоять членами каких-либо кредитных и банковских учреждений, содержать ссудные кассы, заниматься торговлей и промышленностью, адвокатурой, публицистическим редакторством и издательством, казенными подрядами и работой на казенных постройках и сооружениях, владеть какой-либо недвижимой собственностью. Если

Правительство создаст такое положение евреев в России, при котором евреи действительно *ни сами, ни через каких-либо подставных лиц* вышеозначенными правами, принадлежащими лишь полноправным Русским гражданам, ни в каком случае пользоваться не будут, то этим самым будет разрешен в России вполне справедливым образом еврейский вопрос, и тогда евреям можно будет, пожалуй, позволить расселиться по всей России, пользуясь всеми остальными гражданскими правами.

Вот тогда евреи могут быть уверены, что русское население, вполне огражденное от еврейской эксплуатации, будет вполне мирно жить бок о бок с евреями, если только последние не предпочтут переселиться из России.

Совершенно к такому же выводу приходит и г. Бутми, заключивший свой доклад такими словами:

«Поставленный законом в такие условия, иудей, способный существовать исключительно лишь эксплуатацией чужого труда, вынужден будет или взяться за несвойственный ему доселе честный производительный труд, или вымереть, или выселиться из России.

Выбор надлежит предоставить ему свободный».

Таким образом, если мы требуем от Правительства, чтоб оно *само* расправилось с евреями, то мы под этой «расправой» подразумеваем не какие-либо «виселицы» или «потоки крови», а лишь целый ряд справедливых законодательных мер, которые оградили бы Россию от еврейской эксплуатации.

Евреи и Русский народ

Мы вчера доказывали, что если Правительство желает обеспечить неприкосновенность евреев и сдержать справедливое против них негодование Русского народа, то оно должно прежде всего громко и открыто признать тот несомненный факт, что русская революция создана и поддерживается главным образом евреями, а затем заявить, что само Правительство признает своим долгом подвергнуть евреев за это великое перед Россией преступление справедливой каре.

Мы, вместе с тем, указали, в чем должна заключаться эта заслуженная кара, а именно в целом ряде законодательных мер, касающихся всего еврейского населения в России, тогда как уголовным карам должны подвергнуться лишь явные преступники, поднявшие злодейскую руку на Русского Царя, на Его Государство и на Его верноподданный народ.

Но, спросят нас: почему же подвергать карам все остальное еврейское население, а не одних только вышедших из его ряда явных преступников?

На это мы ответим: потому что нет ни одного еврея, который не принимал бы участия, тем или иным способом, в настоящем преступном еврейском походе против Царя и России.

Возьмите нас, Русских: есть такие Русские, которые участвуют в настоящей революции, но есть и такие, — и их громадное, подавляющее большинство, — которые возмущаются ее гнусными преступлениями и открыто их порицают и даже стремятся так или иначе положить им конец.

Но назовите нам хоть *одного* — мы говорим: хоть *одного* — еврея, который *открыто* порицал бы своих единоплеменников за их отвратительные революционные действия! Еврей скорее пострадает и разорится от еврейской революции, но никогда ни одним словом порицания еврейским революционерам не выскажет, а напротив того, по первому еврейскому требованию даст на революцию деньги, укроет у себя злейшего бомбиста, если только он ему единоплеменник, и таким образом выкажет свою полную, теснейшую солидарность с теми людьми, которые привели несчастную Россию на край гибели.

А потому, если евреи так солидарны в преступлении, то сама справедливость требует, чтоб они с такой же солидарностью несли и справедливую за это преступление кару.

Ведь дело совершенно ясно и просто: недовольные теми правами, которыми они пользуются в России, евреи подняли бунт против Царя и Русского народа.

Очевидно, что за это тяжкое преступление не только нельзя дать им новых прав, но нельзя и оставить полноту тех прав, которыми они до сих пор пользовались.

Но, конечно, главное дело тут не в каре, а в *освобождении Русского народа от еврейской эксплуатации*. Если б евреи и никакой революции не поднимали, то и в таком случае нельзя было бы оставить их в том положении, которое они всеми правдами и неправдами заняли в России.

Ну а если они, сверх того, еще вздумали поднять знамя бунта против России, то это только показывает, что мера их дерзости переполнилась, а вместе с тем переполнилась и чаша терпения России.

Нужно поистине изумляться кротости, незлобivosti и долготерпению Русского народа. Он уступит еврею, он даст с себя снять последнюю рубашку и будет только горько жаловаться на причиненную ему обиду, но сам затаит ее в сердце и к насилию не прибегнет.

Но лишь только еврей заденет то, что Русскому человеку дороже всякого имущества и жизни, лишь только еврей позволит себе осквернить Православную Святыню или надругаться над именем или ликом Самодержавного Царя, как у Русского человека всплывет вся личная, затаенная, накопившаяся злоба против исконных врагов Христа, и если он тут увидит, что Правительственная Власть не заступает за поруганную Святыню и оскорбленного Царя, то злоба его разразится в неудержимой стихийной форме.

В каком-то зоологическом саду нам пришлось видеть заморское существо, о котором надпись на ограде говорила следующее:

«Это животное очень злое: когда его бьют, оно кусается».

Так точно и Русский народ. Он вас не тронет, если вы его не ударите по самым чувствительным его нервам: по его Вере в Бога и по его преданности Царю. Но если вы нанесете ему этот удар, тогда уже пеняйте на себя: он вас в своем негодовании щадить не станет.

Вот эту именно характерную черту Русского народа упустили из виду и Правительство графа Витте, и Всемирный Израильский Союз, и одураченная ими русская интеллигенция, когда они втроем приступили к русской революции.

17 октября 1905 года евреи отпраздновали свою дикуую оргию, расхаживая и разъезжая по улицам всех городов России с красными флагами и с криками: «Долой Царя, долой Самодержавие»!

18 октября 1905 года Русский народ безо всякого предварительного уговора, а по прирожденному чувству своего долга, восстал на защиту своего Царя и Его Самодержавия и положил конец наглým безобразиям краснофлажников.

19 октября 1905 года Русское правительство арестовало и засадило в тюрьмы Русских людей за то, что они стали на защиту Самодержавного Царя, и оставило безнаказанными еврейских и иных мятежников, так дерзко оскорбивших Царское Самодержавие.

Это явное преступление Правительства графа Витте остается и до сих пор в полной своей силе.

Еще на днях судили в Вязьме Русских людей, возмутившихся, когда на их глазах евреи издевались над Царским портретом, а этих евреев до сих пор никто и не думал привлекать к ответственности.

Правительство, видите ли, желало быть «беспристрастным», «беспартийным», а между тем оно всецело становилось на сторону злейших врагов Царя.

Почему Русский народ не возмутился *тотчас же* 17 октября при виде первой красной тряпки, услышав первое оскорбление Царскому Величеству?

Да потому, что он был уверен, что само Правительство немедленно покарает эти неслыханные на Руси преступления. И лишь тогда, когда Народ увидел, что Правительство бездействует, не то сочувствуя еврейским бунтарям, не то трусливо дрожа перед ними, когда он увидел, что представители Царской Власти изменнически снимают шляпу перед красными флагами и криками «долой Царя»! — тогда лишь он понял, что *Правительства нет*, и что лишь сам Русский народ может преградить путь дерзким мятежникам и отстоять своей грудью своего Самодержавного Царя.

Так он и сделал. Он встал во весь рост, приказал мятежникам податься назад, а Правительству — выступить вперед.

Вот то положение, в котором находится теперь Россия: с одной стороны — очнувшееся, но еще не проснувшееся Правительство; с другой — озадаченная и дрогнувшая революция; а посреди — грозно стоящий во всеоружии своем Русский народ, «надежная опора» Русского Царя.

Пусть, наконец, окончательно проснется Русское правительство и станет в полноте своей несокрушимой власти на защиту Царя и России; пусть оно одним ударом, честно и открыто, безо всяких полумер и колебаний, разобьет наголову преступную крамолу; пусть оно освободит раз и навсегда Россию от еврейского рабства, — и Русский народ спокойно возвратится к своим мирным занятиям и перестанет даже думать о каком-либо «самосуде», о «боевых дружинах» или об «активной борьбе с революцией».

Вот ясный, прямой долг Правительства; вот единственный путь к спасению России.

Хвала евреям

Я уверен, люди Православные, что вы удивитесь заглавию моей речи: «Хвала евреям».

Такую речь мог бы произнести социалист, кадет, октябрист. Но за что же монархист станет хвалить евреев?

Есть, однако, кое-что и в евреях хорошее, за что даже и мы, монархисты, можем их похвалить. В самом деле, как не может быть человека, состоящего из одних только недостатков и пороков, точно так же не может быть и целого племени, отличающегося одними лишь пороками и недостатками.

Будем же справедливы к этому «несчастному» народу, рассмотрим ближе «угнетаемых» нами евреев и постараемся найти в них тот алмаз, за который, до известной степени, можно будет простить им и ту среду, в которую алмаз этот оказался закрытым.

Я однажды уже имел случай указать на ту выдающуюся роль, которую евреи сыграли и доселе играют в русской революции. Вся эта революция была вызвана и затеяна евреями с той главной целью, в которой они стремятся в России добыть себе во всех отношениях полное равноправие с православными Русскими людьми.

Хотя это «равноправие» вожаки «освободительного движения» и не ставят во главу своей программы, — они очень хорошо знают, что Русские люди, после такого «разительного» первого «пункта» программы уже не стали бы читать остальных ее «пунктов», — хотя, говорю я, равноправие евреев замаскировано в революционной программе другими, более обширными и пустозвонными, но менее позорными требованиями, но ведь в этом приеме проявляется обычная еврейская уловка.

Они, как известно, любят загребать жар чужими руками, а в особенности они любят, чтобы Русские таскали им из огня те каштаны, которыми они потом будут лакомиться, глумясь и издеваясь над нашей простотой.

Что им надо? Им надо окончательно поработить нас. А поработить нас они могут только тогда, когда им будет даровано полное равноправие, то есть полная свобода на пространстве всей России высасывать жизненные соки Русского народа. Вот они и говорят Русским людям:

«У вас, бедные, бедные Русские люди, нет ни одной чуточки свободы. И за что же вам такое несчастье? Хотите, мы вам немножечко поможем? Мы вам дадим и денег, и бомбочки, и всякие паспорта, а вы смело идите вперед и требуйте себе *все, все*, свободы, только и нас не забывайте, мы же ваши благодетели! Мы — люди скромные, тихие, мы сами в драку не полезем, а вы за нас поратуйте и нам, несчастненьким, добудьте тоже свободочки. Вы даже не называйте нас, а так просто скажите: «Дайте свободы всем, всем, без различия веры и крови». А как дадут всем свободу, она сама собой упадет и на нашу долечку, а больше нам ничего и не надо! Мы ведь люди маленькие, дайте нам чуточку чего-нибудь, и мы вам век будем

благодарны. А насчет гелда¹, бомбочек и разных документиков вы, пожалуйста, не стесняйтесь, берите сколько вам надо, у нас этого товару завсегда имеется хороший запасец. Вот говорят, что мы жадные. И совсем неправда! Мы вам все, все дадим, мы вам миллионы дадим для вашего счастья, для вашей свободы. А вы требуйте только *всех* свобод для *всех*, кто живет в России. Нам больше ничего, ничего не надо. Мы люди тихие, мы люди скромные! *Нам* только свободочки и равноправия, а все остальное *вам, вам*, бедные Русские люди!

А про себя они говорят: «Дайте нам только свободу, тогда все ваше будет наше. А больше нам ничего не надо».

Вот откуда пошла вся наша революция! Без еврейских денег она никогда и начаться бы не могла. А разве евреи даром деньги дают? Они потому-то и дают свои миллионы нашим революционерам, чтобы те им добыли еврейское равноправие, полную свободу евреям всюду грабить Русский народ «на законном основании»: тогда «бедные» евреи вернут себе эти миллионы сторицей.

И не раз подсылали они к нашему Правительству своих агентов и комиссионеров.

«Дайте только евреям равноправие, — говорили они, — и тотчас же кончится вся эта революция, которая вам стоит столько денег и хлопот и ведет Россию к банкротству. Дайте евреям равноправие, и вся революция сразу рухнет, потому что она только и держится нашими миллионами, а мы эти миллионы перестанем давать вашим революционерам, а будем давать их вам, Русскому правительству. Все еврейские биржи в Берлине, Лондоне и Париже будут к вашим услугам, заключайте займы сколько вам угодно. Нам самим выгоднее и надежнее иметь дело с вами, с Русским правительством, чем с какими-то хулиганами, бомбистами и русскими профессорами, которые нас уверяют, что они скоро будут министрами, а на самом деле того и гляди, что под суд попадут. Нам самим выгоднее, чтобы в России скорее настал порядок и процветали промышленность и торговля; тогда евреям можно будет безо всякого риска делать свои гешефты. Но для этого им нужно

равноправие. Итак, выбирайте: либо вы нам дадите равноправие и революция тотчас же прекратится, ибо вся она в наших руках; либо мы добьемся нашего равноправия через революцию, и тогда вам беда».

И не думайте, что я сочинил эти слова. С ними, я знаю доподлинно, обращались еврейские ходатаи к нашему Правительству. Вы сами видите, сколько лести, сколько соблазна, сколько злостных угроз в этих лукавых словах Мефистофеля-искусителя. Соблазнился этими словами граф Витте, и не он один. Россия уже была обречена на продажу евреям, если бы не Русский Царь, Которому, разумеется, благо Русского народа дороже всяких еврейских миллионов. Он велел отойти от Себя Сатане-Искусителю, не расширил прав еврейских, не дал им в окончательную кабалу Русского Государства, и решил без них побороть революцию, опираясь на Свой Православный Русский народ!

Широко задумали евреи свои революционные планы: Правительство они решили обольстить или запугать; легкомысленную интеллигенцию они двинули в крамолу, назвав ее «освободительным движением»; рабочих они стали соблазнять социалистическими бреднями, а крестьян — лживыми обещаниями даровой земли. Никого, кажись, не забыли. Ан — главное они и проглядели.

Лукавый, ведь, известно, как он ни хитри, а всегда чего-нибудь да не доглядит.

И вот евреи обо всем подумали, все разочли, а забыли только про самую малость: про Русского Царя и про Русский народ, про нас с вами, Православные.

Мы здесь с вами, конечно, не можем повторять тех гнусных слов, какими евреи осмелились говорить про нашего Царя, пока они не узнали Его твердой Воли. А вот что они говорили про нас с вами — это мы должны не только знать, но и вечно помнить.

«Если и есть, — говорили они, — какой-то там Русский народ, то его все равно что нет: он спит. И спит он так крепко, что мы перевернем всю Россию вверх дном, а он этого и не за-

метит. Когда он проснется, тогда в России уже и Царя не будет, и Церкви Православной не будет, а будем одни мы хозяйничать во всем государстве и держать весь Русский народ в крепких, железных цепях! Вот-то они удивятся, эти русские простофили, эти русские дураки, которые теперь спят мертвецким сном и не чувят грядущего на них рабства».

Нет! Ошиблись вы, господа Винаверы, Пергаменты, Гессены² и прочие Ицки, Мойшки, Фрумки и Гершки! Вовремя проснулся Русский народ! Вы сами разбудили его тем гнусным шабашем, который вы устроили 17 октября, покрыв всю Россию кровавыми флагами и огласив ее криками: «Долой Царя», «Долой Самодержавие!» Вовремя встал он, перекрестился и уже 18 октября положил конец вашей возмутительно-гнусной затее. Вы думали застать его врасплох, ошеломить его «совершившимся фактом», замутить его здравый ум вашим «освободительным» лганьем? Как же мало вы его знаете!

Да, он темен, он неопытен, он пойдет за вашими соблазнителями куда угодно и будет даже повторять, как попугай, всякие незнакомые ему слова под вашу дудку. Но коснитесь только Православной Веры, отзовитесь неуважительно о Самодержавном Русском Царе, — и Русский народ немедленно воспрянет во весь свой рост, отшатнется от вас, как от нечистого, и так или иначе положит конец вашему богохульству и цареотступничеству.

О, вы многое знаете, вы все изведали, все испытали, вы насквозь знаете и наше Правительство, и нашу интеллигенцию, и нашу бюрократию, но Русского Царя и Русского народа вы не знаете. Вы можете одурманить и русского рабочего, и русского крестьянина вашими мошенническими посулами. Но не думайте, что он уже весь ваш: он в глубине своей души остается Русским православным человеком, и когда вы захотели повести его против Церкви и Царя, он сразу понял, с кем он имеет дело; он сразу почувствовал в себе голос своей русской православной совести, и он тоже крикнул вам: «Отойди от меня, Сатана!» Благодаря вашей безумной, преступной затее, Русский народ проснулся, благодаря вам он почувал всю

свою мощь, благодаря вам он вспомнил о своем долге перед Богом и Царем, благодаря вам он стал несокрушимой ратью вокруг Царского Престола, благодаря вам он сокрушит всю вашу революцию.

Ясно ли вам теперь, братья православные, за что мы должны, по справедливости, воздать хвалу евреям? За то, что они разбудили Русский народ своим вызывающим нахальством и — своей глупостью.

Скажу вам прямо: если бы в русской революции не участвовало природное еврейское глупое нахальство, она имела бы совершенно иной, гораздо более опасный характер.

Как? Почему? — спросите вы, а я вам отвечу следующей картиной.

Вот что случилось бы после 17 октября, если бы евреи были скромнее и умнее.

Они сразу прекратили бы затеянную ими революцию и явились бы в Петербург с благодарственной депутацией.

«За дарованные Русскому народу свободы мы приносим благодарность. Чем скорее и шире будут исполняться наши просьбы, тем скорее восстановится порядок в России. Смотрите, какая немедленно настала радость и тишина во всей России. Вот что значит слушать нас и делать нам уступки. Вот теперь мы просим себе равноправия; чем скорее мы его получим, тем скорее исчезнут даже последние тени революции».

Понимаете ли вы, каким козырем такая смиренная депутация была бы в руках всемогущего в то время графа Витте. Он, наверное, ждал ее, чтобы доказать свою прозорливость, уверив всех и каждого, что свободы 17 октября будут встречены со слезами умиления всею коленопреклоненной Россией. После такой депутации он, несомненно, немедленно даровал бы евреям равноправие, то есть отдал бы им на пропятие всю Россию.

Радуйтесь, люди Русские, что евреи настолько глупы, что не поняли той элементарной истины, что за всякий дар нужно благодарить дарящего. Вместо благодарности они устроили всероссийскую революционную вакханалию и нахально подняли свои головы, крича: «Долой Царя! Долой Самодержавие!»

Они дошли в своем безумии даже до того, что, например, в Киеве, в Одессе, да и у нас в Москве, какие-то обнаглевшие сионисты разъезжали 17 октября среди православного народа с криками: «Я вам бог! Я вам царь!»

Самую отвратительную, самую гадкую сторону своего характера сионисты обнаружили в день своей «первой победы», 17 октября. Вот почему она была и последней их победой.

Такую кару они не впервые терпели в течение своей многовековой истории.

Разве способен был бы на такую наглость какой бы то ни было другой революционер, кроме еврея? Неужели вы можете себе вообразить, чтобы даже Аладбин, Озоль или Церетели³ решились кричать православному народу: «Я вам Бог, я вам Царь?»

А евреи решились! По природной своей глупости, по рожденному им «нахальству в счастье».

Не раз мы слышали из уст величайшего знатока евреев, А.С. Шмакова⁴, цитату из сочинений одного еврейского раввина:

«Мы, евреи, — благословенный народ, потому что мы несокрушимы в несчастьи; но мы, евреи, — проклятый народ, потому что мы неводержны в счастье».

Спасибо евреям, пробудившим своей глупостью и «невоздержностью», сиречь наглостью, Русский народ из его глубокого сна и открывшим его глаза на грозившее ему рабство. Спасибо евреям за то, что они сами разрушили ту революцию, которую сами же они затеяли, вовремя оттолкнув от себя своим преждевременно обнаруженным наглым властолюбием, — всех честных, здравомыслящих русских людей.

Так неужели же нам, монархистам, после этого не воздавать евреям хвалу? Но есть и еще, за что мы должны похвалить их.

Вам, вероятно, неоднократно приходилось встречать вполне благонамеренных, здравомыслящих Русских людей в центральных и восточных губерниях России, страдавших, однако, отсутствием национального чувства, так называемым «космополитизмом». Вы стараетесь их убедить разумными до-

водами, вы пытаетесь подействовать на их сердце и вызвать в них патриотическое чувство. Все напрасно! Они продолжают стыдиться своего русского происхождения, восторгаться «благородством» поляков и лить слезы над «угнетаемыми» евреями. Они кажутся неизлечимыми.

Однако для коренного их излечения есть одно верное средство: пошлите их на службу в такие города, как Вильна, Варшава, Одесса, Кишинев, Холм, Седлец, Сувалки, Минск, Могилев, на Волынь и вообще на наш Юг, на наш Юго-Запад и Северо-Запад, — и через год они будут совершенно здоровыми Русскими людьми и пламенными патриотами. «Космополитизм» у них будет как рукой снят!

Я неоднократно видел такие чудодейственные излечения. Кто же там, в этих «курортах», возвращает Русским людям их русское национальное чувство?

Те же евреи! Правда, в этом лечении принимают некоторое участие и ясновельможные паны, но не всегда удачно.

Есть, к сожалению, такие дряблые русские натуры, которые увлекаются если не поляками, так поляками. Но действия как евреев, так и евреек на Русских людей неотразимо: от соприкосновения с ними «в черте оседлости» Русский становится уже на всю жизнь истинно Русским.

Будем же благодарны евреям! Хвала им за то, что они так непривлекательны, что сами спасают Русский народ от еврейского соблазна, пробуждая вместе с тем в Русских людях живое чувство национального самосознания.

Я вам прямо скажу, чего греха таить: мы, русские, от природы беспечны, ленивы, сонливы. Мы нуждаемся во внешнем побуждении, чтобы не предаваться апатии, равнодушию.

Вот евреи и оказывают нам эту услугу, которую нам не могли бы оказать в должной мере ни поляки, ни финляндцы, ни немцы, ни кавказцы. Все они имеют кое-какие и симпатичные черты, которые могут нас подкупить в их пользу. Евреи же нас ничем, кроме денег, подкупить не могут.

И они нас уже давно подкупили бы, если бы не их непроходимая глупость и невыносимое нахальство.

Жаль нам, конечно, всего того, чего мы лишились в нашей злосчастной революции. Но благодаря евреям Русский народ теперь проснулся и вернет назад не только все утраченное, но и кое-что большее.

У него навеки останется впервые прояснившееся национальное самосознание, принявшее столь мощный, грозный вид, что теперь уже евреи второй раз революции не затеют!

Русские масоны

Как русские масоны? Да разве в России есть масоны?

Что за наивный вопрос! С тех пор, как они во второй половине XVIII века проникли в Россию, они в ней не переводились и, несмотря на удары, нанесенные их «ложам» Екатериной II и Николаем I¹, они и до сих пор существуют в России в виде и отдельных лиц, и тайных обществ. Эти тайные ложи приняли в последнее время даже чрезвычайно сильное развитие благодаря интенсивному влиянию западноевропейских масонов, начавшемуся приблизительно лет пятнадцать тому назад.

Россия всегда была предметом особой ненависти со стороны масонов, видевших в ней самый твердый оплот христианства, а *разрушение христианства* является главной конечной целью современного масонства. Те политические революции, которые предпринимаются и совершаются масонами, как, например, в 1789 году во Франции, в 1848 году в центральной Европе и в 1904 году в России, служили лишь средством к достижению главной цели — к одолению Церкви Христовой, которую масоны ненавидят с беспощадным слепым фанатизмом.

Эта сатанинская злоба против Христа, с одной стороны, и несметные богатства, находящиеся в распоряжении масонов, с другой, ясно указывают на теснейшую связь масонства с могущественными тайными и явными еврейскими обществами, среди которых пресловутый «Всемирный Израильский Союз» играет такую же разрушительную роль в мировой политике, какую еврейский «Бунд» играет в России.

Какое же после этого может быть сомнение в том, что существуют русские масоны? Их называют по именам, и чем ближе они стоят к евреям, тем больше они уже успели сделать вреда России, возбуждая в ней революционную смуту и нанося как прямые, так и косвенные удары Церкви Христовой. Невольно думаешь о них, когда читаешь приведенный в воззвании Троице-Сергиевой обители текст Священного Писания: *«удали неправедного от Царя и Престол его утвердится правдою»* (Пр. Сол. 25, 4—5)².

Уже давно готовились беспощадные удары, наносимые теперь и Самодержавию, и Православию в России, и наносятся они верной рукой именно теперь, когда Правительство у нас явилось тем *locus minoris resistentiae*³, на которое сразу устремляются все смертельные недуги, поражающие государственный организм. Недаром года два тому назад масонская пропаганда началась у нас в Москве публичной лекцией, в которой франмасоны, эти заклятые, лицемерные враги Христа, восхвалялись до небес пред аудиторией учащегося юношества.

Точно так же было и во Франции, где окончательный удар, разразившийся в 1793 году над королевской династией, исподволь готовился в течение десятков лет и был инсценирован с изумительной режиссерской ловкостью, которой вообще отличаются масонские драматурги. Разве не столь же изумительна их ловкость, которая ныне разворачивается пред нашими глазами в отданной им на произвол несчастной России?

Навязанная нам внезапная война, когда мы скованы были навязанным нам гипнозом всеобщего «мира»; убийства Бобринского и Плеве и замена их лицами, угодными масонской шайке; одновременная вспышка открытой революции на всех наших — и западных и южных — окраинах; наводнение всей России миллионами антимонархических и антидинастических прокламаций; организация обширнейших рабочих и учебных стачек; небывалые доселе цинические уличные и иные демонстрации с красными анархическими флагами, с неслыханными

доселе в России криками «долой Самодержавие» и с дерзкими разрываниями Царских изображений, — все это сразу выступило на сцену в течение какого-нибудь года, как бы по звонку опытного режиссера, давно уже терпеливо работавшего над внезапным ошеломляющим появлением этого грандиозного «массового эффекта».

Тут действительно видна рука опытного макиавеллистического организатора⁴, тщательно подготовившего всю сцену для этого неожиданного, поразившего всю Вселенную, театрального удара. Даже первый год Французской революции бледнеет перед этой мастерской инсценировкой Русской революции, в которой каждый месяц равняется целому году Французской революционной оргии. Так «чисто» работают только масоны, широко оперирующие враждебными христианству капиталами.

А еще спрашивают, есть ли в России масоны?⁵

В чем сила и слабость социализма?

Профессор Моммзен¹, говоря о демократии, совершенно справедливо указал на то, что «главная ее сила заключается в стремлении к идеалам»; «но», прибавил он, «в этом заключается и главная ее слабость».

В самом деле, демократические идеалы способны увлекать собой не только ограниченные в своем умственном горизонте народные массы, но и тех образованных людей, у которых пылкая фантазия преобладает над трезвым чувством действительности и над логикой здравого смысла. Такие слова, как «свобода», «равенство» и «братство» представляются таким людям не просто словами, а драгоценными, реальными благами, для достижения которых необходимо пожертвовать всем, что имеешь, с жизнью включительно.

Но блага эти недостижимы, и как только устанавливается чисто демократический режим, здравомыслящие люди убеждаются в том, что этот режим ничего общего со

свободой, равенством и братством не имеет и что он, отличаясь сверх того недостатками, чуждыми режиму монархическому, является сравнительно с ним не прогрессом, а регрессом в развитии государственного быта цивилизованных народов.

Стремясь к демократическим идеалам, человечество как бы взбирается с величайшим трудом, ценой громадных жертв, на вершину горы, покрытую, как ему кажется, роскошной растительностью, а когда эта вершина, наконец, достигнута, она оказывается голой, пустынной, бесплодной, возбуждающей лишь тоску по безвозвратно покинутым полям и долинам. Но нации, достигшие этих бесплодных вершин, не сразу приходят к сознанию своей роковой ошибки: они еще долгое время стараются утешать себя иллюзиями, желая во что бы то ни стало видеть свободу, равенство и братство там, где их и следа нет; они истощают свои последние силы в искусственном, насильственном создании этих иллюзий.

В этих бесплодных усилиях и заключается слабость демократии, обрекающая их рано или поздно на гибель.

Несколько иными являются идеалы социалистические.

Главная сила и главная слабость социализма заключается в *утопичности*.

Не только нельзя осуществить социалистических идеалов, но нельзя создать и того режима, при котором неосуществимость этих идеалов была бы для всех очевидна.

В самом деле, если можно создать чисто демократическое государство, республику, на примере которой можно убедиться в неосуществимости демократических идеалов, то создать чисто социалистическое государство *невозможно*, что бы там ни говорили Маркс, Бебель, Жорес, Бернштейн² и прочие главари социалистического движения. Социалистическое государство есть прямой абсурд, противоречащий самым основным элементам человеческой природы и человеческой общественности. Социалистическое

государство есть *утопия*, которая никогда и нигде в чистом своем виде — а об этом чистом виде только и мечтают социалисты — не существовала и существовать не может, а потому невозможна и практическая поверка социалистических идеалов.

Нам на днях пришлось говорить с некоторыми французами, приходящими в ужас и отчаяние от всего, что ныне творится во Франции.

— Единственная наша надежда, — сказал один из них, очень опытный журналист, — заключается лишь в том, что если мы выпьем социалистический кубок до дна, то мы почувствуем к этому напитку такое физическое и нравственное отвращение, что навсегда его от себя отбросим. Тогда рассеется социалистический кошмар, и мы воскреснем к новой, здоровой государственной жизни. А поэтому нам нужно теперь заботиться не о победе роялизма или бонапартизма, так как мы этим социалистических стремлений в народе не уничтожим: напротив того, мы должны способствовать скорейшему торжеству социализма, организации чисто социалистического государства, и тогда лишь Франция может спастись посредством сильной, естественной реакции. Пусть только осуществится республика г. Жореса, и тогда он сам убедится в ее негодности.

— Но в том-то и беда, — возразил один из собеседников, — что республика г. Жореса никогда не осуществится, так как г. Жорес и теперь уже убежден в ее негодности. Социалистическая пропаганда служит ему только «трамплином» для его политической карьеры, как она служила Мильерану, Либкнехту, а ныне служит Бебелю, Зингеру³ и Бернштейну. Все они слишком умны, чтобы хоть на минуту верить в осуществимость социалистического государства; они морочат его бессмысленными идеалами рабочую темную массу для своих личных, чисто эгоистических успехов; все они являются крупными собственниками, которым социалистическое равенство могло бы принести одно лишь разорение. Но они, проповедуя это равенство, отлично знают, что оно, по природе вещей, ни-

когда наступить не может, а следовательно, проповедь эта для них совершенно безопасна и вместе с тем неопровержима, так как *теоретические* возражения для народной массы неубедительны, а *практические* возражения невозможны, раз нигде нет и никогда не будет практического социализма.

— Но какой же остается выход для Франции? — спросил я.

— Никакого выхода ей не остается, кроме разве внезапной, сильной диктатуры. Но и она без громадной, тяжелой войны невозможна. Сверх того, и диктатура рано или поздно встретится с социалистической пропагандой, которая никогда не исчезнет, пока политические агитаторы будут эксплуатировать в личных своих интересах рабочие массы, которые, по существу своему, всегда будут отличаться большей восприимчивостью к социалистическим утопиям, чем какие бы то ни было другие слои населения государства. Социалистические агитаторы будут переходить, по мере достижения своих личных целей, в ряды буржуазии, на их смену будут выступать новые политические авантюристы, которые будут с успехом распевать рабочим все те же избитые песни о возможности установить невозможное социалистическое равенство, а рабочие все будут, как Панургово стадо, стремиться к достижению недостижимого режима. Мы поэтому никогда социалистического кубка до дна не выпьем, ибо дна этого нет и быть не может. Мы будем медленно все более и более отравляться этим ядовитым напитком, переходя в постепенное разложение без всякой надежды ни на здоровую реакцию, ни даже на смерть, если только какое-либо другое, здоровое государство окончательно не покончит с нами...

Эта ужасная перспектива заставляет нас глубоко задуматься над судьбой каждого государства, в которое уже успела пробраться социалистическая пропаганда. Оградить от нее рабочее население является первой, безусловной обязанностью каждого правительства, стоящего на высоте своего призвания. Никакие жертвы не могут быть слишком велики для спасения народа от тех пагубных иллюзий, которыми его отравляют социалистические агитаторы.

Международная борьба против революции и социализма

Речь, произнесенная на общем собрании Союза Русского Народа и Русской Монархической партии 26 августа 1907 года

Нет никакого сомнения, что все творящееся ныне у нас в России никогда ни в одном государстве мира не происходило. Но это только потому, что мы никогда ни в одном государстве не видели такой продолжительной растерянности Правительства перед революцией, такого глубокого непонимания истинной сущности этой революции и такого изумительного отсутствия ясного желания и определенного плана для окончательного искоренения этого возмутительного зла, терзающего Россию.

В этом отношении, то есть в бездействии Правительства, революция в России беспримерна.

Что же касается действий революционеров, то они, в сущности, ничего нового, невиданного, не представляют. Правда, революционеры у нас выказывают в своих действиях необычайную дерзость, кровожадность и самоуверенность, но это объясняется все той же нерешительностью их петербургских противников, которые никак в эту роль «противников революции» войти не могут. Самые же приемы революционеров и социалистов являются, в сущности, теми же самыми, какими мы их видели и видим в других европейских государствах. В том именно и заключается главная сила революционеров и социалистов, что они, нападая на какое-нибудь отдельное государство, находятся в теснейшей связи с революционерами и социалистами всего мира.

Вы сами знаете, что революционное движение в Европе ведется франмасонами, которые составляют одно громадное международное революционное общество, состоящее из отдельных «лож», распространенных по всей Вселенной, из коих каждая находится в постоянной связи со всеми остальными ложами, получая от них все необходимые средства борьбы, включая сюда и еврейское золото.

О международном значении социализма мне, конечно, и говорить нечего. Один уж их клич «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» ясно показывает, что если бы соединились пролетарии только одной страны, то они потерпели бы полную неудачу в своих преступных замыслах.

Вот, следовательно, весь секрет успешных действий как франмасонов, так и социалистов: примером их организации служит международный еврейский кагал, который, как известно, руководит и франмасонами, и социалистами. Всемирный еврейско-масонско-социалистический кагал нападает на отдельные государства, которые, не имея союзников в этой неравной разбойнической борьбе, не выдерживают этого яростного натиска заклятых врагов Христовой Церкви, монархического начала и национализма.

Так случилось и с нашей Родиной. На нас обрушилась всесветная лавина евреев, масонов и социалистов, и мы оказались не в силах оградить Россию от их фанатического, разрушительного неистовства.

Мы знали, что эти изверги свирепствуют и в других государствах, в которых с ними борются такие же люди веры, чести и правды, как и мы, но мы не имели возможности протянуть этим людям руку и соединиться с ними для общей борьбы против общих врагов. Мы чувствовали всю необходимость всемирной международной борьбы против всемирного международного зла, но мы не знали, как приступить к учреждению этого союза, к кому нам обратиться для того, чтобы основать международную противореволюционную и противосоциалистическую лигу.

И вот какое нам выпало великое счастье.

Почти одновременно нам протягивают братскую руку и французские монархисты, и «желтые» рабочие Франции и Швейцарии, поставившие себе целью борьбу с бессовестною ложью социализма.

Вы читали «Воззвания» тех и других, с которыми одни обратились к Русскому народу, а другие к русским рабочим, — «Воззвания», напечатанные в №№ 189 и 193 «Московских ведомостей».

Сегодня нам нужно дать ответ на этот братский призыв, и я предлагаю французским монархистам послать ответ от Русской Монархической партии, а «желтым» рабочим Франции и Швейцарии — от Московского отдела Союза Русского Народа.

Вы видите, что мы с вами сегодня кладем начало великому международному делу. Мы поднимаем клич:

«Честные, благоразумные люди всех стран, соединяйтесь».

Соединяйтесь для общей, согласованной борьбы против социалистического обмана и народной слепоты!

Разоблачайте этот обман общими силами! Общими силами просвещайте народную массу, фабричных рабочих, неопытную молодежь!

Соединимтесь в один всемирный союз, чтобы дружными усилиями поспособствовать скорейшему, неизбежному торжеству света над мраком, истины над ложью, добра над злом!

Ведь в этом же нет никакого сомнения, что правда разума, правда истории, правда науки не на их, а на нашей стороне, что все теории социализма не выдерживают ни малейшей критики, что обещаемое ими будущее социалистическое государство есть величайшая нелепость!

В чем суть рабочего вопроса? В поднятии просвещения и благосостояния рабочих.

Достижимо ли это просвещение и благосостояние при существующих условиях государственной жизни? Несомненно, да!

Облегчить труд рабочих, повысить их заработок, обеспечить их самих на случай болезни и старости и семейства их в случае смерти семейного рабочего, — все это не только возможно и желательно при существующих государственных и общественных условиях, но даже необходимо. Существовало рабство, существовало крепостное право в государствах, и они были упразднены разумной реформой, не поставившей вверх дном общество и государство!

Возьмем какую-нибудь многочисленную семью. Если мы заметим, что один из ее членов, дочь или сын, почему-либо

обижен и затерт, то вы постараетесь вывести его из тяжелого положения и предоставить ему такую же жизнь, как и остальным членам семьи, дабы все они жили в полном согласии. Но что бы вы сказали о таком безумце, который расстроил бы все основы данной семьи, перессорил бы всех ее членов между собой и превратил бы их в рабов, над которыми сам стал бы командовать?

А между тем этого именно безумия желает достигнуть социализм, обманно называя будущее социальное рабство рабочих, которое нужно лишь самим главарям социализма, будущим их блаженством.

Вот на эту удочку и ловится народная слепота.

Вот против этого всемирного обмана и должна восстать Международная противосоциалистическая Лига.

О, шарлатаны социализма отлично знают, какое их постигнет позорное поражение, когда эта Международная Лига сорвет с них маску и откроет глаза несчастным рабочим, которых они так бессовестно ведут к пропасти.

И действительно, как только «Желтые рабочие» опубликовали в Париже свое воззвание к Русским рабочим, против них восстали и французские социалисты, и еврейчики, которые из Парижа пишут в русские газеты. Они немедленно забили тревогу, так как они ничего так не боятся, как освобождения русских рабочих от социалистического кошмара.

И вот прежде чем мы успели ответить на призыв наших заграничных друзей, уже поднялся еврейский гвалт в нашей красной печати, чтобы помешать осуществлению международной борьбы с международным социализмом. А теперь, когда мы с вами сегодня положили первый камень в создании этого великого дела, гвалт их поднимется еще громче!

И заметьте: эти еврейские наемники ни одним словом не касаются содержания обращенного к русским рабочим призыва французских товарищей. И это весьма понятно: против справедливости изложенных в призыве фактов, заявлений, мыслей и выводов они ничего возразить не могут. Что же они делают?

Да то, что делают шалунишки-школьники, которые, по своему малоумию, ничего учителю возразить не могут, а забавляются тем, что за его спиной показывают ему язык, выдумывают о нем всякие небылицы, дают ему всякие смешные на их взгляд клички и прозвища и воображают, что эта их пошлая дурачливость дает им полную победу.

И в самом деле, смотрите: все, что красные газеты до сих пор написали по поводу призыва французских рабочих к русским, ограничивается самым мелкотравчатым зубоскальством, так как они выше своей пошлости подняться не могут.

Так будет и впредь. Мы будем говорить дело, мы будем созидать великую международную борьбу против социализма, а они будут показывать нам язык... до тех пор, пока им придется и его прикусить.

Но пусть они делают, что хотят. Мы же будем твердо и дружно делать свое дело.

В нашем ответе французским рабочим мы говорим о предстоящих международных противосоциалистических конгрессах. Мы уже приступили к их подготовке. Первый из них намечен нами в Париже, второй — в Берлине, третий — в Москве¹.

Кто устраивает погромы и забастовки

Речь, произнесенная 19 июня 1906 г. в Иваново-Вознесенске на общем собрании Монархической партии

Здравствуйтесь, люди православные, люди русские! Здравствуйтесь, монархисты-«черносотенцы».

Нас с вами прозвали «черносотенцами». Но кто нас так прозвал? Злые враги Русского народа. Ну, пусть так. Они только ошиблись: считать не умеют. Русский народ считается не сотнями, а миллионами.

Если б нас было только несколько сотен, разве нас боялись бы наши враги, вооруженные бомбами, браунингами и винтовками, тогда как мы перед ними стоим безоружными? Они боятся нас еще и потому, что у них совесть нечиста перед

Богом, перед Царем и перед Русским народом. Как преступник-убийца не может спать, потому что ему мерещатся грозные призраки его жертв, так и враги России трепещут в вечной тревоге перед судом Божиим; угрызения совести не дают им покоя, и отовсюду им мерещится грозное возмездие за их адские преступления. Так и у врагов Русского народа глаза от страха прямо выскочить хотят.

Судите сами. Я вчера выехал из Москвы в Иваново-Вознесенск, чтобы исполнить давнишнее мое желание — мирно побеседовать с членами той доблестной Самодержавно-Монархической Партии, которая удостоилась услышать из уст Государевых знаменательные исторические слова, ныне написанные на знамени всей нашей Русской Монархической Партии: *«Мое Самодержавие останется таким, каким оно было встарь»*¹.

Эти драгоценные слова служат нам путеводной звездой для всей нашей теперешней деятельности, и мы никогда, — слышите: никогда от них не отступимся. (*Никогда! Никогда!*)

Спасибо! Я знаю, что вы этими Царскими словами так же дорожите, как и мы, — и Русская Монархическая Партия глубоко благодарит своих иваново-вознесенских собратьев за то, что они со своим достойным председателем, Иваном Петровичем Борисовым, выпросили у Государя эти золотые, незабвенные слова.

И вот я вчера выехал из Москвы в Иваново-Вознесенск, а при отъезде я получил известие из Петербурга, — известие, что третьего дня владимирский депутат в Государственной Думе, Коммисаров, получил от здешней кадетской партии такую телеграмму.

«Просим предотвратить готовящийся погром. Грозные признаки: усиленная черносотенная агитация, массовые угрозы. Едут Грингмут и Восторгов».

Не правда ли, как страшно! Грингмут и Восторгов. Самые что ни на есть «погромщики»!

Однако вот я приехал сюда, пробыл в Иваново-Вознесенске целый день — и не только «грозных», но и само-

малейших «признаков готовящегося погрома» не заметил. Все фабрики мирно работают; социалисты, познав свою слабость, прекратили свою преступную деятельность; евреев в Иваново-Вознесенске нет; так кто же может вызвать здесь погром?

Но если вы, здешние «черносотенцы», спокойны, то, может быть, это мы с отцом Восторговым приехали сюда, чтобы вас поднять на погром?

Но вы видите, что Восторгова здесь даже и нет. Да и отец Восторгов всегда призывает всех к миру, к христианской любви, а не к погромам. А меня вы знаете. Многие из вас слышали, многие читали то, что я говорю и пишу. Так говорил ли я хоть когда-нибудь что-нибудь «погромное»? Призывал ли я когда-нибудь к насилиям? (*Нет! Нет! Никогда!*) Многие знают меня и по личным беседам. Советовал ли я хоть кому-нибудь действовать против врагов Русского народа какими-нибудь средствами иными, кроме мирных и законных? (*Нет.*) Так, значит, те, кто послали г. Коммисарову эту телеграмму, сказали неправду? (*Неправду! Неправду!*)²

Да, враги Русского народа на каждом шагу говорят неправду.

Сегодня мне подали здесь листок, революционную прокламацию. Много я таких листков перечитал за последние два года, но такого лживого листка я еще ни разу не видал. Посудите сами!

Вот этот листок.

Сперва все идет как следует: начинается листок истасканным призывом «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» и подписан он «Иваново-Вознесенский комитет Российской социал-демократической рабочей партии 11 июня 1906 г.»

Но уже само заглавие листка необычно:

«Черная сотня призывает к забастовке».

Что за притча? Это уже совершенно новая для нас клевета! До сих пор наши враги обвиняли нас в устройстве погромов, но ни разу еще никто не укорял нас в устройстве забастовок. Ведь забастовки — это исключительная выдумка и принадлежность социалистов; они их устраивали, они их

защищали, а мы всегда боролись против забастовок. А теперь вдруг, изволите видеть: «черная сотня призывает к забастовке!» Ведь мы с вами — «черная сотня»? Да? (*Да! Да!*) Я за себя ручаюсь, что никогда никого к забастовкам не призывал. А вот может, вы здесь, в Иваново-Вознесенске, таким постыдным делом занимаетесь? А? Признайтесь-ка! (*Смех. Нет, нет, мы всегда были против забастовок!*) То-то же! Так, значит, тут наши неприятели опять наврали? (*Наврали! Они всегда врут!*)

Посмотрим же, что дальше написано в листке:

«Соорганизованная в прошлом году Правительством...»

Это что такое? Вы не сами собрались, а вас собрало Правительство? Может быть, оно вам и деньги за это заплатило? Сознавайтесь? Ну вот вы, например, сколько получили? (*Смех. Никто ни копейки не получил! Мы сами собрались!*)

Верю вам, люди православные! Мы все во всей России собрались по зову Царя, безо всякой корысти, а себе в прямой убыток, так как нас травят, нас же бойкотируют за нашу преданность Царскому Самодержавию, а если мы защищаем Самодержавие против его врагов, если мы срываем личину с этих врагов, — нас же Правительство под суд отдает!

Не Правительство нас организовало, а мы сами организовались, помимо Правительства, из одной любви к Родине и к Царю-Батюшке, из одной приверженности к Божией Церкви Православной. (*Верно! Верно!*)

Так вы видите, что и здесь у наших врагов все ложь и ложь!

На каждом шагу ложь. Они судят по себе. Сами они организованы на иностранные, японские и еврейские деньги и шагу без этих денег ступить не могут, а потому они никак не возьмут в толк, что другие люди могут действовать бескорыстно.

Давайте дальше читать:

«Черная сотня, набранная из людей, готовых, как Иуда, продать за несколько сребреников отца и мать, из жандармов, шпионов, подхалимов, — она завлекает в свои сети темные, бессознательные массы».

Позвольте, позвольте! Кто это продал Россию, Царя и Русский народ за еврейские сребреники? Мы или они? (*Они, они! Это они — Иуды-предатели, а не мы!*) А есть ли у вас, среди вашей черной сотни, «жандармы»? У нас их нет. (*И у нас нет жандармов!*) А «шпионы»? (*И шпионов нет!*)

Позвольте, не торопитесь. Почему вы знаете? Может быть, тут среди нас есть шпионы, подсланные кадетами и социалистами! Но только труд их напрасен. Мы не заговорщики, у нас секретов нет. Что у нас на уме, то и на языке. Пусть приходят к нам и шпионы. В чем-нибудь дурном, незаконном, они нас не уличат. У нас ничего поддельного, подпольного нет. А у них? Они одними только заговорами и живут. Они таятся от нас и от Правительства.

Я говорил вам, что у них совесть нечиста; она-то им и не дает покоя. Вот почему они и сочиняют про нас фальшивые телеграммы!

А кто же эти «темные, бессознательные массы», которых мы будто бы «завлекаем в свои сети»?

Да это вы, православные, Русские люди! Это они вас так чтят! Что же, разве вы собрались сюда и творили молитву Господу по «темноте» своей и «безо всякого сознания»? Вы все это делаете неизвестно почему, как бессмысленные животные?

Нет, это неправда! Это они, по слепоте своей, верят в социализм и во всякий заморский вздор, а не мы. Мы сознательно стремимся к охране Царского Самодержавия и ясно понимаем, чем кончится вся эта преступная затея социалистов.

И тут, следовательно, у этих «либеральных» Вральманов все извращено, или, попросту сказать, все наврано.

Точно так же наврано на нас и в этом мерзком листке.

Слушайте:

«Теперь по фабрикам и заводам черная сотня ведет агитацию, подговаривает рабочих бастовать. Подумайте-ка хорошенько, товарищи рабочие, что вы должны делать. Должны ли вы поддерживать черную сотню и начинать забастовку? Не поддавайтесь на эту удочку, товарищи рабочие, берегитесь

провокации и гоните от себя черносотенцев. До тех пор, пока *мы* не призовем вас на борьбу, пока *мы* не скажем вам: «товарищи, за нами» — до тех пор не бросайте работы».

Так вот какую на нас, люди православные, нелепую клевету возводят враги Русского народа!

Это не они, а *вы* ходите по фабрикам и заводам и ведете агитацию, подговаривая рабочих бастовать? (*Неправда! Неправда!*) Ведь вот вас здесь сколько собралось фабричных рабочих; вы лучше всех знаете, что делается на фабриках и заводах; так скажите: был ли хоть раз такой случай, чтобы черная сотня подговаривала рабочих бастовать? (*Никогда этого не было, никогда!*) Так с чего же это они взяли взводить на черную сотню такой поклеп? (*Известное дело, все врут!*)

Врут-то они врут, верно. Но с какой целью придумали они эту новую, совершенно неслыханную, клевету? А вот с какой.

Устроить «всеобщую забастовку» и вместе с ней «вооруженное восстание», — это заветная мечта всех наших крамольников.

Вот почему они в Государственной Думе с первых же слов потребовали освобождения из острогов всех своих товарищей, без которых они ни забастовки, ни восстания произвести не могут. Но Правительство отлично поняло их цель, и как они ни кричали: *амнистия, амнистия*, Правительство главных крамольников из острогов не выпустило.

И вот наши революционеры пришли в отчаяние. Им дозарезу нужны забастовка и вооруженное восстание, а устроить их они никак своими ослабевшими силами не могут.

Тем не менее, кое-где они попытались нащупать почву и на фабриках, и на железных дорогах, — нельзя ли вызвать стачки и бунты и без сидящих по острогам крамольных главарей. Но все их подговоры потерпели неудачу: и фабричные рабочие, и железнодорожники слишком хорошо еще помнят, до какого ужаса довели их крамольники, вызвавшие последние забастовки и восстания. Они отказались слушаться крамольных подстрекателей и продолжали работать.

Но как же теперь этим подстрекателям сознаться в своей неудаче? Уж больно для них это конфузно и позорно. И вот они вздумали, как говорится, свалить с больной головы на здоровую.

Это, видите ли, не *они* пытались теперь устроить забастовку, а мы, монархисты-черносотенцы. И если забастовки теперь не состоялись, так это мы потерпели неудачу, а не они!! (Смех.)

Ну можно ли так бессовестно клеветать на нас, монархистов?!

Вы видите: что ни слово у них, врагов Русского народа, то — ложь; одной только ложью они и живут, и действуют, как среди народа, так и в Государственной Думе.

Вот почему у них и совесть нечиста; вот почему они и в вечной тревоге, что раскроются их шашни, что спадут с них личины, что предстанут они пред Судом Божиим в своем настоящем мерзком виде.

А нам тревожиться нечего. Мы никогда не лжем, никого не обманываем, ни на кого не клеветаем, и совесть у нас чиста. Мы верой и правдой служим Царю нашему Батюшке, Неограниченному Самодержцу Всероссийскому и дорогой нашей Родине.

Не к насилиям и грабёжам зовем мы вас, не к убийствам и погромам, но к мирным, законным средствам борьбы против врагов Русского Царя и Русского народа.

Нас обвиняют в том, что мы «натравливаем одну часть населения на другую». А ведь на самом деле не мы травим, а нас травят. Мы ничего другого не желаем, как жить мирно и спокойно, строго соблюдая существующие законы, а нас бойкотируют, преследуют, лишают нас свободы движения, лишают нас почты и телеграфа, лишают нас пищи, как это было во время тех забастовок, которые мы выстрадали, которыми нам снова грозят крамольники и которые они сейчас же устроят, как только из острогов будут выпущены их вожаки.

Разве это *мы* подняли революционное движение, которое разделило всю Россию на два враждующих лагеря? Это сделали *они*! Это *они* объявили в России войну Царскому Самодержавию и Русскому народу. Это *они* идут походом против России, а когда мы, по долгу нашему, становимся на ее защиту,

когда, по Царскому зову, собираемся грудью отстоять Его Самодержавный Престол, нам говорят, что во всем виноваты мы, так как «раздражаем» этих заклятых врагов России!

А мы ведь готовимся бороться с ними лишь мирными, законными средствами! Словом, книжкой, газетой... Не то что они, которые борются кинжалами, бомбами, грабежом и разбоем...

Обращаюсь лично к вам, дорогие братья иваново-вознесенцы. Пусть мой приезд к вам будет новым доказательством наших мирных, законных стремлений, и пусть он изобличит клеветническую деятельность наших врагов! Они предсказали, что мой приезд сюда послужит сигналом какого-то чудовищного погрома. Так покажем же им, что никогда в Иваново-Вознесенске жизнь не текла так мирно и покойно, как она потечет после сегодняшней нашей с вами первой дружеской беседы, которая, я надеюсь, не будет последней.

Мы и впредь будем, согласно правилам нашей Монархической Партии, бороться с нашими врагами лишь мирными, законными средствами, призывая всех не к забастовкам, а к усердному труду, не к бунтам и восстаниям, а к повиновению законам, отстаивая Неограниченное Самодержавие наших Царей, которое будет *«таким же, каким оно было встарь»*.

Да здравствует Государь Император! (*Ура! Боже, Царя храни!*)

С нами Бог! С нами Царь!

Люди православные! Братья дорогие!

Сколько раз собирались вы за последнее время тяжело-го лихолетья в гнетущей тревоге и глубокой скорби; сколько раз возносили вы со слезами к Господу Богу горячие молитвы о спасении нашей дорогой Родины, ясно сознавая, что ни откуда, как от Бога, ей спасения быть не может; сколько раз вы только этой молитвой и облегчали свои сердца, так как здесь на земле вас окружал ужасающий мрак, из которого к вам не доходило ни единого луча светлой надежды, отрады или духовного облегчения!

А ныне все изменилось! Я вижу на ваших лицах и радость, и бодрость; Господь смилостивился над нами, Он внял нашим мольбам, и непроглядный мрак, заставший было весь небосвод России, начинает редеть, местами уже проглянула небесная лазурь, и лучи солнца, от которых мы за три года отвыкли, снова озаряют нас своим животворным светом и теплом!

О, как прекрасен солнечный день после грозы! Вся природа является в праздничном уборе, и чистый, бодрящий воздух наполняет наши легкие чудодейственной силой, мощно разливающейся по всему нашему телу и окрыляющему наш дух к новой жизни, к новым подвигам, к новым надеждам!

Но что же случилось?

Как что? Господь услышал нас, Он, значит, с нами! (*С нами Бог! С нами Бог!*) А почему Он с нами? Да потому, что мы все время стремились быть с Ним, ни шагу не ступали без Него, каждое дело, каждое собрание наше начинали и кончали искренними, к Нему обращенными, мольбами.

Собрались социалисты, трудовики, кадеты и октябристы, собирались чаще нас, говорили больше нас, действовали громче нас, не жалея ни сил, ни средств, но слышали ли вы когда-нибудь, чтобы они перед своими делами и словами хоть раз осенили себя крестным знамением? (*Нет, нет! Ни когда они этого не делают!*) Они, очевидно, не хотят «оскорбить» того, кто пуще всего боится креста Господня. (*Верно, верно! Смех.*)

Ну и что же? Кого наградил Господь радостью? Социалистов и трудовиков? Нет: они после 3 июня¹ скрежещут зубами. Кадетов? Нет: кадеты перед ярким светом Царского Манифеста извиваются и шипят, как ядовитые змеи. Октябристов? Нет: они льют крокодиловы слезы. Кому же Господь послал радость? (*Нам, нам, одним нам.*)

Да, братья дорогие, одним нам. Но разве мы одни? Да кто же мы? Одинокая кучка? Нет, мы — Союз Русского Народа, мы — *многомиллионный Русский народ*, соединившийся в один громадный Союз вокруг нашего Царя Самодержавного! (*Верно. Мы все за Царя!*)

Так, значит, Господь послал радость *всему Русскому народу*, стоящему за своего Царя-Батюшку; Господь смиростивился над всем православным Русским народом и порадовал великой благостыней Своей всех Русских людей, а не социалистов, трудовиков, кадетов и октябристов, которые ничего общего ни с Богом, ни с Царем, ни с Русским народом не имеют, которые злобствуют, шипят и плачут в то время, когда Царь со Своим народом в радостном умилении благодарит Господа.

Да, люди православные! С нами Бог, но с нами и Царь!

Все эти социалисты, кадеты и октябристы, как бы они ни ссорились между собой, всегда сливались в одном желании «сохранить, сберечь» крамольную Думу, и лишь мы, лишь Русский народ возмущался до глубины души безобразиями этого мятежного, адского скопища и молили Царя об ее разгоне. А Царь и Сам давно об этом думал.

Кто же угадал заветные мысли Царские? Мы или они? (*Мы!*) Да, теперь мы знаем, что те же мысли о Думе, которые имели мы, имел и Царь; теперь для нас стало ясно, что Он, наш Батюшка, так же возмущался Думским озорничеством, как возмущался им и Русский народ; теперь нельзя сомневаться, что Царь, как всегда, так и во все это время был со Своим Народом, а не с социалистами, октябристами и кадетами, которые так нежно, так любовно «берегли» Думскую крамолу и которые ныне проливают слезы о том, что Государь, как истинный неограниченный Самодержец, не только уничтожил эту крамолу, но и собственной своей Державной Властью, без всякой «конституции», Сам издал закон для того, чтобы такая противонародная Дума уже более не повторялась. (*Верно, верно! Долой крамольную Думу! Долой конституцию!*)

Вы помните, что мы лишь *один* день, 17 октября, были ошеломлены государственным переворотом, который затеял было произвести граф Витте (*Граф Полусахалинский! Смех*). Но уже 18 октября Русский народ опомнился и громко выразил свой протест, когда сторонники графа Витте ходили по городам и селам с красными флагами, крича: «Долой Самодержавие!»

Правда, 18 октября протест Русского народа раздался главным образом лишь в широких низших его слоях, в «черном» народе, который своей чуткой душой, безо всякой мудреной науки, сразу уразумел, что Россия без Самодержавия быть не может. Средние классы, «интеллигенты», дрогнули перед крамолой и, за немногими исключениями, поверили, будто у нас в самом деле уже нет Царского Самодержавия; а петербургские бюрократы да судейские чиновники и адвокаты вместе со всеми евреями открыто провозглашали, что Царское Самодержавие в России заменено «конституцией».

И вот начался великий спор на Святой Руси.

«Нет Самодержавия!» — кричали интеллигенты, евреи, судьи и адвокаты.

«Есть Самодержавие!» — отвечал им единогласно Русский Народ в своих союзах.

«В России введена конституция!» — уверяли и доказывали октябристы, кадеты и социалисты.

«В России нет и не может быть конституции!» — возражали мы с вами.

«Царь ограничен конституцией!» — горячились Виттевские клеветы.

«Православный Царь никакими земными учреждениями не ограничен, а ограничен лишь Богом, пред Которым Он только и ответствен» — неизменно повторяли мы, опираясь на учение Православной Церкви.

«Царь Сам не смеет издавать законов!» — упорствовали враги России.

«Царь имеет право Сам издавать, изменять и отменять законы, если того требует благо Государства!» — неизменно утверждали Союзы Русского Народа.

Так спор наш мог длиться до бесконечности, пока его не решил Сам Государь.

Относительно *Самодержавия* с высоты Престола раздались ясные, непреложные слова: *«Самодержавие Мое останется таким, каким оно было встарь»*.

Слова «конституция» Государь ни в Манифестах, ни в Указах, ни в Высочайших ответах *ни разу не произносил*, и, — в этом мы уверены, — *никогда не произнесет*.

А что касается мнимой *ограниченности* Самодержавной Власти, не могущей будто бы издавать законы без одобрения Государственной Думы, Царь ясно доказал ее полную *неограниченность*, издав Собственной Властью новый избирательный закон.

Итак, кто же ошибался в своих утверждениях? Мы или октябристы? (*Октябристы!*) Кто говорил ложь? Мы или кадеты? (*Кадеты!*) Кто были революционеры? Мы или социалисты? (*Социалисты!*) Кто угадал истинные мысли Русского Царя? Мы или они? (*Мы! Мы!*) С кем стоит Русский Царь, со Своим Народом или с евреями, октябристами, кадетами и социалистами? (*С нами, с нами! Со Своим Народом, с Русским народом!*)

Да, братья дорогие! Если могли быть еще какие-нибудь сомнения в этом ясном вопросе, то они 3 июня, с появлением Царского Манифеста, окончательно исчезли. Кто теперь может отрицать, что мы с Царем, и что Царь с нами? (*Никто! Никто! И Бог, и Царь с нами!*)

Но этого мало. Царю нашему Батюшке угодно было заявить пред всем миром, что Он не только с нами, то есть с Русским народом вообще, но и в особенности с Союзом Русского Народа.

Вы, конечно, все уже знаете, какой поистине всемилостивейшей телеграммой Государь Император осчастливил председателя Главного Совета Союза Русского Народа², а через него и весь наш Союз? (*Читали! Читали! Спаси, Господи, Царя за ласку!*)

В этой телеграмме, с начала до конца, каждое слово — золотое, драгоценное! Но всего дороже для нас призыв Царя, чтобы мы были для Него «*надежной опорой*».

Быть опорой своему Царю, — какое счастье, какая честь, какая слава, — какая ответственность, какой великий долг, какая серьезная обязанность!

Много политических партий, союзов, фракций и кружков развелось ныне на Руси. Кого же призывает Царь Себе в опору? Трудовиков? Нет. Кадетов? Нет. Октябристов? Нет. Кого же? Одних только нас, — Союз Русского Народа.

Почему?

Да потому, прежде всего, что Союз Русского Народа — не партия, а весь многомиллионный Русский народ, объединившийся в общий Союз. Царь стоит выше политических партий и ни к одной принадлежать не может. Но Союз Русского Народа — не партия, а Народ. А быть заодно с Русским народом Царь не только может, но иным себе Его и представить нельзя.

А затем Государь видит резкое различие между нами и разными там кадетами, октябристами и социалистами.

Кадеты убеждены в том, что они с помощью графа Витте вырвали Верховную Государственную Власть из рук Царя и что эта власть принадлежит теперь им, кадетам. В этом убеждены и социалисты, и октябристы, и, завидуя кадетам, они пустились с ними в грызню, стараясь урвать себе этот лакомый кусок... Все они с алчным властолюбием стремятся присвоить себе Государственную Власть, все они только о том и мечтают, как бы сделаться министрами, как бы присвоить себе власть Царя, чтобы затем управлять Россией.

Присвоить себе вырванную у Царя власть — об этом все они мечтают, и Алексинский, и Маклаков, и Винавер, и Александр Иванович Гучков. В особенности Александр Иванович. (*Громкий смех.*) Каждую неделю его друзья предлагают ему в газетах новый министерский портфель. (*Смех.*) Быть у власти — это его мечта, и в этом он ничем не отличается ни от Алексинского, ни от Маклакова, ни от Пергамента³.

Ну а слышали ли вы когда-нибудь, чтобы какие-либо члены или руководители Союза Русского Народа старались вырвать Власть у Царя? (*Никогда!*) Напротив того: мы тем именно и отличаемся от всех этих Алексинских, Гучковых, Кизеветтеров и Абрамсонов⁴, что мы хотим *возвратить* Государю ту Власть, которую они у Него похитили, или, вернее сказать, мы хотим сохранить за Царем ту Власть, которую они хоте-

ли у Него похитить. Ибо мы продолжаем утверждать, с большей чем когда-либо уверенностью: *Русский Царь даже после 17 октября сохранил всю Свою неограниченную Самодержавную Власть во всей ее неприкосновенности. (Верно, верно, ура! Ура!) Царь Самодержавный, Царь неограниченный!)*

Да, люди православные, Русский Царь Самодержавен и не ограничен никакими земными учреждениями. Мы всегда это утверждали. Нам не верили, нас бранили, на нас клеветали, нас упрекали в том, что мы «революционеры справа», что мы «идем против Царя», а теперь все должны убедиться, что Сам Царь идет к нам, что Царь с нами!

Но я уже сказал вам, что это великое счастье наше налагает на нас и великую ответственность и строгую обязанность — быть неизменно достойными той милости и того доверия, которыми нас осчастливил Государь! Мы должны отныне стоять не только на страже Царского Престола и служить ему «надежной опорой», но мы должны стоять и на страже своего верноподданнического долга, памятуя данную нами Царю присягу, и ни на шаг от нее не отступать. Мы должны быть еще более строги и требовательны к себе, чем прежде, и исполнять данное нам Государем повеление — *«служить для всех и во всем примером законности и порядка»*.

Вы знаете, какую про нас враги России распустили клевету: мы-де черносотенцы, — погромщики, насильники, изуверы, человеконенавистники и чуть не людоеды. Вы точно так же знаете и всю возмутительную ложь этой клеветы. Я вот уже третий год чуть не ежедневно пишу и говорю вам «черносотенные речи»; ну слышали ли вы хоть раз, хоть единый раз, чтоб я вас, в открытых или закрытых собраниях, призывал к погромам, насилиям, к фанатическим преступлениям? *(Нет, нет, ни разу не слышали!)*

Напротив того, я не перестаю отвечать тем из вас, которые жалуются, что мы-де «только говорим, а ничего не делаем», что мы «не берем примера с наших врагов», которые-де «своими делами наполнили шумом всю Россию», — я постоянно отвечаю на такие упреки, что мы никогда не будем брать

примера с наших врагов и никогда не будем подражать их «делам»; их бомбам, взрывам и грабежам. В этом наша «слабость», но в этом же и наша сила.

И смотрите: за эти три года они рвались и метались, устраивали грабежи, поджоги, взрывы и убийства, а мы спокойно шли по прямому пути, собирались, говорили и молились, — и на чьей улице теперь праздник? У них, насильников, бомбистов и поджигателей, или у нас, которые, по словам Царя, «служим примером законности и порядка»? (*У нас! У нас!*) Так будемте же и впредь неуклонно держаться того же прямого пути, зная и ясно видя, к каким он нас приводит благим целям. Разве мы не достигли великой и благой цели, когда Государь ввиду нашей деятельности осчастливил нас названием **«истинно-верных Русских, беззаветно любящих свое Отечество сынов»?**

Но Государь возлагает на нас и другую обязанность: **«сомкнуться еще теснее и постоянно умножать свои ряды».**

Что это значит? А это, во-первых, значит, что мы должны стоять плечом к плечу, не терпеть в своих рядах ни изменников, ни трусов, ни шпионов. А во-вторых, это значит, что мы должны привлекать в свои ряды все новых и новых членов.

Вот вам и *дело*: пусть каждый из вас к следующему собранию приведет с собой хоть одного родственника, знакомого или друга, и наши ряды сразу удвоятся, а затем с каждым собранием они будут точно так же удваиваться, а к пятому собранно они уже удесятерятся!

Теперь вам уже легко будет исполнять эту Царскую Волю; теперь ведь уже не может быть никаких сомнений относительно правоты и законности ваших желаний и действий. Услышите вы такие сомнения, вам только стоит показать Царскую телеграмму, — а она теперь уже разошлась в миллионах экземпляров по всему Русскому народу, — и все сомнения сразу исчезнут. Все убедятся, что мы не погромщики, людоеды, коль скоро Царь нас милует названием «верных сынов России, беззаветно любящих свое Отечество», и что мы идем не против Царя, а с Царем, так как Он Сам призывает нас служить Ему «надежной опорой».

Но, может быть, вы натолкнетесь на таких «граждан», которые вам скажут, что они «беспартийные», и сошлутся даже на пословицу: «Моя хата с краю, я ничего не знаю». А вы им скажите:

«Вы, беспартийные, равнодушные! Равнодушные к чему? К судьбе своей Родины, к судьбе своих детей! Если вы дадите разгореться всеобщему революционному пожару, то и ваша хата сгорит, с какого бы края она ни стояла. Быть беспартийным в настоящую критическую минуту, когда решается судьба России, значит быть преступником перед Родиной и послушником перед Царем».

Вот что вы скажите этим беспартийным, и если у них есть Русская совесть, если в них есть малейший прок, они воспрянут духом и пойдут с вами в Союз Русского Народа, чтобы служить «надежной опорой» Царскому Престолу и всей России.

Но этого мало. Высочайшая телеграмма устранила навсегда и все те сомнения, которые могли возникать у лиц, власть имеющих, относительно законности и правомерности Союза Русского Народа.

Уже раньше, до этого столь ясного выражения Высочайшей Воли, многие высшие представители гражданской, военной и духовной власти относились к Союзу Русского Народа с полным сочувствием и доверием, становясь в его ряды и даже в его главе.

Но многие начальствующие лица выражали нашему Союзу холодное, бюрократическое равнодушие, а иные даже преследовали его, веря еврейским пасквилям и клеветам и считая нас, с большей или меньшей искренностью, «революционерами справа» и «врагами Царя», Который-де отрекся от Самодержавия и Сам надел на Себя конституционные оковы!

Теперь наши духовные, гражданские и военные администраторы ничего подобного думать не могут. Теперь они *обязаны* не препятствовать, а *содействовать* нам в исполнении нами Царской Воли — «служить надежной опорой» Царю и с этой целью «теснее сплачиваться» и «умножать наши ряды».

Теперь ведь для всех является неопровержимой истиной, что Царь с нами, что Царь с Союзом Русского Народа!

А потому пусть все помнят, что идти против Царя — значит идти против Союза Русского Народа, а идти против Союза Русского Народа — значит идти против Царя! (*Ура! Ура! Верно! С нами Царь! С нами Бог!*)

Чего нам страшиться и на что надеяться?

Речь, произнесенная 22 июля 1907 года на Собрании
Калужского отдела Союза Русского Народа в
присутствии г. Калужского губернатора¹

Ваше превосходительство!

Люди Русские, Православные!

Позвольте мне высказать пред вами несколько размышлений по поводу переживаемых нами событий!

В той тяжелой смуте, которая вот уже третий год терзает нашу дорогую Родину, Русскому народу приходится бороться за священные свои заветы среди небывалых доселе в России условий.

Бороться легко, когда ясно различаешь своих врагов и своих друзей.

Так доселе всегда и бывало на Руси, когда в пределах ее возникали смуты. Разве и в 1612, и в 1812, и в 1863 году русские люди не видели с полной ясностью, кто им враг, и кто им друг? Они, не колеблясь, шли и на поляков, и на французов, и на всех, кто стоял на стороне этих врагов России.

Теперь не то.

Теперь враги России нарядились в овечьи шкуры и прикидываются «друзьями» Русского народа. Все они подходят к нему со лъстивыми речами и щедрыми обещаниями всевозможных земных благ; все они стараются одурманить его своим заморским зельем — разными социалистическими, революционными, демократическими, конституционными и прочими крамольными лжеучениями, в которых, конечно, простому русскому человеку разобраться очень трудно.

И вот мы действительно видим, что нашлись такие скудоумные русские люди — и интеллигенты, и крестьяне, и рабочие, которые запутались в расставленные им сети и теперь барахтаются в них, не зная, как им из них выбраться.

Но главная масса Русского народа не дала себя обморочить. Его спасла здравая русская смекалка. Он стал распознавать своих ложных и истинных друзей по очень простой проверке: кто среди своих сладких речей и золотых посулов ничего ни о Церкви Православной, ни о Царе Самодержавном не говорит, — тот, значит, враг Царю и Народу, к какой бы партии он ни принадлежал и как бы красно ни говорил. А коли кто за святое Православие стоит да за неограниченное Царское Самодержавие, тот, стало быть, друг Царя и Народа, хотя бы он крестьянам никакой даровой земли не сулил и рабочих на забастовочную борьбу с капиталом не подбивал.

Ну, а раз Русский народ с волков сорвал овечьи шкуры, волки для него уже не страшны. И мы действительно теперь видим, что теперь уже волки страшатся Русского народа, а не Русский народ волков.

Для Русского народа лишь тайный враг опасен, а явного он не боится; это было бы трусостью, а Русский народ не трус. Он это показал 18 октября², когда сам, безо всяких внешних побуждений, встал на всем пространстве России и положил конец и красным флагам, и мятежным крикам: «Долой Царя! Долой Самодержавие!»

Ведь мы, люди Православные, тоже «октябристы», но только мы величаем день не 17-го, а 18-го октября, не начало русской революции, а начало русского народного самосознания, воспрянувшего на защиту своего Самодержавного Царя.

Но если нам нечего бояться явных врагов наших, которые, вы сами видите, пошли уже на убыль, то у нас остались еще тайные враги, которых нам действительно следует опасаться.

Враги эти — в нас самих.

А называются они: беспечность, легкомыслие, невежество.

Мы слишком беспечно и небрежно относимся в обыкновенное, мирное время к нашему долгу, к нашим обязанностям перед Богом, перед Царем и перед нашей Родиной — Россией. Мы все ждем, чтобы грянул гром, и тогда, вскочив со своего ложа, начинаем креститься.

Скажите по правде, по совести, как вы жили до разразившейся над вами грозы? Так ли, как подобает истинным сынам Православной Церкви и верноподданным Русского Царя, помня принесенную вами Ему присягу?

О, конечно, не вы сами шли против Бога и Царя, но вы спокойно смотрели, как против Бога и Царя шли ваши земляки, соседи, друзья, родственники и даже дети! Вы против этого не восставали, не принимали мер, чтобы на первых же порах обезглавить подкрадывавшуюся к вам змею, вам все казалось, что все это одно «баловство», что все это «так само собой пройдет», что не стоит вам тревожиться из-за таких «пустяков».

Вот они какие «пустяки»: забастовка, вооруженное восстание, бомбы, взрывы, миллионные грабежи, бесчеловечные убийства, покушения на жизнь Царя и всего Царского Семейства, крамольные и каторжные Думы, и, что всего ужаснее, — заключение Государя в конституционные оковы!

С Божьей помощью вся эта нечисть рассеется, и Государь, опираясь на свой Народ, водворит снова законный порядок в своем Государстве.

Ну а вы что же тогда будете делать? Снова успокоитесь, снова заснете в прежней беспечности и снова будете равнодушно взирать на то, как вокруг вас будет подготавливаться новая революция? А что у нас враги России снова затеют и вторую, и третью, и четвертую революции, — в этом, конечно, не может быть ни малейшего сомнения. Весь вопрос только в нас, как мы отнесемся к этим затеям.

Вот где истинная опасность, вот чего нам нужно страшиться — нашей обычной, веками унаследованной беспечности. Извините меня за резкое, но, сознайтесь, справедливое

выражение, — нам нужно страшиться нашей сонливой халатности, нашей обломовщины.

Опасайтесь этого нашего злейшего внутреннего врага! Боритесь с ним на каждом шагу, то есть боритесь сами с собой, со своими недостатками, влекущими вас на путь преступный, путь потворства врагам Царя и России.

Безумное учение графа Толстого, — кощунственно исказившего учение Христа, — это безумное учение, советующее «не противиться злу», нигде, ни в каком народе не нашло столько последователей, как именно в народе Русском, в народе Обломовых, обрадовавшихся тому, что они могут жить небрежно, сонливо, халатно, на законном будто бы «религиозном» основании, и равнодушно потворствовать «из человеколюбия» всякому злу, грозящему пожарами, грабежами, убийствами и динамитными взрывами. Хорошо «человеколюбие»!

Нет, братья православные, противьтесь злу в самом же его начале, тогда вы спасете сотни, тысячи ближних ваших от нравственной и телесной смерти. Это и есть истинное человеколюбие, заставляющее нас не потворствовать гибели наших соотечественников, родных и детей, а предотвращать ее, искореняя самые ее зачатки. Противьтесь злу, коль скоро вы по совести признали его злом, всеми своими силами; бодрствуйте неустанно, напряженно, дабы искоренить зло на всех его явных и тайных путях, прежде чем оно успеет подкрасться к вам и к вашим ближним, прежде чем оно успеет вовлечь их в свои коварные сети, в которые, как вы видите, ныне запутались, по нашей с вами вине, столько несчастных жертв бессердечной, хищнической крамолы. Подумайте, сколько погибло наших сыновей и дочерей, сколько братьев и сестер в когтях революционного Молоха, которых мы могли бы спасти, если бы мы с самого начала выступили с непощадной борьбой против этого стоголавого чудовища, если бы мы преградили ему дорогу и в наши школы, и в наши суды, и в нашу печать, и в наши семьи.

За школы, суд и печать отвечает, конечно, Правительство, но за семьи отвечаем мы с вами.

Вот, например, какой у меня был разговор с одним помещиком.

— Взял я, — говорит он, — к себе на лето студента детей обучать. Ну, батенька, чистейший социалист! Что он только про Бога и Царя врет, это уму непостижимо. И все так складно, завлекательно.

— Ну, конечно, вы его сейчас выгнали вон?

— Нет, он славный малый, забавник такой, без него нам было бы скучно, особенно жене.

— Ну а дети?

— Что дети? Они его обожают; он и зимой их будет обучать.

— Да ведь он сделает из них анархистов.

— Ну вот, уж и анархистов! Типун вам на язык! Авось к ним эта мерзость не пристанет!

Вы слышите? Авось не пристанет! Вот они, наши враги: авось, небось и как-нибудь! Вот чего мы должны страшиться!

А еще нам нужно страшиться нашего легкомыслия, которое, в сущности, является следствием и нашей природной небрежности, и нашего невежества, о котором мне придется сейчас говорить подробнее.

Мы услышим какого-нибудь краснобая, прочтем какую-нибудь брошюрку, — и готовы сейчас же, безо всякой проверки, не только слепо верить этому болтуну и этой книжонке, но немедленно приступить к осуществлению того, иной раз нелепейшего вздора, который мы только что прочли или услышали.

Это опять-таки наша чисто русская, или общеславянская характерная черта. Мы быстро увлекаемся какой-нибудь новой идеей потому только, что она нова, и не только не думаем проверить ее деятельность, серьезность, практичность, но и не желаем произвести эту проверку только потому, что она мешает нашему увлечению. Потом, на деле, мы сами рас-

каемся в своем увлечении, и опустим крылья, и погрузимся в свое обычное уныние, в свою обломовщину, горюя о том непоправимом вреде, который мы натворили своим легкомысленным увлечением, пока нас не огорошат какой-нибудь «новейшей» идеей, «последним словом науки», которым мы снова так же легкомысленно, беспроборочно увлечемся, с тем чтобы опять разочароваться, раскаяться и растянуться на обломовском диване!

Да, сколько раз мы увлекались этими «последними словами науки» потому только, что мы не знали первых ее слов!

Сердце обливается кровью, когда приходится вспоминать о нашем научном невежестве, о том, что храмы русской науки, наши университеты, всегда занимали самое последнее место среди всех европейских университетов (за исключением разве испанских); а ныне, когда в них, по желанию наших профессоров и студентов, воцарилась пресловутая «автономия», они прямо вычеркнуты из списков европейских высших научных заведений. Ибо какие же это научные заведения, если в них происходят уличные революционные сходбища и если в них хранятся склады крамольной литературы, оружия, бомб и динамита?!

А как производятся в них «научные» экзамены? Вот образчик — действительный факт.

Студент: Г. профессор, я ничего из этого предмета не знаю. Потрудитесь мне поставить четверку.

Профессор: Если вы ничего не знаете, я вам поставлю единицу.

Товарищи студента: Как вы смеете?! Вы хотите погубить карьеру молодого человека! Извольте ставить четверку.

Профессор: Да ведь он ничего не знает.

Товарищи: Потому вы и должны поставить ему четверку, оценив его искреннее признание. Если б он хоть что-нибудь знал, тогда мы потребовали бы у вас пятерки. Нечего разговаривать, ставьте!

Профессор: Слушаюсь, ставлю четыре.

И вот выходит молодой человек с университетским дипломом, не зная в науке ни аза, но «с обеспеченной карьерой».

Вы поручите ему вести ваш процесс, — он его проиграет и введет вас в страшные убытки; вы пригласите его к больному, — он его отправит на тот свет; а в гимназии он будет учить ваших детей своему собственному невежеству!

Вот до чего дошли наши университеты: они выдают своим питомцам фальшивые дипломы и выпускают из своих стен круглых невежд с широкими научными и государственными правами!

Мы и без того страшно отстали в научном отношении от Европы, а теперь «освободительное движение», во главе которого стоят наши «профессора», отбросили научный уровень наших университетов на несколько столетий назад. Вот они, наши «ретрограды», «гасители просвещения»! Не мы, а они окунули Россию во мрак невежества; мы же хотим двинуть Россию вперед, к свету истинной науки, и поставить наши университеты на уровень лучших университетов Европы!

Кому мы обязаны увлечением «конституцией», «парламентаризмом», «выборным началом», «народовластием», как не невежеству, грубому незнанию всемирной истории, истории Западной Европы и истории России? Увлекаться вздорным демократическим учением Жан-Жака Руссо могли французы конца XVIII века только потому, что они еще не знали того ужаса, к которому, по необходимости, привело это учение, когда оно было применено к действительной государственной жизни. А вот русские «конституционалисты» увлекаются и нас хотят увлечь этим позорным учением, несмотря на то, что пред их глазами стоит весь XIX век, доказавший абсолютную негодность и вред этого учения, если оно не парализуется великим национальным подъемом всего государства! Эти господа хотят нас тоже вернуть назад на целое столетие и притвориться, будто бы мы — те же французы, которые увлекались теориями Жан-Жака Руссо, не испытав их еще на практике.

Таким образом, и здесь ретроградами являемся не мы, а «конституционалисты»! И все по той же причине, — по невежеству.

Итак, вот наши вечные враги — беспечность, легкомыслие и невежество. Вот чего нам нужно страшиться!

Ну а на кого же нам надеяться?

Прежде всего, на Бога!

Еще полгода тому назад ум человеческий отказывался найти исход из того ужаса, в который ввержена была Россия. Мы ждали только чуда Божьего. И оно явилось в виде внезапного просветления русских умов.

Если бы полгода тому назад мы стали утверждать, что в июне 1907 года в Москве соберется общеземский съезд и выскажется против «освободительного движения»³, то никто бы нам не поверил, да и мы сами, признаться сказать, не поверили бы в возможность этого чуда.

Но чудо это совершилось! А чудеса совершаются только Богом.

Ну а затем, конечно, нам нужно надеяться на Царя.

Царь доказал 3 июня⁴ всему свету, что Самодержавие Его осталось действительно таким, каким оно было встарь, что он свободен от каких бы то ни было конституционных оков, что Он обладает всей мощью неограниченной Самодержавной Власти, что для него в пределах этой власти нет ничего невозможного, коль скоро дело идет о благе России.

Как же нам в таком случае не возлагать наших надежд на нашего Царя? Ведь мы приходили только потому в уныние, что Петербург все нас уверял, будто после 17 октября Государь чего-то лишился в своих державных правах, что он теперь чего-то делать не может.

Слава Богу! Петербург на этот раз был очень плохо осведомлен. Мы, люди Русские, православные, лучше знали своего Царя-Батюшку, чем гг. петербуржцы. Да и он, желанный наш, тоже знает нас, своих деток, лучше Петербурга, который нас совсем не знает, да и знать не хочет.

Итак, будем надеяться на Бога и на Царя!

Но помните русскую пословицу: «На Бога надейся, а сам не плошай»! Мы должны возложить надежды и на себя самих.

Мы 18 октября исполнили свой долг и с тех пор стоим бодро на страже Православной Церкви и Самодержавного Царского Престола.

Так будем же и впредь стоять на этой страже с той же бодростью, как и ныне, если даже теперешняя опасность минует.

От нас будет зависеть, чтобы Россия впредь уже никогда революционной опасности не подвергалась, чтоб она могла всегда твердо уповать на Бога, на Царя и на Русский народ!

ИДЕОЛОГИЯ И ПРОГРАММА МОНАРХИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

Руководство черносотенца-монархиста

1) *Что такое «черная сотня»?* «Черная сотня» — это тысячи, миллионы, это — весь Православный Русский Народ, остающийся верным присяге неограниченному Самодержавному Царю.

2) *Откуда это название «черная сотня»?* Враги Самодержавия называли «Черной сотней» тот простой, черный Русский народ, который во время вооруженного бунта 1905 года стал на защиту своего Самодержавного Царя.

3) *Почетное ли это название «Черная сотня»?* Да, очень почетное. Нижегородская черная сотня, собравшаяся вокруг Минина, спасла Москву и всю Россию от поляков и русских изменников, и к этой славной черной сотне присоединился и князь Пожарский с верными Царю русскими боярами. Все они были настоящими «черносотенцами», и все они стали, как и нынешние «черносотенцы-монархисты», на защиту Православного Монарха, Самодержавного Царя.

4) *Что такое «Монарх»?* «Монарх» значит *Единодержец, Самодержец*. Таким Самодержцем является Русский Царь, который Один правит всей Россией. Русский Самодержавный Царь отвечает только перед Богом и повинуеться только тем законам, которые Он, установленным порядком, Сам издал по Божьей и Своей собственной Царской Воле.

5) *Что такое «монархист»?* «Монархистами» зовутся те Русские люди, которые чтут и охраняют Самодержавную Власть своего Царя и не допускают, чтобы какая-нибудь земная власть ее ограничивала.

6) *Кто же в настоящее время хочет ограничить Самодержавную Власть Русского Царя?* Внутренние враги России в союзе с ее внешними врагами.

7) *Кто эти внутренние враги?* 1) Конституционалисты, 2) демократы, 3) социалисты, 4) революционеры, 5) анархисты и 6) евреи.

8) *Что такое «конституция»?* Конституция есть контракт, договор между Царем и Народом. В Западной Европе, где Цари со своими народами ссорились и враждовали, они под конец пошли на мировую и заключили между собой контракт (конституцию), по которому они теперь и живут, зорко смотря друг за другом, как бы кто кого не обошел.

9) *Нужна ли конституция России?* Нет, не нужна. В России народ испокон веков повинуется своему Монарху не по контракту, а по *вере* Христовой — как Помазаннику Божию, по верноподданнической *присяге*, — как Самодержцу, и по сыновней *любви* — как своему Царю-Батюшке. Никогда еще с тех пор, как стоит Россия, Русский Царь со Своим Народом не враждовал, а потому им нет надобности подписывать контракт или конституцию.

10) *Чего хотят «конституционалисты»?* Партия «конституционалистов» хочет ввести в России конституцию, которая связала бы Царя так, чтоб Он не только ни одного закона не смел издавать без разрешения «парламента» или Думы, но чтоб управлял Россией не Царь, а назначаемые парламентом министры.

11) *Что такое «парламент»?* Парламент есть собрание выборных от народа людей, которые называют себя «представителями народа». На самом же деле являются только представителями той партии, которая тем или иным способом одержала верх на выборах. Таким парламентом оказалась и первая Русская Государственная Дума, члены которой обманно называют себя «представителями Русского народа». На самом деле они являются представителями только конституционно-демократической («кадетской») и социалистических партий, которые насилием и обманом одержали верх над истинным Русским народом во время весенних выборов 1906 года.

12) *Что такое «демократы»?* «Демократия» значит *народовластие*. «Демократы» желают, чтобы в России властвовал один только *народ*, а Царская Власть была бы только пустой формой или чтоб ее даже совсем не было, а была бы в России «республика».

13) *Что такое «республика»?* «Республика» есть такое государство без Царя, в котором одна партия, имеющая большинство в парламенте, правит всеми делами и угнетает весь остальной народ, который к этой партии не принадлежит. Во главе такого республиканского государства стоит выборный на несколько лет «президент» или председатель, который никакой власти не имеет и только, как кукла, подписывает бумаги.

14) *Что такое «конституционные демократы»?* Конституционно-демократическая партия, которая для краткости обозначает себя буквами К.-Д. и потому прозвана «кадетской» партией, хочет ввести в России *конституцию*, которая, как сказано выше, свяжет совсем волю Царя. Тогда хозяином в России будет не Царь, а только та партия, члены которой захватят себе большинство мест в Думе, назовут себя «представителями народа» и будут действовать не для блага всего народа, а только для своего личного блага и для блага своей партии.

15) *Что такое «социалисты»?* «Социалисты» хотят переустроить все государство так, чтобы вся власть принадлежала ни Царю, ни народу, а одному лишь чернорабочему люду, и чтобы все жители России принуждены были иметь *одинаковую* работу и *одинаковый* заработок, так, чтобы никто не был богаче или беднее другого. А это такая нелепость, которой нигде никогда не было и никогда не будет, так как все люди разные и одинаково работать не могут; а если нельзя будет заработать себе лишнюю копейку, то и никакой охоты не будет работать. Такое государство либо умрет, либо немедленно сбросит с себя такую нелепую кабалу.

16) *Что такое «социалисты-демократы»?* Это те социалисты, которые хотят *постепенно* осуществить свое нелепое государство «мирным», «законным» путем, через парламент.

17) *Что такое «социалисты-революционеры»?* Это те социалисты, которые хотят осуществить свое нелепое государство немедленно, путем «революции».

18) *Что такое «революция»?* «Революция» есть вооруженное восстание против Царя и существующего государственного порядка. Такое восстание строго карается Божескими и государственными законами. К тому же, если сменить Правительство силой, то завтра же будет новое восстание, и получится «анархия».

19) *Что такое «анархия»?* «Анархия» значит безвластие. «Анархистами» зовут тех людей, которые хотят разрушить все церковные и государственные власти, отменить все законы и ввести всеобщий произвол. Для них ничего нет святого; из их среды, главным образом, выходят «политические» убийцы и метатели бомб.

20) *К внутренним врагам причисляются также и евреи.* Почему? Потому что в теперешней смуте ни один еврей не высказывался за Царское Самодержавие, а большинство евреев, войдя в состав революционного «бунда», всячески поддерживают революцию в России, особенно денежными средствами, для того чтобы добиться равноправия с Русскими, расселиться по всей России и высосать все ее жизненные соки.

21) *Какая главная цель всех внутренних врагов России?* Конституционалисты, демократы, социалисты, революционеры, анархисты и евреи действуют иногда различными способами, а иногда даже и спорят между собой, но все они соединяются в общем стремлении к одной и той же цели — к уничтожению Самодержавной Царской Власти в России: одни хотят наложить на нее цепи, другие хотят совершенно уничтожить ее. Вот вся между ними разница.

22) *Какие средства употребляют внутренние враги для достижения своей цели?* Главные их средства: «революционная пропаганда» и «террор».

23) *Что такое «революционная пропаганда»?* «Пропаганда» значит распространение среди народа разных мнений, взглядов и учений. «Революционная пропаганда» значит рас-

пространение среди народа таких слухов, взглядов и учений, которые могли бы возбудить его против Церкви Православной, против Царя Самодержавного и против любви к Родине. Такую преступную пропаганду ведут внутренние враги России и в школах, и на сходках, и в судах, и в газетах, и в книжках, и в воззваниях, клевета на Царя и Его Правительство и стараясь возбудить в народе вражду против Царя.

24) Что такое «террор»? «Террор» значит *запугивание*. Внутренние враги России стараются запугать Царское Правительство и все Русское общество кровавыми убийствами верных слуг Царя, метаниями бомб, от которых гибнет мирное население, всякого рода забастовками, грабежами казенных и частных денег, вооруженными восстаниями и всякими иными демонстрациями с красными флагами и революционными песнями. Эти негодяи надеются, что Правительство с испуга передаст им всю власть над Русским народом.

25) Почему внутренние враги России ходят с красными флагами? Они избрали себе красные флаги потому, что под красными флагами в Западной Европе совершались самые кровавые социалистические и анархические революции. Такую же кровавую революцию они хотят произвести и в России. Вот почему для России так опасны люди с красными флагами.

26) Кто обязан бороться с внутренними врагами России? Во-первых, вся Императорская армия, во-вторых, все законные правительственные и общественные власти, и в-третьих, все черносотенцы-монархисты, то есть весь Православный Русский народ, остающийся верным присяге Неограниченному, Самодержавному Царю.

27) Какими средствами должна бороться Императорская армия с внутренними врагами России? Всеми мерами строгости, предписанными военным законом, с соблюдением военной дисциплины.

28) Какими средствами должны бороться правительственные и общественные власти с внутренними врагами России? Всеми мерами, которые им предписывают закон и верноподданническая Государю Императору присяга.

29) *Какими средствами должны бороться черносотенцы-монархисты с внутренними врагами России?* Черносотенцы-монархисты должны всюду действовать мирными, законными средствами. Так, например, на *революционную пропаганду* они должны отвечать *пропагандой монархической*, распространяя среди народа справедливые мнения, истинные взгляды и верные учения, которые могли бы разоблачить революционную ложь и укрепить Русский народ в его исконной преданности Богу, Царю и Отечеству. Такую пропаганду черносотенцы-монархисты должны вести и в школах, и на сходках, и в печати, всюду содействуя торжеству света над мраком, истины над ложью.

Лишь в том случае, если внутренние враги России *первые* поднимают явный бунт против Царя, производят революционные демонстрации с красными флагами и красными песнями, или приступают к вооруженному восстанию, — и если при этом военные и полицейские силы не могут прекратить этих демонстраций и этого мятежа, — *лишь в том случае* черносотенцы-монархисты имеют не только право, но и обязанность встать на защиту Царского Самодержавия и, если нужно, жертвовать своей жизнью в непримиримой борьбе с врагами Царя и России. Но и в этом случае черносотенцы-монархисты должны воздерживаться от всяких излишних крайностей и не унижать своего человеческого достоинства.

30) *Могут ли черносотенцы-монархисты идти в чем-либо против своего Самодержавного Царя?* Никогда и ни в чем. Они обязаны повиноваться законной Воле Монарха и служить Ему не только за страх, но и за совесть. Если бы даже какой-либо закон, изданный Государем, оказался неудачным, черносотенцы-монархисты обязаны исполнять его до тех пор, пока его Государь не отменит; ходатайствовать же об его отмене имеет право каждый верноподданный Государя, а следовательно, это право имеют и монархисты. Лишь отмена Самодержавной Монархии для монархистов обязательной силы не имеет, и если внутренние враги России так или иначе лишат

Россию Самодержавной Монархии, монархисты обязаны стремиться к восстановлению этой Монархии.

31) *Как должны черносотенцы-монархисты относиться к Государственной Думе и к новому Государственному Совету?* Учреждение Государственной Думы и преобразование Государственного Совета совершились по воле Государя Императора, а потому черносотенцы-монархисты обязаны в точности исполнять все относящиеся к Думе и Совету законы, пока они существуют. Но опыт уже доказал все несовершенство этих законов, а потому черносотенцы-монархисты обязаны ходатайствовать перед Государем Императором об отмене этих законов и восстановлении истинного Самодержавия.

32) *Что такое «истинное» Самодержавие?* Истинным Самодержцем является тот Монарх, Который действительно Сам лично правит Своим народом и не отделен от него ни парламентом, ни Думой, ни бюрократией.

33) *Что такое «бюрократия»?* «Бюрократия» значит власть, «власть чиновников», которые не допускают народ сообщаться со своим Царем и управляют государством по своей воле, а не по воле Царской.

34) *Как могут сообщаться Царь и народ?* Если между Царем и народом будет стоять Дума с ее болтунами и крикунами, которые думают не о благе народа, а только о собственной своей выгоде; точно так же, если между Царем и народом будут стоять чиновники, — Царь из думских речей и чиновничьих докладов правды о Русском народе не узнает. Он узнает ее только тогда, когда Он будет часто видеться со своим народом, либо объезжая Свою Империю, либо принимая народных депутатов, либо знакомясь с докладами вызванных Им Самим из народа сведущих, дельных, умных и преданных Царю людей.

35) *Правда ли, что черносотенцы-монархисты стоят за сохранение чиновничьих злоупотреблений?* Нет, это ложь. Черносотенцы-монархисты требуют немедленного и строжайшего суда над всеми чиновниками, хотя бы и самыми высокопоставленными, если они виновны в незаконных действиях.

36) *Правда ли, что черносотенцы-монархисты стоят против местного самоуправления?* Нет, и это неправда. Местному самоуправлению монархисты желают предоставить самое широкое развитие, лишь бы оно занималось чисто местными, а не государственными вопросами.

37) *Правда ли, что черносотенцы-монархисты стоят против народного образования?* Нет, неправда. Они желают всеобщего народного обучения, лишь бы оно шло рука об руку с религиозно-нравственным воспитанием: они желают, чтобы в средних и высших учебных заведениях шло правильное серьезное учение, а не велась революционная пропаганда.

38) *Правда ли, что черносотенцы-монархисты стоят против свободы слова и печати?* Нет, неправда: они стоят только против необузданного произвола слова и печати, разрушающего основы Церкви Божией, Царского Самодержавия, народной нравственности и воинской дисциплины, от которых зависит самое существование государства. Черносотенцы-монархисты стоят также против всякой словесной и печатной лжи. Во всех остальных отношениях слово и печать должны иметь право свободного обсуждения всего творящегося в России.

39) *Правда ли, что черносотенцы-монархисты не желают улучшения положения рабочих?* Нет, неправда. Положение рабочих, так же, как и других классов населения, нуждается в различных улучшениях, которые и входят в программу Монархической Партии; но монархисты не допускают рабочего революционного движения, стремящегося не к улучшению быта рабочих, а к государственному перевороту.

40) *Правда ли, что черносотенцы-монархисты не желают улучшения крестьянского быта?* Нет, неправда. Они хотят улучшить этот быт и с материальной и с нравственной стороны. Но они знают, что в земле нуждаются далеко не во всех губерниях и не все крестьяне, и что нужды крестьянские весьма разнообразны, и что им следует помогать разнообразными способами, а не одним только наделением новой земли. Там же, где это наделение возможно, оно должно совершаться без нарушения права собственности.

41) *К чему стремятся черносотенцы-монархисты?* К тому, чтобы воссоздалась могущественная, единая, неделимая Россия и восстановилась грозная сухопутная и морская ее сила; к тому, чтобы Россия управлялась Неограниченным Самодержавным Государем, и чтобы Государя от народа не отделяли ни чиновники, ни думцы; чтобы внутренний порядок и всестороннее, свободное развитие государственных и народных сил строго ограждались твердыми законами, на полное благополучие России и в согласии с ее вековыми историческими основами.

Организация монархической партии

До 18 февраля 1905 года¹ партии в России существовали лишь фактически, не имея определенной организации.

С 18 февраля партиям в России придется существовать *de jure* в качестве сплоченных организмов.

До 18 февраля русское образованное общество фактически делилось на две главные партии, проявившиеся в более или менее ясных очертаниях с начала XIX века, из которых одна называлась «западнической», «космополитической», «демократической», «либеральной», «конституционной» и стремилась, под разными туманными предлогами, как к конечной своей цели, к ниспровержению Самодержавия в России; а другая — «русская», «славянофильская», «консервативная», «охранительная» партия, путаясь иногда в мелких подробностях, отстаивала, между прочим, и сохранение Самодержавия Русских Царей. Эта партия называлась и «правительственной» — в тех случаях, когда само Правительство охраняло Самодержавие.

С 18 февраля эти две парии должны будут выступить уже не с туманными, а с ясными, точно определенными программами и соответствующими им наименованиями. Одна из них будет партией *революционной*, а другая — *монархической*.

До 18 февраля можно было теоретически даже отрицать существование партий в России, на том-де основании, что пар-

тии мыслимы лишь в конституционных государствах, где они борются из-за правительственной власти.

С 18 февраля существование партий в России никем уже не может отрицаться, так как революционная партия готовится вырвать власть из рук Самодержавного Царя, а монархическая призывается Царем к охране этой Власти.

Словом, до 18 февраля партийная борьба в России была случайная, а иногда даже бессознательная, не систематическая, то усиливавшаяся, то прекращавшаяся, без явно и твердо намеченной цели и программы.

С 18 февраля борьба будет открытая, острая, непрерывная — из-за ясно определенной цели.

Почему же 18 февраля имеет столь роковое для России значение?

Разве обнародованные в этот день акты Высочайшей Воли имели своей целью усилить внутренний раздор в России, а не усмирить его?

Да, любвеобильное сердце Государя несомненно рассчитывало на то, что дарованные им 18 февраля милости будут приняты с благодарностью всем Русским народом и Русским обществом, которые затем, с полным доверием к Царю, воздержатся от каких-либо новых требований, вернутся к нормальной жизни и возобновят свои мирные занятия в ожидании осуществления возвещенных с высоты Престола новых законодательных мер.

Эта благая надежда Государя несомненно и осуществилась бы, если б наша революционная партия была доступна высокому, благородному чувству долга, возлагаемого на всех истинно русских людей присягой, приносимой ими Самодержавному Государю.

К сожалению, наши «либералы» не только забыли свою присягу, но даже негодуют, когда им о ней напоминают, а Самодержавия они никогда не признавали и признавать не хотят.

Вот почему они после 18 февраля не только не прекратили своей открытой борьбы против Самодержавия, но еще более ее обострили: они оставили в полной силе организован-

ные ими «боевые забастовки», приступили уже 19 февраля к формулированию новых, явно революционных требований и с неимоверной дерзостью поставили крест над Высочайшим Манифестом 18 февраля, признав его какой-то *quantite negligeable*², чем-то *nul et non avenue*³, и предав его абсолютному игнорированию и полному забвению.

Эта перчатка, нагло брошенная самому Царю и всему его верноподданному народу, не могла остаться неподнятой благомыслящими людьми всех сословий и состояний, которых Государь призывает в своем Манифесте соединиться в дружном содействии ему словом и делом для искоренения крамолы, стремящейся уничтожить Самодержавие. На новый усиленный натиск крамолы эти истинно русские люди воспрянули, дабы дать новый усиленный отпор крамольникам, и теперь уже завязалась борьба, которая может прекратиться лишь полным торжеством священных начал, провозглашенных в Манифесте 18 февраля.

Но день 18 февраля внес в русскую жизнь еще новый элемент партийной политической борьбы.

До сих пор схватки между революционной и монархической партиями происходили на «общественной» почве: в печати, в земствах, в городских думах, в дворянстве, в суде, в учебном и ученом мире, в клубах и различных обществах, съездах и собраниях.

Отныне она будет происходить на почве государственной, если только будут осуществлены в той или другой форме *выборы*, долженствующие дать кадры тех людей, достойнейшие из которых могут быть привлекаемы к предварительному обсуждению законодательных мероприятий.

Кто говорит «выборы», тот говорит «партии»; кто говорит «партии», тот говорит «борьба».

В самом деле, выборы без партийной борьбы немыслимы, а потому нет никакого сомнения, что вокруг предположенных выборов, если только им суждено осуществиться, возгорится ожесточенная борьба, которая еще более усилит настоящий междоусобный раздор, так тяжело отражающий-

ся на всей России. Мы не говорим уже о том, что пример Запада ясно показывает, какому страшному разврату содействуют политические выборы, создающие во время «предвыборной агитации» открытое торжище голосов, подкупаемых деньгами, водкой и лживым краснобайством политических шарлатанов.

Если действительно политические выборы будут введены и в России, то партийная борьба примет у нас неслыханные на Западе размеры.

К этой именно борьбе уже деятельно готовится *революционная* партия, которая надеется с первого же натиска принудить Самодержавие к позорной капитуляции.

С этой именно преступной целью наши «либералы» так энергически принялись за организацию своей партии, которую они стремятся сделать единой, тесно сплоченной на пространстве всей России.

А для организации *монархической* партии у нас, к сожалению, до сих пор еще ничего не сделано.

Правда, там, где у нас уже существуют выборы, то есть в дворянстве, в земстве и в городских думах, организовываются *ad hoc*⁴ и «либеральные» и «консервативные» партии. Но эти партии имеют чисто местный, большей частью личный характер и не объединены общей государственной идеей.

Однако за последние годы «либеральная» партия уже приступила к своей «всероссийской» организации.

Усилиями бывшего председателя Московской губернской земской управы Д.Н. Шипова в Москве образовано было «общеземское бюро», руководившее политической деятельностью «либеральных» фракций во всех земствах Российской Империи. Результатом этой деятельности явился ноябрьский общеземский съезд в Петербурге⁵, положивший начало всему теперешнему внутреннему хаосу, подорвавшему правильную законную жизнь России.

Бороться с такой уже окрепшей и, к сожалению, уже одержавшей несомненные победы организацией может лишь столь же крепко организованная партия монархическая.

А потому каждый мыслящий, честный, истинно русский человек обязан, по долгу своей верноподданнической присяги, последовать призыву своего Царя и поспешить к содействию ему в объявленной им борьбе против крамольников, стремящихся *«разрушить существующий государственный строй и, вместо одного, учредить новое управление странюю, на началах, Отечеству нашему не свойственных»*.

А крамольники эти находятся не только в подпольных берлогах: они ведут свою преступную пропаганду во всех слоях общества и даже в правительственных сферах. Еще на днях князь Мещерский в своем «Гражданине» (№ 17) указал на одного «директора департамента», который осмелился громко в клубе после 18 февраля приветствовать «конец Самодержавия», и «на высокопревосходительного сановника», который поднял на многочисленном обеде бокал «за конституцию».

Мы, следовательно, видим, как близко уже подошли к Царю его враги, руководимые проклятой рукой, беспощадно всеми способами старающиеся толкнуть Россию в бездонную пропасть.

Долее истинно русские люди медлить не могут.

Всюду — и в Москве, и в Петербурге, и в провинции — встрепенулись они, прочитав к сердцу идущие слова Царского Манифеста и теперь всей душой стремятся словом и делом откликнуться на призыв возлюбленного Монарха. Всюду ныне уже громко раздаются голоса, настойчиво высказывающиеся за необходимость объединиться, сплотиться, составить общую всероссийскую дружину вокруг Царского Престола, для того чтоб общими силами отразить начавшийся штурм на твердую Самодержавия.

И вот как в столицах, так и провинциальных городах, как в помещичьих усадьбах, так и на волостных сходах, собираются русские люди, чтобы вместе поделиться мыслями об опасности, созданной крамоллой, и обсудить меры борьбы против этой опасности.

На этих случайных, более или менее многочисленных, съездах и собраниях идут толки о том, что нужно всем русским

людям ближе узнать друг друга и сговориться относительно общей программы и способов ее осуществления; высказываются мнения, что следует в каждом городе образовать союзы, братства, товарищества под священными стягами Православия и Самодержавия, дабы встретить напор врагов в полном единодушии и единомыслии с Царем, как этого требует сам Государь в своем Манифесте.

Да, этот всеобщий подъем Русского духа теперь необходим. Монархическая партия, твердо опирающаяся на ясно выраженную Верховную Волю Царя и на глубокую, заветную преданность многомиллионного народа своему Самодержавному Государю, стоит и в историческом, и в нравственном, и в количественном отношениях неизмеримо выше той шайки крамольников, которые лишь благодаря своей организованной наглой стремительности терроризируют всю Россию.

Ввиду этого необходимо и монархической партии организовать свои силы, которые ныне разбросаны по всей России и лежат втуне, безо всякого единства действий, без программы и без вождей.

Теперь программа у нас уже готова: это — Царский Манифест 18 февраля. Это наш непоколебимый базис, от которого мы никогда не отступим, всегда и всюду осуществляя в жизни его священные основы. Мы тем настойчивее будем напоминать всем и каждому дивные слова этого Манифеста, чем упорнее враги Царя будут стараться игнорировать его.

Как мы уже сказали на днях, Манифест 18 февраля будет Альфой и Омегой всей нашей государственной и общественной жизни, и все усилия врагов России будут бесплодны, так как мы твердо будем держаться предписанной нам Манифестом программы. *Nous n'en demorderons pas!*⁶

А что касается вождей этого всероссийского монархического движения, то они сразу обозначатся, как только истинно русские люди всюду будут сходиться вместе для взаимного обсуждения тех мер, коими следует осуществить требования Державной Воли, изложенной в Манифесте 18 февраля.

В каждом городе выдвинутся лица, отличающиеся своим умом, вокруг которых сами собой сгруппируются остальные их единомышленники и чрез которых они легко вступят в общение с теми группами, которые уже образовались и в Москве, и в Петербурге.

Среди разнузданного кагала нашей «легальной» революционной прессы уже теперь раздаются, как в Петербурге и Москве, так и в некоторых провинциальных городах, одинокие, но твердые голоса искренно убежденных органов печати, беззаветно преданных великим идеям Православной Церкви, Царского Самодержавия и Русской народности. Эти органы точно так же могут стать центрами людей, верующих в эти священные начала и готовых на самоотверженную деятельность для того, чтоб обеспечить этим началам полное торжество на Руси.

Таким образом, образуются многочисленные кадры великой общерусской монархической партии, на которую Государь будет иметь возможность твердо опираться в своей борьбе против крамолы, на каких бы ступенях общественных и правительственных сфер она ни гнездилась.

Итак, с Божией помощью приступим к этому великому делу, к этому необходимому, обязательному для каждого истинно русского человека подвигу, — к организации монархической партии на основах Высочайшего Манифеста 18 февраля, под сенью Православной Церкви и на защиту Царского Самодержавия.

Главная задача Монархической партии

Монархическая партия имеет главной своей задачей сохранение Монархической Самодержавной Власти Русских Царей в полной ее неприкосновенности.

Почему это — *главная* задача партии?

Потому что *в настоящее время* вся наша историческая жизнь сводится к одному коренному вопросу: сохранится ли в России неограниченное Царское Самодержавие или вместо

него у нас возникнет какая-то ограничивающая Самодержавного Царя «конституционная» форма правления?

В первом случае Россия сохранит всю свою государственную силу, всю свою жизненную, плодотворную энергию; во втором случае — она неминуемо погибнет.

Может ли, ввиду этого, в настоящее время быть более важная, более существенная задача для всех Русских людей, чем сохранение Монархической Самодержавной Царской Власти?

А разве есть опасность, угрожающая существованию этой Власти?

Да, несомненно, опасность эта есть. Откройте любую «либеральную» газету, — а «либеральные» газеты составляют громадное, подавляющее большинство в нашей периодической печати, — и вы в каждой из них ежедневно увидите организованный поход против неограниченной Самодержавной Царской Власти. Прислушайтесь к тем речам, которые произносятся в думах, земствах и всякого рода общественных собраниях, вы в них услышите требования, до бесконечности варьирующие основную тему: «Долой Самодержавие!» Присмотритесь к уличным «мирным» и «вооруженным» демонстрациям и манифестациям, и вы всюду увидите революционные красные знамена и услышите дикие крики, провозглашающие все ту же основную революционную тему. Прочтите хоть несколько из тех тысяч «прокламаций», которыми ныне засыпаны наши рабочие, наши крестьяне и наши войска, — и вы в них найдете все тот же призыв к уничтожению Самодержавия.

Можно ли после этого отрицать ту опасность, которая угрожает Самодержавной Власти в России?

Но коль скоро явилась эта опасность, с ней нужно бороться, ее нужно предотвращать.

Да, говорят нам, с этой опасностью борется сама Монархия, а монархисты с этой опасностью бороться не должны, ибо если они будут помогать Монархии в ее борьбе, то они этим самым окажутся врагами Монархии, сомневаясь в ее самодовлеющей силе.

Если верить этому софизму, монархисты должны сложа руки смотреть, как враги Самодержавия сплываются в тесный строй, чтобы наносить ему кровавые удары; сами же они, имея полную возможность соединиться и отразить эти удары, не должны этого делать под страхом прослыть союзниками не Монархии, а ее злейших врагов!

Вот приближаются политические выборы, на которые враги Самодержавия явятся тесно сплоченной партией и одержат несомненную победу, если встретят монархистов разъединенными, не сплоченными в общую монархическую партию; но монархисты, все по тому же изумительному софизму, не должны соединяться в общую партию, а должны, разбив свои силы, способствовать торжеству врагов Самодержавия, так как в противном случае, если они, монархисты, сольются в одну общую, сильную партию, — они-де этим выразят сомнение в силе Монархии и окажутся ее врагами!

Нам предъявляют и другой, не менее странный софизм: так как, разумеется, нет физической возможности, чтобы все Русские монархисты — а их десятки миллионов — вступили в монархическую партию, то партия присвоит-де себе какую-то привилегию монархизма и не будет считать монархистами тех истинно Русских людей, которые по той или другой причине не имели возможности присоединиться к партии.

Нелепость этого рассуждения очевидна. Среди тех десятков миллионов монархистов, которыми гордится Россия, далеко не все имеют возможность или охоту принять участие в активной деятельности для предотвращения соединенными силами грозящей Самодержавию опасности. Кто же станет упрекать их в этом? Кто станет сомневаться в чистоте и искренности их убеждений? Уже и та заслуга их велика, что они не дают себя увлечь враждебным Самодержавным течением, оставаясь верными Царю и Отечеству.

Но те единичные лица среди стихийной массы Русских монархистов, которые и по своему темпераменту, и по своему общественному положению не довольствуются пассивным отношением к окружающей их столь бурной действительно-

сти, те монархисты, которых влечет неукротимое стремление ответить на зов Царя, приглашающего их к борьбе с крамолой, — имеют полное право соединиться для этой борьбы в одну общую монархическую партию, дабы содействовать Правительству в исполнении его главной в настоящее время задачи — сохранения Монархической Самодержавной Власти Русских Царей в полной ее неприкосновенности.

Власть эта должна быть действительно Монархической, то есть Единодержавной, чтобы никто другой не мог рядом с Царем предъявлять притязания на участие в той державной деятельности, которая по основным законам Российской Империи предоставлена одному лишь Всероссийскому Самодержцу.

Ввиду этого монархическая партия самым решительным образом отвергает всякое выборное учреждение, которое могло бы себе присвоить значение «представительства» народа, «голоса» или «мнения» народа. Помимо того, что подобное значение, приписываемое западным парламентам, является совершенно ложной фикцией — такая фикция создала бы в России первый повод к расколу между Царем и народом — к расколу, который повел бы ко вражде и борьбе между ними, а следовательно, и к крушению Самодержавия в России.

Излюбленный лозунг наших славянофилов: «народу мнение — Царю власть» не выдерживает даже самой снисходительной критики; одно из двух: либо Царь обязан будет всегда соглашаться с (фиктивным) «мнением» народа — и тогда Он перестанет быть неограниченным Самодержцем; либо Царь будет иногда совершенно иного мнения, чем «народные представители», и тогда нарушится единомыслие между Царем и народом — и явится тот раскол с его страшными последствиями, о котором мы сказали выше.

Вот почему Монархическая партия отвергает всякие выборные парламенты, земские соборы, государственные думы и иные лженародные «представительства», способные нарушить неприкосновенность Монархической Самодержавной Власти Русских Царей.

Русская Монархическая партия

Монархическая партия имеет главной своей задачей сохранение Монархической Самодержавной Власти Русских Царей.

Монархическая партия ставит себе первой, по времени, задачей способствовать всеми законными мерами прекращению внутренней смуты, в том убеждении, что никакие внутренние реформы, в которых так нуждается Россия, не могут принести благих плодов, коль скоро они будут производиться под натиском теперешнего революционного движения.

Когда Верховная Власть восторжествует над внутренней смутой, тогда настанет, по убеждению Монархической партии, наиболее удобное время для основательных, зрело обдуманных государственных реформ, и тогда Монархическая партия употребит все свои усилия на то, чтоб эти реформы имели своей целью результаты, выраженные в следующих *Основных, постоянных Положениях*, из которых вытекают изложенные ниже *Выводы*, относящиеся преимущественно к переживаемому ныне критическому времени.

I

Возвеличение единой Православной Церкви в истинно-христианском и апостольском ее призвании.

Православная Церковь в России не находится в настоящее время на подобающей ей высоте. На *окраинах* наших она терпит гонение от инославных церквей, а в *центре* России она является не руководительницей Русской духовной жизни и нравственности, а занимает второстепенное, подчиненное место, совершенно не соответствующее ее высокому призванию в Русском Государстве. Но Православной Церкви грозит еще горшая будущность в России, если ис-

полнится намерение ее врагов, желающих или совершенно обессилить Русскую Православную Церковь, или превратить ее, по их собственному образцу, в орудие неверия и развращенности.

Монархическая партия, видящая в Православной Церкви вернейший залог укрепления Самодержавной Власти и благоденствия Русского народа, ставит себе целью обеспечить Православной Церкви подобающее ей по закону первенствующее место в Русской Империи и то внутреннее благоустройство, при котором она могла бы действительно получить духовное и нравственное руководство в жизни Русского Государства и народа, между прочим, и посредством правильной организации церковно-приходской жизни, направляемой истинно-православными служителями Божиими. Вместе с тем, это благоустройство должно дать Церкви широкую возможность распространять святое Христово учение как в самой России, так и вне пределов ее, среди лиц и племен, не постигших еще его истины.

II

Укрепление Монархической Самодержавной Власти на Руси.

Самодержавной Власти Русского Монарха грозит в настоящее время великая опасность. Враги этой Власти хотят ограничить ее посредством Государственной Думы, превратив Думу в конституционный парламент, решениям которого Государь должен будет беспрекословно подчиняться.

Монархическая партия будет отстаивать Самодержавную Власть в том неприкосновенном ее виде, в каком Государь получил ее от Своих Царственных Предков, создавших с помощью Божией и самоотверженным трудом Русского народа все величие России, благодаря именно этой Власти, без которой Россия существовать не может.

III

Свободное развитие Русской национальности и культурной идеи на всем пространстве Российской Империи, без стеснения местных национальных особенностей, не имеющих политического значения.

Изменники России, соединившиеся с различными инородцами, населяющими Российскую Империю, задумали отделить от России ее окраины и превратить ее в первобытное состояние небольшого государства, включающего в себя одни только великорусские губернии.

Но и в этих губерниях они хотят предоставить инородцам и иноверцам, особенно евреям, те же права, как и коренному Русскому народу.

Монархическая партия стоит за сохранение *единства и целостности* великой Российской Империи, над которой должна царить единая неограниченная **Самодержавная Власть** Русского Монарха и свободно и достойно живущая *Русская Православная Церковь*, при *едином Русском государственном языке*, *едином Русском законе* и *единой Русской Государственной школе*. При этих неперемennых условиях местные национальные особенности отдельных групп населения могут свободно существовать и развиваться, если только они не будут клониться к нарушению вышеупомянутых пяти условий Русского Государственного единства.

Во всяком случае, Русский народ должен как в центре своего Отечества, так и на его окраинах, чувствовать себя хозяином того дома, в котором он гостеприимно приютил как мирных инородцев, так и бывших врагов России, обеспечив им условия безопасной, трудолюбивой жизни. Где бы ни находился Русский человек в России, всюду он должен иметь возможность молиться в благолепном *русском* Православном храме, подчиняться только *русским* законам, изданным Самодержавным *Русским* Царем, говорить на *русском* языке, понимаемом всем окружающим его населением, которое должно

обучать своих детей в государственной *русской* школе, воспитывающей верноподданных *русских* граждан. Нигде и ни в чем Русский человек не должен испытывать каких-либо стеснений от инородцев и иноверцев.

IV

Непоколебимость авторитета Государственной Власти.

Какова бы ни была форма Государственного устройства, сильная Государственная Власть есть особое условие для жизнеспособности Государства, для охранения его от разложения внутри и от потери своего независимого существования среди прочих государств¹.

Монархическая партия считает необходимым, чтобы сильная, разумная и справедливая Государственная Власть, сосредоточенная в руках Самодержавного Монарха, твердой рукой восстановила нарушенные жизненные условия Российской Империи, всюду водворяя законный порядок и обеспечивая мирную и безопасную жизнь граждан, а затем энергично охраняла их от возобновления смуты, улучшая их гражданское благополучие строго согласованными, полезными реформами.

V

Участие в высшем государственном управлении, по выбору Государя, выдающихся по дарованиям, жизненному опыту и преданности Самодержавию Русских людей.

Государственный Совет в настоящем своем виде представляет собой собрание почти исключительно бывших государственных деятелей, которые по преклонности лет или по иным причинам не могли далее оставаться на действительной службе. Обладая несомненным *служебным* опытом, они большей частью чужды правительственного жизненного

опыта; а так как назначение их в Государственный Совет является лишь завершением их долголетней, более или менее полезной для России, служебной карьеры, а не признанием их действительно выдающихся дарований, то они в Государственном Совете далеко не приносят той пользы, которой Государь вправе ожидать от этого столь важного Правительственного учреждения.

Ввиду этого Монархическая партия считает необходимым преобразование Государственного Совета в учреждение, в которое назначались бы Государем исключительно такие верноподданные Ему лица, которые, по мнению Монарха, выдаются среди Русского народа особыми заслугами как на государственном поприще, так и в других сферах Русской жизни, а потому могут быть действительно полезными советниками Самодержавного Русского Царя в делах законодательства. Но члены этого Государственного учреждения не должны, однако, ограничивать своими решениями Государя, Который может соглашаться с теми или другими поднесенными на Его благовозрение мнениями, высказанными в этом Государственном учреждении, — или окончательно решить данный вопрос по собственному Своему усмотрению.

VI

Сохранение сословного строя Русского народа.

Поклонники революционного лжеучения о всеобщем равенстве людей поставили себе задачей уничтожить сословный строй Русского народа, превратив его в необозримую массу отдельных лиц, не связанных между собой ни общностью своего происхождения, ни общностью того значения, которое они, по своим занятиям, имеют в Государстве, ни общностью своих специальных интересов.

Монархическая партия видит в этом бесконечном раздроблении Русского народа и превращении его в ничтожные песчинки грозную опасность для Государства, которое долж-

но строиться не из песка, а из крупных прочных камней. Такими лежащими в краю углов камнями являются исторически сложившиеся сословия Русского народа, которые имеют каждое свое особое служебное назначение и свои интересы в Государственном организме, объединяемые в должном согласии Самодержавным Русским Монархом.

Ввиду этого Монархическая партия всегда будет отстаивать сохранение в Русском народе всех сословий, а в особенности — духовного, дворянского и крестьянского, которым ныне грозит наибольшая опасность.

Вместе с тем Монархическая партия полагает, что выборные люди как в земствах, так и в других учреждениях могут быть полезны лишь в том случае, если они избраны сословиями.

VII

Свободное, децентрализованное, плодотворное развитие местной хозяйственной и общественной жизни, не стесненной ни правительственным, ни земским бюрократизмом, но и не вторгающейся в область государственной политики.

Местная общественная жизнь в России представляет собой совершенно ненормальное явление: с одной стороны, административная власть и хозяйственная самостоятельность находятся в совершенно ненужной и часто даже вредной зависимости от не знающей провинции петербургской бюрократии, а с другой стороны, она самовольно вырвалась из этой опеки в лице безответственного земства, которое преступило пределы, положенные ему законом, и явилось сознательным противником Правительственной Власти, подчинив местную жизнь своему тенденциозному, еще более деспотическому, бюрократизму.

Наши либеральные земцы и думцы уже открыто объявили войну Правительству и желают придать местной жизни

совершенно независимое от общей Государственной Власти существование, которое не усилит, а только ослабит местные жизненные средства.

Монархическая партия стоит за свободное развитие местной административной и общественной самостоятельности, но с тем, чтобы она не противоречила общей Государственной политике Правительственной Власти, а являлась доброй и верной помощницей в ее трудной задаче.

VIII

Неустанное попечение о материальном и духовном благе крестьянского и рабочего сословия и о добром воспитании его в правилах религиозной нравственности, любви к Царю и Отечеству, и законного гражданского общежития.

Социалисты сеют свою преступную смуту преимущественно среди крестьянского рабочего сословия, которое они, пользуясь его темнотой, отвлекают от Церкви Христовой, восстанавливают против Царя Самодержавного и возбуждают против остальных сословий Русского народа, обещая крестьянам и рабочим совершенно призрачные, несбыточные блага, если они послушают их пагубных советов.

Монархическая партия будет стараться освободить крестьян и рабочее сословие от этой лжи, которой его опутывают социалисты. С этой целью Монархическая партия будет всячески содействовать широкому распространению народных школ, заботящихся не только о том, чтобы обучить детей крестьян и рабочих грамоте и полезным ремеслам, но и дать им прочное религиозное воспитание, возбудить в них любовь к Царю и Отечеству и приучить к исполнению своего долга и к соблюдению законного порядка.

Вместе с тем, Монархическая партия будет содействовать преобразованию крестьянского и рабочего законода-

тельства, которое должно улучшить условия жизни как крестьянского, так и рабочего населения, и обеспечить им мирное и полезное развитие.

IX

*В основе Государственного правосудия должно лежать
начало строгой справедливости, дабы честные
граждане находили себе в судах верную опору, а
порочные — законное возмездие за свои злодеяния.*

Александр II даровал России новый суд, который ко благу Русского народа покончил с мрачным, дореформенным кривосудием. Но с течением времени в новом суде обнаружилось недостатки, которые действуют развращающим образом и далее терпимы быть не могут. Тяжкие преступления зачастую либо совершенно оправдываются нашими судами, либо караются ничтожными наказаниями, вследствие чего преступность в Государстве быстро увеличивается, а нравственность народа столь же быстро падает. Кроме того, наш суд, действуя в этом отношении по указаниям «либеральных» партий, стремится занять в Русском Государстве положение особого самостоятельного государства, ставя свои решения выше Царской справедливости и ограничивая этим Самодержавную Власть Государя.

Монархическая партия, считая суд важнейшей практической школой народной нравственности, ставит своей задачей содействовать тому, чтобы Русский суд был судом всем доступным, грозным, правым и скорым, дабы всем обижаемым не отказывалось в защите закона, а насильникам не оказывалось никакого попустительства или послабления. Право милования должно принадлежать одному Государю, единственному источнику земного правосудия, Которого поэтому никто, а тем менее установленный Им суд, ограничивать не может.

Х

Государственная служба должна стоять высоко и честно; слугами Царя могут быть лишь лица свято, строго и бескорыстно исполняющие свой долг перед Самодержавным Царем и Отечеством.

Государственная служба, как показали последние события, не стоит у нас на должной высоте. Во всех ее сферах встречаются лица, нарушающие законы Государства или по-такающие их нарушителям из малодушия или своекорыстия; содействуя этим понижению правительственного авторитета и развращению общества, они, сверх того, причиняют неисчислимый вред Государству.

Монархическая пария с негодованием отвергает этих неверных и лукавых слуг Царя, полагая, что на Царской службе не могут быть терпимы лица, считающие служение свое за выпавшую на их долю привилегию, а не за долг и обязанность, исполняемые не за страх, а за совесть перед Царем-Самодержцем и Родиной.

Наши «либералы» стараются отождествить Самодержавие с дурной бюрократией и уверяют, что лишь один конституционный парламент может дать России хорошее чиновничество. Они намеренно скрывают от Русского народа, что парламентаризм сам по себе устранить язву бюрократизма не может, чему служат примером, с одной стороны, парламентарные Франция и Северная Америка, прославившаяся на весь свет своим дурным чиновничеством, и даже Англия с проворовавшейся бюрократией во время Бурской войны, а с другой — Германия, в которой чиновники стояли на более высокой степени деловитости и честности до введения парламентаризма, нежели в настоящее время.

Монархическая партия полагает, что освободить Россию от дурного бюрократизма может лишь неограниченный в Своей Власти Монарх, Который одним росчерком пера может заменить плохого чиновника хорошим, а также строгий и справедливый суд, к которому должны быть привлекаемы все

без всякого изъятия неисправные и в особенности корыстолюбивые чиновники, хотя бы и занимающие высшие служебные места в Государстве. Право почина в деле такого привлечения должно быть обеспечено за каждым верноподданным.

XI

Задачей русской школы должно быть нравственное, национальное воспитание юношества, доброе его просвещение и серьезное служение истинной науке.

Ни одна часть Русского Государственного организма не пала так низко в настоящее время, как Русская школа. А между тем в ней заключается вся будущность России. Водворение порядка в наши школы и их оздоровление будет делом трудным и продолжительным ввиду многочисленности тяжких грехов, допущенных в последнее время на этом поприще государственной деятельности.

«Либеральные» партии требуют в один голос еще большего разрушения Русской школы дарованием ей всевозможных прав без наложения на нее каких-либо обязанностей, дабы школа еще дальше отошла от науки, еще более извратилась, воспитывая в своих питомцах лишь будущих революционеров.

Монархическая партия будет требовать возрождения наших средних и высших школ и возвращения их к законному порядку и к прямым их высоким задачам, дабы они, став в научном отношении на один уровень с лучшими европейскими школами, давали подрастающему юношеству здоровое религиозно-нравственное и национальное воспитание.

XII

Охранение прочного порядка и мирного жития как в городах, так в особенности в сельских местностях.

Земледельческий труд, составляющий основу благосостояния России, возможен лишь при полной уверенности в

завтрашнем дне, среди незыблемой обеспеченности права собственности как земледельцев, так и землевладельцев; а между тем обеспеченность эта в настоящее время исчезла: землевладельцы бегут из деревни, считая свой труд бесполезным и опасаясь разрушительных аграрных преступлений, а крестьяне становятся жертвой дерзких смутьянов, которые подбивают их на эти преступления.

Монархическая партия, видя в этом ненормальном состоянии сельской жизни источник внутреннего разложения России, всегда будет содействовать восстановлению сильной, справедливой Властью законного порядка в сельской жизни и введении ее в твердые, ясно определенные законные нормы. Той же Властью должен быть восстановлен прочный порядок и в городах, улицы и площади которых не должны находиться под постоянной угрозой политических демонстраций и всякого рода бесчинств и преступлений.

XIII

*Улучшение крестьянского быта поднятием
сельскохозяйственной культуры, правильной
организацией сельского кредита, учреждением сельских
земледельческих школ, а также целесообразным
землеустройством и расселением, в особенности же
рациональным ведением переселенческого дела.*

Малоземелье, которым страдают многие крестьяне центральных губерний, является несомненно одним из источников их тяжелого экономического положения. Этим пользуются агитаторы-социалисты, чтобы внушить крестьянам убеждение, будто бы для них нет другого средства выйти из своего бедственного положения, как перейти в ряды крамольников и насильственно захватывать чужую собственность.

Монархическая партия, видящая в неприкосновенности имущественных прав важнейший залог здорового развития и процветания Государства и прочного укрепления народной

нравственности, не допускает мысли, чтоб естественный прирост населения в наших центральных губерниях влек за собой преступные насилия в виде захвата чужой собственности или принудительного отчуждения крупных владений для удовлетворения мелких собственников.

Для устранения тяжелого положения крестьянства существуют другие законные и вполне целесообразные средства. Даже сравнительно небольшой земельный надел может давать гораздо больше прибыли, нежели теперь, если только его обрабатывать усиленным и улучшенным образом и если принять общие меры облесения, обводнения, борьбы с оврагами, песками и т. п.

Но принимать эти меры крестьяне без посторонней помощи не могут. И Правительство, и земство должны оказывать им всякое содействие мелким земельным, в особенности мелiorативным и кустарным кредитом и учреждением сельских школ с принадлежащей им землей, в которых крестьянские дети приучались бы к разумному, улучшенному сельскому труду.

Но этим законная борьба с малоземельем не ограничивается. Правительство уже обратило свое внимание на необходимость систематичного землеустройства, которое дало бы крестьянскому землевладению возможность, — при непременно сохранении неотчуждаемости крестьянской земли в некрестьянские руки, — принять наиболее удобную и целесообразную, смотря по местности, форму, например рационального расселения слишком скученных дворов.

Тем не менее, останется еще значительная часть прироста крестьянского народа, которая предпочтет переселиться в другие, еще свободные места своего Отечества.

На то существуют громадные владения России, в особенности на Востоке, чтобы туда переходил излишек Русского населения, не находящий себе места в центральных губерниях.

Эту истину давно уже познал и сам Русский народ, неудержимо стремящийся к переселению в восточные края России.

Но переселение это долгое время было каким-то беспорядочным, стихийным явлением, приносившим крестьянам далеко не ту пользу, которой можно было от него ожидать. И лишь в последнее время Правительство намечает правильную организацию крестьянских переселений, прервавшихся ввиду последней войны на Дальнем Востоке.

Ввиду этого Монархическая партия считает делом перво-степенной важности применение всех вышеуказанных законных способов для действительного улучшения крестьянского быта; столь же необходимо возобновление Правительственной заботы о правильной организации переселенческого дела, имеющего серьезное Государственное значение как в смысле облегчения центральных губерний, так и в смысле прикрепления к России дальних окраин посредством заселения их Русским народом.

Таковыми окраинами являются не только Северный край, Сибирь и Средняя Азия, но и Кавказ, а также те южные и юго-восточные губернии России, которые, к великому для нее ущербу, находятся в руках армян, немцев и евреев. В этом отношении деятельность Крестьянского банка должна быть преобразована, в смысле большей систематичности и последовательности в государственном как в экономическом, так и политическом отношениях.

Само собой разумеется, что переселение крестьян может быть для них лишь добровольным, причем особенно желательны переселения и помещиков-дворян, так как вообще правильное сельское хозяйство возможно лишь при зрело обдуманной комбинации крупного и мелкого землевладения.

XIV

*Содействие развитию плодотворного национального
народного труда во всех областях его применения.*

Признавая, что источником материального благосостояния народа является производительный труд, Монархическая партия ставит своей задачей попечение о всестороннем разви-

тии его в интересах благоустройства как частного, так и государственного хозяйства России.

Главный промысел Русского народа составляет сельское хозяйство, которое по переписи 1897 года дает средства к существованию 70% населения. К сожалению, нашему сельскому хозяйству приходится переживать весьма тяжелое время. Оно производит продукты не только для внутреннего потребления, но и для сбыта на иностранные рынки, регулируя этим вывозом наш международный расчетный баланс. Поэтому финансовый результат нашего сельского хозяйства, как владельческого, так и крестьянского, в значительной степени зависит от уровня цен землевладельческих продуктов на международном рынке. Между тем эти цены под влиянием конкуренции внеевропейских стран и высоких таможенных пошлин в европейских государствах держатся на довольно низком уровне, сводя до ничтожных размеров выручку русского земледелия за его продукты. Такое печальное положение продолжается уже более двадцати лет, истощая силы и средства нашего сельского хозяйства, которое все более слабеет и хиреет. Вполне естественно, что при таких условиях производительность сельского хозяйства не повышается, а понижается, как свидетельствуют об этом хронические неурожаи, ставшие у нас обычным явлением.

К тому же в недавнее еще время правительственные сферы относились к сельскому хозяйству с очевидным пренебрежением в угоду искусственному возбуждению преимущественно иностранной промышленности.

Для облегчения этого тяжелого положения Монархическая партия считает своей обязанностью по мере сил и возможностей, заботиться о повышении производительности нашего сельского хозяйства, об улучшении сбыта его продуктов и о приведении сельского хозяйства и русской промышленности в должное равновесие.

Важное и все более возрастающее значение в хозяйственной деятельности страны принадлежит обрабатывающей промышленности, которая дает обширные заработки населению, являясь во многих случаях необходимым под-

спорьем для земледелия. Вследствие этого обрабатывающая промышленность во всех ее видах составляет необходимое условие хозяйственного благоустройства России. Для достижения плодотворных результатов нельзя ограничиваться пассивными мерами, как, например, охраной производства от иностранной конкуренции, а необходим переход к более энергичной активной политике, вызывающей развитие новых отраслей национального труда.

Главным тормозом развития промышленного производства, особенно для средних и мелких предприятий, являются у нас недостаток капиталов и отсутствие правильно организованного промышленного кредита. У нас, например, до сих пор нет еще промышленных банков, обязанности которых весьма плохо и с большой помехой для своих основных задач выполняет Государственный Банк.

Ввиду этого Монархическая партия будет заботиться о возможно полном и широком развитии кредита в наиболее совершенных его формах для оплодотворения производительного русского народного труда. Одновременно с этим в интересах производства она будет стремиться и к установлению такой комбинации сил, которая приводит к наиболее выгодным результатам при наименьшей затрате энергии.

XV

Экономия в расходах и сообразование налогов со средствами плательщиков.

За последнее десятилетие, предшествовавшее злосчастной войне с Японией, в России наблюдался необычайно быстрый рост государственного бюджета. За это время государственные расходы удвоились, и надо было изыскивать средства для покрытия их путем введения новых и увеличения существующих налогов, что легло тяжким бременем на скудный достаток массы населения.

Между тем многие, и притом очень крупные, расходы не вызывались неотложными потребностями времени, не имели

производительного характера. Так, например, сотни миллионов рублей были затрачены на рискованные предприятия Дальнего Востока: на постройку южной части Китайской Восточной железной дороги, на сооружение города Дальнего и на преждевременное учреждение морского пароходства в водах Великого Океана. Эти предприятия не могли иметь практического значения для интересов русской промышленности, большинство отраслей которой еще нуждается в таможенном покровительстве и не может вступать в борьбу с соперниками на открытом рынке. Но эти грандиозные затраты вызвали тревогу в среде соперничающих с Россией государств и привели к тяжелой войне, которая завершилась уничтожением этих полурусских предприятий на Дальнем Востоке. Непроизводительные затраты потерпели полное крушение и вызвали массу потерь и новых расходов, надолго обременивших наш государственный бюджет.

Монархическая партия считает своей обязанностью заботиться об устранении подобных непроизводительных затрат, не отвечающих потребностям места и времени, и о введении возможной экономии в расходы бюджета в интересах благоустройства как государственного, так и частного хозяйства России.

Одновременно с этим оскудение достатка населения выдвигает на очередь вопрос о реформе государственного бюджета и, между прочим, о постепенном изменении основы его, покоящейся на питейном налоге. Кроме того, в настоящее время многие продукты массового потребления, сделавшиеся предметами первой необходимости, как, например, чай, керосин, сахар, обложены весьма высокими налогами. Монархическая партия признает необходимым понизить обложение их, стремясь к применению в государственном бюджете принципа сообразования налогов со средствами плательщиков.

* * *

Монархическая партия одновременно организуется в различных городах и селениях Российской Империи; центр же ее находится в Москве, где и издается орган Монархиче-

ской партии «*Московские Ведомости*». При редакции этой газеты организовано на первое время Центральное Бюро, сосредоточивающее прием заявлений о присоединении к Монархической партии и руководящее ее действиями, а также Избирательный Комитет для ведения предстоящей выборной кампании.

В члены Монархической партии могут вступать Русские подданные обоего пола, достигшие совершеннолетия, без различия сословий, состояний и вероисповеданий, за исключением евреев.

Каждый желающий примкнуть к Монархической партии делает письменное заявление о полном своем согласии с программой партии и о своей готовности теперь же усиленно содействовать осуществлению этой программы. Заявление это присылается в Центральное Бюро с обозначением имени, отчества, звания и точного адреса. Там, где образуются отдельные группы единомышленников, сочувствующих программе Монархической партии, группы эти делают коллективные заявления через одного из своих членов.

Монархическая партия дорожит не столько количеством своих членов, сколько *полным их единодушием* и готовностью бороться за Самодержавие Русских Царей, за Православие Русской Веры и за национальные идеалы Русского народа.

Ввиду этого Монархическая партия составляется из членов, тесно сплоченных между собой тождественностью своих убеждений и искренно сочувствующих всем *Основным постоянным положениям* настоящей программы.

На собраниях партии принципиальное оспаривание этих *Основных положений* не допускается. Кто не согласен хотя бы с одним из этих *Положений*, тот не вступает в партию, или, вступив в нее по недоразумению, заявляет о своем выходе из нее.

Точно так же Центральное Бюро партии обязано исключать из партии тех ее членов, которые своей деятельностью оказались бы в противоречии тому или другому *Основному положению* настоящей программы.

О состоявшемся выбытии или исключении членов Центрального Бюро доводит до сведения ближайшего Общего Собрания партии.

Обсуждение и развитие изложенных выше *выводов* из *Основных положений* программы свободно предоставляется каждому члену Монархической партии как в частных, так и в общих Собраниях; внесение же в программу новых *Основных положений* и *выводов* и каких-либо изменений в последних допускается лишь по постановлению Общих Собраний или назначенных ими для сего комиссий.

Вышеизложенная Программа Монархической партии высылается всем желающим из Центрального Бюро.

Когда настанет время для реформ?

Монархическая партия ставит себе первой по времени задачей «способствовать всеми законными мерами прекращению» внутренней смуты в том убеждении, что никакие внутренние реформы, *в которых так нуждается Россия*, не могут принести благих плодов, коль скоро они будут производиться под натиском теперешнего революционного движения». Этими словами начинается изложение программы Монархической партии, и этими словами опровергается то ложное утверждение наших противников, будто Монархическая партия принципиально противится введению каких бы то ни было реформ во внутренней жизни России.

Напротив того, Монархическая партия считает внутренние реформы *необходимыми*, так как России немислимо оставаться в таком положении, в котором она находится; но чем более монархисты убеждены в необходимости реформ, тем более убеждены они и в том, что эти реформы должны быть зрело обдуманньми, чтобы быть полезньми и плодотворньми.

Но можно ли серьезно обсуждать серьезные реформы, когда, с одной стороны, внимание всего Государства, всего народа отвлечено тяжелой войной, и когда, с другой стороны, внутренние враги России не дают ей передохнуть, засыпая ее

якобы «от имени народа» просьбами, требованиями и угрозами, настаивая на немедленном проведении самых крайних, даже социалистических реформ и подкрепляя свои притязания всякого рода насильственными демонстрациями и государственными преступлениями.

Сколько раз уже приходилось слышать само собой напрашивавшееся меткое сравнение, что «мы живем как бы в сумасшедшем доме». Можно ли поэтому ожидать, чтобы в этом сумасшедшем доме, в этой горячечной атмосфере могли вырабатываться здоровые и полезные реформы? Конечно, нет. Зачатые в психопатической среде, реформы по необходимости выходят на свет заклеяменными наследственным психопатическим недугом и могут, в свой черед, порождать во внутренней жизни России одни лишь болезненные явления общественного и государственного психоза.

Вот почему Монархическая партия ставит себе задачей прежде всего «способствовать всеми законными мерами прекращению нашей внутренней смуты».

Само собой разумеется, что Монархическая партия может действовать только *законными* средствами.

Революционная партия не останавливается ни перед какими беззакониями, чтобы достигнуть своих преступных целей. Она созывает незаконные съезды, организует демонстрации, нагло злоупотребляет благодушием цензуры, распространяет миллионами возмутительные прокламации, устраивает гнусные, бесчеловечные убийства. Все эти средства Монархическая партия с негодованием отвергает; она строго держится законной почвы: в этом ее физическая слабость, но в этом и ее нравственная сила. А так как Русские монархисты, люди беззаветно преданные обожаемому Монарху, своей численностью бесконечно превосходят жалкую кучку наших революционеров, то этим восполняется и физическая сила монархистов.

В этой строго законной деятельности Монархической партии заключается, между прочим, и ответ на запросы некоторых членов нашей партии: так как деятельность партии всегда будет происходить на строго законном основании, то и

никакие общие собрания Монархической партии до законного утверждения ее устава созываться не будут.

Но если Монархическая пария отвергает незаконные средства для достижения своих целей, то каковы же ее законные средства?

Они весьма разнообразны; к ним принадлежат: живое слово (в проповедях, чтениях, беседах), печатное слово (в современных изданиях, книгах, брошюрах), устройство библиотек, имеющих целью распространение начал Православия, Самодержавия и Русской народности; учреждение разрешенных Властью союзов, обществ, кружков и собраний, имеющих ту же цель; взаимная поддержка членов Монархической партии в их общественной и государственной деятельности; личная и групповая борьба на законном основании со всякими проявлениями в общественной и государственной жизни, клонящимися ко вреду Православия, Самодержавия и Русской народности. Само собой разумеется, что возможны и многие другие виды деятельности Монархической партии, не престапующие границы законности.

Но возвратимся к главному предмету нашего рассуждения, к определению того времени, когда можно будет приступить к нашим внутренним реформам.

Время это определено в программе нашей партии следующими словами:

«Когда Верховная Власть восторжествует над внутренней смутой и доведет войну с внешними врагами до желанного славного конца, тогда настанет, по убеждению Монархической партии, наиболее удобное время основательных, зрело обдуманных государственных реформ».

Мы только что указали на причины, препятствующие обсуждению и введению плодотворных реформ под натиском теперешнего революционного движения. Но и до желанного, славного конца настоящей войны Правительство, сосредоточивая все свои мысли на этом государственном кризисе первостепенной важности, не может отдать должного внимания внутренним реформам, которые ввиду этого могут принять

совершенно нежелательное и прямо вредное для Государства направление.

Но еще гибельнее были бы реформы, произведенные по заключении позорного мира, так как все они были бы направлены против Самодержавия Русских Царей.

В самом деле, если наша революционная партия требует в настоящее время немедленного заключения мира с Японией, то она очень хорошо знает, что мир в настоящее время может быть заключен лишь на самых позорных для России условиях. Но это несколько не смущает наших революционеров: напротив, это им на руку. Обвиняя теперь Самодержавное Правительство в том, что оно, стоя на страже чести, славы и целостности России, решило теперь мира с Японией не заключать, — революционеры с еще большим азартом обрушились бы на Самодержавие, если б оно заключило позорный мир, и если бы вслед за тем неминуемые тяжкие последствия этого мира стали обнаруживаться. «Вот до каких бедствий, до какого позора довел Россию Самодержавный режим, — стали бы в один голос вопить революционеры, — а потому: долой Самодержавие!»

Какое дело революционерам, что позорный мир погубит Россию? Какое им вообще дело до России? Позорный мир им необходим как орудие против Самодержавия; а низвергнуть Самодержавное Правительство они хотят для того, чтоб самим сесть на его место и управлять Россией в своих личных интересах.

Вот одна из главных причин, почему Монархическая партия, имея главной своей задачей «сохранение Монархической Самодержавной Власти Русских Царей в полной ее неприкосновенности», стоит за продолжение настоящей войны с внешними врагами *до полного победоносного ее конца.*

Лишь тогда будет время приступить и к внутренним реформам. К подробному перечислению этих реформ мы приступим в следующей статье, посвященной разъяснению программы Монархической партии.

Укрепление Самодержавия

Среди наиболее необходимых государственных реформ, в которых нуждается современная Россия, Монархическая партия считает, конечно, на первом месте «еще большее укрепление неограниченной Монархической Самодержавной Власти».

— Как? — спросят революционеры. — Еще большее укрепление Самодержавия? Но оно уже и без того слишком крепко!

— Как? — спросят иные недалёковидные консерваторы. — Укрепление Самодержавия? Но разве оно недостаточно крепко? А если б оно было недостаточно крепко, то вы, признавая этот факт, еще более ослабляете Самодержавие и играете на руку врагов его!

Софизм, скрытый в этих последних словах, слишком очевиден и избит, чтобы стоило долго на нем останавливаться. Мы не спасем Самодержавие, если будем скрывать недостаточную его силу; напротив того, признав и устранив эту недостаточность, мы вместе с тем устраним и опасности, грозящие Самодержавию.

А опасность грозит ему с трех сторон.

Во-первых, неограниченность Монархической Самодержавной Власти уже теперь признается в данной силе не на всем пространстве Русской Империи, а именно, на Финляндской ее окраине, Самодержавная Власть Русского Царя считается, — по совершенно ложной «конституционной» теории, — ограниченной, и эта теория грозит перейти в практику.

Во-вторых, Высочайший Рескрипт 18 февраля совершенно ложно толкуется, — и не одной только революционной партией, — как желание Государя подчинить свою власть и свою волю «народным представителям».

В-третьих, есть целое ведомство в России, которое имеет притязание быть самозаконным государством в государстве, не допускающее и мысли, чтобы Самодержавный Государь имел право принимать в области его деятельности какие-либо решения (кроме помилования виновных), если бы даже эта деятельность прямо противоречила интересам Государства.

Мы говорим, конечно, о ведомстве судебном, гордящемся пред всеми другими ведомствами несменяемостью своих членов и неизменностью своих верховных приговоров.

Здесь вопрос идет не об одном принципе «разделения властей», по которому Самодержавный Государь не смеет-де быть Верховным Судьей Своего народа, а должен довольствоваться лишь законодательной и административной властью, тогда как судебная власть всецело должна принадлежать судебному ведомству; нет, в настоящее именно время гг. юристы могут весьма осязательным образом грозить Самодержавию.

В самом деле, кто из нас не знает, до какой степени наша пресловутая, враждебная Самодержавию «интеллигенция» широко представлена в нашем судебном ведомстве? Мы не говорим уже о наших адвокатах, большинство которых выступают прямо коноводами нашего революционного движения; но и среди служебной магистратуры убежденные противники конституционного парламентаризма являются лишь исключениями.

Представьте себе, что произойдет, если Правительство будет предавать суду революционных деятелей, стремящихся к низвержению Самодержавия, а гг. судьи будут, по единому мнению с подсудимыми, оправдывать, увенчивая их лаврами красноречия судебных болтунов!

Ни одно правительство не потерпело бы такого положения вещей, и мы видели, что даже республиканское правительство Франции не останавливается перед смещением членов судебной магистратуры, коль скоро они проявляют деятельность, не согласную с законами высшей правды. А Самодержавное Правительство в России, — по существующей теории несменяемости судей, — сделать этого не смеет, хотя бы от этой несменяемости зависела гибель самого Самодержавия!

Как же при этих обстоятельствах не стремиться к реформе, которая поставила бы Самодержавное Правительство в одинаковые по крайней мере условия, в каких находится правительство республиканское?

Но вернемся к первым двум ненормальным условиям, не дающим Самодержавию возможности проявить свою Власть во всей ее неограниченной полноте.

Ненормальность этих условий всего яснее видна в Финляндии. Там местными сепаратистами нагромождена из ложных посылок целая конституционная теория, по которой Самодержавный Русский Император является в одной из окраин своей Империи лишь ограниченным в своих Державных правах Великим Князем, обязанным повиноваться воле народных представителей.

Нам неоднократно и с давних уже пор приходилось разоблачать весь обман, лежащий в основе этой теории, и мы здесь не станем повторять те многочисленные исторические и правовые доводы, которые разбивают до последних остатков все основания этой теории. Но мы должны указать на дальнейшие опасности, порождаемые этой теорией как для Самодержавия, так и для всей России.

Финляндские сепаратисты стремятся к тому, чтобы Финляндия отнюдь не составляла части Российской Империи, а считалась совершенно самостоятельным государством, соединенным с Россией лишь «персональной унией», то есть имеющим случайно одного и того же с ней Государя, но живущим отдельно от нее, по своим собственным законам.

Как на пример таких, будто бы благоденствующих и мирно живущих государств, соединенных персональной унией, финляндские сепаратисты и их русские единомышленники всегда указывали на Австрию с Венгрией и на Швецию с Норвегией.

Мы всегда возражали на это, что «персональные унии» — создания искусственные, непрочные и всегда готовые распасться, и что если нам принять теорию финляндских сепаратистов, то Финляндия так же совершенно отпадет от России, как несомненно когда-нибудь и Венгрия отпадет от Австрии, а Норвегия от Швеции.

Исторические события оправдали наши предсказания скорее, чем мы ожидали: на наших глазах совершается упор-

ная борьба между только что названными «братскими государствами», и Норвегия уже ныне разорвала «персональную унию» и низложила своего короля¹, а не сегодня-завтра то же самое сделает со своим королем и Венгрия. Нет никакого сомнения, что и Финляндия низложит своего Великого Князя и совершенно отложится от России, если только Россия пойдет на удочку «персональной унии», вместо того, чтобы, наоборот, восстановить и утвердить навсегда такую же Самодержавную Власть Русского Императора в Финляндской окраине, которой Он неограниченно пользуется и во всей своей Империи.

Но опасная игра в финляндскую автономию может иметь еще другие грозные последствия.

Русский народ беззаветно предан своему Самодержавному Царю и не допускает мысли, чтобы он мог быть ограничен чем-либо иным, кроме своей совести перед Богом и изданными им самим законами. Подорвать эту преданность народа составляет главнейшую цель наших революционеров, отлично знающих, что на этой преданности покоится Самодержавная Власть Русских Царей. Вот почему они и пытаются в своих прокламациях разъяснить народу, что Русский Царь должен так же лишиться своего Самодержавия в России, как он уже будто бы лишился его в Финляндии, на что-де он сам дал свое согласие; а так как «чем же Русские хуже Финляндцев», — то, следовательно, «он сам будет очень рад облагодетельствовать своих русских подданных таким же отречением от своих Самодержавных прав, каким он наградил своих финляндских подданных».

Вот какими софизмами стараются развратить Русский народ, соблазняя его примером Финляндии. Ввиду этого необходимо положить предел этому соблазну и восстановить во всей Империи — как в ее центральных частях, так и на ее окраинах — единое неограниченное Самодержавие Русского Царя.

Это тем необходимее, что на наших глазах уже начинает проповедоваться пагубнейшее для России предложение — расчленить ее на отдельные автономные «области» и

этим подготовить ее окончательный раздел! И тут финляндский сепаратизм играет свою соблазнительную роль для балтийских немцев, эстов и латышей, для поляков и литвинов, для малороссийских хохломанов, для армян, грузин и других кавказских племен, для приволжских инородцев, для сибиряков и среднеазиатских этнографических групп, соединенных в течение веков Царями-Освободителями в одну мощную Империю: все они восстанут, потребуют себе таких же автономных прав, как Финляндия, — и начнется великая кровавая междоусобная борьба, которая разорвет Россию на части, и их придется снова собирать воедино новому ряду Царей-Освободителей, если только не будет уже слишком поздно!

Нет, допустить Россию до раздела — немыслимо, невозможно! Всем Русским монархистам следует восстать против этого сумасбродства, откуда бы оно ни исходило, и отвергнуть самую мысль о разделении России на отдельные этнографические области, как несущую в себе гибель и Царскому Самодержавию, и всей России.

Теперь нам остается рассмотреть самую главную опасность, грозящую Самодержавию: ложное истолкование Высочайшего Рескрипта 18 февраля. В этом Рескрипте Государь выразил лишь свою Волю, чтобы достойнейшие из выборных от народа людей привлекались к участию в предварительной законодательной работе.

В этих Государевых словах нет и намека на какую-нибудь конституцию, ограничивающую Самодержавную Царскую Власть.

Тем не менее, революционная печать и радикальные демагоги с жадностью ухватились за эти слова, объявили от своего имени, что в них заключается отречение Государя от своих Самодержавных прав, которые он желает-де ограничить подчинением их воле народных представителей, и что поэтому необходимо всем общественным учреждениям, не дожидаясь нового Царского призыва, заняться выработкой будущей Русской конституции, уничтожающей Царское Самодержавие.

К сожалению, Министерство внутренних дел не воспрепятствовало с самого же начала этому совершенно ложному толкованию Царской Воли, — и дело разрослось до конституционной агитации во всей стране; мало того, люди, назначенные министром внутренних дел для подготовительной работы, долженствующей предшествовать собранию той особой комиссии, которой предстоит составить законопроект, соответствующий выраженной в Рескрипте Высочайшей Воле, сами поддались в течение своих более чем двухмесячных трудов той же конституционной агитации и выработали тоже не что иное, как самую банальную конституцию по западным шаблонам с «двумя палатами» и народными «представителями», совершенно игнорируя, что единственным представителем Русского народа является его Самодержавный Государь.

Для всех очевидно, что если в России будет введена такая конституция, то этим будет положен конец Царскому Самодержавию. Воле Царя будет противопоставлена «Воля Народа», а мы слишком хорошо знаем, к чему всегда приводит такое противоположение: к борьбе Царя с «представителями» народа, в которую затем вовлекается и сам народ.

А такая, небывалая еще на Руси, искусственно возбужденная борьба Царя с народом может иметь лишь самые пагубные для Самодержавия, а следовательно, и для всей России, последствия.

Вот почему Монархическая партия ставит на первое место необходимых для России реформ «еще большее укрепление неограниченной Монархической Самодержавной Власти на Руси», которое может быть достигнуто возвращением этой Власти ее Верховных судебных прерогатив, утверждением ее полноправия во всех окраинах Российской Империи и предотвращением всяких законодательных мер, умаляющих Царское Самодержавие, в особенности всяких конституционных и парламентарных проектов, стремящихся установить «народное представительство», столь противное русскому государственному праву и государственным понятиям Русского народа и столь гибельное для всей России.

Русский народ в России

В числе необходимых для России реформ Русская Монархическая партия ставит на третье место те реформы, которые должны содействовать «свободному развитию Русской национальной и культурной идеи на всем пространстве Российской Империи, без стеснения местных этнографических особенностей, не имеющих политического значения».

«Россия — для Русских», — таков лозунг Русской Монархической партии, ясно понимающей, что если предоставить Россию иноплеменикам, иноверцам и иностранцам, то не только в России не будет Самодержавной Монархии, но не будет и самой России.

Вот почему Монархическая партия стремится к реформам, которые обеспечили бы не только укрепление Самодержавной Царской Власти и господствующее положение Православной Церкви, но и свободное развитие Русского народа, который по полному праву должен чувствовать себя в России не «в гостях», а «дома».

В самом деле, кому должна принадлежать Россия как не тому народу, который ее создал, ее развил и сделал одной из первых мировых держав?

Все входящие в состав Российской Империи иноплемennые народности всеми силами противились созданию и развитию России, а многие из них, как, например, татары, шведы, поляки, кавказцы и среднеазиатские племена, наносили ей в разные времена тяжкие удары; а потому не им быть хозяевами в возникшей, несмотря на создававшиеся ими препятствия, России, а Русскому народу, который один со своими князьями и царями преодолел, под сенью Православной Церкви, все эти препятствия и создал то стройное культурное государство, в состав которого вошли прежде его враги, найдя в нем крепкий оплот своему мирному дальнейшему существованию.

Точно так же не должны хозяйничать в России те иностранцы, которые нагрянули к нам со времен реформ Петра

Великого и, найдя у нас гостеприимный, радушный прием, стремились и доселе стремятся присвоить себе господствующее значение «просвещенных колонизаторов и культуртрегеров в варварской стране, именуемой Россией».

К сожалению, эти стремления иноплеменников и иностранцев в России не остались безуспешными и создали Русскому народу такое положение в России, что он во многих ее частях уже не чувствует себя дома: на Кавказе ему приходится подчиняться господству армян; в Северо-Западном и Привислинском краях он сторонится пред назойливыми требованиями поляков; в балтийских губерниях всем верховодят немцы, латыши и эсты, а на Финляндской окраине Русский человек в настоящее время не смеет и голоса возвысить среди открыто враждебного России нахальства шведских и финских сепаратистов. За последнее время пробудилось антирусское движение и на наших восточных окраинах, среди мусульманского и буддийского населения, желающего занять господствующее над Русскими положение.

Мы уже не говорим о евреях, старающихся экономически и политически завладеть всей Россией как на ее окраинах, так и в ее центральных областях: перед ними Русским людям также приходится зачастую отступить на второй план.

Это столь ненормальное положение Русского народа в России вызвано не одним только иноплеменным натиском, который остался бы совершенно безуспешным, если б он встречал всюду и всегда должный отпор с Русской стороны. Достаточно взглянуть на германских поляков, которые, несмотря на все свои старания, не могут занять в Познани того преобладающего положения над немцами, которое они приобрели в Варшаве и в Вильне над Русскими.

Дело в том, что в Познани немцы, сознавая свое национальное достоинство и ясно понимая интересы Германии, приняли строгие и действительные меры против политических фантазий полонизма. Русские же власти в Варшаве после ухода генерала Гурко¹ и графа Шувалова² стараются лишь ухаживать за поляками.

Вот почему поляки уважают немцев, а русских презирают. Вот почему революция в Познани немыслима, если бы даже в Познани не было немецких войск, а в Варшаве, переполненной нашими войсками, могут происходить на улицах те же возмутительные сцены антирусского фанатизма, которые в 1830 и 1863 годах³ служили предвестием открытого мятежа против России.

То же самое происходит в настоящее время и на Кавказе, и в Финляндии, где местное население преисполняется анти-русскими стремлениями в той степени, в какой ему даются всякого рода политические льготы и поблажки.

Мы, следовательно, сами, в лице нашей беспочвенной «интеллигенции», имеющей столько представителей в русских правительственных сферах, виноваты в том, что Русский народ не чувствует себя дома во всех частях созданной им России.

И действительно, если Россия в настоящее время является достоянием не Русских, а иноплеменников и иностранцев, то причиной этому является наша «интеллигенция», которую мы по полному праву называем беспочвенной.

Она на слово поверила западным «культуртрегерам», уверившим ее, что Россия — страна «варварская»; она пала ниц пред Европой, она устыдилась своего русского происхождения, отреклась от своего Отечества, от своей Веры, от своего Царя, — и стала раболепно унижаться перед каждым немцем, французом, поляком, шведом или финном, стараясь заслужить их милостивое одобрение и встречая с их стороны вполне заслуженное таким лакейством презрение и глумление.

Сколько мы видели в Привислинском, Северо-Западном и Балтийском краях русских губернаторов и даже генерал-губернаторов, которые гнушались общением с Русскими людьми и считали себе «за честь» якшаться с ясновельможными панами и немецкими баронами, проводя время на их пирах и охотах и подчиняясь в управлении краем их советам, указаниям и требованиям!

Такие изменники России были типичнейшие представители нашей невежественной «интеллигенции», и им мы обяза-

ны тем приниженным положением Русского народа в России, из которого ему давно пора выйти, дабы жить согласно требованиям Русского национального достоинства и культурной миссии Русского народа.

В чем заключается эта культурная миссия? Наша интеллигенция совершенно ее отрицает. С тем большей ясностью должна ее сознать Русская Монархическая партия.

Древнееврейский народ внес в мировую сокровищницу человеческого гения идею Единого Бога; Эллада — идею мудрости и красоты; Древний Рим — идею ясного закона и твердой государственности; Германия — идею серьезной, точной научности; Франция — идею утонченного, изящного вкуса; англо-саксонские расы — идею отважной предприимчивости.

Пройдет ли Русский народ незамеченным в истории и ничего не внесет *своего* в общечеловеческую сокровищницу вечных культурных идей?

Нет, у него есть своя идея, на которую указывали величайшие его гении: и Гоголь, и Достоевский, и Хомяков, и Киреевский, и Филарет, и Катков. Это идея *истинно-христианского государства*.

Плодотворные зачатки этой идеи находятся именно в Русском народе и ни в каком другом, и развитие их мы видим в истории России, в которой еще в Киеве было заложено начало той христианской государственности, которая затем окрепла под тяжелыми ударами монгольского молота и стала расцветать в Московской Руси, пока ее расцвету не был положен предел реформами Петра, принесшего ее в жертву совершенно иным, западным идеям.

Но идея христианского государства, изгнанная из правительственных сфер новой столицы, не умерла, а снова вернулась в сердце, душу и ум Русского народа, остававшегося таинственным носителем этой идеи, пока в начале XIX века, после великого народного подвига 1812 года, она была снова открыта лучшими Русскими людьми той эпохи, ясно ими осознана, обоснована и провозглашена на всю Россию⁴.

Против этой идеи тотчас же восстала вся наша «интеллигенция», принципиально отрицавшая, чтоб у «варварского» Русского народа вообще могли быть какие бы то ни было культурные идеи. К ним присоединились, конечно, все инородцы и иноверцы как в России, так и за границей, заявившие, среди презрительного хохота, что о «русской культурной идее» так же смешно говорить, как о какой-нибудь «турецкой» или «абиссинской» «культурной идее».

Трудно было пробраться культурной идее Русского народа из Москвы, где она преимущественно развивалась первыми славянофилами, Филаретом и Катковым, в чиновно-«интеллигентный», пропитанный инородческим духом, Петербург, дабы дойти там до правительственных сфер и принять фактическое осуществление в жизни Русского государства. И Император-Самодержец Николай I, и Царь-Освободитель Александр II при всех Своих достоинствах как Русские Государи оставались чуждыми «Московской» идее; лишь Царь-Миротворец Александр III положил начало национальной политике России, поставив на первый план интересы России и Русского народа, к великому прискорбию и негодованию всей нашей космополитической «интеллигенции».

Александр III первый из Русских Императоров понял, что Россия должна быть для Русских; что Русский народ сам по себе культурный, а не варварский народ; что он может и должен развиваться по своим собственным самобытным законам, а не по иноземным шаблонам.

С восшествием на Престол ныне благополучно царствующего Императора Николая II появился впервые в правительственных сферах и тот религиозный элемент (который не успел еще выясниться в слишком кратковременное царствование Его Великого Отца) благодаря личному глубокому благочестивому чувству Государя и Государыни и столь близкой Москве Великокняжеской Четы⁵.

Началась новая эра, возбудившая самые радостные чувства, самые светлые надежды всего Русского Православного

народа, почуявшего в глубине своей души появление истинно православного Царя, столь необходимого и столь давножданного для осуществления русского идеала истин христианского государства. Всем еще памятны лучезарные дни Московских говений и христосований Царя и Царицы среди Кремлевских святынь и знаменательное паломничество Их Величеств и Высочеств к новоявленному чудотворцу всероссийскому, преподобному Серафиму Саровскому. Все православные Русские люди приветствовали друг друга с восстановлением Московской Царской России на заре XX столетия, среди всех усовершенствований европейской цивилизации, но на почве чисто Русской культуры.

Осуществление идеала истинно христианского государства казалось столь близким, что враждебная ему космополитическая и неверующая «интеллигенция» и все еврейство-франмасонство востребовались и решили всеми силами воспрепятствовать этому осуществлению.

Кто следил за подпольной и заграничной русской печатью во время Саровских торжеств, тот знает, с каким циническим глумлением эта печать, столь любезная нашим «интеллигентам», относилась к этому истинно русскому общению Царя со Своим народом. И вот она забила тревогу, требуя скорейшего возникновения той революционной агитации, которая ныне старается разобщить Русского Царя с Русским народом, противопоставив Царской Воле — волю народа.

Русская Монархическая партия твердо уверена, что осуществление Русского культурного идеала, которое уже было столь близким, рано или поздно должно совершиться — на благо не только России, но и остальных культурных народов. Народы эти, перепробовав все возможные формы правления, постепенно приходят к сознанию полного их несовершенства. Им предстоит еще вкушать всех прелестей социалистического рабства и необузданной анархии, после чего они будут искать исхода из того тупика, в который все они, в разное время, придут, раз они вступили на путь конституционного правления.

Когда произойдет этот конечный кризис, — в текущем ли столетии, или в будущем, — предвидеть, разумеется, трудно; но во всяком случае необходимо, чтобы Россия к тому времени исполнила свою культурную миссию и создала у себя, в поучение и назидание всему остальному миру, то истинно-христианское государство, о котором мечтает Русский народ, который в отличие от всех других народов по своему кроткому, незлобивому характеру, по своей глубокой, искренней вере, по своему долготерпению и чисто евангельскому мировоззрению всего более подходит к идеалу православного христианского народа.

Вот та культурная идея, которую Русский народ внесет тогда в общечеловеческую сокровищницу, являясь проповедником не только Христианской Государственности, но и всей вообще Христианской Истины среди остальных, сбившихся с христианского пути, народов.

Но для того чтобы Русский народ мог исполнить это свое великое святое призвание, Царская Власть должна тщательно охранять его от развращения космополитическими и атеистическими идеями, воспитывая его в истинно национальном и религиозном духе, — и Русская Монархическая партия должна оказывать Царской Власти в этом отношении всякое содействие, защищая чистоту Русских идеалов от всякого искажения и борясь законными средствами против всех врагов Русской национальности.

Мы говорим о борьбе законными средствами, и тут нам приходится самым решительным образом опровергнуть избитую клевету, которой враги Русского народа стараются опорочить истинно Русских людей, приписывая им какую-то слепую ненависть ко всему нерусскому. Вот что им говорят:

«Вы хотите насильственно обрусить все различные племена, населяющие Россию; вы хотите истребить все национальные различия и все местные обычаи, уничтожить все языки, кроме русского, все вероисповедания, кроме православного; вы хотите поляка, финна, армянина, киргиза и сарта превратить силою в Великороссов».

Никогда русские патриоты не задавались такой недостижимой целью. Да если б она и была достижима, они не стали бы ее добиваться, так как в этнографическом разнообразии племен, населяющих Россию, не заключается для нее никакой опасности, пока в этом разнообразии не проявляется стремлений политического сепаратизма.

Пусть во всех краях России местное население сохраняет свои древние обычаи, свой родной язык и веру своих отцов, словом, — весь свой национальный облик, оставаясь, однако, вместе с тем, в верном подданстве Самодержавного Царя Всероссийского, — вот то требование, которое мы предъявляем всем инородным племенам, населяющим наше Отечество.

Племенное разнообразие России составляет особую живописную ее прелесть, нарушить которую было бы преступлением. Но Русский человек, создавший Россию, должен, как мы сказали выше, всюду в России чувствовать себя не случайным гостем, а полноправным хозяином, хотя бы он находился среди самой чуждой ему этнографической обстановки. А для этого нужны только три условия:

- 1) чтобы всюду, во всей России, *государственным* языком был язык Русский;
- 2) чтобы всюду действовали Русские законы и —
- 3) чтобы всюду Православная Церковь была, как господствующая, в должном почете.

Эти три условия отнюдь не представляют собой чего-либо чрезвычайного или неслыханного, как это утверждают некоторые инородцы и потакающие им наши космополиты — интеллигенты. Те же самые условия существуют во всех культурных государствах: французы чувствуют себя хозяевами в Алжире, англичане — в Индии, немцы — в Познани, ибо все эти народы находят во всех своих провинциях и колониях безусловно господствующими и свой язык, и свою церковь, и свои законы. Лишь мы, Русские, чувствуем себя как бы на чужбине, когда приезжаем, например, на свою Финляндскую окраину, где мы не находим, разве лишь в некоторых городах, ни своего языка, ни своей Церкви, ни своих законов; где нас

встречают, как, например, в той же Финляндии, на Кавказе и в Привислинье, как чужестранцев и врагов; где вместо нас господствуют шведы, армяне и поляки, которые о том только и думают, как бы унизить и оскорбить Русскую народность и Православную Церковь.

Ни один культурный народ не стерпел бы такого отношения к себе со стороны населяющих его территории инородцев, какое терпит Русский народ, — в особенности в последнее время, — со стороны иноплеменного населения России. Ввиду этого необходимы серьезные реформы, чтобы предоставить Русскому народу господствующее положение в России, которое, как мы видели, отнюдь не стеснит местных этнографических особенностей иноплеменного населения России, при том лишь условии, чтоб они не имели значения политического сепаратизма.

Русский человек третируется ныне на некоторых окраинах России, особенно в Финляндии, Польше и на Кавказе, как какая-то пария, если он не подчиняется рабски требованиям местных сепаратистов. Не шведы, финны, поляки и армяне нуждаются в защите от «русификации», а, напротив того, Русские граждане нуждаются в защите от беспощадной шведской, финской, польской и армянской тирании, заставляющей их либо бороться на каждом шагу за свое существование без надежды на защиту со стороны Русских властей, либо отказаться от своей Родины и поступить на службу врагам России, либо бежать в центральные русские губернии, дабы перевести дух от нестерпимого гнета со стороны окраинных инородцев.

Этого более терпеть невозможно.

Мы и выше, и сейчас только упомянули, что Русские люди на окраинах России не могут надеяться на защиту Русских властей.

Нет правила без исключения. У всех еще в памяти имена графа Муравьева⁶ в Вильне, фельдмаршала Гурко в Варшаве, князя Шаховского⁷ в Ревеле и генерала Бобрикова в Финляндии. Это были не только истинно Русские люди, но и достой-

ные представители Царской Власти на окраинах России. К ним, конечно, можно присоединить еще несколько менее видных имен честных Русских администраторов, высоко державшихся на окраинах Земли Русской государственной идеи.

Но и они, к сожалению, все-таки являлись лишь исключением из общего правила, в силу которого Русские окраинные администраторы заботятся обо всем, о чем угодно, но только не об интересах Русского населения окраин и не о Русской государственной идее.

Этому прискорбному явлению необходимо положить конец созданием и окончательным установлением определенной системы Русской окраинной политики, которая бы всюду твердо и неуклонно проводила идею Русской Государственности и прекратила бы ту вечно колеблющуюся «политику маятника», по которой каждый новый окраинный администратор разрушает все то, что было сделано его предшественником.

Не личные взгляды окраинных администраторов должны руководить их деятельностью, а установленные Верховной Властью государственные принципы, уклонение от которых должно считаться преступлением.

Тогда и местное население наших окраин уверует в силу Русской Власти и в непреложность Русских государственных начал и прекратит свою антирусскую и антиправительственную агитацию, зная, что Русская политика по отношению к окраинам никогда не изменится, хотя бы каждый год менялись русские администраторы. Теперь же весь окраинный сепаратизм поддерживается и развивается вследствие уверенности местного населения, что никогда не следует уступать требованиям Русского Правительства, так как завтра же может явиться на окраине такой администратор, который ровно ничего не будет требовать от местного населения, а будет осыпать его незаслуженными любезностями и столь желанными сепаратизму поблажками.

Еще раз повторяем: не из какого-либо «человеконенавистничества», не из «патриотического фанатизма», не из «пустого

властолюбия» Русский народ должен чувствовать себя дома во всех частях созданной им России, а на основании самых элементарных принципов государственной политики, принятой всеми культурными народами.

Те разноплеменные государства, в которых нет господствующего народа, как, например, в Габсбургской монархии, обречены на жалкое распадение.

Россия к таким государствам принадлежать не должна.

Обеспечив на пространстве всей России господствующее положение 1) Православной Церкви; 2) Русских законов и 3) Государственного Русского языка в административных учреждениях, в суде и школе, Русский народ может спокойно предоставить всем иноплеменным, населяющим Россию, народностям полную свободу веры, языка, литературы и обычаев, *лишь бы эта свобода не служила политическому сепаратизму.*

Такова в этом важном вопросе программа Русской Монархической партии, которая, мы надеемся, не будет уже впредь подвергаться лжетолкованиям, клеветам и извращениям со стороны ее противников.

Православная церковь в России

I.

Вместе с реформами, имеющими целью укрепление неограниченной Самодержавной Власти на Руси, Монархическая партия видит спасение России в реформах, содействующих «возвеличению единой Православной Церкви в истинно христианском и апостольском ее призвании».

Ни Русские Государи, ни Русский народ не могли бы сами по себе ни создать, ни сохранить, ни развить всю физическую и нравственную мощь России, если б они не были соединены между собой Православной Верой и не входили в состав Православной Церкви.

В Православной Вере они находили источники того могущественного упования на торжество святой Истины,

которое давало им силу переносить самые тяжелые испытания в течение своей исторической жизни; в Православной Церкви Русские Государи и Русский народ установили в течение веков между собой тот величавый патриархальный уклад взаимных отношений, с которым, по глубокому этическому значению, не может сравняться никакая западная — ни феодальная, ни договорная — форма правления.

Русский Царь и Его Русские подданные являются прежде всего православными христианами, соблюдающими, ради спасения своей души, священные заветы Божественного Учителя, Иисуса Христа.

Не из самочинного властолюбия Русский Царь управляет своим народом. Нет, Он несет возложенный на Него Господом крест неусыпной заботы и постоянного труда на пользу вверенного Его отцовскому попечению народа, отвечая совестью перед Богом за каждое Свое нерадение или попустительство, в непрестанной борьбе со злом, откуда бы оно ни угрожало России вообще или Русским людям в частности. Все Самодержавные права Русского Царя вытекают из этого христианского *Его долга*.

Со своей стороны, и Русские люди, по христианскому же долгу, а не из низменного раболепного чувства, беззаветно повинуются своему Царю не как случайному завоевателю или супостату, а как Помазаннику Божьему, как Державному Отцу, поставленному Самим Богом над Русским народом, ради его блага, ради его внутреннего счастья и его внешней безопасности. Вот почему для Русского народа Государь Император Всероссийский является прежде всего «Царем-Батюшкой», и это именно глубоко этическое, *умилительное*, воззрение народа на своего Царя составляет отличительную черту *Русского* народа, возникшую на почве Православной Церкви и не встречающуюся ни у какого иного христианского или иноверного народа.

Как же может Россия, ввиду всего этого, не дорожить Святой Православной Церковью как величайшим своим со-

кровищем не только из чувства благодарности за все те не-оценимые блага, которыми она ей обязана, но и из чувства самосохранения? Унизьте, подорвите значение Православной Церкви в глазах Русского народа, пошатните, истребите в нем его Православную Веру — и вы этим самым подорвете и истребите все его глубоко христианское отношение к Самодержавной Царской Власти.

Коль скоро он не будет видеть в Русском Царе Помазанника Божия и верного Сына Православной Церкви, он уже не будет видеть в Нем высокопревознесенный образ Державного Отца, христиански пекущегося о своих подданных, а будет относиться к Нему с совершенно иными чувствами. Религиозно-этическая связь между Царем и народом будет нарушена, они будут лишены священной силы, дававшей им возможность создавать и охранять Россию, — и тогда врагам ее уже легко будет одолеть Русское Государство, пошатнувшееся в своих главных основаниях.

Для предотвращения возможности такой страшной опасности Монархическая партия считает своим долгом действовать всеми доступными ей законными средствами укреплению религиозных уз, связующих Русского Православного Царя с Его Православным Русским народом, — путем охранения Русской Православной Церкви от всякого покушения на ее святость, на ее единство и на ее истинно христианское и апостольское призвание.

А подобные покушения грозят ей со всех сторон. Тут, прежде всего, необходимо опровергнуть совершенно ложный взгляд на основное значение тех законодательных мер, которыми Православное Русское Государство оградило святость и неприкосновенность Православной Церкви по отношению к другим инославным и иноверным религиям.

Все эти меры имеют *чисто оборонительный*, а отнюдь не наступательный характер.

Как Русская Православная Церковь, так и Русское Православное Государство отличаются большой веротерпимо-

стью по отношению к другим исповеданиям. Никто в Российской Империи не стесняет свободы ни инославных христиан, ни мусульман, евреев и язычников; никто не заставляет их отказываться от своей веры, никто не препятствует им молиться Богу по своим верованиям и обрядам, — но с одним лишь условием, чтоб от этого не страдало господствующее положение в России Святой Православной Церкви, которая, как видим, имеет незыблемое право на это положение как по историческим, так и по государственным, религиозно-нравственным причинам.

Ввиду этого Русское Государство говорит населяющим Русскую Империю неправославным лицам: «Веруйте и молитесь как вам угодно, но не нарушайте существующих в России законов, не совращайте в свою веру сынов Православной Церкви и не унижайте ее в глазах народа, так как она законно господствующая Церковь в России».

Таково вполне справедливое положение, занимаемое Русским Государством по отношению к инославным и иноверным исповеданиям, и на этом положении основаны те законы, которые, отнюдь не противореча началам веротерпимости, охраняют Православную Церковь в России от всяких покушений на ее святость, единство и господствующее в Государстве положение.

К сожалению, настоятели и члены инославных и иноверных религиозных общин не хотят довольствоваться свободой вероисповедания, но требуют себе свободы *веропроповедования*. Им недостаточно самим свободно молиться по своей вере, они стараются совратить в эту веру и православных Русских людей и, приходя на этом пути в столкновение с государственными законами, они вопят о «стеснении их свободы совести», об «отсутствии веротерпимости», о «необходимости уравнивать в правах все существующие в России вероисповедания».

Так как свобода веропроповедования им не была дана, они заговорили о «нетерпимости».

Об этом скажем в следующей статье.

II.

Во вчерашней статье мы указали на то, что все недовольные неразрешением им свободы веропроповедания подняли крик о нетерпимости. И вот создалась совершенно вымышленная легенда о мнимой «нетерпимости» Православной Церкви и Русского Государства, легенда, не только прочно установившаяся среди нашей невежественной интеллигенции, но повлиявшая даже на работы Комитета Министров, очевидно, уверовавших в нее вместе со своим председателем¹ и подготовивших реформу 17 апреля², которая дала полную свободу инославным и иноверным исповеданиям не в деле их совести и их религиозных нужд, ибо этой свободой они и раньше пользовались, а в деле открытого похода их против Православной Церкви.

Но православная веротерпимость не только не вызвала веротерпимости иноверной и инославной, а, напротив того, впервые открыла в могучей России новую эру открытого соращения сынов Православной Церкви в другие вероисповедания.

Как и следовало ожидать, всего больше фанатизма в этом соращении путем угроз, насилия и лживых измышлений проявили польские ксендзы, о чем свидетельствуют вопли православного населения Холмщины и Подляшья³.

Поддерживать всеми мерами этих страдальцев против изуверской католической пропаганды составляет одну из первых задач Монархической партии, которая с особенно отрадным чувством узнала, как из официального распоряжения Варшавского генерал-губернатора, так и из извещения Варшавского архиепископа, что Государю Императору благоугодно было обратить внимание на действия польских религиозных соблазнительей и принять меры к защите православных людей от их фанатизма.

Но опасности угрожают Православной Церкви со стороны не одних только иноверцев. Уже один тот факт, что Комитет Министров счел себя вправе совершать церковные

реформы во вред Православной Церкви, без всякого сношения со Святейшим Синодом, единственным законным в Государстве учреждением, ведающим делами Православной Церкви, показывает, каких внезапных нападений Православие в России может ожидать даже не со стороны своих врагов, но и со стороны государственных лиц, призванных, казалось бы, относиться к Православной Церкви с величайшим благоговением.

Но и Сам Святейший Синод не является достаточной гарантией безопасности Православной Церкви от искажения ее учений, как это доказывает учиненная Синодом бракоразводная реформа⁴, противоречащая учению Самого Спасителя, так же как и поспешно принятое Синодом решение о немедленном созыве Церковного Собора и об избрании патриарха⁵, что в настоящее смутное время могло бы привести лишь к такой же смуте и в Православной Церкви, и к религиозным волнениям во всей России.

Все это указывает на необходимость глубоких церковных реформ в России, которые сделали бы Российскую Империю государством по преимуществу православно-христианским и обеспечили Православной Церкви принадлежащее ей по праву господствующее положение в этом государстве. Но этого мало: будущие церковные реформы должны поставить Православную Церковь в такое положение, которое оградило бы ее от всякого вторжения светской власти в чисто духовную ее сферу, освободив ее вместе с тем от того бюрократизма, который развился в ее внутреннем правлении и который либо задерживает ее плодотворную деятельность, либо дает ей совершенно нежелательное направление.

Те же реформы должны точно так же определить в ясной и точной форме отношение Православной Церкви к инославным и иноверным исповеданиям. Предоставляя им полную свободу в их внутренней религиозной жизни, Православное Государство не может, однако, позволить им чем бы то ни было вредить Православной Церкви или умалять ее господствующее в России положение.

А потому пропаганда иноверных учений и совращение сынов Православной Церкви в иные верования не должны допускаться в России, так как апостольская деятельность распространения истинного Христова учения может принадлежать у нас только хранительнице этого учения — Православной Церкви.

Многих недальновидных людей соблазняет пример Фридриха Великого⁶, заявившего, что в его государстве «каждый по своему фасону может спасти свою душу».

Но при этом упускается из виду, что Фридрих Великий был атеист, относившийся с полным равнодушием ко всем вероисповеданиям. В совершенно ином положении находится Благочестивейший Православнейший Государь Всероссийский, который имеет перед Господом священный долг быть защитником Православной Церкви от всяких мирских невзгод и напастей. Ни атеизма, ни религиозно-индифферентизма в Русском Государе быть не может, а потому он не может относиться безразлично ко всем вероисповеданиям, ставя их на одну доску с Православной Церковью. Предоставляя им свободу веры, молитвы и внутреннего устроения, он оставляет за одной Православной Церковью свободу миссионерской деятельности, так как он в качестве сына Православной Церкви уверен, что лишь она может нести истинный свет христианства как язычникам, так и иноверцам.

На том же основании в России не может быть и отделения Церкви от Государства, которое мыслимо лишь там, где Государство относится к Церкви или совершенно равнодушно (как в Америке), или прямо враждебно (как во Франции). В России, как мы видели, ни того, ни другого быть не может, ибо с той минуты, как Русский Царь стал бы относиться к Православной Церкви равнодушно или враждебно, расторглась бы историческая и религиозно-нравственная связь, существующая между ним и его народом, а без этой связи ни Русский Царь, ни Русский народ, ни, следовательно, сама Россия, существовать не могут.

Вот те причины, по которым Монархическая партия всегда будет стремиться к «возвеличению единой Православной Церкви в истинно христианском, апостольском ее призвании.

В том, что Православная Церковь должна быть единая, никто из православных людей не сомневается; а потому все мы надеемся, что рано или поздно прекратятся народившиеся в ее лоне сектантские недоразумения, имеющие единую с Православной Церковью религиозную основу, но иначе, чем она, толкующие различные вопросы внешней обрядности. Мы говорим о наших так называемых «старообрядцах», которые склонны видеть в дарованных им ныне льготах как бы поощрение к полному навеки отпадению от Православной Церкви и к созданию рядом с ней второй Церкви, со своей самостоятельной, официально признанной иерархией.

Само собой разумеется, что такой церковный раскол не мог бы содействовать ни возвеличению Православной Церкви, ни благу России, а потому необходимо принять все меры к тому, чтобы предотвратить и эту, грозящую нам церковной почве, опасность соответствующими законодательными реформами.

Что же касается других неправославных сект, то они, конечно, могут быть терпимы лишь в том случае, если не действуют враждебно против Русского Государства и Православной Церкви, как это, например, делают штундисты, доходящие в этом отношении, как мы это недавно видели, до изуверского фанатизма.

И тут, следовательно, необходимы реформы, которые создали бы твердую охрану православного населения от этих врагов, стремящихся похитить у него самое драгоценное его сокровище — Православную Веру. Должны ли все эти реформы производиться обыкновенным законодательным порядком или посредством созвания особого Церковного Собора; должен ли Святейший Синод преобразоваться в смысле освобождения его деятельности от мертвящего бюрократизма, или должно, рядом с ним, или вместо него, воскреснуть древнерусское патриаршество, — всех этих вопросов в настоящее тяжелое вре-

мя внешней войны и внутренней смуты Монархическая партия пока не поднимает, твердо держась изложенного в ее программе воззрения, что «никакие реформы, в которых так нуждается Россия, не могут принести благих плодов, коль скоро они будут производиться под натиском теперешнего революционного движения».

А потому не время теперь говорить о тех путях, которыми должны быть совершены намеченные выше церковные реформы: достаточно указать на их конечные цели и на основной их характер, соответствующий истинному благу Православной Церкви и всей России.

Русская бюрократия

Среди бесчисленных клевет, посредством которых наши «либеральные» революционеры стараются извратить истинное значение Русской Монархической партии, особенным успехом в их лагере пользуется ложное утверждение, будто мы желаем во что бы то ни стало сохранить в неприкосновенности все недостатки русской бюрократической системы.

Против этой возмутительной лжи Русская Монархическая партия протестует самым решительным образом.

Недостатки русской бюрократической системы проистекают главным образом из двух коренных причин, которыми являются:

1) Чрезмерная централизация всего нашего административного строя, не дающая достаточного простора самостоятельности местной жизни.

2) Недостаточная добросовестность нашего административного персонала в исполнении им своего служебного долга.

Защищать первый из этих недостатков могли бы только люди политически близорукие, защищать второй — люди политически и нравственно бесчестные. Вот почему Русская Монархическая партия в числе безусловно необходимых для России реформ ставит полное устранение как того, так и другого коренных недостатков русской бюрократической систе-

мы, выразив свое убеждение в следующих требованиях своей программы:

4) *«Широкое, децентрализованное, плодотворное развитие местной экономической и общественной жизни, не стесненной ни правительственным, ни земским бюрократизмом, но и не вторгающейся в область государственной политики».*

7) *«Нравственное оздоровление всех сфер государственной службы, на которой могут быть терпимы лишь лица свято, строго и бескорыстно исполняющие свой долг пред Самодержавным Царем и дорогою Родиной».*

Рассмотрим, прежде всего, вопрос о децентрализации нашего административного управления.

Что децентрализация эта необходима, — в этом все согласны; вопрос идет только о ее размерах, о внешних формах и внутреннем ее значении.

Максимальные требования в этом отношении предъявляют наши сепаратисты, под которыми мы разумеем не одних только окраинных политиков, но и тех русских людей, которые, по недомыслию или по другим, менее невинным причинам, хотят расчленить Россию на отдельные самостоятельные области.

Минимальные уступки были предъявлены нашими министерствами, когда два года тому назад в Петербурге возникла мысль о децентрализации правительственной деятельности: министерства согласились предоставить местным своим органам лишь такие ничтожные полномочия, как, например, самостоятельное разрешение краткосрочных отпусков местным чиновникам, без предварительного запроса в центральном, петербургском ведомстве.

Согласиться на первые требования значило бы упразднить единство России, а следовательно, и существование самой России. Удовольствоваться же последними уступками было бы равносильно сохранению всех недостатков теперешней централизованной системы.

Русская Монархическая партия, очевидно, ни на эти требования, ни на эти уступки согласиться не может. По ее

мнению, децентрализация нашей административной системы должна заключаться в следующем.

Во главе каждого небольшого местного административного центра (скажем, например, уезда) должен стоять представитель центральной власти, с достаточными полномочиями для немедленного самостоятельного решения всех вопросов местной жизни.

При этом уездном администраторе состоит земский совет из *всех местных землевладельцев*, обладающих известным имущественным цензом, и из *представителей уездного духовенства и крестьянства*. Совет этот имеет те же функции, что и теперешние земства, но под контролем уездного представителя центральной власти, который один отвечает перед этой властью за законный порядок во введенном ему уезде.

Должны ли уезды, — эти мелкие административные единицы, — обязательно соединяться в прежние, исторически и этнографически создававшиеся, «губернии», с губернскими земствами и с губернаторами во главе?

Мы полагаем, что нет; ибо тогда снова создался бы прежний правительственный и земский бюрократизм.

Но отдельные уезды могут свободно, по собственному усмотрению, соединяться с соседними уездами в постоянные или временные особые группы по причинам хозяйственно-экономическим, — вследствие ли однородности природных, земледельческих или промышленных условий, или вследствие общих хозяйственных предприятий, как, например, шоссейных или железных дорог, каналов, исправления речных путей сообщения, общих санитарных мер ввиду эпидемий и т. д.

В настоящее время у нас есть губернии, в которых уезды принадлежат в хозяйственном отношении к совершенно различным категориям и, тем не менее, принуждены вести одно общее «губернское» хозяйство, тогда как им гораздо естественнее и выгоднее было бы вести общее хозяйство с однородными с ними уездами соседних губерний.

Это неудобство исчезло бы при изложенной выше системе группировки самостоятельных в хозяйственном отношении уездов.

С устранением земских выборов исчезла бы земская политическая партийная борьба, столь мешающая серьезным хозяйственным делам. С устранением губернских земств прекратились бы и рабские подчинения уездных земств губернским политикам.

Сверх того, в значительной степени облегчились бы и обязанности, и ответственность местных представителей центральной власти, так как хорошо управлять уездом и отвечать за его благосостояние было бы гораздо легче, чем теперешнее управление целой губернией (равняющейся иногда по своим размерам западноевропейскому государству) с жалким составом земских начальников, исправников и станowych приставов. Губернатор фактически не может отвечать за все то, что происходит в уездах его губернии, а в настоящее смутное время ответственность эта более чем когда-либо необходима. Ее вполне может нести уездный начальник (назовем его пока этим именем), который знал бы свой уезд как свои пять пальцев. В большинстве случаев таким уездным начальником мог бы быть уездный предводитель дворянства, если бы правительство нашло его соответствующим такой ответственной должности.

Соединившаяся по экономическому вопросу группа уездов имела бы по данному вопросу выборную комиссию, в которой были бы представлены все согласившиеся между собой уезды. Точно так же могли бы соединяться, в случае надобности, несколько уездов в одну административную группу, имея во главе губернатора или генерал-губернатора, — для общего направления государственной политики по какому-либо административному вопросу, например для водворения нарушенного в нескольких уездах законного порядка, для введения каких-либо новых законоположений в той или иной области и т. п.

Мы здесь не пишем законопроекта. Мы хотим только показать, что Русская Монархическая партия желает покончить

с бюрократическим централизмом и идет в своих децентрализованных идеалах гораздо дальше наших либералов, которые мечтают лишь о самоуправляющихся областях, тогда как мы даже уездам желали бы дать истинное самоуправление.

А истинным самоуправлением в данном случае может быть только самоуправление *экономическое*: ибо тогда только децентрализованная местная жизнь будет плодотворно развиваться, если она, освобожденная от правительственного и земского бюрократизма, будет серьезно и деятельно заниматься разрешением своих экономических вопросов, отнюдь не вторгаясь в область государственной политики, которая всецело должна входить в сферу деятельности Верховной Власти. Для нас слишком красноречив пример политической деятельности наших, преимущественно губернских, земств, приведшей к настоящей, столь тяжело ощущаемой нами революционной смуте.

Легко себе представить, до какой степени оживится наша уездная жизнь, если во все уезды будут перенесены те местные центры провинциальной администрации, которые ныне действуют в губернских городах; если возникающие в уездах вопросы местной жизни тут же в уездах будут получать свое быстрое, окончательное разрешение, безо всякой бюрократической проволочки, без необходимости совершать пресловутые паломничества в далекие петербургские приемные, где ныне бедным провинциалам после долгого бесполезного томления даются с утонченной любезностью всевозможные обещания, осуществление которых впоследствии оказывается столь проблематичным.

Мы еще раз повторяем, что мы не настаиваем на вышеуказанной *форме* необходимой децентрализации административного управления Россией; но мы настаиваем на ее *сущности*, которая состоит в том, чтобы наша *уездная* жизнь приобрела большую экономическую самостоятельность, а следовательно, и большую самодеятельность.

Но, конечно, главное зло бюрократизма лежит не в тех или иных *учреждениях*: оно лежит в *людях*, и пока не будет произ-

ведено нравственное оздоровление всех сфер государственной службы, мы от недостатков нашей бюрократической, хотя бы и децентрализованной, системы не избавимся.

Но тут мы должны оговориться. Наши революционеры огульно обвиняют весь личный состав русской администрации во всевозможных чудовищных бюрократических преступлениях, дабы этим обвинением набросить тень на этическую сторону всего нашего Самодержавного строя. С таким тенденциозным взглядом согласиться нельзя. Существуют тысячи русских чиновников, как на высших, так и на низших постах, — которые безупречно исполняют свои обязанности, служа верой и правдой своему Царю и своей Родине, не за страх только, но и за совесть. Тяжело им слышать бросаемые им ныне в лицо обвинения в том, в чем они совершенно не повинны, — обвинения, которые относятся лишь к их недобросовестным товарищам, дискредитирующим все русское чиновничество.

Вот с этой *недобросовестностью* значительной части нашего административного персонала в исполнении им своего служебного долга нам необходимо окончательно расстаться.

Недобросовестность эта является — увы — недостатком не одной только нашей бюрократии: она является общим недостатком всей нашей интеллигенции.

Под «недобросовестностью» мы разумеем, прежде всего, небрежное, «халатное» отношение к своим обязанностям, предпочтение внешнего, формального решения дел серьезному изучению их по существу, и губительное равнодушие к продолжению горячо начатого дела. Это чуть ли не наши национальные пороки, проявляющиеся на каждом шагу в нашей частной, общественной и государственной жизни. Что же удивительно, что они проявляются и в нашей бюрократии?

Мало того, даже одна из либеральных наших газет еще недавно совершенно верно констатировала тот факт, что «во всяком из нас сидит бюрократ»:

«Чиновниками, исполняющими механически свои обязанности, являются не только служащие контор, но нередко и

представители свободных профессий, которые, по привычке, мыслят и действуют автоматически. Плевелы излишней, вредной формалистики всходят и растут не только в правительственных учреждениях, — они свободно процветают также в частных обществах, банках и конторах» (*Киевское Слово* № 6255).

Все эти недостатки: небрежность, формализм и равнодушие к своим обязанностям будут и впредь процветать в нашем обществе и в нашей бюрократии, будь у нас конституция или республика, если мы не предпримем радикальных мер к их искоренению.

Меры эти могут быть лишь двух родов: *воспитательные* и *карательные*.

Во всех цивилизованных государствах школа имеет общепризнанное назначение: развивать в своих питомцах *чувство долга*, воспитывать в них будущих граждан, свято исполняющих свои обязанности.

Лишь в России школа за последние годы утратила это назначение, с тех пор, как нашлись профессора, провозгласившие для себя и для своих учеников неисполнение своего прямого долга — гражданской доблестью. Да и вообще в наших школах водворился в настоящее время такой хаос анархии, что они сами совершенно прекратили исполнение своих обязанностей, а потому и не могут развивать чувство долга в своих питомцах. Необходима поэтому коренная реформа наших школ (о которой мы будем говорить в своем месте, при разъяснении соответствующего 8-го пункта Программы Русской Монархической партии).

Реформа эта должна ввести, наконец, в наши школы то серьезное религиозно-нравственное воспитание, о котором уже неоднократно, и так настойчиво, раздавались напоминания с высоты Престола, — воспитание, приучающее молодых людей к строгой дисциплине в исполнении своих обязанностей. От такой реформированной школы мы будем вправе ожидать, что она будет выпускать в жизнь действительно воспитанных граждан, которые не будут относиться к своим служебным

обязанностям с той небрежностью, с тем внешним формализмом и с тем отсутствием постоянного интереса и усердия, какими отличается значительная часть нашей теперешней бюрократии. А до тех пор нравственное оздоровление тех сфер государственной службы возможно лишь путем карательным.

Всякая небрежность, всякая нерадивость на государственной службе должна преследоваться строгими административными и судебными карами. Мы уже не говорим о той недобросовестности, которая связана с корыстными преступлениями, со взяточничеством и хищением казенного имущества, — этой язвой, прикрываемой в некоторых ведомствах благовидными предложениями и наименованиями.

С этой язвой правительство безусловно обязано бороться с беспощадной строгостью, не опасаясь каких-либо «скандалов», а идя прямо им навстречу, так как иным образом с этим великим, позорным злом некоторых бюрократических наших сфер, принесшим уже столько неисчислимого вреда России, — справиться невозможно.

«Конституция», «парламент» тут не помогут. Разве мы не видим колоссальных хищений в военном и морском министерствах парламентарной Англии? Разве бюрократы республиканских Соединенных Штатов не побили всемирный рекорд бессовестной продажности и баснословного взяточничества?

Мы еще раз повторяем: не в *учреждениях* дело, а в *людях*, в их нравственном характере, в их нравственной дисциплине. В автократической старой Пруссии строго дисциплинированные чиновники стояли неизмеримо выше, чем прославившиеся своей распущенностью чиновники вышеупомянутых «конституционных» стран.

И у нас, в России, без всякого сомнения, бюрократизм не изменится, если за оздоровление его не примется самым энергическим образом само Правительство, которое одной уже этой энергией в данном вопросе возвысит свое авторитетное обаяние в глазах всего народа.

Если наше «общество» так легко поддается революционной пропаганде, то это не потому только, что оно с молоком

матери всосало возмущение язвами нашего бюрократизма, заклеяемыми и нашей литературой, и нашей печатью, а главным образом потому, что оно искренно предается иллюзии, будто все эти язвы находятся в непосредственной зависимости от Царского Самодержавия!

Разрушить эту вздорную, вредную иллюзию, — это первая обязанность уважающего себя Самодержавного правительства. Оно обладает всеми средствами для необходимого восстановления истины, которая заключается в том, что не только нет ничего общего между принципом Царского Самодержавия и распушенностью чиновничества, но что это — понятия прямо противоположные.

Если Русский Государь обладает Самодержавной Властью, ничем, кроме законов, неограниченной, — то кто же, как не Он, может через Свое правительство и через Свой суд создать в Своем государстве образцовое во всех отношениях чиновничество, — путем назначения на ответственные должности лишь достойнейших в нравственном и правительственном отношении людей, и путем беспощадного и немедленного изгнания из государственной службы людей нерадивых, бесчестных и идущих вразрез с политикой правительства?

И тут также открывается широкое поприще для усовершенствования нашей административной системы, которое положит конец вопиющей ненормальности, нигде, кроме России, не существующей и заключающейся в том, что при назначении чиновников даже на высокие административные должности принимаются в расчет всевозможные стороны их индивидуальности, за исключением только их политических убеждений.

«Какое мне дело до убеждений моих чиновников, лишь бы они были умные, работающие люди»... Такое изречение может исходить, и — увы — неоднократно исходило из уст лишь русских министров, создававших вокруг себя целые армии действительно способных и деловитых чиновников, которые весь свой ум и всю свою деловитость направляли на искажение и извращение Высочайших предначертаний и благонамерен-

нейших министерских предписаний, придавая им совершенно обратное, антиправительственное значение, не забывая при этом и своих личных, корыстных интересов.

Со всеми этими аномалиями, недостойными великой Державы, Императорское правительство может и должно раз навсегда покончить, создав такой контингент своего административного персонала, который отличался бы не только умом и деловитостью, но и безупречной добросовестностью, а прежде всего — беззаветной преданностью своему Самодержавному Царю и жизненным интересам своей Родины.

Царь и Народ

«Россия крепка лишь единением Царя с Народом».

Это столь очевидная историческая истина, что ее и оспаривать нельзя, а потому нет надобности ее и доказывать.

Этой истины не отрицают даже наши «республиканцы» и «социалисты»; они лишь утверждают, что единение Царя с Народом является прекрасным идеалом, который, однако, нельзя осуществить; а потому, — говорят они, — коль скоро единение Царя с Народом невозможно, то — «долой Царя!» Они не отрицают и того, что если в России не будет Царя, то Россия распадется на части; но этого распада они именно и желают для своих целей, не имеющих ничего общего с величием, славой и могуществом России, составляющими заветную цель русских монархистов.

Необходимости единения Царя с Народом не отрицают и наши «октябристы» и другие «конституционалисты» и «парламентаристы». Ради этого именно единения они и создали Государственную Думу, которая должна была, по их предположению, «привести Народ прямо к Царю, разрушив бюрократическое средостение».

Против этого средостения, отделяющего Царя от народа, борются и русские монархисты, видящие в петербургской бюрократии не только пагубное препятствие на пути Народа к Царю и Царя к Народу, но и искажение Царского идеала в гла-

зах Народа. Бюрократическое правительство всегда старается отождествить себя с Государем и свои действия с Государевой Волей даже и тогда, когда оно сознательно или бессознательно извращает эту Волю.

Недавние события наглядно это доказывают.

В самом деле, кто, например, осмелится сказать, что Государь желал превратить наши университеты и другие высшие учебные заведения в очаги революционной крамолы. А между тем Правительство их в таковые превратило и ничего, абсолютно ничего не делает, чтобы прекратить это неслыханное безобразие, уничтожающее русскую науку и позорящее Россию на весь культурный мир. Мало того, Правительство, зная, что университетская анархия произошла от дарованной университетам «автономии», даже и не думает об искоренении этого очевидного зла, а напротив, старается еще более укоренить его.

Извращение Державной Воли Государя в нашем университетском деле совершенно очевидно и неоспоримо. А между тем бюрократическое Правительство настаивает и всегда будет настаивать, что оно разрушило наши университеты согласно Царской Воле.

Таким образом, ясно, что бюрократическое средостение не только разобщает Царя с его Народом, но и роняет в глазах Народа все обаяние Царской Воли, извращая ее самые благие желания, направленные на пользу Народа.

Вот почему сближение Царя с Народом является столь же желанной целью для русских монархистов, как и для «октябристов» и прочих «конституционалистов».

Сближения этого пожелал и сам Государь, убедившийся во всем пагубном вреде бюрократической стены.

Но каким путем осуществить это сближение?

Таких путей несколько: одни — лучше, другие — хуже.

Бюрократическое Правительство графа Витте, извратив, как и всегда, Волю Государя, избрало *самый худший из всех путей* — бессловесный, антinationальный парламент, созданный по самым негодным, истасканным и забракованным

западным образцам, на основании совершенно нелепой, запутанной выборной системы. Это уродливейшее из учреждений было названо «Государственной Думой».

Два раза избиралась и созывалась эта чудовищная говорильня, — и оба раза она явилась выражением полнейшего извращения воли и стремлений Русского народа.

Таким образом, между Царем и Народом вместо *одной* глухой стены выросло их теперь *две*: одна — извращающая благие намерения Царя, а другая — извращающая благие же намерения Народа.

Это две великие лжи, которые хотят управлять Россией без правды Царской и без правды Народной; они не только стремятся обратить и Царя и Народ в пустые, безмолвные фикции, но и лишить их какого бы то ни было действительного, реального общения между собой.

Министерский кабинет должен, по этой теории, играть роль Царя, а Государственная Дума — роль Народа, а сам Царь и сам Народ должны быть только безмолвными зрителями этой комедии и обязательно ей рукоплескать, отнюдь не имея права возмутиться этим обманным зрелищем, и, устранив своих «представителей», вступить в собственные свои права и в *непосредственное* между собой общение.

Такое противоречащее здравому смыслу положение Царя и Народа, отделенных друг от друга двумя глухими стенами и обреченных на безмолвное созерцание гибели России, в угоду всем внутренним и внешним ее врагам, долее терпимо быть не может.

Должны пасть *оба* средостения, — и *бюрократическое*, и *думское*, — и лишь тогда Царь увидит пред собой истинный Русский народ, стремящийся к нему всем сердцем, всей душой, всеми помышлениями, как любящие дети к своему ненаглядному Отцу; и лишь тогда Царь узнает *всю правду* о своем Народе, которой он не может узнать ни от петербургской бюрократии, не знающей Русской России, ни от «большинства» Государственной Думы, не только не знающего, но и ненавидящего эту Россию.

Стремление Народа к Царю

При решении вопроса о том, каким образом устроить правильное и естественное единение Царя с Народом, необходимо прежде всего иметь в виду национальную особенность Русского народа, коренящуюся в его духовно-нравственном характере. Мы разумеем его стихийное стремление к Царской правде.

Пострадает ли от какой-либо несправедливости отдельный русский человек, или какая-либо община русских людей, не видящих никакого исхода из тяжелого своего положения, — у всех остается как последний, безусловно верный, якорь спасения — врожденная непоколебимая надежда на Царя.

«До самого Царя дойду, все ему, Батюшке, скажу, он уж не обидит, все по правде рассудит».

Такова чисто русская мысль, глубоко укоренившаяся в духовном мире русского человека с незапамятных времен русского патриархального государственного быта.

Особенность этого стремления к Царю заключается в том, что тут исключается всякая идея «представительства».

Русский человек всегда желает *сам* идти к Царю безо всяких посредников, ибо для него *лицезрение Царя* составляет величайшее счастье, которое в состоянии его утешить в том случае, если Царское решение будет и не в его пользу; а решение это принимается им беспрекословно, безо всякой мысли о возможной несправедливости.

«Каждый сановник, каждый министр может слукавить, решить дело не по правде; Государь же — сама правда, и стоит лишь ему узнать истину, он все решит по Божьей правде».

Таков основной взгляд Русского народа на Царскую справедливость.

Итак, русский человек стремится к Царю для того, чтобы *самому* его увидеть, *самому* изложить ему свою нужду, *самому* сказать ему всю свою правду и от *него* *Самого* услышать правду Царскую, непреложное Государево решение.

Эту глубокую духовную потребность русского народа петербургские бюрократы варварски попрали, создав «пред-

ставительную» Думу и преградив прямой непосредственный путь Народа к своему Царю.

Никто не настаивал так упорно на полном разобщении Царя с Народом, как граф Витте. Он создал нелепейшую ложь, будто Русский народ требует «конституции», и если ему ее не дадут, то он будто бы весь восстанет и лишит Царя Престола.

Выдумав эту вопиющую неправду, граф Витте страшился лишь одного, что Царь узнает из уст самого Народа опровержение этой лжи. Ввиду этого он принял строжайшие меры к тому, чтобы ни одна народная депутация не могла проникнуть в Царский Дворец.

Мы все помним это ужасное время после 17 октября 1905 года, когда граф Витте, совершив свое адское преступление, разобщил Царя с Народом, преградил ему всякий доступ к Царю, дабы спокойно продолжать свое дело лжи и обмана.

Так продолжалось полтора месяца. И вот, наконец, 1 декабря 1905 года князь А.Г.Щербатов¹ с железной настойчивостью пробил брешь в Виттевской стене и привел к Царю настоящих Русских людей — крестьян, помещиков, духовных лиц и писателей, которые все движимы были единым чувством любви к Царю и к Родине².

Но и тут было сколько препятствий! Граф Витте и подпавший под его пагубное влияние наш честный, славный Трепов³ поставил депутации 1 декабря неременное условие — *молчать* перед Царем и *не говорить ему правды*.

Поставить такое условие Русским людям значило нанести им глубочайшее оскорбление.

И депутация князя Щербатова *нарушила* это возмутительное условие и, к ужасу присутствовавшего при аудиенции Трепова, высказала Царю *всю правду и все горе*, накипевшее на душе у русских людей за эти ужасные полтора месяца.

Лед был прорван! Царь соединился с Народом, и, с его милостивого разрешения, в течение декабря 1905, и января и февраля 1906 года много русских людей и сельских депутатов перебивали в Государевом Дворце, встречая там Царскую ласку и милостивые слова, которые достигли своего высшего

выражения 16 февраля 1906 года в знаменательном ответе Государя Императора иваново-вознесенцам о неизменности Его Самодержавия⁴.

Витте употребил в то время все меры, чтобы эти драгоценные Монаршие слова, расстраивавшие все его революционные планы, не были оглашены во всенародное сведение. Но усилия его были тщетны. Благая весть о том, что Царское Самодержавие на Руси «останется таким же, каким оно было встарь», прозвучала мощным аккордом с одного конца России до другого. Граф понял всю грозившую ему опасность и под предлогом начавшейся выборной кампании предстоявшего созыва Думы снова наглухо заложил Народу путь к Царю, так как-де ведь теперь Царю нечего узнавать правду от Народа, когда он может узнать ее от его «представителей».

И с тех пор путь к Царю для Народа остается закрытым.

Думу разогнали, признав этим, что она вовсе не была представительницей Народа, а настоящий Народ тем не менее был отстранен от Царя. Петербургская бюрократия рассуждала так:

«Скоро будут новые выборы, и тогда Народ скажет всю правду своим «представителям», а они в Думе передадут ее Царским министрам. Это разве не все равно?»

Нет, не все равно! Вся почти Дума, как это для всех ясно, желает революции, а Русский народ революции не желает, так же как ее не желает и Царь, а Царские министры искусственно разводят в России революцию посредством печати, посредством школы и посредством Думы.

Ясно, что у этих министров с Думой будет *один* разговор, а у Царя с его Народом был бы совершенно *другой* разговор, если бы только им дано было встать лицом к лицу и слить в душевной беседе правду Царскую с правдой Народной во единую Правду Русскую.

Вот на каком естественном, духовном основании должно быть организовано то единение Царя с Народом, к которому оба они стремятся, — и оно должно быть облечено в *опреде-*

ленные устойчивые формы, которые, конечно, ничего общего не могут иметь с тем уродливым антирусским учреждением, которое почему-то называется «Государственной Думой», являясь на самом деле сборищем государственных преступников.

Единение Царя с Народом

При установлении определенных путей единения Царя с Народом необходимо обратить внимание еще на одну особенность русского народного характера.

Русский простой человек никогда не приписывает себе такого звания, каким он не обладает. Он скорее склонен к умалению, а не к возвеличению своей осведомленности в различных, даже близких ему, вопросах, и он совершенно искренно ссылается на свою «темноту», лишь только возникнет вопрос более сложный и менее ему понятный, так как-де это «не при нем писано», а следовательно, и «не его ума дела».

Эта скромность является именно национальной чертой Русского народа, в отличие, например, от народа польского и французского, от английского и американского.

Вот почему «парламент», в котором каждый депутат считается «всезнающим», так как на него возлагается обязанность обсуждать и решать самые сложные и самые разнообразные государственные и специально-технические, финансовые, экономические, юридические и научно-учебные вопросы, противоречит характеру Русского народа в несравненно большей мере, чем характеру какой бы то ни было другой европейской нации.

Русский человек любит говорить только о том, что он *хорошо знает*, то есть о *своих ближайших делах и нуждах*; и вот о них-то он всегда и стремится, при каких-либо тяжелых затруднениях, поведать своему Царю-Батюшке.

Таково именно содержание почти всех «челобитий», с которыми русские люди с древних времен обращались к своим Князьям и Царям, ища у них той правды, которой они не

находили ни в Царских судах, ни у Царских сановников, ни в Царских «приказах».

Эти «челобития» фактически существуют и в настоящее время, но лишь в виде случайных явлений, безо всякой правильной юридической основы, если не считать того чисто бюрократического учреждения, которое называется «Комиссией по принятию прошений, на Высочайшее Имя приносимых» и которое тоже является средостением между Царем и Народом, заменяющим своей бумажной волокитой непосредственное общение русских людей со своим Государем.

А это непосредственное живое общение между отцом и детьми России, — мы еще раз это повторяем, — совершенно необходимо. Русские люди всегда живут надеждой, что в крайней беде своей они могут «дойти до самого Царя». Лишите Русский народ этой врожденной в нем надежды, и вы лишите его всей нравственной основы его жизни, вы помутите все духовные его идеалы, превратите его в мрачного пессимиста и доведете его до отчаяния.

Если в настоящее время развращается Русский народ, то это, конечно, дело революционной пропаганды; но значительная доля вины падает и на то обстоятельство, что народ вот уже сколько лет не видит своего Царя.

Появись завтра Царь в Московском Кремле на Красном Крыльце, он вызвал бы такой небывалый подъем народного восторга, что пред этим величавым, стихийным явлением сама собой сгинула бы вся крамола.

Но вот Царь в Москву не едет, Народ к нему не допускается, обман лженародной Думы продолжается, — и Россия гибнет.

Дайте возможность Народу и отдельным русским людям, искренним патриотам, хоть один раз в неделю или один раз в месяц, но в *определенный день* видеть Государя и открыто говорить ему всю правду, — и вы этим восстановите, по крайней мере, в принципе, то непосредственное единение Царя с Народом, без которого ни Царь, ни Народ, ни Россия жить не могут.

О, конечно, эти еженедельные или ежемесячные «свидания» или «беседы» Царя со своим Народом нужно облечь в определенные формы, которые выдвигали бы великое значение этих Державных «бесед» и вместе с тем предохраняли бы их от всякого их искажения и предотвращали бы всякое нарушение законного порядка: ни на какие подобные предосторожности Русский народ жаловаться не будет, лишь бы ему дана была возможность лицезреть своего Царя, обратиться к нему с правдивой речью и выслушать из его уст Царскую правду.

Восстановите «челобития», в которых русские люди могли бы просить Царя о том, что им лично нужно, открывать перед Ним злоупотребления, от которых они лично страдают, то есть дайте им возможность говорить лишь о том, что *они сами хорошо знают*, и вы создадите популярнейшее учреждение, соответствующее как раз самым насущным потребностям русской народной души. И мы глубоко уверены, что учреждение соответствовало бы душевному желанию и самого Государя.

Мы уже слышим возражения:

«Ведь это будут отдельные депутации, которые будут говорить о своих мелких делах: где же Государю во все это вникать? И если б ему угодно было устраивать даже *еженедельные* «народные приемы», что совершенно немыслимо, то ведь он услышит в течение года лишь ничтожнейшую часть своего Народа, а громадная его часть так до Царя и не дойдет и будет на это роптать».

Нет, не будет роптать. Русский народ слишком разумен, чтобы не отличить возможного от невозможного. Если будет только у русских людей полная уверенность, что они *увидят* Царя, они будут терпеливо ждать и два, и три года своей очереди, а роптать на это не будут.

А вот теперь, когда у них этой надежды *нет*, они *ропщут* и *ожесточаются*. Они уверены, что Царь *не знает всей правды*, так как он отделен от Народа двойной стеной бюрократии и Думы.

Вы на каждом шагу услышите возглас русского человека:

«Вот если б дойти до Царя и сказать ему всю правду, он мигом справился бы со всем злом, от которого гибнет Россия!»

А если челобитчики будут говорить о *своих* нуждах, о лично ими замеченных злоупотреблениях, то это гораздо лучше, чем если они будут говорить общие фразы о важных делах, недоступных их пониманию, как это делается в Думе.

Нам могут возразить, что те бесчисленные телеграммы, которые ныне посылаются отдельными группами Русского народа Государю Императору, как раз говорят не о личных или местных вопросах, а о вопросах общегосударственных.

Совершенно верно, и это — явление ненормальное. Но в наше общее хаотическое время многие ненормальности становятся вполне естественными.

Так и тут, когда Царь и Народ разобщены между собой революционной Думой и петербургской бюрократией, не допускающей Народ к Царю, вполне естественным являются народные вопли об этой столь нестерпимой для русской души тяжелой разлуке, и эти вопли по необходимости принимают форму всеподданнейших телеграмм, как единственного оставшегося ныне у Русского народа способа общения с Царем.

Русские люди забыли теперь и о личных, и о местных своих нуждах; им нужно *одно*, к чему они стремятся всей своей душой, — непосредственное общение со своим Царем, хотя бы два раза или раз в месяц, но общения верного, неотложного.

Итак, нужны *Всемиловитейшие народные приемы* с восстановлением права *народных и частных челобитий*.

Но эти приемы и челобития, при всей своей *принципиальной* важности, не могут заменить собой подлежащую отмене Государственную Думу.

Она должна быть заменена совершенно иным учреждением.

Жизненные интересы крестьянского и рабочего сословия

Русская Монархическая партия считает, между прочим, необходимым осуществление такой реформы, которая обеспечивала бы «неустанное попечение о материальном и, в особенности, о духовном благе крестьянского и рабочего сословия, а также о добром воспитании его в правилах религиозной нравственности, любви к Царю и Отечеству и законного гражданского общежития».

Так как Монархическая партия имеет главной своей задачей сохранение Самодержавной Власти Русских Царей, которая основана на беззаветных чувствах верноподданства Русского народа, то весьма понятно, почему в ее глазах неустанная Царская забота о благе и жизненных интересах наших народных сословий имеет такое выдающееся значение. В самом деле, в чем наша революционная партия желала бы всего более убедить наших крестьян и рабочих?

В том, что Царь-де о них забыл и думать, что поэтому им самим приходится заботиться о своем материальном и духовном благе, так как, в противном случае, им останется только погибнуть.

Социалисты же, со своей стороны, выставляют Царя в глазах народа каким-то алчным хищником, который только и думает, как бы «высосать последние соки» из несчастных крестьян и рабочих.

Эта возмутительная ложь, распространяемая в сотнях тысяч подпольных листов среди крестьян и рабочих, встречает пока еще, слава Богу, отпор в здравых, веками унаследованных, взглядах народа на Царя как на Богом поставленного родного Отца Своего народа, как на первого его Печальника и многомилостивого Благодетеля.

Этот столь верный народный взгляд на Царя является источником той беззаветной преданности Монарху, которая составляет отличительную черту характера Русского народа.

Как же Царю не дорожить этой преданностью? Как же Ему всячески не стараться, и словом и делом, оправдать то высочайшее значение, которое Он имеет в глазах Своего народа? Как же Ему не заботиться о материальном и духовном благе крестьянского и рабочего сословия?

Но забота Царя о крестьянах, и в особенности о рабочих, и правительственное признание и разрешение рабочего вопроса не являются ли, — как иные думают, — именно тем *социализмом*, который объявил беспощадную, непримиримую войну теперешнему обществу и Государству?

Нисколько. Социалистическая безумная доктрина признает лишь *один* класс в государстве достойным забот и попечения — класс рабочих: все остальные классы и сословия должны быть уничтожены, и все государство должно быть превращено в громадный рабочий дом, в котором все будут равны перед законом, обязывающим всех без различия быть рабочими. Это какая-то беспробудная, страшная каторга, которая, к счастью, никогда и нигде осуществлена быть не может, но к которой стремятся социалисты, увлекая за собой бедный, доверчивый рабочий люд.

Совершенно иная задача представляется Русскому Царю в Его заботе о Своем рабочем народе: народ этот составляет не все население государства, а лишь значительную часть его: рядом с ним существуют другие сословия и группы Русского народа, которые одинаково дороги сердцу Царя, как и крестьянское, и рабочее сословие.

Стоя выше всех этих сословий и групп, как отец стоит выше своих детей, Царь с одинаковой любовью печется о материальном и духовном благе как дворян, так и крестьян, как духовенства, так и купечества, как мещан и ремесленников, так и фабричных рабочих. Он всеми мерами старается, чтобы всем им хорошо жилось в России, и Он один в Своем беспристрастии может мирно согласовать все их различные интересы и привести их к одной общей гармонии.

Еще в недавнее время жизненные интересы крестьянства, и в особенности рабочего класса, в России были плохо

исследованы, и Царь поэтому при всем желании Своем не мог в должной мере издавать соответствующие законы для обеспечения материального и духовного блага трудящегося люда в России.

Но время это прошло. «Рабочий вопрос» ныне выдвинут Царем на первый план, он подвергается тщательному исследованию и изучению, и за последнее десятилетие уже издан целый ряд законов для повышения благосостояния рабочих, для охраны их сил и здоровья от чрезмерной изнурительной работы, для обеспечения их жизни и вообще для ограждения их от всяких невзгод и притеснений. К этим законам присоединятся еще новые, уже намеченные, мероприятия, которые действительно обеспечат благосостояние рабочих в России в наиболее желательной степени.

Но благодаря этому попечению Царя о рабочих у социалистических агитаторов исчезает почва из-под ног для их революционной пропаганды среди рабочего класса. Вот почему они так усиленно стараются увлечь рабочих к насильственным действиям, дабы, с одной стороны, остановить Правительство в его заботах о рабочих, а с другой — чтобы подстрекнуть рабочих к низвержению правительства, которое-де ничего для них не делает.

Ввиду этого легко понять, в чем должны заключаться те преобразования, которые дадут Правительству возможность с успехом заботиться о материальном и духовном благе крестьянского и рабочего сословия.

Прежде всего, разумеется, необходимо создать надежную и крепкую охрану, которая ни под каким видом не допускала бы социалистическо-революционной пропаганды в среду крестьянства и рабочего люда.

Как организовать эту охрану — это дело полицейской техники, в подробности которой мы, конечно, входить не будем.

По всей вероятности, увеличение и усиление надзора за преступной пропагандой потребует новых государственных расходов; но на них, конечно, скупиться нечего, раз дело идет о материальном и духовном благе Русского народа. Уже и то

будет великим успехом в данном направлении, что охрана народа от политической отравы будет правильно поставлена, если не в количественном, то в качественном отношении. Достаточно будет очистить личный состав фабричных инспекторов от проникших в него социалистических элементов, а состав земских начальников и всех близко к крестьянству стоящих должностных лиц — от единомышленников Родичевых и Петрункевичей, чтобы сделать значительный шаг вперед в деле охраны народа от социалистической и революционной пропаганды.

Но рядом с этими необходимыми мерами репрессии должны быть осуществлены положительные, созидательные меры, направленные к «доброму воспитанию народа в правилах религиозной нравственности, в любви к Царю и Отечеству и законного гражданского общежития».

Пора, наконец, правительству сознаться в той громадной, сделанной им ошибке, которая граничит с преступлением, — в допущенном им религиозном и политическом развращении народа, отданного на произвол «либеральным» земским педагогам.

Вместо того чтобы настойчиво требовать себе необходимые миллионы из государственной казны для покрытия России густой сетью своих собственных народных школ, Министерство народного просвещения всегда трепетало перед суровыми отказами всемогущего министра финансов и довольствовалось, сравнительно с другими министерствами, позорными, истинно нищенскими крохами. Таким образом, оно выпустило из своих рук народное образование, которым с алчной жадностью поспешило завладеть «либеральное» земство. Правда, надзор за земскими школами номинально остался за министерством, но именно только номинально: хозяевами в земских школах были и доселе остаются гг. земцы, а как они в них хозяйничают, ясно показали правительственные ревизии в некоторых земских губерниях.

Министерство народного просвещения знало, как развращается народ в земских школах, но оставалось перед этим

возмутительным зрелищем в бессильном оцепенении. Не оно, а Духовное ведомство воспрянуло против этого ужаса и стало по мере сил противодействовать ему учреждением церковно-приходских школ.

И вот Россия разделилась на поприще народного воспитания на два враждебных лагеря: на земские и на церковные школы, просвещающие народ в диаметрально-противоположном направлении, а Министерство народного просвещения беспомощно и пассивно взирает на это странное зрелище, подобного которому нет нигде, ни в каком ином государстве Вселенной, так как оно прямо противоречит и здравому смыслу, и благу народа, и жизненным интересам Государства.

Везде, во всех культурных странах, народная школа находится в руках правительства. Мы можем сожалеть, что теперешнее правительство республиканской Франции состоит из атеистов и франмасонов, но мы ничего не можем возразить против того права, которым оно пользуется, подчиняя своей власти все народные школы Франции. Неужели же Самодержавное Всевластное Правительство не имеет права, обязанности и силы сделать то, что делает правительство Французской республики?

Правительство обязано заботиться о духовном и материальном благе не только современного поколения народа, но и будущих его поколений. В самом деле, Правительство имеет прямой своей задачей укреплять и охранять прочность вверенного ему Государства, а потому оно должно заботиться не только о его настоящей, но и о будущей его прочности, а будущая прочность его всецело зависит от будущих поколений его народа.

Вот почему Правительство Самодержавной, Православной России обязано прилагать все меры к тому, чтобы Россия и впредь оставалась Православной и Самодержавной, а следовательно, чтоб и все воспитание молодого народного поколения велось в духе Православной Церкви и беззаветной преданности Самодержавному Царю.

Вот почему одной из первых великих реформ в России, по окончании настоящей войны, должна быть реформа народной школы в том смысле, чтобы школа эта была всецело в руках Правительства — Министерства народного просвещения или Духовного ведомства, чтобы школы эти давали доброе воспитание в правилах религиозной нравственности, любви к Царю и Отечеству, чтобы школ этих было вполне достаточное количество, дабы сделать всю Россию грамотной, но чтобы к школам этим не имели ни малейшего повода и ни малейшей возможности прикасаться элементы, враждебные Церкви, Царю и государственно-общественному строю России.

«Аграрный вопрос»

Речь, произнесенная на Всероссийском Съезде
Русского Собрания в Петербурге¹

«Аграрный вопрос! Русский аграрный вопрос! Совершенно новый, небывалый, неразрешимый вопрос! Вопрос, который нужно немедленно разрешить! Если мы его сейчас не разрешим, то все у нас погибнет!»

Такие лихорадочные возгласы можно теперь слышать на каждом шагу, и исходят они из среды самых разнообразных и даже противоположных партий.

Лихорадочность эта вполне естественна ввиду приближения всеми ожидаемых весенних «аграрных беспорядков»; но, вместе с тем, та же лихорадочность мешает трезвой и ясной оценке данного вопроса.

И прежде, всего тут не *один*, а *два* совершенно различных вопроса, которых многие намеренно или бессознательно не различают.

Есть «вопрос аграрный» постоянный, вечный, который существовал с тех пор, как образовались на Земном шаре оседлые поселения людей, и который будет существовать до тех пор, пока будут существовать эти поселения.

И есть так называемый «аграрный вопрос», который, в сущности, есть вопрос чисто *революционный*, который воз-

ник в России лишь год тому назад, одновременно с возникновением революции в России, и который завтра же может исчезнуть вместе с подавлением *этой революции*.

Смешение этих двух вопросов и вызывает представление, будто бы мы имеем теперь дело с каким-то особым, специально-русским «аграрным вопросом», никогда еще не существовавшим в истории человечества, и который нужно немедленно же разрешить в 24 часа «для предупреждения весенних аграрных беспорядков».

Остановимся на этом коренном заблуждении и постараемся разъяснить сущность того явления, которое у нас называют «аграрным вопросом».

И прежде всего мы должны выразить наше крайнее изумление, что наши писатели и деятели, наиболее горячо относящиеся к этому вопросу, по-видимому, искренно верят, что это специально-русский вопрос, а потому совершенно игнорируют не только его вечное, совершенно естественное, даже *космическое*, если можно так выразиться, значение в истории человечества, но также и современные его формы в остальных культурных государствах, покрывающих собой наш Земной шар. А между тем лишь внимательное изучение этих форм дает нам ясное представление о том естественном виде аграрного вопроса, в котором он является у нас в России, и о тех *противоестественных* наращениях, которыми он у нас в настоящее время так искажен и затемнен.

Везде, где основывается оседлое человеческое поселение с определенными территориальными границами, через известный период времени является, вследствие естественного прироста населения, «*малоземелье*». То же самое явление наблюдается и в тех союзах поселений, которые именуются государствами. Образуются классы малоземельного, а затем и безземельного населения, влияющие различным образом на экономические и политические условия всего государства. Возникает «аграрный вопрос», настойчиво требующий своего решения.

Существовали и могут существовать лишь *четыре* способа решения этого вопроса, когда бы и где бы он ни возникал; из них *один* способ *преступный*; остальные *три* — *законные*.

Преступный способ основан на грабительском захватном праве и выражается в разбойничьем хищении земли у крупных собственников в пользу малоимущего или неимущего класса населения. Под каким бы видом это хищение ни совершалось, — под видом ли случайного вооруженного разбоя или под прикрытием лженаучных социалистических доктрин, — такое решение остается одинаково *преступным*, так как нарушает незыблемость прав собственности, являющуюся бесспорной аксиомой и необходимым условием для существования, развития и преуспевания государства вообще и для обеспечения законной свободы его граждан.

Что касается *законных* решений аграрного вопроса, то *два* из них имеют индивидуальный характер, а *третий* — характер общий, массовый.

Землевладелец, не удовлетворяющийся своим клочком земли, может *либо* возвысить его доходность интенсивным *улучшением* его культуры, *либо* увеличить его *покупкой* нового куска земли по добровольному соглашению с другим землевладельцем. Государство может участвовать в этих двух земельных способах решения аграрного вопроса денежными ссудами как для улучшения существующей земельной собственности, так и для приобретения новой. Таковы два вида законного *индивидуального* решения аграрного вопроса.

Что касается третьего, *законного, массового* вида решения аграрного вопроса, то оно замечается в *переселении* и *расселении* малоимущих землевладельцев в новые свободные места. И пока на Земном шаре еще будут существовать такие места, этот способ решения «аграрного вопроса» будет самым простым и естественным.

Мы знаем из истории, что переселения людей вследствие малоземелья совершались и совершаются при трех различных условиях:

1) Переселенцы основывают новые *самостоятельные* колонии, находящиеся в более или менее тесной политической связи со своей метрополией. Таковы древнегреческие и современные английские колонии.

2) Переселенцы вступают *в состав других государств* и сохраняют лишь большую или меньшую *нравственную* связь со своей метрополией. К этой категории принадлежат немцы в Америке и России, итальянцы и славяне в Америке и т. п.

3) Переселенцы переходят в малонаселенные провинции *своего* собственного *государства*, не порывая ни политических, ни нравственных связей со своими согражданами. Примером могут служить французы в Алжире.

Нет никакого сомнения, что этот последний тип переселения — наиболее естественный и наиболее желательный для метрополии, которая *не теряет*, как во втором типе, прироста своего населения и *не рискует* его потерять, как это может случиться и часто случалось в первом типе. Но западноевропейские государства, даже если и имеют свои собственные колонии, находятся все без исключения в чрезвычайно невыгодных по отношению к ним условиях: все эти колонии — *заморские* и лежат в более или менее дальнем расстоянии от своей метрополии.

Одна Россия может уместить прирост своего населения в границах своей собственной нераздельной территории, *в одной меже* благодаря громадному обилию своих еще *свободных* земель. Этим она обязана своим великим Государям-Собирателям и самоотверженным усилиям коренного Русского народа, создавшим, под благословением Божиим, необъятную Русскую Империю.

И вот совершенно естественным образом, — задолго до переселенческих забот Правительства, — Русский народ отправлял излишек своего населения в наши еще свободные восточные окраины, не помышляя о каком-либо ином решении «аграрного вопроса».

Когда у нас явился Крестьянский банк, народ стал решать этот вопрос старым законным способом — покупкой новых зе-

мель по соседству, без переселения, но иногда с расселением. О *первом* же законном способе, — об *улучшении* своего сельского хозяйства, — он мало думал, имея широкую возможность выходить из нужды малоземелья вторым и третьим законными путями. Что же касается до *преступного* пути, до пути грабительского захвата чужой собственности, то этот путь даже и на ум русского крестьянина не приходил, разве только как тяжкое греховное преступление.

И вдруг у нас все переменялось!

Как только у кормила нашего Государства стал убежденный, ярый социалист в лице графа Витте, — все три *законные, естественные* способы решения аграрного вопроса были выброшены за борт, и всюду у нас стал проповедоваться *преступный, противоестественный* способ решения этого вопроса — способ грабительский, прикрытый всей ложью социалистического учения. Во все села и деревни России полетели эмиссары социализма, убеждавшие крестьян *не* переселяться, *не* расселяться, *не* улучшать обработки своей земли, *не* покупать помещичьих земель, а разбойнически захватывать их в свои руки, так как-де сам Царь это приказал!

Одновременно граф Витте засадил своего близкого друга и единомышленника г. Кутлера² за работу, приказав ему вырабатывать закон, под которым действительно должна была стоять подпись Государя, — закон, отменяющий незыблемость права частной собственности! Граф Витте *знал*, что г. Кутлер всегда стоял за это преступное разрешение аграрного вопроса: поэтому он и выбрал его как наилучшего выразителя своих социалистических убеждений.

Вот где причина возникновения у нас «аграрного вопроса» в его настоящем, безобразном, *чисто революционном* виде.

Наши крестьяне сбиты с толку как грабительской пропагандой снизу, так и слухами о таких же грабительских законах сверху, и уже приступили к осуществлению этих законов посредством разбойнических «аграрных» погромов. Землевладельцы терроризованы этими погромами и в лихорадочном

волнении ищут мгновенного разрешения «аграрного вопроса» для предотвращения весенних «аграрных беспорядков»; все спутались, потеряли голову и не знают, что им делать... Все, — кроме, конечно, графа Витте...

Господа землевладельцы, помните, что у нас два аграрных вопроса, и, ради Бога, не спутывайте их: вопрос *случайный, чисто революционный*, и вопрос *вечный, космический*.

Разрешение этого *последнего* вопроса зависит и от вас, и от Правительства. А разрешение *первого* вопроса, — вопроса революционного, вопроса о предотвращении весенних погромов, *совершенно от вас не зависит*; он исключительно находится в руках Правительства, и, в данном случае, в руках министра внутренних дел: если ему дадут средства подавить до весны революцию, — весенних аграрных погромов *не будет*; а если ему этих средств не дадут, то погромы эти *неизбежны*, и все ваши усилия не предотвратят их!

Вот если революция будет подавлена, если навязанный нам сверху и снизу *преступный грабительский* вид решения аграрного вопроса окончательно будет изгнан из России, *как он изгнан из всех культурных государств, свято чтущих незыблемость частного права собственности как основную государственно-общественную аксиому*, тогда приходите к Правительству, только не к графу Витте, с серьезно обдуманными проектами *законного* решения аграрного вопроса; но знайте, что и здесь вы ничего *нового* выдумать не можете, а что вечно будете повторять *единственные три вида* космического решения этого вопроса: 1) улучшение сельского хозяйства, 2) сельский крупный и мелкий кредит, и, в особенности, 3) переселение и расселение.

Нового и *очень много полезного* вы можете сказать лишь в детальной разработке этих трех вековечных типов решения аграрного вопроса.

Если же вы под аграрным вопросом будете разуметь чисто революционное движение, если вы хотите предотвратить весенние погромы, то обратитесь по этому вопросу исключительно к министру внутренних дел или, если хотите, к Госу-

дарю, хотя в доброй воле Государя вы сомневаться не можете, так как он, движимый своим любвеобильным и справедливым сердцем, за последнее время неоднократно подтверждал и крестьянским, и дворянским депутациям незыблемость права частной собственности.

Но, конечно, если Государь будет с высоты Престола ясно высказывать свою твердую волю, а граф Витте со своими единомышленниками будет вырабатывать законы, идущие наперекор этой Воле, то у нас не только аграрный вопрос, но и все прочие жизненные вопросы в России будут постоянно решаться в революционном духе.

Где же тут выход?

Он для всех совершенно ясен.

Монархисты и Правительство

Нам сегодня снова приходится вернуться к самому важному для нас, монархистов, тактическому вопросу: *как нам относиться к Правительству?*

Вопрос этот имеет в настоящее именно время особенно важное значение.

Мы стоим накануне Всероссийского Киевского Съезда Русских Людей, где всем монархическим союзам России предстоит выработка принципиальной и тактической программы ввиду будущих выборов в Государственную Думу. При обсуждении этой программы у нас возникнет целый ряд вопросов, на которые наша Монархическая партия должна уже заранее иметь совершенно ясные, определенные ответы.

Все эти ответы — кроме одного — уже предreshены нашей Программой, от которой мы никогда, ни при каких условиях, не отступимся, так как эта Программа основана не на случайных соображениях, не на особых классовых интересах и не приспособлена к тому или другому числу какого-нибудь месяца, а является прямым результатом правильного теоретического и практического понимания Русского Государственного права и основанного на нем Русского Государственного строя.

Всем известно, что мы твердо стоим за святость Православной Церкви, за неограниченность Царского Самодержавия, за национальную независимость Русского народа.

Мы всегда открыто восставали против всех злоупотреблений петербургского бюрократизма, но мы никогда не смешивали его — как это умышленно делают враги России — с Самодержавной Властью Русского Царя, которая одна только и может властной рукой очистить всю русскую администрацию от накопившихся в ней язв и пороков.

Мы никогда не звали Россию назад к тому петербургскому режиму, который породил эти язвы и пороки, сосредоточившиеся в полном своем развитии в режиме графа Витте, но всегда указывали на необходимость для России идти вперед по пути тех реформ, которые подробно перечислены в нашей Программе и которые одни только могут вернуть России ее померкшую славу в сонме культурных наций. Было некоторое сомнение относительно того, как мы должны относиться к Государственной Думе, но и этот вопрос окончательно решен для нас в том смысле, что пока у нас есть Самодержавный Государь, воля Его для нас, монархистов, обязательна, иначе мы не могли бы называться монархистами; а потому, если Государю угодно снова созвать Думу, мы должны приложить все усилия, чтобы новая Дума была, по возможности, лучше старой, хотя бы мы и были уверены, что при существующем выборном законе, навязанном России графом Витте, достигнуть этого результата невозможно.

Итак, наши ответы на все эти вопросы для нас совершенно ясны, и мы их будем неизменно повторять и на Киевском Съезде, и на выборах, и при всех случаях, когда нам придется высказывать свои убеждения.

Но есть один вопрос, на который у нас predeterminedного ответа быть не может. Это вопрос о наших отношениях к Правительству.

В самом деле, если основное начало *Самодержавной Власти Русских Царей* остается всегда *неизменным*, каковы бы ни были носители этого начала, то политическое значение того

или другого *Правительства* в России может быть весьма *различно*. А потому весьма различно должно быть и отношение монархистов к тому или другому Правительству.

Или вы, может быть, думаете, что мы, безусловно преклоняясь пред Верховной Властью, ясно проявляемой Самодержавным Русским Царем, обязаны столь же безусловно преклоняться перед Его министрами — будь это Плеве или Мирский, Победоносцев или Оболенский, Витте или Столыпин?¹ Мы были бы самыми жалкими людишками, если бы мы каждые три месяца меняли свои убеждения, чтобы всегда попадать в тон этих столь различных и по своему уму и по своей честности администраторов.

Нет, такая роль была бы недостойна прямых и искренних Русских людей, считающих своим долгом быть верными подданными своего Самодержавного Государя и имеющих право требовать, чтобы такой же беспредельной преданностью Русскому Самодержцу отличались и Его министры.

Вот почему мы открыто боролись с предательской политикой графа Витте, когда он стоял в апогее своей силы, и мы не скрывали, что, из пламенной любви к своему Государю, мы являлись *непримиримыми врагами Правительства*. Да, мы были врагами Правительства, пока оно олицетворялось в зловредном, губившем Россию, всемогуществе сиятельного авантюриста.

Мы не можем достаточно возблагодарить нашего Государя за то, что Он решительным ударом положил конец изменнической деятельности этого узурпатора, который, так сказать, явочным порядком экспроприировал в свою пользу Верховную Власть и этим подал сигнал всем тем вопиющим кровавым экспроприациям и преступлениям, от которых и доньше еще не может успокоиться Россия.

Граф Витте ушел, — будем надеяться, что он ушел окончательно, и что ему не удастся выступить в той роли «спасителя России», которая, несомненно, ему так улыбается. Россия будет спасена, с Божьей помощью и без его услуг.

Но вот наступила новая эра, явилось новое Правительство, которому приходится, с одной стороны, ликвидировать

оставленное ему тяжелое наследие графа Витте, а с другой — вести Россию к новым реформам.

Как же следует нам, монархистам, относиться к этому новому Правительству?

Прежде всего, мы должны оговориться.

С тех пор как существует Русская Монархическая Партия, она всегда самым решительным образом высказывалась против одновременного ведения двух совершенно различных дел — подавления революции и введения новых реформ. Мы и теперь остаемся при том безусловном убеждении, которое высказано во главе нашей Программы.

«Никакие реформы, в которых так нуждается Россия, не могут приносить благих плодов, коль скоро они будут производиться под натиском теперешнего революционного движения».

В самом деле: если бы, например, сперва был восстановлен законный порядок во всей России, мы могли бы теперь совершенно спокойно приступить к правильным занятиям в наших учебных заведениях. Тогда не приходилось бы опасаться, что в наших высших школах хранятся склады бомб и динамита, и министру народного просвещения и в голову не пришло бы открывать все наши школы перед необозримой ватагой евреев и надеяться, что они-де, в благодарность за это, все выйдут из революционного «Бунда» и сразу откажутся от всех наследственных черт своего тысячелетиями упроченного национального характера.

«Сперва порядок, потом реформы», — таков девиз нашей Монархической партии. «Если зараз погнаться за двумя зайцами, то ни одного не поймашь», — так говорит народная мудрость, которой придерживаемся и мы, монархисты.

Ввиду этого мы предпочли бы, чтобы и теперешнее Правительство распределило свои две великие задачи в хронологическом порядке. К тому же и о второй задаче, о сущности предполагаемых новых реформ, нам с Правительством нужно было бы еще столкнуться. Но так как нас эта вторая задача, *в настоящее революционное время*, менее интересует, чем пер-

вая, заключающаяся в подавлении революции, то, мы прежде всего должны определить наше отношение к Правительству на почве именно этой задачи.

И тут мы должны прямо и откровенно заявить, что мы в этом отношении смело можем сочувствовать политике П.А. Столыпина.

Вот пока те заслуги перед Россией, которые могут быть вписаны в актив его послужного списка: 1) *разгон Думы*², 2) *предание суду* (хотя, к сожалению, запоздалое) *Выборгских изменников*³, 3) *запрещение кадетского съезда* (который, однако, г. Герард⁴, закадычный друг графа Витте, разрешил в Гельсингфорсе), 4) *введение военно-полевых судов*, 5) *назначение (в некоторые губернии) действительно убежденных Русских, преданных Самодержавному Императору людей.*

Но главная заслуга нового Правительства заключается в последнем его циркуляре, обнародованном в *Правительственном Вестнике*.

Циркуляр этот составляет целую эпоху в истории русской администрации.

Дело в том, что до сих пор русские министры, даже наиболее дельные, относились с полным равнодушием к политическим убеждениям своих подчиненных. Они, видите ли, искали в своих чиновниках лишь «деловитости и исполнительности», предоставляя самим себе политическое руководство делами. И вот мы не раз видели, как прекраснейшие мероприятия, например, покойного В.К. Плеве намеренно извращались его «деловитыми и исполнительными» чиновниками!

Такой уродливой административной системы нет ни в одном государстве мира, кроме одной России. Теперь, после циркуляра П.А. Столыпина, мы надеемся, ее не будет и в России.

В этом циркуляре прямо сказано, что для лиц, состоящих на государственной службе, *«участие в партиях, стремящихся к ниспровержению существующего государственного строя, недопустимо.* Затем, так как прямой долг служащих в правительственных учреждениях — *добросовестно блюсти*

Государеву Волю и исполнять усердно обязанности по службе, налагаемые на них законом, то независимо от той или иной программы партии занятие политикой не должно ни в чем препятствовать честному, по долгу присяги, исполнению служебных обязанностей».

«В еще более ограниченном смысле должен быть решен вопрос об участии чинов в политических союзах, представляющих собой сплоченные организации, преследующие собственные, нередко враждебные государству, цели и проявляющие по отношению к своим членам такую власть, которая не может не ослабить лежащих на должностных лицах их служебной дисциплины и иерархической подчиненности. Притом же, как показывает опыт, подобные союзы, приобретая значительное влияние именно в силу участия в них должностных лиц, приносят иногда стране огромный вред, нарушая правильное течение государственной и общественной жизни. Очевидно, что при таких условиях участие должностных лиц в политических союзах может быть допускаемо лишь в виде исключения по отношению к таким организациям, деятельность коих ни явно, ни скрыто не направлена к разрушению основ государственности и монархического строя».

П.А. Столыпин, очевидно, не намерен ограничиться одним изданием циркуляра, предоставляя его исполнение на усмотрение отдельных ведомств. Нет, он прямо говорит следующее:

«Соблюдение устанавливаемых в интересах государственной службы требований должно обеспечиваться, прежде всего, постоянным наблюдением начальствующих лиц за своими подчиненными и твердым применением, в случае нарушения ими этих требований, предоставленной начальству дисциплинарной власти, вплоть до увольнения служащих без прошения, на основании ст. 788 Уст. о. сл. гражд. (Св. Зак. т. 3, изд. 1896 года). Против же изобличенных в таком незаконном образе действий лиц судебного ведомства, пользующихся правом судейской несменяемости, должны быть принимаемы особые, указанные в законе, меры воздействия. Такой порядок

должен быть применен, без сомнения, ко всем лицам, служащим в правительственных учреждениях, независимо от того, находятся ли они на действительной государственной службе *или служат по вольному найму*, так как лица и той и другой категории состоят в служебных к государству отношениях, налагающих на них обязанность *всемерно поддерживать существующий государственный строй*.

Вышеизложенные меры могут принести действительную пользу только в том случае, если они будут применяться *с одинаковой строгостью во всех ведомствах и ко всем служащим*, ибо обнаружившееся у нас *противодействие Правительству* со стороны самих его агентов представляет собой *такое вопиющее зло*, которое в большей или меньшей степени присуще самым разнообразным отраслям государственной службы. Понятно, что борьба с ним должна вестись *по всем ведомствам на одинаковых основаниях*, иначе она будет приписана исключительно личным склонностям и пристрастиям начальствующих лиц и поведет не к укреплению служебной дисциплины, а к еще большему ее падению».

Все эти соображения побудили Совет Министров преподать всем ведомствам к руководству следующие указания:

«Должностным лицам, как состоящим на государственной службе, так и вольнонаемным, *воспрещается всякое участие в политических партиях, обществах и союзах не только явно революционных, но и таких, которые хотя и не причисляют себя открыто к революционным, тем не менее в программах своих, в воззваниях своих вожаков, как, например, Выборгское воззвание, и в других проявлениях своей деятельности обнаруживают стремление к борьбе с Правительством или призывают к таковой борьбе население*».

«Должностные лица и служащие в правительственных учреждениях по вольному найму, принимающие участие в организациях враждебных Правительству или противогосударственной агитации, *подлежат немедленному увольнению от службы*, а относительно тех из упомянутых лиц, кои не могут быть уволены в административном порядке, *должны быть*

приняты другие, указанные в законе, меры для удаления их с государственной службы».

Итак, вы видите, что новое Правительство решило приняться за основательную чистку всей нашей администрации. Во всей Западной Европе и в Америке это явление совершенно нормальное, и все считают его вполне естественным, так как каждое Правительство имеет неоспоримое право выбирать себе таких чиновников, которые ему помогают, а не мешают исполнять его прямую обязанность — управлять страной. Лишь у нас в России этого нормального явления до сих пор не было, и мы не можем не выразить теперешнему Правительству полного нашего сочувствия за то, что оно, наконец, впервые стало на один уровень с правительствами всех культурных государств.

Мы ожидаем самых благотворных результатов от строгого применения циркуляра П.А. Столыпина ко всем ведомствам, в особенности к ведомствам Судебному и Народного просвещения. Мы надеемся, что наши школы очистятся, наконец, от тех кадетов и социалистов, которые так привыкли калечить наших детей в совершенно неподобающей им роли профессоров, учителей и воспитателей.

Конечно, нам могут возразить, что циркуляр Совета Министров хорош только тем, что, при строгом его применении, он обессилит кадры революционных партий, так как из них должны будут выйти все лица, состоящие на государственной службе; но ряды администрации в политическом отношении не улучшатся, ибо вышедшие из крамольных партий крамольники останутся преспокойно на своих казенных местах и будут по-прежнему коверкать благие министерские мероприятия и выдавать крамоле правительственные тайны.

Мы не отрицаем, что, конечно, лучше было бы прямо уволить всех чиновников, числящихся в какой бы то ни было революционной партии. Но нужно принять в соображение, что во время хаотического сумбура, организованного графом Витте и превратившего всю Россию в сумасшедший дом, когда само Правительство загоняло своих чиновников в крамольные

партии, — в эти партии попала масса людей теперь уже отрезвившихся и только ожидающих благовидного предлога, чтобы выйти из-под партийного ига. Многие из них научены горьким опытом и, вероятно, будут теперь уже с полным убеждением исполнять свой служебный долг.

Вот почему мы можем от всей души приветствовать политику П.А. Столыпина, проявившуюся в этом мужественном циркуляре, и выразить надежду, что эта политика постепенно, логическим путем, придет к тем мерам, которые действительно могут раздавить революцию и затем проложить путь к новой национальной жизни России.

Опасное недоразумение

Революционная смута, охватившая в начале 1881 года некоторую часть русского общества, по существу своему была вполне тождественна с той смутой, которая в настоящее время привела ту же, наиболее легкомысленную, часть общества в состояние какого-то заразительного иступленного психоза.

Тогда, как и теперь, в газетах и общественных собраниях новоявленные трибуны доказывали на все лады такие «очевидные» будто бы истины, что «Правительство обанкротилось», что «Правительство должно призвать себе на помощь общественных представителей», что «без парламента или земского собора Россия неминуемо погибнет».

Тогда, как и теперь, этот возмутительный вздор проповедовался не только в обществе и печати, но и в петербургских правительственных сферах, которые настолько были запуганы кучкой анархистов, что искренно верили, будто Россию могут спасти какие-то русские болтуны, а не твердая, разумная воля энергичных государственных людей, беззаветно преданных Самодержавному Русскому Государю.

Но то, чего не понимали эти жалкие трусы, то ясно понял Александр III.

Он понял, что первым условием для благосостояния России было немедленное, решительное подавление начавшегося

революционного брожения и водворение прочного порядка, без которого немислимо приступить к каким бы то ни было государственным реформам. Он понял, что созвание земского собора, который неминуемо превратился бы в шаблонный западный парламент, было бы истолковано и в России, и вне ее как капитуляция Самодержавия пред демократической революцией, а следовательно, ввергло бы Россию в непроглядный хаос государственной и общественной анархии.

Вот почему Великий Монарх решительно отверг всякую мысль о земском соборе, а вместо него поручил водворить порядок и спокойствие в России испытанному государственному мужу, который своей благоразумной железной энергией, пользуясь полным доверием своего Государя и не встречая поэтому никаких препятствий со стороны своих товарищей, дал возможность Царю-Миротворцу положить основание тому славному царствованию, которое в короткое время довело Россию до апогея славы, величия, мирного благоденствия и широкого развития ее национальных сил¹.

Россия никогда не забудет этого своего возрождения под прочной сенью Царского Самодержавия, которое накануне еще казалось пошатнувшимся, когда жалкая «диктатура сердца» жалобно зывала к «обществу», уверяя его в своем доверии и умоляя его о помощи.

Не «общество» спасло тогда Россию от революции, а правительство; не земский собор возродил тогда Русское Государство, а неограниченная власть Самодержавного Царя.

Точно так же и теперь: «общество», общественное представительство, земский собор или парламент могут только погубить Россию, а спасти ее может только все тот же Русский Самодержавный Царь.

Защитники земского собора указывают на пример безвредного и даже полезного функционирования нескольких земских соборов, созывавшихся иногда в стародавней Московской Руси, и предаются благодушной иллюзии, что с тех пор в русском обществе ничто не изменилось, что оно все еще пребывает в патриархальных взглядах и нравах, которыми отли-

чались степенные верноподданные земские люди времен Михаила Феодоровича и Алексея Михайловича.

Эта наивная иллюзия тем менее извинительна, что последние четыре месяца яснее, чем когда-либо, показали нам, *каковы* наши современные «земские люди».

Разве мыслимо было в древнем Московском Царстве, чтобы земские люди, самозванно собравшись против воли Царя, бесчинствовали на разных собраниях и банкетах, возбуждая Русский народ идти мятежом против своего Государя? Разве не ясно, что современные земские соборы, в которых заседать будут *такие именно* «выборные» земские люди, будут прямой противоположностью древним земским соборам, а потому принесут не пользу, а вред России?

С первого же шага они предъявят Государю такие же несуразные, дерзкие требования, какие они теперь предъявляют в своих революционных речах и адресах, и притом они предъявят их не лично от себя, а «от имени избравшего их народа».

И вот создается то, чего до сих пор на Руси не бывало: разногласие, спор, борьба между Русским Царем и *фикцией* Русского народа, и эта борьба может кончиться только либо страшной междоусобной войной и буйным народным мятежом, либо свержением Самодержавия демократической, а вероятно, и социалистической, революцией.

Есть и другие добродушные мечтатели, которые полагают, что все эти роковые последствия земского собора наступят лишь в том случае, если собор этот будет *бессловным*, тогда как сословный собор будет совершенно безвреден.

Но стоит только вспомнить историю Французской революции, чтобы понять всю ошибочность такого мнения.

5 мая 1789 года были созваны генеральные штаты в виде *сословного* собора, и тотчас же третье сословие потребовало уничтожения сословных перегородок, а 20 июня того же года уже образовалось *бессловное* национальное собрание, — и началась та революция, которая через три года свергнула королевскую династию и послала на эшафот короля и королеву.

Точно так же и у нас *сословный* земский собор будет лишь первой ступенью к собору *бессословному*, то есть к самому простому демократическому парламенту, который положит конец и Царскому Самодержавию, и Русскому Государству.

Поэтому весь вопрос о сословном или бессословном земском соборе является вопросом совершенно праздным, так как он сводится лишь к тому, будет ли Самодержавие свергнуто годом раньше или позже.

Но мы не хотим и думать о таком ужасе, и мы заговорили о нем лишь потому, что вся наша печать (за исключением «Гражданина»²) в один голос требует либо земского собора, либо парламента.

Если, чего Боже сохрани, эти требования найдут себе отклик в правительственных сферах, то легко может наступить опасное и для России роковое недоразумение: *для усмирения революции будет созван земский собор, который во сто крат ее усилит.*

Нет, не в содействии «общества» и не в его советах нуждается Правительство, а в глубокой вере в свои собственные силы и собственное достоинство, в той вере, которая воодушевила Александра III, придав ему ту энергию и тот авторитет, которыми он спас Россию от пагубной революционной смуты, отвергнув, с ясным сознанием своего долга перед Богом и Россией, даже самую мысль о земском соборе.

Неужели его великий, столь назидательный пример пропадает даром для нас, его ближайших потомков? Ведь это было бы непростительным легкомыслием и неуважением к его памяти.

Если б его великий акт благоразумной непоколебимой энергии оказался неудачным и привел бы Россию к гибели, то можно было бы сомневаться в необходимости повторения того же акта в настоящее время. Но ведь он своей энергией не погубил, а *спас* Россию. Как же можем мы, вопреки его указанию, хвататься за противоположное средство, которое он отверг, так как ясно понимал всю его зловедность.

Нет, не земская говорильня нам нужна, а твердые, разумные, последовательные меры правительственной власти, которые водворили бы мир и порядок в России, раскрыли бы всю сеть революционного заговора, взбаламутившего наше общество, явили бы пред глаза всего народа истинных виновников этого заговора и подвергли бы их примерной каре, невзирая на то или другое их положение в обществе и в государстве.

Русский народ должен ясно различать врагов Царя и временно сбитых с толку верных его подданных, дабы первым противопоставить решительный отпор, а другим помочь вступить на путь истины. Вот почему он вправе ожидать, чтобы Правительство указало ему как тех, так и других.

Тогда только, когда Правительство исполнит эту первостепенную свою обязанность, тогда только прекратится давящий нас кошмар, тогда только разлетится та совершенно ложная, поддерживаемая «либералами» иллюзия, будто «весь народ» ополчился против Самодержавия, между тем как на самом деле против Самодержавия подняла знамя мятежа лишь ничтожная, но ловкая и смелая кучка политических негодяев.

Славянофильские иллюзии

Статья наша о земском соборе (№ 32) вызвала смущение в соседнем с нами и во многих отношениях столь близком нам славянофильском лагере.

Мы ожидали и действительно получили из этого лагеря запросы, полные недоумения.

«Как, — спрашивают нас, — вы считаете защитников земского собора врагами Самодержавия? Какое заблуждение! Мы самым решительным образом отвергаем конституционный парламентаризм именно потому, что он уничтожит Самодержавие Русских Царей, которым мы так же дорожим, как и вы, как и все истинно русские люди. Мы стоим за земский собор именно потому, что он ничего общего не имеет с запад-

ными парламентами, так как ему будет принадлежать лишь *совещательный* голос, а решающая власть должна будет всецело зависеть от свободной Государевой Воли. Разве можно запретить Государю обращаться за советом к опытным, заслуживающим доверия русским людям? Ведь он волен и принять эти советы, и отвергнуть их. Где же тут опасность для Самодержавия?»

Вот наш ответ:

Если Государю угодно будет по собственному своему усмотрению и выбору вызвать к себе действительно опытных, заслуживающих его доверия и верноподданных ему русских людей, дабы выслушать их личное мнение о том или другом вопросе, в котором они обладают специальной компетентностью, то в этом ни малейшей опасности для Самодержавия не будет. Ее не будет и в том случае, если Государь, выслушав различные мнения созданных по его выбору сведущих людей, согласится или не согласится с тем или другим из этих мнений.

Вот если бы господа славянофилы таким именно образом ставили вопрос о царских советниках, мы охотно протянули бы им руку.

Но, к сожалению, они желают совершенно другого.

Они желают, чтобы не Царь выбрал этих советников своей самодержавной волей, а чтоб они были навязаны ему выбравшим их народом. Они желают, чтоб эти советники говорили Государю не от имени своего *личного* опыта по вопросам, касающимся их специальности, а *от имени всего народа* и по всем, без исключения, государственным вопросам. Они желают создать чисто демократическую зловреднейшую фикцию, будто из уст этих советников (или случайного арифметического их большинства) Государь может услышать «подлинный голос и волю Русского народа».

А затем они предоставляют Государю согласиться или не согласиться с этой мнимой «народной волей».

Нужно обладать чисто славянофильской наивной близорукостью, чтобы не предвидеть тех роковых последствий,

которые неминуемо явятся, если Государь Император, в силу Своей неограниченной Самодержавной Власти, не найдет возможным согласиться с какой-либо «народной волей», высказанной земским собором по предложению какого-нибудь г. Родичева или Петрункевича¹:

«Государь идет против воли народа!» — таков был бы крик, который раздался бы по всей России, подхваченный всей армией революционной пропаганды, которая стала бы кричать на все лады в газетах, собраниях, школах, на улицах, площадях и «банкетах», что «нужно заставить Государя уважать и исполнять народную волю», и что этого-де можно достигнуть лишь свержением Самодержавия и заменой его — связывающей Царя по рукам и ногам — конституцией.

Тут не поможет, как мы это вчера доказали, и созвание земского собора по отдельным сословиям, как это предлагается некоторой частью наших славянофилов. Вся ваша либеральная интеллигенция, с С.Ю. Витте во главе, давно уже открыто и громко высказывается против остатков сословного строя России, требуя окончательного их уничтожения и создания совершенно бессословного строя. Какой же разумный человек может ожидать, при таком разрушительном настроении нашего «либерального» общества, которое в *выборном* земском соборе получит несомненно громадное преобладание, чтоб оно не уничтожило тотчас все в нем сословные перегородки, дабы слиться в один общий бессословный народный парламент?

Мы уже неоднократно представляли нашим славянофилам логическую картину этих, вовсе им нежелательных, но неминуемых последствий созыва *выборного* земского собора как выразителя «народной воли».

И что же? Они ни разу, — повторяем: *ни разу*, — не пытались даже опровергнуть строгую логику наших доводов, сознавая, что их опровергнуть невозможно, а потому они либо просто отмалчивались, либо ультранаивно замечали, что ведь при Михаиле Феодоровиче и Алексее Михайловиче земские соборы таких роковых последствий не имели. Они

при этом забывали, что при московских Царях не существовало и нашей современной антимонархической «интеллигенции», в руках которой неминуемо очутится всякий *выборный* земский собор.

Весь вопрос заключается, следовательно, в том, что Царь всегда имеет право по собственному выбору призвать кого угодно и сколько угодно из своих верноподданных для того, чтобы выслушать их *личные* мнения по тому или другому вопросу, в котором они сведущи. Тут никогда не может возникнуть даже мнимого государственного конфликта, так как каждый из этих советников будет говорить от своего имени, а не от имени «народа». При этом Государь всегда будет волен во всякое время отпустить тех или других своих советников и снова призвать их, или заменить их другими, сохраняя таким образом свою полную, свободную Самодержавную Волю.

Но коль скоро земский собор выйдет из народных выборов, он уже будет иметь притязания представлять собой «весь Русский народ», и если бы Государю благоугодно было не согласиться с этими «народными представителями», то тотчас же создалась бы фикция, что Русский Царь и Русский народ не одно и то же, как это доселе было, а что между ними может существовать разномыслие, а следовательно, раздор, а следовательно, и борьба.

Вот почему мы всегда протестовали и будем протестовать против создания в России какого бы то ни было выборного народного представительства в наше столь увлеченное антимонархическими идеями время.

Как земскому собору наших славянофилов, так и парламенту наших революционеров присуща одна и та же идея выборного народного представительства, которая, как мы показали, является в настоящее время совершенно несовместимой с принципом Неограниченного Самодержавия и неразрывного единения Самодержавного Царя с верноподданным ему народом.

А за нерушимость этого принципа мы всегда стояли и будем стоять до конца.

«Только один вопрос»

Среди защитников земского собора мы встретили несколько лиц, которые считают все высказанные нами опасения относительно созыва выборного земского собора вполне основательными, но лишь в том случае, если такой земский собор будет постоянным государственным учреждением и будет вести все государственные вопросы.

«А тот земский собор, — говорят они, — о котором мы мечтаем, будет иметь совершенно другой характер: он будет созван для того, чтобы ответить на *один только вопрос*: продолжать войну или нет? И как только он ответит «да» или «нет», он тотчас же будет распущен, так как земские соборы вообще должны созываться лишь в самые критические минуты нашей государственной жизни».

Наивность такого рассуждения поистине изумительна. Представим себе, что такой именно экстренный земский собор созван, и ему предложен на разрешение этот пресловутый «один только вопрос».

Неужели вы думаете, что найдется хоть один сколько-нибудь серьезный член собора, который прямо так вам сразу и ответит: «да, продолжать войну», или «нет, прекратить войну». Напротив, все члены собора захотят ответить на столь важный для всей судьбы России вопрос *en pleine connaissance de cause*¹ и предложат со своей стороны целый ряд вопросов Правительству, призывая его, как это делают все западные парламенты, к ответу за его прошедшие, настоящие и будущие деяния.

В самом деле, прежде чем ответить на вопрос, продолжать ли нам войну или нет, члены собора найдут необходимым предварительно подробно уяснить себе причины, вызвавшие войну, то есть рассмотреть всю предшествовавшую ей дипломатическую переписку между Россией, Японией и другими державами. Затем они захотят составить себе ясное понятие о наших финансовых и военных силах, дающих или не дающих нам возможности продолжать войну, а для этого

земскому собору потребуется проконтролировать деятельность нашего финансового, военного и морского ведомств. Далее «соборные представители Русского народа» несомненно укажут на тесную связь между внешними и внутренними вопросами России, от решения которых несомненно зависит и вопрос о том, можно ли продолжать войну, а потому они поставят ряд требований относительно различных внутренних реформ, тщательно ознакомившись с настоящим положением России, то есть с деятельностью различных правительственных и общественных учреждений. Наконец они пожелают узнать, на каких условиях мог бы быть заключен мир с Японией, так как без изучения и обсуждения этих условий они не будут в состоянии ответить на предложенный им «один только вопрос».

Словом, этот экстренный земский собор превратится в самый обыкновенный парламент и будет заседать не какие-нибудь два-три дня, а долгие месяцы, рассматривая сотни вопросов, и в конце концов, как это обыкновенно бывает, разделится на две половины, из коих одна скажет «да», а другая «нет», и все это — «от имени всего Русского народа!» Таким образом, уже теперь можно предвидеть, что в результате получится, после долгих ожиданий, решительный ответ «ни да, ни нет».

На это нам возражают: «Этого никогда не будет. Правительство этого не допустит. Государь прямо спросит, продолжать ли ему войну или нет, а земский собор обязан будет, безо всяких разговоров, дать определенный утвердительный и отрицательный ответ».

Но ведь это будет возмутительное насилие над совестью людей, которых принудят отвечать на то, чего они не знают!

А затем, какое же будет положение Государя?

Он должен будет обратиться к «представителям» своего народа с признанием, что он со своими министрами, зная все мельчайшие подробности вопроса о войне и мире, никак не может его решить, а потому он обращается за советом к лю-

дям, которые никаких подробностей этого вопроса не знают, а должны просто наугад говорить «да» или «нет».

Легко себе вообразить, как японцы будут ликовать, как вся Европа будет издеваться над этим жалким, плачевным зрелищем полного бессилия России!

«Да, — говорят нам, — но зато с Государя, если он подчинится решению собора, будет снята всякая ответственность за дальнейшую судьбу России».

Да, но с этой ответственностью будет снято с него и все его Самодержавие.

Самодержавный Царь идет во главе, а не позади своего народа. Не народ указывает Самодержавному Царю свою волю, а Царь — народу. Православный Русский Царь ответствен за свой народ пред Богом, и он с благословения Божия вступает на трудную Царскую чреду не для того, чтобы избегнуть этой ответственности, а для того, чтобы возложить ее на себя.

Если он нуждается в своем многотрудном деле в советах мудрых, опытных и верных ему людей, он всегда может призывать их к себе по собственному усмотрению и выбору, а затем, выслушав их, действовать не как они ему велят, а как велит ему совесть перед Богом и долг пред Россией, и притом не только пред современной, но и пред будущей ее историей.

Мы уже не говорим о той возмутительной лжи, которая присуща каждому «правительству» народа, и о всем том обмане, без которого не обходятся народные выборы, как это показывает нам выборная практика Западной Европы.

Одна уже мысль о том, что Русский Самодержавный Государь будет играть какую-то роль в парламентской комедии современного земского собора, уже одна эта мысль приводит в ужас каждого здравомыслящего русского человека, все равно, будут ли в этом соборе лжепредставители Русского народа сразу решать все государственные вопросы, или они перейдут к ним постепенно для ответа на «один только вопрос».

Призыв к Русским людям

От Русской Монархической Партии

Приближается время решить судьбу нашего Отечества, и за это решение мы будем отвечать перед нашими предками и отдаленными потомками.

Святая Русь наша стоит на распутьи: идти ли ей испытанным тысячелетним путем своим, согласно с нашими историческими заветами и желаниями нашего Народа, или же мы, в угоду немногочисленной, чужедумной нашей «интеллигенции» заставим свою Родину пойти в хвосте западных государств путем чужим и ненадежным?

Взвесьте это, Русские люди, до наступления выборов в Государственную Думу, в своем здравом смысле и доброй совести, при свете верноподданнической присяги! И проверьте себя опытами своих предков и указаниями Истории, этой великой учительницы жизни!

От вас, от вашей бдительности зависит, завладеют ли выборами и самой Государственной Думой те тайные и явные партии, которые уговорились сокрушить русский государственный строй и заменить его либо разбойничьей республикой, как того хотят недавно бунтовавшие в Москве социалисты, либо опозорившимся уже на Западе парламентским режимом, который свяжет по рукам и ногам Царскую Власть и прижмет и пригнетет все истинно Русское.

Если этим партиям, среди которых особенно зловередны, по своему лицемерию, Союз 17 октября и Торгово-промышленная партия, удастся прибрать к своим рукам выборы и Думу, тогда не может быть сомнения, что погибнет Царство Русское, Царство Самодержавное, Царство Православное, созданное Божией Милостью, молитвами, трудом и кровью Русских Государей и Их верного Народа.

Наш великий отечественный историк Карамзин на основании глубокого изучения судеб наших говорит: «Россия гибла от разновластия, спасалась единодержавием и крепла Самодержавием».

Русские люди! Ужели же вы без борьбы отречетесь от этой спасительной и благотворной силы Единодержавия и Самодержавия Монарха и допустите заменить ее разновластием конституционным или республиканским? Кроме горсти наших чужедумов и инородцев, это разновластие сильно рекомендуют нам разные иностранцы и злейшие враги наши, особенно евреи, которые главным образом и развели по всей России крамолу и всячески стараются, чтобы у нас скорее Царь связан был конституцией. И это нетерпение их весьма понятно, так как при конституции им легко будет завладеть всей Россией и высосать из нее все ее жизненные соки.

Нет, мы им не отдадим России! Мы все будем стоять за нашу заветную идею: **Россия для Русских**. Но если мы не сохраним Самодержавной Власти Русских Царей, мы и России не сохраним для Русских.

Вспомните, что дала нам едино- и Самодержавная Власть Монарха в минувшие века: это она сплотила в единый Русский народ разрозненные племена восточных Славян; это она прекратила наши кровопролитные междоусобия и собрала разделенные уделы в цельное нераздельное Государство; это она освободила народ от Азиатского владычества и возвела Русское Государство сперва на степень Царства, а потом Империи, охватившей шестую часть Земного шара; это она не только защищала Народ наш от всевозможных врагов, приходивших на Русь то в одиночку, то десятками разных народностей, но и покорила многих из них под нозе наши.

Полномочная, Самодержавная Власть Русского Царя всегда была обильным и не иссякающим источником многообразных благ для нашего Народа: она неизменно была опорой нашего Православия и дала свободу от крепостной зависимости 20 миллионам крестьян, наделив их землей, чего не в силах были сделать ни республики, ни конституционные монархии Запада.

Русские люди! Ужели же мы не постоим за Самодержавие Боговенчанного и прирожденного Царя нашего, отчича и деда Земли Всероссийския? Неужели мы дадим над собой власть

нескольким сотням выборных и сменяющихся своевольных депутатов-самодержцев, чтобы они целость и единство ее «несли розно» окраинным инородцам и отдавали Русский Православный Народ под власть тем, кто чужды нам по духу и крови? Да не будет этого ныне и присно.

Иначе против нашего малодушия и слабоумия возопиют самые камни древнерусских городов, свидетелей трудных подвигов создания Русского Государства: поднимутся с ропотом из гробов своих наши предки, принимавшие участие в этом созидании; призовут нас к ответу пред Богом почивающие в Кремле нашем Первосвятители Всероссийские и Собиратели Руси и Творцы ее Самодержавия — Государи наши, а за ними бросят нам горький, но справедливый укор борцы и мученики Русской Государственной идеи: Палицыны, Минины, Пожарские и Сусанины...

Вдумчиво помните об этом, Русские люди, пред выборами в Государственную Думу, и вы тогда будете знать, кого не пускать в нее и кого удостоить избрания в совещание царское.

Кто за Самодержавного Царя, тот истинно Русский человек, тому и место в Думе.

Кто против Царского Самодержавия, тот изменник Царю и Родине, и выбирать его в Думу не следует.

Русская Монархическая Партия и Государственная Дума

Речь, произнесенная 8 августа 1906 г.
в VII Общем Собрании Русской Монархической Партии

Когда в апреле 1905 года в Москве зародилась Русская Монархическая Партия, злополучной Государственной Думы еще не существовало.

О ней лишь мечтали русские крамольники с С.Ю. Витте во главе, который в то время еще держался за кулисами, чтобы вовремя выступить на сцену и пожать свои позорные Портсмутские лавры, которые и привели Россию посредством

ловко подстроенной «всеобщей забастовки» к ужасной катастрофе 17 октября.

Ввиду этого в программу Русской Монархической Партии в апреле 1905 года не могло войти определенного взгляда на то чудовище, которое родилось через шесть месяцев после 17 октября, к ужасу всей Православной России, под именем «Государственной Думы».

Эта безобразная, возмутительная «Дума» ныне, слава Богу, разогнана; но, — увы, — опять через шесть месяцев должна родиться новая «Дума»!

Ввиду этого Русской Монархической Партии необходимо высказать свой определенный взгляд на это чудовищное, совершенно не Русское, учреждение и занести этот взгляд в свою программу.

Это тем более необходимо, что мы целый год слышали неотступные вопросы: «Существует ли еще Самодержавие Государя, или же у нас введена конституция? Признают ли монархисты Думу или ее отвергают? Не идут ли монархисты против Царя, если они отвергают конституцию?»

На все эти вопросы мы должны дать ясный и точный ответ — во избежание каких-либо недоразумений со стороны наших единомышленников и наших врагов, со стороны Верховной Власти и представителей Правительства.

Вот наш ответ.

Для нас, монархистов, единственной путеводной звездой является Воля нашего Неограниченного, Самодержавного Монарха, выраженная в его незабвенных золотых словах:

«Самодержавие Мое останется таким, каким оно было встарь».

От этих слов мы *никогда не отступимся*, за них мы будем *твердо держаться*, за них мы готовы *положить свою жизнь*.

Кто с нами не согласен, пусть уходит от нас, пусть примыкает к другим, ежедневно возникающим и вечно меняющимся партиям, мы как стояли, так и будем стоять за единственное спасение России, за драгоценнейший завет, полученный нами

от наших прадедов, — за *Неограниченное Самодержавие Русских Царей*.

Конечно, нам скажут то, что мы слышали уже тысячу раз: «Царь-де перестал быть Самодержавным, коль скоро он ввел в Россию законодательный парламент».

Нет, ответим мы, он не лишил себя этим своего Самодержавия.

Как же так?

Поясним свою мысль следующим сравнением.

Стоит громадная фабрика, всецело принадлежащая одному хозяину. Под его руководством она с успехом работает уже много лет, обрабатывая отечественное сырье в прекрасные изделия.

И вот директор этой фабрики, как водится у нас, иностранец, обращается к хозяину с советом заменить все действующие на фабрике машины новыми, иностранными.

— Знаю я эти иностранные машины, — говорит хозяин, — сам я их видел и изучал: они годятся только для иностранного сырья, а не для нашего.

Не уговорился директор-иностранец, снова и снова докучает хозяину своими советами: «С иностранными машинами дело будет идти быстрее и с большими выгодами».

Не уступает хозяин пред этими доводами, зная их ошибочность.

Но вот на сторону директора переходит значительная часть рабочих и заявляют хозяину, что они иначе не могут работать, как на новых машинах, которых они отроду и в глаза-то не видели.

Долго крепился хозяин, но наконец уступил директору и сбитой им с толку ватаге рабочих.

— Ну ладно, — говорит он, — поставьте на пробу новые машины; я на время отстранюсь и посмотрю, что выйдет из вашей затеи; но власть над фабрикой я по-прежнему сохраню всецело за собой.

И вот приходят к хозяину те рабочие, которые были одних с ним взглядов и не ожидали никакого добра от новых машин.

— Как же нам быть? — спрашивают они. — Неужели и нам работать на этих заморских чудовищах?

— Да, — говорит хозяин, — работайте, чтобы для всех ясно было, что если этот опыт не удастся, то в этом виноваты будете не вы, а директор со своими иностранными машинами.

— А ты, хозяин, зачем же ты сам отстранился и предоставил всем распоряжаться директору? Неужели теперь ты, в самом деле, передал ему всю свою власть над фабрикой?

— Нет, никогда! Власть моя над фабрикой останется такой, какой она была встарь. Удастся опыт, я буду ему рад, а не удастся, я выгоню директора со всеми его иностранными затеями и снова водворю на фабрике прежние порядки. Власть моя во время всего этого опыта ни на вершок не умалится. Я сам на время отойду от дела, но и сам вернусь к нему, когда найду это нужным.

Нужно ли еще пояснять это сравнение?

Рабочие, оставшиеся верными фабричному хозяину, — это мы, монархисты. Мы уже теперь видим, к чему клонятся новые заморские законодательные учреждения, насильственно введенные в наш государственный организм: едва были пущены в ход эти новые машины, как они произвели величайший хаос во всей России, и этот хаос все увеличивается.

Но мы, как верные подданные нашего Монарха, свято исполняем его Волю; мы работаем на этих проклятых машинах, и будем работать, пока не услышим желанного голоса Хозяина Русской Земли, который крикнет нам: «Стой, довольно, опыт не удался. Дальше вести его было бы безумием. Мы возвращаемся к прежнему испытанному порядку, но предварительно вычистив и исправив все его учреждения».

Вот каково должно быть отношение Русской Монархической Партии к Государственной Думе, а потому в нашу программу должно быть введено следующее новое *положение*:

«Законодательная Дума противоречит неограниченности Царского Самодержавия. Считаая всякое выборное законодательное Собрание несовместимым с Неограниченной

Самодержавной Властью Русских Царей и, безусловно, вредным для России, — Монархическая партия, повинувшись Царской Воле, принимает участие в думских выборах лишь для того, чтобы, по возможности, ослабить вредное влияние законодательной Думы, в ожидании, что Государю Императору, по собственному Его Величества усмотрению, благоугодно будет положить конец этому несомненному злу».

Да, выборная законодательная Дума — несомненное зло! Но это зло еще усугубляется, если эта Дума избирается на основании тех нелепейших законов, которые граф Витте придумал для того, чтобы создать специально-крамольную Думу.

Если Государь нам прикажет идти на новые выборы по этим возмутительным законам, мы пойдем на эти выборы и приложим все старания, чтобы одержать победу, в полной, однако, уверенности, что мы никоим образом этой победы одержать не можем, в особенности, если к выборам по-прежнему будут допущены бунтари-евреи.

Если же Государь нам даст новые избирательные законы, то мы их примем и будем им повиноваться. Мало того, мы и сами постараемся выработать новые выборные законы, которые были бы не так уже из рук вон плохи, как теперешние, и предложим их Царю, но отнюдь не как средство к исцелению России — это средство заключается в одном лишь Неограниченном Царском Самодержавии *безо всякой Думы*, а лишь для того, чтобы в Думу попали не одни только болтуны и негодяи, но хоть несколько и дельных людей.

Словом, мы все будем делать согласно Воле Царя, дабы никто нас не мог упрекнуть в том, что мы Царю не повинемся. Но мы оставляем за собой неотъемлемый наш верноподданнический долг говорить Государю от чистого сердца *одну лишь правду*.

А правда в данном случае та, что выборная законодательная Дума рано или поздно погубит Россию, а потому ее следует, чем раньше, тем лучше, *совершенно упразднить* и довольствоваться законосовещательным Государственным Сове-

том, состоящим исключительно из членов, выбранных самим Государем, из всех классов населения за их ум, деловитость и за их преданность Самодержавному Престолу.

Благое ли мы делаем дело?

Люди Русские, люди православные приступают к каждому новому делу своему с возносимой к Господу Богу молитвой, испрашивая у Него благословения и помощи их благому начинанию.

Так и мы, созидая новое дело на Руси — политический союз Русских монархистов, — перед каждым собранием своим совершаем общую молитву и просим Всевышнего не оставить наше благое дело Своим святым покровительством.

Мы, следовательно, уверены, что мы творим *благое* дело. Но вот раздаются вокруг нас голоса, которые корят наше дело и бранят нас за наше начинание.

А потому нам нужно хорошенько подумать, не ошибаемся ли мы в своей работе, не идем ли мы по ложному пути, действительно ли мы делаем *благое*, а не *злое* дело.

Послушаем, в чем нас упрекают.

«Вы, монархисты, — говорят нам, — хотите, чтобы в России все было по-старому; а мы в ней хотим ввести новые порядки. Русскому народу все старое надоело, он хочет жить по-новому, а вы его все зовете назад, к старине; а в этой старине ничего хорошего нет: вся она полна мрака и зла, и вы хотите, чтоб этот мрак и это зло существовали и впредь, а Русский народ требует света и добра».

Так вот в чем наша вина. Мы стоим за русскую старину, а в этой старине один только мрак и одно только зло.

Так ли это? Ведь если б это была правда, то разве кто-нибудь из нас стоял бы за старину? Никто сам себе не враг, и каждый из нас желает жить не во мраке, а так, чтобы видеть Божий свет; каждый из нас желает жить в добре и правде, а не терпеть от злых людей и от несправедливых законов. А таких людей и таких законов у нас теперь завелось многое множе-

ство, да и в старину их было немало. Мы и прежде их считали злом, таким же злом считаем их и теперь, и, конечно, желаем от них освободиться. Но мы уверены, что освободимся мы от них только тогда, если твердо будем держаться того, что нам в старине нашей и дорого, и свято. А в этой старине мы будем дорожить всем тем, что в ней действительно есть доброго, светлого и полезного для Русского народа.

Вот нас, прежде всего, укоряют в том, что мы так крепко стоим за нашу *Православную Церковь*.

«Бросьте, — говорят нам, — это старье! Охота вам возиться с ним. Русскому народу нужно теперь жить по-новому, без церкви, да и вообще без Бога».

Так вот оно что! Они хотят всех нас сделать безбожниками! Когда у Русских людей уже не будет больше ни веры в Бога, ни страха Божия, ни совета и ни правды, — тогда, видите ли, на Святой Руси (*Крики среди слушателей: да какая же она тогда будет Святая?*) все люди сделаются ангелами, и начнется «новая жизнь», без воровства и мошенничества, в полном счастье и довольствии.

Ну кто же поверит такому вздору? (*Никто! Никто!*) Ведь и теперь у нас есть люди богобоязненные, и есть безбожники. С кем же из них можно вести серьезное дело? На кого можно положиться? Разве на безбожника? (*Никогда!*) Значит, теперь мы еще пока можем выбирать, кому нам верить, а кому нет. А ну как все мы станем безбожниками и будем жить «по-новому», без Церкви Православной, без совести и страха Божия, кто же тогда нам будет верить и кому мы будем верить? Ведь вера в Бога нужна для христианина не только для спасения своей души, но и для веры в человека, для веры в людей, для знания и оценки людей в земной нашей жизни, в наших житейских делах.

Так как же нам бросить старину, которой жили отцы и деды наши? Как нам отречься от Бога и от Церкви Его Православной? Ведь это невозможно!

Это невозможно и потому, что вся та Россия, которая, приняв крещение от Владимира Святого, возросла до первой

державы в мире, строилась Русскими святыми Угодниками, Князьями, Царями и Русским народом, все время трудившимися под сенью Православной Церкви; и если Господь благословил их труды, так потому, что они крепко держались своей Православной Веры и как братья соединились сердцем, умом и душой в Православной Церкви.

И вот нам предлагают отречься от нашей Церкви, от Бога, от Христа Спасителя, от Царицы Небесной, от всех святых мучеников, от Николая Чудотворца, от наших Русских великих подвижников Божиих, от Сергия Радонежского, — это, видите ли, все «старье»!

Можете ли вы, православные, слышать такое богохульство? Можете ли вы отречься от всего того, что нам так дорого и свято? (*Нет, никогда не отречемся!*)

Так *благое* ли дело мы творим, когда защищаем нашу старину Божию, старину Церковную, старину Православную? (*Благое! Благое!*)

Но есть еще и другая старина, любовь к которой нам ставят в вину: это издревле у нас установившаяся *Неограниченная Самодержавная Власть Русских Царей*.

Мы со всем Русским народом дорожим неограниченностью этой Власти и твердо за нее стоим. Может быть, мы в этом ошибаемся? Послушаем, в чем нас упрекают.

«Вы, монархисты, — говорят нам, — защищаете давно уже отжившую ветошь. Все просвещенные государства давно уже бросили ее, а вы за нее держитесь. Русскому народу нужно жить по-новому, по конституции, а вы все ему твердите про Самодержавие, да еще про Самодержавие неограниченное. Теперь уж Сам Царь отказался от такого Самодержавия и издал конституцию, а вы ее не признаете: значит, вы идете против Царя».

Слышите ли, православные, это мы с вами идем против Царя! Неужели это правда? (*Неправда! Неправда!*)

Мало, что вы кричите «неправда», нужно *доказать*, что неправда не на нашей стороне, а на стороне наших обвинителей.

Вы ведь помните слова, сказанные нашим Батюшкой-Царем 16 февраля иваново-вознесенцам?¹ Вот они:

«Самодержавие Мое останется таким, каким оно было встарь».

А какое было встарь Самодержавие Русских Царей? Ограниченное или неограниченное? (*Неограниченное!*) Была ли встарь конституция? (*Не была!*)

Так кто же идет против Царя? Те, кто хотят ограничить Его власть и навязать Ему конституцию, или мы, которые хотим, чтобы *Самодержавие Царя оставалось таким, каким оно было встарь*, — неограниченным, безо всякой конституции? Кто прав: мы или они? (*Мы правы! Мы правы!*)) Кто идет против Царя: мы или они? (*Они! Они!*)

Вы слышали, Сам Царь наш Батюшка хочет, чтобы Самодержавие Его было, как *встарь*. Значит, и Он дорожит стариной. Как же нам не дорожить стариной Царской, стариной государственную? А какая у нас была государственная старина? Была ли у нас конституция, которая связывала бы руки нашим Царям, строителям и собирателям Земли Русской? Нет, не была. Они были свободны, неограниченны и отвечали за свои дела лишь перед Богом. Ну что же? Разорили они или возвеличили Россию своим неограниченным Самодержавием? Какой же тут может быть вопрос? Цари наши создали великую громаду Российской Империи, а вот те люди, которые хотят навязать нам конституцию, намерены искромсать Россию. За кого же нам стоять: за этих людей или за неограниченного Самодержавного Царя? (*За Царя! За Царя!*)

А посмотрите, как Цари наши безо всяких конституций заботились о Своем народе. Кто у нас дал крестьянам свободу? Самодержавный Царь Александр II. Была ли при нем конституция? Нет, не была. Ваши деды служили в армии 25 лет, ваши отцы служили только пять лет, вы теперь будете служить только три года. Кто же вам дал это великое облегчение? Самодержавные Цари, не связанные никакой конституцией. Вот и теперь Государь безо всякой конституции дал вам разные свободы: так неужели вы пойдете

с теми, кто Его Самого хотят лишить свободы? Нет, мы с ними не пойдем! Царь нам дал свободу — так и мы постоим за Его свободу! Не правда ли? (*Правда! Правда! Свобода Царю! Боже, Царя Храни! Гимн! Гимн! Гимн исполняется всеми присутствующими*).

А если у нас будет конституция, у Царя свободы не будет. Конституция — это все равно, что договор или контракт. Конституция введена в тех государствах, где Государи со своими народами ссорились, враждовали, а под конец пошли на мировую и подписали между собой контракт, по которому каждый норовит друг друга обойти. Ну разве Русский народ когда-нибудь ссорился со своим Царем? (*Нет! Нет!*) Разве Русский народ по контракту любит своего Царя? Разве он по контракту служит ему? (*Нет, по любви, по присяге! Бог велит служить Царю!*)

Так то-то же! Мы *по-старому, по совести* будем служить Царю нашему Батюшке, а не «по-новому», не по контракту, не по конституции. Русский народ связан со своим Царем не бумагой с печатями, а Верой Христианской, Православной, вечным, неписаным законом, законом духовным, душевным. (*Верно! Верно!*)

Но вот про конституцию нам рассказывают еще такие басни: «Если у нас теперь есть плохие чиновники, которые кривят душой и берут взятки, то это потому, что у нас нет конституции. А как будет конституция, так и взятки все исчезнут. А вы, монархисты, — говорят нам, — стойте за этих дурных чиновников-взяточников, за бюрократию».

Сколько тут лжи в этих словах! Что ни слово, то неправда!

Ведь вы знаете нашу монархическую Программу? Вот что в ней написано на 6-й странице:

«Государственная служба должна стоять высоко и честно; слугами Царя могут быть лишь лица, свято, строго и бескорыстно исполняющие свой долг перед Самодержавным Царем и Отечеством!» И дальше говорится: «Монархическая партия с негодованием отвергает неверных и лукавых слуг Царя».

Вот что мы говорим. Как же смеют они нас обвинять в том, что мы будто бы стоим за взяточников? Это подлая клевета!

Они говорят, что там, где есть конституция, там нет взяточничества, там чиновники все ангелы.

И тут они лгут. Знаете ли вы, где больше всего чиновников-негодяев-взяточников? В Америке. А там конституция. Где в последнюю Бурскую войну проворовалось военное интендантство? В Англии. А там конституция. Где депутаты оказались взяточниками, прикрывшими хищников, обокравших мирное и трудовое население страны? Во Франции. А там конституция. И эти взяточники не только не были наказаны, но были потом президентами и министрами и нажили себе большие капиталы.

Так, значит, конституция нас нисколько от дурных чиновников и взяточников не избавит.

А кто же может избавить нас от этого зла?

«Один лишь неограниченный в Своей Власти Монарх, Который одним росчерком пера может заменить плохого чиновника хорошим, а также строгий и справедливый суд, который должен строго наказывать всех без исключения дурных и в особенности корыстолюбивых чиновников, хотя бы они стояли на высших служебных местах в государстве. А привлекать их к суду должен иметь право каждый верно-подданный».

Вот что напечатано в нашей Программе. А противники наши все это от народа скрывают — и про Америку, и про Англию, и про Францию, и про Россию, и про Царя — и про нас с вами. Все они лгут да обманывают! Злое дело они творят, дело лжи и мрака.

А мы говорим всю правду, мы света не боимся, что у нас на уме, то и на языке.

Какое же мы дело творим: злое или благое? (*Благое! Благое!*).

Но есть и еще один упрек, который нам делают наши враги:

«Вы, монархисты, — говорят они, — человеконенавистники. Вы хотите истребить всех иноплеменников в России, уничтожить их язык и их веру и насилем обратить их в Православие».

И опять все это — ложь и клевета!

Пусть иноплеменники свободно живут в России и нас не трогают; и мы их трогать не будем. Пусть они исповедуют свою веру, соблюдают свои обычаи, поют свои песни, мы им никогда в этом не мешали и мешать не хотим. Но пусть только они не забывают, что они живут у нас, в нашем доме, и что они не имеют права разорять этот приютивший их дом. Дом этот создали мы, а не они, и хозяином в этом доме может быть только Русский Царь со Своим Русским народом.

Мы хотим, мы должны сохранить единство и целостность Великой Российской Империи, а для этого над ней должна царить единая неограниченная *Самодержавная Власть* Русского Монарха и свободно и достойно живущая *Русская Православная Церковь* при едином Русском государственном языке, едином Русском законе и единой Русской государственной школе.

Вот и все наши требования, как они изложены в нашей Программе. Поляк, армянин, немец, татарин могут в России жить как им угодно, по своим обычаям, и свободно говорить на своих языках, лишь бы только они как верноподданные повиновались Самодержавному Русскому Царю, не стесняли и не оскорбляли Русской Православной Церкви, умели говорить по-русски, соблюдали русские законы и учились в русской государственной школе. Больше мы от них ничего и не требуем. Русский человек, как я уже сказал, должен чувствовать себя «дома» в своем доме. В какую бы комнату этого дома он ни вошел, в немецкую, грузинскую, польскую или финляндскую, — всюду он должен чувствовать себя хозяином, а не гостем.

А теперь что мы видим: Русские люди изгоняются из наших финляндских губерний как чужие пришлецы, как иностранцы, и то же делается в наших польских и литовских губерниях. Разве мы можем это терпеть? Не мы гоним и тесним

инородцев, а они нас теснят и гонят; не они, а мы страдаем за свою веру и нацию; не они, а мы видим, как нас всюду одолевают иностранцы.

А разве Россия должна быть для иностранцев? (*Нет! Нет!*) Для кого она должна быть? (*Для Русских! Россия для Русских!*)

Да, православные! Вы верно говорите. Россия должна быть для Русских. Россия — это наше добро, которое мы приобрели своими многовековыми трудами, трудами угодников Русских, Русских Царей и Русского народа. Так неужели мы не обязаны охранять это добро, завещанное нам нашими дедами и прадедами? Иноземцы и иноверцы мешали нам приобретать это добро, а теперь, когда мы его приобрели и создали из него свой дом, они хотят ограбить его и разорить. Кто же прав в этом деле? Они, хищники, или мы, хозяева? Они хотят разорить Россию, а мы хотим ее сохранить. Кто прав: мы или они? (*Мы правы, мы правы.*)

Так и тут, я думаю, мы не злое дело творим, а благое. Не так ли? (*Верно, благое, благое!*)

А если так, то у нас совесть чиста. Мы смело можем смотреть в глаза и друзьям, и врагам. Мы знаем, что с нами заодно стоят и Царь, и весь Народ Русский Православный.

А если так, мы бодро пойдем вперед по намеченному нами пути. Мы знаем, что наше дело правое, мы верим, что Бог поможет нам в этом правом деле.

А если так, то рано или поздно победа будет наша. Много еще предстоит нам борьбы за правду и за свет, за Веру и за Царя, но силы лжи и мрака, враги Веры и Царя должны будут в конце концов рассеяться пред нашей многомиллионной ратью, когда она вся подымется и потрясет воздух дивными звуками нашего народного гимна!

Боже! Боже! Храни нашего Царя, храни Его от врагов явных и тайных, от советников лукавых и корыстных, сохрани бодрость Его сил духовных и телесных! Да царствует Он на страх врагам и на радость всем Русским людям и всей России! Боже, Царя храни!

Историческое значение Всероссийского Съезда Русского Собрания

Всероссийский Съезд Монархических партий, устроенный Русским Собранием в Петербурге и заседавший с 8 по 12 февраля 1906 года¹, явился в России первым опытом Всероссийского Собора истинно Русских людей, и опыт этот блестяще удался.

В чем же заключается эта удача?

Еще несколько месяцев тому назад нас, Русских людей, как будто и не без основания упрекали в том, что мы «не умеем организоваться», что мы «все сидим по своим углам» и «с полной пассивностью относимся к грозящей России опасности». Нам ставили в пример лихорадочную деятельность врагов России, которые-де сумели собраться в плотную организацию, захватить в свои руки суд, печать и школу, и дружным натиском идти к окончательному захвату Верховной Власти.

«Вы не умеете организоваться, — говорили нам, — а поэтому ваше дело проиграно».

И многие из нас малодушно верили в справедливость этих упреков и действительно обрекали себя на полное бездействие.

Но тот, кто ближе знаком был с «блестящей организацией» наших противников и с нашей «дезорганизацией», не мог, конечно, склонить голову пред подобными упреками.

Да, говорили мы, у *них* есть организация, а у *нас* ее пока еще нет. И это весьма естественно.

Они являются революционной оппозицией Самодержавному Царю, а *мы* — верными Ему подданными. Для всякой революционной крамолы безусловно нужна крепкая организация, а для того чтобы служить верой и правдой Русскому Царю, никакой особой организации не требуется.

У *них* организация существует со времен декабристов; *они* в течение почти целого столетия усовершенствовали эту организацию, традиционно передававшуюся революционерам и 40-х, и 60-х, и 70-х годов, когда она окончательно окрепла и дошла до наших времен в виде выработанной долголетним опытом революционной техники, всегда готовых кадров для

крамольников-новобранцев и целого ряда главарей, искусившихся в революционной пропаганде и в государственных преступлениях.

У нас ничего подобного не могло и не должно было быть. С крамоллой боролось Правительство, так как эта борьба являлась прямым *его*, а не нашим, долгом. На то и существует Правительство, на то мы и платим ему подати, на то мы и предоставляем ему все судебные, административные и военные права, чтоб оно давало нам возможность свободно и мирно заниматься *своим* делом среди законного порядка. Для чего же мы стали бы создавать партийные боевые организации, если мы спокойно стояли за Правительством как за каменной стеной, предоставляя ему отражать врагов, то есть исполнять прямую его обязанность.

Но вот вдруг 15 июля 1904 года стена эта рушилась. Крамола убила верного стража России министра Плеве², и немедленно С.Ю. Витте³ и Святополк-Мирский⁴ пригласили крамолу вступить чрез пробитую ею широкую брешь в самое сердце нашей твердыни; они побратались с «легальными» главарами этой крамолы, с разными Родичевыми⁵, Петрункевичами⁶ и всевозможными евреями, объявили им «доверие» и предоставили им полную свободу организовать всероссийскую революцию для свержения Самодержавной Власти Русского Царя. И мы знаем, как широко и как нагло эти люди воспользовались данной им свободой!

Они немедленно пустили в ход свои давно уже организованные революционные кадры и с громкими криками «победа» напали с оружием в руках на нас, совершенно безоружных, разрозненных, неопытных, захваченных врасплох, не видевших ни одного вождя правительственного, ни одного руководителя общественного, высоко держащего боевой стяг России, вокруг которого можно было бы нам сплотиться.

А опасность была невероятная! Ворвавшиеся в крепость враги готовились уже раздирать на части и Царские ризы, самое Россию. С дерзким криком они требовали, чтобы мы давали дорогу их «освободительному» движению, которое тот-

час же приняло форму движения кровавого, отменявшего все законы гражданского общежития и подвергавшего насилию и рабству всех честных, истинно Русских людей.

И вот совершилось чудо. Под беспощадным огнем окруживших нас крамольников мы, неопытные, разрозненные, безоружные, вспомнили о своем долге перед Богом, Царем и Отечеством и стали собираться сперва в небольшие кучки, сговариваться, ободряя друг друга, создавать боевые союзы и партии, иногда безо всякой надежды на успех, но по неудержимому влечению своей совести и по сознанию своей ответственности пред Россией и ее судьбой.

Русское Собрание⁷ в Петербурге преобразовалось в другую политическую организацию; весной 1905 года почти одновременно возникли в Москве Союз Русских людей⁸ и Русская Монархическая Партия, а с осени того же года почти во всех городах России Русские люди воспрянули духом и стали либо примыкать к вышеупомянутым монархическим организациям, либо составлять свои собственные единомышленные им союзы и партии.

Не прошло и нескольких месяцев, как Русское Собрание могло кликнуть клич всем этим Русским дружинам, зовя их на всероссийский смотр в главное гнездо захватившей власть крамолы, в Санкт-Петербург, на глаза изумленной этим зрелищем высшей бюрократии, которая уже готовилась присягнуть главарям «победоносной» крамолы.

Всероссийский Съезд Русского Собрания состоялся и показал как России, так и западным государствам всю мощь Русского народа, который в несколько месяцев ожесточенной борьбы с верховной и подпольной крамолы сумел покрыть всю Россию целой сетью истинно русских политических организаций, объединенных всеобъемлющим их союзом и идущих единым сердцем и единым умом на защиту вековых и вечных устоев России.

В наглядной демонстрации этого исторического факта, призванного сыграть важную роль в судьбах России, и заключается великая заслуга Русского Собрания.

Русские люди

Наш Съезд называется «Всероссийским Съездом *Русских Людей*».

«Русские люди»! Какое ясное, определенное представление вызывалось в былые времена этими словами, при которых в вашем воображении представлялся весь Русский народ во всей его цельности, во всей духовной его чистоте и простоте, во всем его величии и благородстве, во всей его глубокой религиозности и беззаветном патриотизме! В Русских людях не было раскола; при всем естественном различии характеров их воодушевляла *одна* мысль, *одно* чувство, *одна* воля — служить верой и правдой Богу, Царю и России.

Но вот наступило на Руси первое тяжелое революционное лихолетье, наши пресловутые 60-е годы. Тогда от общей громады Русских людей откололись не единичные лица, — такие исключения всегда были возможны, как о том свидетельствуют примеры Курбского и изменников Смутного времени, передавшихся на сторону поляков и ездивших к Тушинскому вору, — нет, в 60-х годах откололись целые группы или, вернее, шайки лиц, отрехшихся и от Бога, и от Царя, и от идеалов Русского народа.

Это они положили семена той кровавой жатвы, которая через тридцать лет взошла к ужасу всей России, и над уборкой которой пока еще тщетно трудятся Русское Правительство и Русский народ.

Эти смутьяны и злодеи размножились затем в 70-х годах под лживой личиной все тех же Русских людей. Но деятельность их стала до такой степени противоречить жизненным интересам России, что уже в начале 80-х годов явилась необходимость поставить, во избежание всяких недоразумений, заблуждений и обманов, резкую грань между *ложными* и *истинными* сынами России.

С тех пор все чаще и чаще в нашей политической литературе стало появляться наименование «истинно Русских» людей, получившее наконец Верховную санкцию в 1887 году в

известной телеграмме Государя Императора Александра III, в которой он утешает вдову скончавшегося в то время великого Русского патриота М.Н. Каткова.

Вы все знаете, как озлились подложные Русские люди на это разграничение, являвшееся вместе с тем и изобличением всей их лжи, всех их каверз и обманов. Вы знаете, с какой злостью нажились они на истинно Русских людях, стараясь закидать их клеветой, издевательством и площадной бранью, с которой они восстали и против нашего патриотизма, и против нашей веры, и против нашего национального чувства и достоинства.

Но все их усилия были тщетными, ибо всякое поругание этих драгоценных святынь Русского народа обрушивалось на головы ругателей и все более удаляло их от верных своему долгу Русских людей...

И вот грянуло роковое 17 октября!¹

Поднялось огненным столбом всепожирающее пламя революции, свергнувшее всю Россию в тяжелую междоусобную брань.

Все Русское образованное общество раскололось в этой смуте уже не на две части, а на целый ряд враждующих партий; а затем этот раскол пошел и дальше — в народ.

Поразила Россию та великая беда, которая была доселе знакома лишь Западу: смута, раздор, вражда воздвигли одну часть населения на другую; мало того, расторглись узы дружбы, узы семьи: сын пошел на отца, жена на мужа, брат на сестру! Семейный очаг подвергся поруганию, даже церковная святыня осквернена ополчившимися друг на друга членами клира и прихода, — словом, совершилось то, что неизбежно должно было совершиться, коль скоро в мирную страну вносится адское оружие парламентской конституции.

Но, как часто бывает, даже тяжелые несчастья имеют некоторые благие последствия.

Так и теперь. Разразившаяся над Россией гроза прояснила сгустившуюся вокруг нас атмосферу, заставила нас ближе приглядеться друг к другу и отчетливо опознаться и разгра-

ничиться между собой. В самом деле, с первым ударом революционного набата Русские люди сразу разделились на три части, на три разряда.

Прежде и раньше всего обозначились те пасынки России, которые, подав руку ее злейшим врагам, подняли против нее кровавый меч революционного движения. Эти «Русские люди», — какие бы они ни носили старинные Русские и даже княжеские названия, — с той минуты, как они поступили в ряды террористов, социалистов, «кадетов» и прочих врагов Самодержавного Царя, порвали свою связь с родным народом, а потому и лишились права называться Русскими людьми.

Но нельзя отрицать, что они свою измену совершили открыто, без лжи и лукавства, с полным сознанием дерзкой преступности своего гнусного дела, с сильной волей и цинической энергией. А потому, составляя, в сущности, немногочисленную шайку отчаянных людей, они сумели внушить и Правительству, и обществу иллюзии, будто они составляют обширную дружину в несколько сот тысяч Русских людей, которые-де требуют, чтобы Русский Царь склонил пред ними Свое Самодержавное знамя.

Вот чем объясняется то малодушие Правительства, которое из страха перед этими головорезами делало уступку за уступкой, воображая, что эти уступки делаются Русскому народу! Если бы Правительство не впало в эту роковую ошибку, не поверило этой обманчивой иллюзии, злонамеренно созданной графом Витте, оно еще два года тому назад одним ударом покончило бы с революцией при первой ее вспышке, так как вся эта революция состояла в то время из нескольких десятков изменников России, отщепившихся от необозримого стана Русских людей.

Но если *первый* разряд только что указанных мной лже-Русских людей отличается ничтожной малочисленностью, но зато большой энергией, то *второй* разряд Русских людей отличается громадным своим числом, но полнейшим отсутствием твердой воли.

Я говорю о той необозримой серой массе средних, посредственных Русских людей, у которых нет ни ясного ума, ни твердых убеждений, ни силы воли; а о гражданском их мужестве лучше всего хранить полное молчание.

Вы знаете всю эту рыхлую, жалкую кислятину, всю эту дряблую, трусливую массу «интеллигенции», которая боится всяких «крайностей», для которой ни долг, ни присяга ничего не значат, которая в тяжелые смутные времена забывает о своей прямой обязанности и трепетно озирается, стараясь угадать, на чьей стороне власть, чтобы скорее примазаться к этой стороне. Эти люди готовы идти куда угодно, лишь бы плыть по общему течению.

И вот когда у нас вспыхнула революция, Правительство по приказанию графа Витте выпустило из своих рук не только главные основы власти, но даже последнюю ее тень, и она всецело перешла в руки главарей революции. Немедленно же все безвольное стадо «посредственных» Русских людей шархнулось в сторону революционного движения. Повторилось то, о чем Алмазов² так метко говорил в 60-х годах:

Чиновники, семинаристы,
Кадеты, дамы, гимназисты,
Квартальные, профессора,
Грудные дети, фельдшера,
Просвирни, даже генералы,
Все поступило в либералы,
И всякий взяточник орал:
«Я прогрессист, я либерал!»

Конечно, мы могли бы отнестись к этим жалким участникам либерального канкана лишь с глубоким чувством презрения, если бы мы не знали, что среди них есть немалая доля горемычных подневольных либералов — средних и низших чиновников, обремененных семейством. Они потому только пошли против Правительства, что боялись потерять свои казенные места. И в самом деле, если в первых рядах канканировал какой-нибудь прокурор, губернатор или даже министр, то

поневоле приходилось участвовать в этой позорной свистопляске и подвластным им чиновникам.

О, если бы Правительство наше сознавало всю власть, которая по законному правилу и по здравому смыслу ему принадлежит! Если б оно, наконец, решило проявить эту власть и возымело смелость заявить, что *мнение, будто Русский народ желает конституции, есть наглая ложь, выдуманная графом Витте!* Если б Правительство открыто и твердо заявило, что оно решительно отказывается от защиты этой лжи и становится на стражу истины, на стражу свято чтимого всем народом неограниченного Самодержавия Царского, то вся эта невообразимая масса малодушных посредственностей, почуяв, что власть снова в руках Правительства, шарахнулась бы обратно на его сторону, и одно уже это стихийное явление нанесло бы смертельный удар революции.

Смотрите, уже теперь, когда Правительство проявило первые, далеко еще нерешительные, признаки власти, среди Русских людей колеблющегося разряда появились и первые признаки отрезвления. Пусть завтра Правительство встанет во всем грозном законном своем величии, — и вся Россия будет на его стороне, благословляя его за возвращение мира и порядка нашей истерзанной Родине. Тогда появятся десятки тысяч Русских людей, которые заявят, что они все это смутное время были тайными последователями Правительства, так же как и у Христа был тайный последователь Никодим. И тогда все эти современные Никодимы и Никодимки, — как их здесь на Съезде метко назвал профессор Вязигин³, — будут с такой искренностью петь Русский народный гимн, с какой они ныне поют *Марсельезу*, ибо искренности у них нет ни на грош, а есть только страх и трепет пред властью, в чьих бы руках она ни находилась.

Но довольно об этих жалких слизняках, пресмыкающихся по так называемой «золотой середине» и ежеминутно готовых поставить и Богу свечку, и черту кочергу. Вся беда не в том, что они — безвольные, легкомысленные флюгера, а в том, что этих флюгеров такая масса! И это по той весьма простой причине,

что людей посредственных, ограниченных и слабовольных неизмеримо больше, чем людей с ясным умом и твердой волей.

Перейдем же к этому последнему разряду Русских людей, к тому разряду, к которому принадлежите вы все, собравшиеся ныне в Киеве, Русские люди, и все наши единомышленники.

Когда 17 октября грянул гром революции и стогны Русских городов покрылись невиданными дотоле на Руси красными флагами и огласились преступными криками: «Долой Самодержавного Царя!», — вы сразу во всей России встали, как один человек, не спрашивая, где *власть*, а где *долг*.

Среди вас тоже были люди подчиненные, обремененные семействами, при скудном казенном жалованье; но вы ни на минуту не подумали о своей служебной карьере, а вспомнили лишь о своей присяге на службу Царю и Родине.

Вы предоставили своим начальникам участвовать в либеральной пляске, а сами позаботились лишь о том, как бы прекратить обуявший Россию кровавый мятеж против Царя, — мятеж, которому так благосклонно потворствовал граф Витте!

И когда ваш великий гражданский подвиг правительство того же графа Витте объявило «преступлением», когда вас за этот подвиг заключали в тюрьмы и предавали казням либеральные судебные следователи и прокуроры, — вы мужественно, как древние христиане, не отступили ни на шаг от своей веры в Бога, от своей преданности Царю, от своей любви к Родине. И сколько из вас еще томятся поныне в тюрьмах за свою русскую доблесть!

А между тем, им так легко было бы освободиться от этого мученичества, преклонившись пред требованиями революционного Молоха и отрекшись от своего Самодержавного Царя! Ведь так легко быть «средним» человеком, не иметь убеждений и спокойно плыть по течению революции.

Но нет. Вы «воздвигнули», по словам поэта, «течение против течения»⁴, — и смотрите: ваше русское национальное течение уже берет верх над течением революционным. Вы стоите твердо, не делая ни малейшей уступки крамоле, и с каждым днем вы крепнете, все теснее спланиваясь в одну все-

российскую громаду, в тот «Объединенный Русский Народ», который выйдет на страх врагам из нашего Киевского Съезда. А посмотрите, что сделалось за это время со «средними» партиями: одни — исчезли, другие — перессорились, третьи — расщепились до мелких единиц. Даже «всесильных» кадетов постигла та участь, которая ожидает всякую ложь: они тоже раскололись. А мы, наоборот, окрепли, идя по пути правды.

Враги России вас презирали, а теперь они уже начинают вас ненавидеть и страшиться. Правительство вас игнорировало, а теперь оно уже начинает интересоваться вами, чуя в вас силу, на которую оно может твердо опереться. Вы не были Никодимами Русского Самодержавия: вы были его Павлами. Оставляйтесь же и впредь несокрушимым оплотом Неограниченного Самодержавия Русских Царей!

Вы видите, Русские люди: «наша берет». Веруйте же: «наша возьмет»!

Спасайте Народ!

Речь, произнесенная 18 марта 1907 года
в «Союзе Белого Знамени»¹ в Нижнем Новгороде

Привет вам, Русские православные люди, привет вам, потомки великого Минина! От первопрестольной Матушки-Москвы привет вам и низкий поклон!

Как триста лет тому назад доходили сюда из Москвы хорошие вести о Смутном времени, нагрянувшем на Русь Святую, так и теперь принес я вам тревожную весть о новой, еще горшей, смуте, которой конца не видно.

И как триста лет тому назад гонцы из Москвы и из Троицкой Лавры мчались по всем Русским городам и весям, призывая народ на помощь гибнущей Родине, так и теперь я призываю вас, люди Русские, сплотиться воедино для того, чтобы спасти ее, кормилицу нашу, от новой налетевшей на нее стаи лихих врагов!

Но триста лет тому назад необходимо было соединиться сынам России, чтобы спасти *Царя, Царский престол*, так как

к тому времени прекратился древний Царский род Рюриковичей, а нового Царя еще не было. Необходимо было оградить престол Русских Православных Царей от дерзких поползновений поляков возвести на него своего ставленника, чуждого России и по племени, и по вере; необходимо было освободить Царский престол от этого поругания, дабы возвести на него нового Православного Русского Царя и предохранить этого Царя от всяких вражеских козней; словом, тогда необходимо было идти на спасение России с полной готовностью положить, подобно Сусанину, за Царя свою жизнь.

Теперь не то.

Теперь, слава Господу Вседержителю, Царский род Романовых не прекращался, и Государь наш Батюшка, по милости Божией, здрав и невредим.

Зато Русский народ, который триста лет тому назад отличался полнотой здорового ума и непоколебимой твердости в своей Православной Вере и в своей преданности Царскому Престолу, ныне охвачен тяжелой заразой безверия и безначалия.

А потому, если триста лет тому назад необходимо было *спасать Царя*, то теперь приходится *спасать народ*, наш Русский народ, наших братьев по вере и крови, одурманенных теми же врагами России, как и во времена Минина, поляками и неизменными спутниками их, евреями. Ведь известно, что евреи сидят на поляках как паразиты; вот почему поляки, войдя в состав Российской Империи, заразили ее евреями, а те, в свою очередь, подкупом и соблазном помутили ум тем из наших братьев, которые ни силой воли, ни силой разума, ни образованием, ни опытом похвастаться не могли. Отшатнулись они от нас, сердечные, и стали на службу и полякам, и евреям!

Правда, и триста лет тому назад на Москве нашлись такие же слабовольные и слабоумные русские люди, перешедшие на сторону поляков и всех их подлых прихвостней.

Но то было только на Москве. Нижний Новгород, например, в этой измене повинен не был; здесь громко билось Русское сердце, здесь воспрянул Русский дух Православного

народа, и когда Минин кликнул свой могучий клич, — все до едина отозвались на него с ликующим восторгом.

А ныне? А ныне? Ныне вы можете сказать мне:

«Тяжелую, но не новую весть принес ты нам из Москвы. Нижегородцы уже охвачены той же заразой, как и москвичи.

<...>

По всей России разлилась эта зараза, и опасность, грозящая России, действительно чрезвычайно велика.

Но все-таки преувеличивать ее не следует. *Нас* мало, это правда, но и *их* не много! *Их* гораздо меньше, чем это кажется, а нашего полку прибывает не по дням, а по часам.

Вы ведь сами знаете, как быстро растут по всей необъятной России Союзы Русского Народа, и уже близко то время, когда не будет ни одного города, ни одной волости на Руси, в которых не были бы сплотившиеся воедино дружины наших братьев, одушевленных одним желанием, одним неудержимым стремлением — спасти Русский народ от иноподданнического ига, от крамольной заразы, от губительного безверия и безвластия.

А знаете, что я вам скажу: кроме *нас* и *их*, врагов России, которых, как я сказал, вовсе уже не так много, — кроме *нас*, стоящих на правой стороне, правой перед Богом и Царем, и *их*, стоящих левее Русской правды, — существует еще многомиллионная масса средних людей, людей русских, но нерешительных, малодушных, обремененных своими личными делами, многочисленными семьями, служебными соображениями; они не знают, куда примкнуть; они ждут, чтобы где-нибудь проявилась несомненная сила, у *нас* или у врагов наших, дабы затем примкнуть к этой силе и стать под ее защиту.

Братья дорогие! Этих средних слабовольных людей вполне оправдывать нельзя, но нельзя и окончательно ставить над ними крест. Их нужно спасти, их нужно вывести из их нерешительности, им нужно ясно, наглядно показать, что правда на нашей стороне, что мы стоим за Бога и Царя, что с нами Бог, а что где Бог, там и сила нравственная, сила правды, которой принадлежит и окончательная победа.

Мы должны спланиваться воедино и бодро идти вперед, громко исповедуя свои убеждения не только ради спасения колеблющихся братьев наших, ради тех миллионов, которые только и ждут нашего призыва, но призыва твердого, уверенного в торжестве истины, чтобы всей необъятной своей громадой хлынуть в нашу сторону.

И мы откроем им свои объятия, мы простим им их колебание, мы отпразднуем в общем братском ликовании нашу победу, спасение Русского народа от того ига, которое ему готовили инородцы и евреи.

И так же, как триста лет тому назад, Русский народ снова нашел своего Царя, так и теперь Русский Царь снова найдет беззаветно преданный Ему Народ.

О, это будет великое торжество, когда между Царем и Народом падут все средостения, все эти петербургские бюрократы и крамольные Думы, — и Царь и Народ сольются снова воедино, когда *Самодержавие Царя станет снова, каким оно было встарь*, когда Царь найдет Народ таким, каким он Ему вручен Богом, а Народ найдет Царя таким, каким Он предносится ему в его чистых, неотуманенных мечтах.

Русский Царь и Русский народ... Как понимают они друг друга? Чего ждут они друг от друга?

Вот коренной вопрос, требующий внимательного изучения, так как иначе его разрешить нельзя.

Рассмотрим же этот вопрос или, вернее, эти два вопроса: какой Царь нужен Русскому народу и какой народ нужен Русскому Царю.

Начнем с первого вопроса.

У нас в Москве вот уже второй десяток лет сооружается памятник Великому Царю-Миротворцу, и сооружению этому не предвидится конца.

Казалось бы, все готово: и добровольно собранный народный миллионный капитал на памятник Великому Царю-Самодержцу, и одобренный свыше проект памятника, и выбранное для него место, и привезенные издалека гранитные

глыбы, и разные комиссии, и начатые работы, а памятника все нет да нет.

И сложилась народная молва, что до тех пор не увидит света Божьего памятник Царя-Миротворца, пока не будет снова восстановлен на Руси тот мир, которым он, Великий Государь, осчастливил Россию и который она так легкомысленно и преступно нарушила, как только не стало Александра III.

Да, все готово для этого памятника, а памятника все нет. Готова и та надпись, которая украсит его подножие и которая в простоте своей так метко выражает всю сущность духовного царственного облика Великого Государя. Вот эта надпись:

«Благочестивейшему, Самодержавнейшему, Великому Государю Императору Александру III».

В этих простых, но величавых, освященных Церковью словах содержится предносящийся в народных мечтах светлый образ не только в Бозе почивающего Государя Александра III, но общий идеальный образ Русского Православного Царя.

Царь должен быть *«Благочестивейшим»* среди всех благочестивых Русских людей. Он должен превосходить их благочестием и сыновней преданностью Святой Православной Церкви, дабы служить примером всему своему Православному Народу в благоговении пред святынями этой единственной неповрежденной в своем Божественном учении Христианской Церкви, и в неусыпном охранении ее от вражеских козней, так как лишь под ее благодатной сенью могут жить в полном счастье и благоденствии Царь и Народ.

Да и как же не быть Русскому Православному Царю *«Благочестивейшим»* из всех русских людей, когда он один среди них является Помазанником Божиим, и одна уже эта почивающая на нем благодать Божия обязует его быть достойным сего Божественного Дара?

Затем Русский Царь должен быть *«Самодержавнейшим»* из всех царей Вселенной. Он должен обладать всей

полнотой державной мощи, дабы нести и всю полноту ответственности перед Господом Богом, поручившим ему управление обширнейшим и могущественнейшим из всех государств мира.

Самодержавие Русского Государя ограничено лишь его благочестием, высшим выражением его православного христианства. Благочестивейший Государь не может злоупотребить своим Самодержавием. Вот почему он сам лишь может ставить законные пределы своему Самодержавию, первый подавая пример в исполнении издаваемых им Законов, которые ему одному предоставлено изменять и отменять, соблюдая установленные им самим законодательные условия.

Таким *«Благочестивейшим, Самодержавнейшим»* является Русский Православный Царь в мечтах народных, и вот почему в этих же мечтах является Он и в светлом образе *«Отца народа»* — *«Царя-Батюшки»*.

В глубине души каждого русского человека лежит непоколебимое сознание, что если правда на земле будет угнетаться, она найдет себе верную, неминуемую защиту у Православного Царя. Царь непременно станет на сторону поруганной правды, ибо он — *«Благочестивейший»*; он непременно даст ей полное торжество, ибо он — *«Самодержавнейший»*.

Лишите русского человека этого глубокого, прирожденного ему сознания, и вы нарушите его нравственное равновесие: у него пошатнутся основы его духовного мира; у него исчезнет понятие о правде и справедливости земной, и он может дойти до отчаяния.

Русскому человеку должен быть открыт доступ к Царю. Царь должен быть доступен своему народу, как отец — своим детям. Эта основная черта патриархального государства сохранилась доселе живой в душе народной, и горе тому, кто потушит в русской душе эту живую неугасаемую лампаду веры, надежды и любви к Благочестивейшему, Самодержавнейшему Царю-Батюшке.

Ныне петербургская бюрократия и крамольная Дума прекратили доступ Народа к Царю, отделили душу от тела России, помutilи в уме Народа представление о Царе, а в уме Царя представление о Народе, — и вот где причина всей терзающей Россию смуты.

Да, Царю представили Русский народ в извращенном виде; Царь должен снова получить верное представление о Русском народе.

Это приводит нас ко второму из поставленных нами вопросов:

Каким должен быть Русский народ по отношению к своему Царю?

Раз Государь относится к Русским людям как отец к своим детям, то и Русские люди могут относиться к своему Царю не иначе, как любящие дети к своему отцу.

Так они всегда к Нему и относились, и так именно Царь на них всегда и смотрел, входя в их нужды и заботясь об их благе.

Но за последние три года враги Царя и Народа постарались уверить Государя, будто Русский народ изменился, взбунтовался, считает себя хозяином в Государстве и желает отнять у Царя его власть.

Эта была грубая клевета на Русский народ, пущенная теми людьми, которые решились вырвать власть у Государя, но не для Народа, а лично для себя. Им необходимо было, однако, чем-нибудь подтвердить свою клевету, и вот они стали подговаривать то рабочих, то крестьян, то студентов, то «интеллигентов» к произведению всяких бунтов, стачек и мятежей, с неизменным требованием «конституции».

И вот получилось такое, совершенно ложное, впечатление, будто ничтожные шайки крамольников своими безумными криками выражали волю молчавших миллионов русских людей.

А петербургские революционеры с графом Витте во главе стали доказывать, что Царю необходимо подчиниться

«Народной воле», отречься навсегда от Самодержавной Власти и уступить свои верховные права Народу.

Явился Манифест 17 октября 1905 г., и с этого момента начался двойной обман, двойная мистификация: Царя уверяли, будто Народ требует «конституции», а Народу доказывали, будто «конституции» желает Царь.

А на самом деле нет ни того, ни другого; многомиллионный Народ по-прежнему желает видеть в Царе Неограниченного Самодержца, а Царь, как и всегда, радуется выражению искренних верноподданнических чувств Русского народа.

Необходимо рассеять весь этот обман, ставший каким-то непроницаемым туманом между Народом и Царем; нужно, чтобы Царь снова стал лицом к лицу со своим народом; нужно, чтобы они воочию убедились, что ничего в них не изменилось, что он по-прежнему отец своим детям, а они — дети своему отцу.

Но как рассеять этот туман? Кто может взять на себя эту великую, столь необходимую для спасения России, задачу?

Да прежде всего мы, Русские люди.

И решить эту великую задачу мы должны двояким путем.

Мы должны, прежде всего, содействовать всеми своими нравственными и умственными силами прекращению заразы, которой охвачена часть наших братьев; а затем мы должны неотступно раскрывать истину пред взорами нашего Царя, удостоверяя, что Русский народ не только не желает конституции, но считает ее гибелью для России.

Коль скоро Государь уверится в этой истине, коль скоро он поймет великую преступность тех, кто его уверял в противном, тотчас же наступит конец смутному времени XX века, как наступил он для Смутного времени XVII столетия, как только спасен был Царский Престол.

Спасем же теперь Русский народ от захватывающей его революционной чумы, и мы этим спасем всю Россию.

Но одни мы сделать этого не можем. На то у нас есть Царь.

И если триста лет тому назад Русский народ во главе с Мининым спас своего Царя, то теперь очередь за Царем.

Да спасет он, наш Батюшка, своих детей, свой Народ! Да прекратит он державной волей своей разъедающую нас смуту! Да освободит он нас от Думы и от крамольного разврата! Да даст он детям нашим не революционную, а религиозно-нравственную школу! Да возвратит он всей Русской Земле завещанные его державным отцом мир и законный порядок!..

КОММЕНТАРИИ

Степанов А.Д. Предисловие.

¹ Владимир Андреевич Грингмут. Очерк его жизни и деятельности. М., 1913. С. 12.

² Императорский Лицей в память Цесаревича Николая, или Катковский, был открыт в январе 1868 года по инициативе и на личные средства М.Н. Каткова и П.М. Леонтьева, а также на пожертвования меценатов — «железнодорожных королей» С. Полякова и П. Державина. Лицей был назван в память скончавшегося в 1865 году старшего сына Императора Александра II Цесаревича Николая Александровича и замышлялся как образцовое учебное заведение со строго классической программой. Цель была определена следующим образом: «Содействовать утверждению основательного образования русского юношества, способствовать развитию в России самостоятельного педагогического дела и вырабатывать на практике его основания, приемы и способы». Особенностью Лицея был институт туторов (воспитателей). Туторы были обязаны следить за физическим и духовным развитием лицеистов, помогать им в освоении предметов и разрешении различных проблем. За каждым воспитателем были закреплены по пятнадцать лицеистов.

В Лицей принимались преимущественно дети провинциальных дворян. По замыслу устроителей, Лицей должен был стать кузницей национальной элиты России. Среди лидеров монархического движения России было немало воспитанников Лицея: будущий Патриарх и председатель Тульского отдела Союза Русского Народа Алексей (Симанский), председатель Русского Собрания князь А.Н. Лобанов-Ростовский, будущий обер-прокурор Св. Синода А.Н. Волжин, председатель правой фракции III Государственной Думы граф В.Ф. Доррер, член Главного Совета Союза Русского Народа и член правой фракции III Государственной Думы С.А. Володимиров, член правой фракции Государственной Думы III и IV созыва **Г.А. Щечков**, профессор Ю.А. Кулаковский, председатель Тифлисского патриотического общества Н.Н. Шавров.

³ Владимир Андреевич Грингмут. Очерк... С. 25—26.

⁴ Богатырь мысли и дела. Памяти Владимира Андреевича Грингмута. М., 1909. С. 214.

⁵ Владимир Андреевич Грингмут. Очерк... С. 77.

⁶ Там же. С. 83.

⁷ Богатырь мысли и дела... С. 91.

⁸ Собрание статей Владимира Андреевича Грингмута. Вып.4. М., 1910. С. 141.

⁹ Владимир Андреевич Грингмут. Очерк... С. 52.

¹⁰ Богатырь мысли и дела... С. 65—66.

Великий учитель России.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1897. №289. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып.4. 1908, с.41—45.

¹ 20 октября 1894 года скончался Царь-Миротворец Александр III Александрович.

Чему нам учиться у Петра?

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1903. № 135. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып.2. 1909, с.61—63.

¹ Речь идет о торжествах в память 200-летия основания Санкт-Петербурга.

² *Комб Луи Эмиль* (1835—1921), французский политический деятель. В 1895—1896 гг. министр просвещения; в 1902—1905 гг. глава правительства. Кабинет Комба прервал дипломатические отношения Франции с Ватиканом, провел закон о конгрегациях, подготовил закон об отделении церкви от государства.

Что нам завещала Екатерина Великая?

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1904. №252. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып.3. 1910, с.94—97.

¹ Топорная работа (фр.).

Апостолы и ученики нашего национального евангелия.

Речь, произнесенная В.А. Грингмутом на Патриотическом Вечере 8 января 1907 г. Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1907. № 12. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып.4. 1910, с.305—311.

¹ *Фридрих Вильгельм III* (3.08.1770—7.06.1840), прусский король (с 1797) из династии Гогенцоллернов, сын Фридриха Вильгельма II, внучатый племянник Фридриха II Великого.

² Выстраивая генеалогию русского национализма, Грингмут называет имена великого ученого-энциклопедиста *Михаила Васильевича Ломоносова* (8.11.1711—4.04.1765), поэта и государственного деятеля *Гавриила Романовича Державина* (3.07.1743—8.07.1816), выдающегося военачальника, генерал-фельдмаршала, *графа Петра Александровича Румянцева-Задунайского* (4.01.1725—8.12.1796), драматурга и публициста *Дениса Ивановича Фонвизина* (или фон Визина) (3.04.1745—1.12.1792), которые проложили путь русскому национальному гению *Александру Сергеевичу Пушкину* (26.05.1799—27.01.1837).

³ Грингмут перечисляет основоположников славянофильства: *Алексея Степановича Хомякова* (1.05.1804—23.09.1860), *Ивана Васильевича Киреевского* (22.03.1806—11.06.1856) и *Константина Сергеевича Аксакова* (29.03.1817—7.12.1860).

⁴ Один из основоположников русского западничества философ *Петр Яковлевич Чаадаев* (27.05.1794—14.04.1856) опубликовал свое знаменитое первое «Философическое письмо» в 1836 г. в журнале «Телескоп».

⁵ Грингмут называет крупнейших мыслителей из числа так называемых «младших славянофилов» *Юрия Федоровича Самарина* (21.04.1819—19.03.1876) и *Ивана Сергеевича Аксакова* (26.09.1823—27.01.1886).

⁶ Речь идет о польском мятеже 1863 г., который был подавлен благодаря усилиям, прежде всего, графа М.Н. Муравьева-Вилenskого (см. подробнее статью «Чем Россия обязана Муравьеву?»).

⁷ О *М.Н. Каткове* см. статью «М.Н. Катков и современное общество».

М.Н. Катков и современное общество.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1896. №357. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып.1. 1908, с.14—17.

¹ *Цертелев Дмитрий Николаевич* (30.06.1852 — 15.08.1911), князь, юрист, философ, поэт, публицист, редактор журнала «Русское обозрение», член Постоянного совета съездов Объединенного Дворянства.

² *Катков Михаил Никифорович* (1.11.1818—20.07.1887), выдающийся публицист, издатель и мыслитель, идеолог русского имперского консерватизма. В.А. Грингмут вступил на журналистское поприще в изданиях Каткова газете «Московские ведомости» и журнале «Русский вестник», считал себя его учеником и много сделал для популяризации идей Каткова.

³ Имеется в виду либеральная политика последних лет царствования Александра II **Александровича**, которая ассоциировалась с именем министра внутренних дел графа М.Т.Лорис-Меликова, который был наделен царем широкими, почти диктаторскими, полномочиями. Лорис-Меликов разрабатывал проект конституции и убеждал царя принять ее.

⁴ Имеется в виду Император Александр III Александрович, вступивший на престол после убийства 1 марта 1881 года террористами его отца Императора Александра II Николаевича.

⁵ Сладостное безделье (ит.).

Чем Россия обязана Муравьеву?

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1897. №272. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып.1. 1908, с.86—88.

¹ *Муравьев-Виленский Михаил Николаевич* (1.10.1796—28.08.1866), граф, выдающийся военный и государственный деятель, участник Бородинской битвы, генерал-от-инфантерии, министр государственных имуществ, член Государственного Совета. Особую известность и титул графа Виленского получил за подавление польского мятежа 1863 г. и усмирение Северо-Западного края.

² *Горчаков Александр Михайлович* (4.06.1798—27.02.1883), светлейший князь, знаменитый дипломат и государственный деятель, канцлер. Благодаря его искусной политике удалось ликвидировать последствия Крымской войны, сняв ограничения для России на Черном море. Ему принадлежит знаменитый афоризм «Россия сосредотачивается».

³ *Святитель Филарет* (в миру *Василий Михайлович Дроздов*), митрополит Московский (26.12.1782—19.11.1867), выдающийся русский архиерей, один из самых образованных людей своего времени. С 1821 г. и до конца жизни возглавлял Московскую кафедру. В 1994 г. Архиерейским собором Русской Православной Церкви причислен к лику святых.

П.М. Леонтьев и наша классическая школа.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1900. № 83. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 1. 1910, с. 182—186.

¹ *Леонтьев Павел Михайлович* (18.08.1822—24.03.1874), профессор кафедры римской словесности и древностей Московского университета, член-корреспондент Петербургской Академии Наук, издатель и публицист. Друг и соратник М.Н. Каткова, с которым совместно издавал и редактировал журнал «Русский вестник» (с 1856) и газету «Московские ведомости» (с 1865). Совместно с Катковым основал также в 1868 в Москве Лицей в память Цесаревича Николая, где преподавал древние языки и историю. Немало способствовал гимназической реформе, проведенной в 1871 графом Д.А. Толстым. Оказал большое влияние на В.А. Грингмута, который под его руководством начинал свою педагогическую карьеру (см. подробнее вступительную статью).

² Подробнее о Лицее см. соответствующую сноску во вступительной статье.

³ *Толстой Дмитрий Андреевич* (1.03.1823—25.04.1889), граф, государственный деятель, член Государственного Совета, министр внутренних дел (1882—1889), один из главных деятелей так называемых «контрреформ» эпохи Императора Александра III. В бытность обер-прокурором Св. Синода (1865—1880) и

министром народного просвещения (1866—1880), получил известность своей реформой среднего образования, в частности гимназической реформой, которая сделала упор на преподавание латинского и греческого языков. Известный историк, президент Академии Наук. Его дочь С.А. Толь — известная исследовательница масонства.

⁴ *Делянов Иван Давыдович* (30.11.1818—29.12.1897), граф, государственный деятель, министр народного просвещения (1882—1887), директор Публичной библиотеки (1861—1882). В 1887 издал знаменитый «циркуляр о кухаркиных детях», который предписывал не принимать в гимназии «детей кучеров, прачек, мелких лавочников», ввел также процентную норму для приема евреев в высшие учебные заведения.

Вячеслав Константинович Плеве.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1904. №196. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып.3. 1910, с.75—77.

¹ *Плеве Вячеслав Константинович* (8.04.1846—15.07.1904), видный правый государственный деятель, действительный тайный советник; министром внутренних дел назначен 4 апр. 1902 г. через два дня после убийства своего предшественника Д.С. Сипягина. Погиб в результате взрыва бомбы, брошенной в него эсером Созоновым.

² *Валуев Петр Александрович* (22.09.1815—27.01.1890), государственный деятель, министр внутренних дел в 1861—1868 гг.

³ Эпатировать обывателя (фр.).

⁴ Как себя вести, как поступать (фр.).

Николай Иванович Бобриков.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1904. № 154. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып.3. 1910, с.59—61.

¹ *Бобриков Николай Иванович* (15.01.1839—5.06.1904), генерал-от-инфантерии, Финляндский генерал-губернатор с

1898 г., борец с финским сепаратизмом. 3 июня 1904 г. смертельно ранен прямо в здании финляндского Сената, убийца — сын сенатора — застрелился на месте.

1899 год.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1900. №1. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып.1. 1908, с.158—162.

¹ Имеется в виду *Дмитрий Сергеевич Сипягин* (5.03.1853—2.04.1902), назначенный 20.10.1899 главноуправляющим МВД. Убит террористом Балмашевым.

² Имеются в виду торжества по случаю 100-летия со дня рождения А.С.Пушкина, которые были использованы революционерами для провоцирования студенческих беспорядков.

³ Речь идет о Гаагской мирной конференции, которая была созвана по инициативе Императора Николая II и проходила в мае—июле 1899 г. Из-за дружного бойкота европейскими державами предложений России по всеобщему разоружению, конференция закончилась почти безрезультатно.

⁴ Грингмут имеет в виду Англо-бурскую войну (1899—1902), которую Великобритания начала во второй половине 1899 г. против бурских республик — Южно-Африканской республики (Трансвааля) и Оранжевого Свободного государства (Оранжевой Республики). Русское общество сочувствовало бурам, на их стороне в войне участвовали русские добровольцы.

Мировое значение китайского вопроса.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1900. № 246. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып.1. 1908, с.230—231.

¹ *Соловьев Владимир Сергеевич* (16.01.1853—31.07.1900), выдающийся русский философ, поэт, публицист, литературный критик. Незадолго до смерти он написал письмо редактору «Вестника Европы», опубликованное после кончины писателя. В этом письме он указывал на важность событий в Китае для судеб мира. Это письмо имеет в виду В.А. Грингмут.

² В.С. Соловьев написал в 1894 г. стихотворение «Панмонголизм».

³ Речь идет о кровавом восстании ихэтуаней, или боксеров (1899—1901), пик которого пришелся на лето 1900 г.

⁴ В ходе восстания ихэтуани разрушили КВЖД и даже подвергли бомбардировке Благовещенск. Во время беспорядков были убиты несколько сот православных китайцев, которые затем были причислены к лику святых мучеников.

Мировое призвание России.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1900. №247. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып.1. 1908, с.231—234.

¹ Речь идет о статье «Мировое значение китайского вопроса», публикуемой в настоящем сборнике.

² *Трубецкой Сергей Николаевич* (23.07.1862—29.09.1905), князь, видный русский философ, друг В.С. Соловьева. Редактор журнала «Вопросы философии и психологии», ректор Московского университета.

³ «Вестник Европы», ежемесячный журнал, издавался в Санкт—Петербурге с 1866 по 1918 г.; флагман русского западничества, редактор-издатель М.М. Стасюлевич.

⁴ Эффектное словечко, слоган (*нем.*).

Обновление России.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1900. № 248. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып.1. 1908, с.234—235.

¹ Речь идет о статье «Мировое призвание России» («Московские ведомости». 1900. № 247).

² В ходе победоносной Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., русские войска подошли к Константинополю, но вмешательство европейских стран, прежде всего Англии, не позволило освободить столицу Византийской Империи.

³ 3 марта 1878 г. между Россией и Турцией был подписан Сан-Стефанский мирный договор, завершивший Русско-

турецкую войну 1877—1878 гг. Однако по инициативе Англии и Австро-Венгрии был созван Берлинский международный конгресс (1 июня — 1 июля 1878 г.). 1 июля был подписан Берлинский трактат, изменивший условия Сан-Стефанского договора в ущерб России и славянским народам Балканского полуострова.

⁴ 1 марта 1881 г. террористами был убит Император Александр II Николаевич.

Историческое значение XIX века.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1901. № 1. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 1. 1908, с.248—252.

¹ Революция 1848—1849 гг. охватила почти всю Европу: беспорядками была охвачена Франция (где пала так называемая «Июльская монархия»), Австро-Венгрия, а также территория Италии и Германии.

² *Наполеон III Бонапарт* (полн. имя Шарль Луи Наполеон; 1808—1873), президент Французской республики, император французов. Племянник Наполеона I в 1848 г. избран президентом республики, после переворота 1851 г. установил авторитарный режим, а через год провозгласил себя императором Второй империи. Во время Франко-прусской войны 1870—1871 гг. попал в плен и во Францию не вернулся.

³ *Бисмарк Отто Эдуард Леопольд фон Шенхаузен* (1.04.1815—30.07.1898), князь, прусско-германский государственный деятель, объединитель Германии «железом и кровью»; первый рейхсканцлер Германской империи, получил прозвище «Железный канцлер».

⁴ *Вильгельм II Гогенцоллерн* (1859—1941), германский император и прусский король в 1888—1918 гг., старший сын императора Фридриха и Виктории, дочери английской королевы Виктории.

⁵ О буланжизме см. статью «Империализм».

⁶ Речь о так называемой «панамской афере» — знаменитом скандале в связи с банкротством французской компании по строительству Панамского канала. «Всеобщая компания межоканского канала», акции которой приобрели более 800 тыс. чел.

была создана в 1879 г. К 1888 г. компания обанкротилась, что повлекло за собой разорение тысяч мелких владельцев акций. Расследование выявило факты массовой коррупции, подкупа компаний должностных лиц, редакторов газет. Среди виновников хищения и растраты средств компании были влиятельные политические деятели Франции и крупные еврейские банкиры, которые отделались самыми легкими приговорами. С того времени слово «панاما» стало синонимом аферы, мошенничества.

⁷ Дело Дрейфуса (1894—1906), процесс по делу о шпионаже, в котором обвинялся капитан французского генерального штаба еврей Альфред Дрейфус, сначала признанный виновным в шпионаже в пользу Германии и приговоренный к пожизненному заключению, но через 12 лет оправданный и даже награжденный орденом Почетного легиона.

⁸ *Чемберлен Джозеф* (1836—1914), министр колоний Великобритании в 1895—1903 гг. Поддержал действия британского командования в Южной Африке, организовавшего концентрационные лагеря для буров в ходе Англо-бурской войны (1899—1902), которую Великобритания вела против бурских республик — Южно-Африканской республики (Трансвааля) и Оранжевого Свободного государства (Оранжевой Республики).

Россия в XIX столетии.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1901. № 5. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 1. 1908, с. 252—255.

¹ Имеется в виду, очевидно, митрополит Московский и Коломенский *Платон (Левшин)* (1737—1812), выдающийся церковный деятель, знаменитый проповедник. О свт. Филарете (Дроздове) см. примечание к статье «Чем Россия обязана Муравьеву?»

² Грингмут перечисляет крупнейших представителей русской национальной историософии: автора знаменитой триады «Православие — Самодержавие — Народность» графа *Сергея Семеновича Уварова* (1786—1855), *Алексея Степановича Хомякова* (1804—1860), *Ивана Васильевича Киреевского* (1806—1856), *Константина Сергеевича Аксакова* (1817—1860), *Михаила Петрови-*

ча *Погодина* (1800–1875), *Аполлона Александровича Григорьева* (1822–1864), *Михаила Никифоровича Каткова* (1818–1887).

³ Император Николай I Павлович скончался 18 февраля 1855 г. в разгар осады европейскими интервентами Севастополя, начавшейся в сентябре 1854 г.

⁴ Имеются в виду три крупнейшие реформы, осуществленные в царствование Императора Александра II: отмена крепостного права (19 февраля 1861 г.); судебная реформа (20 ноября 1864 г.) и две реформы местного самоуправления: земская (1 января 1864 г.) и городская (16 июня 1870 г.).

Где мировая задача России?

Впервые опубликовано: *Московские ведомости*. 1904. № 106. Печатается по изданию: *Собрание статей В.А. Грингмута*. Вып.3. 1910, с.41—45.

¹ *Струве Петр Бернгардович* (1870—1944), русский мыслитель и общественный деятель, проделал сложную духовную и интеллектуальную эволюцию, на тот момент один из лидеров «освобожденчества».

² См. М.В. № 106, 1904 г. *Дневник печати*. Перл народной литературы — прим. В.А. Грингмута.

Первая ежедневная дешевая газета «Свет» основана в 1882 году видным правым публицистом В.В. Комаровым. В пореволюционный период стояла на умеренно-правых позициях.

³ На войне, как на войне (фр.).

Личность в истории.

Впервые опубликовано: *Московские ведомости*. 1904. № 92. Печатается по изданию: *Собрание статей В.А. Грингмута*. Вып. 3. 1910, с.36—39.

¹ *Макаров Степан Осипович* (27.12.1848—31.03.1904), флотоводец, вице-адмирал, океанограф, полярный исследователь, кораблестроитель. После начала Русско-японской войны назначен командующим Тихоокеанской эскадрой, руководил действиями кораблей при обороне Порт-Артура, но вскоре погиб на броненосце «Петропавловск», подорвавшемся на mine.

² *Карлейль Томас* (1795–1881), шотландский писатель, историк и философ.

«Польский вопрос»

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1897. № 8. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 1. 1908, с.19—23.

¹ Видимо речь идет о генерале-от-инфантерии, светлейшем князе *Александре Константиновиче Имеретинском* (1837–1900), который в 1895 г. был назначен Варшавским генерал-губернатором и сменил на этой должности прославленного полководца генерал-фельдмаршала И.В. Гурко.

² Т. е. кровавые польские восстания против России.

³ «Ягеллонова идея» от династии Ягеллонов, которая правила Польшей с 1386 до 1572 гг. Родоначальник династии князь Литовский Ягайло (после вступления в брак с польской королевой Ядвигой и принятия католичества Владислав II Ягелло (ок. 1351 — 1434). Польско-литовская уния привела к возникновению государства Речь Посполитая, при Ягеллонах территория государства простиралась от Балтийского моря до Черного.

⁴ Формула «laissez faire, laissez passer» (букв.: оставьте, не вмешивайтесь) принадлежит французскому экономисту Венсану де Гурне, одному из предшественников школы физиократов. Она означала невмешательство правительства в дела частных лиц.

Чехи и Россия.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1897. № 161. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып.1. 1908, с.56—59.

¹ *Франц Иосиф I* (1830–1916), император Австрии (на престол вступил в 1848 г. в разгар революционных событий), после 1867 — император и король Австро-Венгрии.

² *Бейст Фридрих-Фердинанд* (1809–1886), граф, саксонский и австрийский государственный деятель, с окт. 1866 г. министр иностранных дел Австрии, с 1867 г. министр-президент

и канцлер. Введение дуалистической системы и образование Австро-Венгрии были его делом. Уволен с постов канцлера и министра в 1871 г., посланник в Лондоне с 1878 г. посланник в Париже, с 1882 г. в отставке.

³ *Андраши Дьюла* (1823–1890), граф, венгерский государственный деятель, по выходе в отставку графа Бейста назначен в 1871 г. министром иностранных дел Австро-Венгрии. Проводил политику сближения с Германской империей, завершил карьеру подписанием с германским канцлером Бисмарком оборонительного союза 1879 г.

⁴ *Гус Ян* (1369(1371)–1415), национальный герой чешского народа, проповедник, идеолог чешской реформации, ректор Пражского университета; 6 июля 1415 г. сожжен инквизицией в Констанце вместе со своими трудами, казнь Гуса вызвала гуситские войны (1419—1434).

⁵ Речь г. Горжицы получила уже должную отповедь в «*Петербургских Ведомостях*» (№ 154), в которых точно так же опровергается басня о г. Новикове, следующим образом.

«В январе 1887 года, Паздирек, венский корреспондент московской газеты «*Русский Курьер*», поместил в названной русской газете следующие, будто бы слышанные им от доктора Ригера слова:

«Я могу положительно уверить, что именно Русское Правительство заявило официальный протест против предполагаемого восстановления чешского государства из опасения, что это повлечет за собой и восстановление польского королевства. И, таким образом, мы, благодаря Русскому Правительству, остались опять ни с чем».

Это известие, тогда же заподозренное русскими газетами и вызвавшее их негодование, оказалось, однако, мистификацией, и сам Ригер публично заявил, что все сообщение Паздирека не точно.

Но чтобы раз и навсегда выяснить, кто провалил основные параграфы («фундаменталки») чешского права, Ад.Ив. Добрянский на основании докладов императору гр. Бейста, бывшего в 1871 году министром иностранных дел, доказал в мартовском номере *Parlementar'a* за 1887 г., что «фундаменталки» были

провалены гр. Бейстом. Сам Бейст ставил себе это в особую заслугу, добавляя, впрочем, что ему отчасти помогал в этом деле венгерский министр-президент, граф Андраши. Итак, на основании официальных докладов гр. Бейста императору была тогда доказана вся непричастность России к этому делу. (Прим. В.А. Грингмута.)

Добрянский-Сачуров Адольф Иванович (1817–1901), выдающийся карпаторусский ученый и общественный деятель, принадлежащий к плеяде «карпаторусских будителей», зачинатель движения за возвращение униатов в Православие.

Политика России в Восточном вопросе.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1897. № 39. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 1. 1908, с.38—40.

¹ В 1896 г. на Крите вспыхнуло восстание против османского ига, на помощь восставшим пришла греческая армия, началась Первая греко-турецкая война 1897 г., которая закончилась поражением греков, но остров Крит получил независимость под международным протекторатом; во главе Крита в 1898 г. стал принц Георгий, сын греческого короля.

² Имеется в виду защита Россией прав Православной Церкви и славянского населения Османской империи, что привело к Восточной (Крымской) войне 1854—1856 гг. и Русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

Россия на Дальнем Востоке.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1900. № 249. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып.1. 1908, с.235—237.

¹ *Тихомиров Лев Александрович* (19.01.1852—3[16].10.1923), мыслитель, публицист и общественный деятель; в молодости был народовольцем, затем раскаялся, вернулся в Россию, был сотрудником «Московских ведомостей», в 1909—1913 гг. редактировал газету.

² Наглядное доказательство (*лат.*).

³ Сладостное безделье (*ит.*).

⁴ См. статьи Грингмута «Мировое значение китайского вопроса» («Московские ведомости». 1900. № 246) и «Мировое призвание России» («Московские ведомости». 1900. № 247).

Империализм.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1900. № 302. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып.1. 1908, с.245—247.

¹ Внешнеполитическая доктрина Монро была провозглашена в 1823 г. в форме послания президента США *Джеймса Монро* (1758—1831, президент в 1817—1825) конгрессу в связи с усилением борьбы между США и европейскими странами за господство в Латинской Америке. Главный тезис доктрины Монро — «Америка американцам», она делила мир на Европу и Америку; вмешательство европейских стран в дела Латинской Америки рассматривались как действия, враждебные США.

² Буланжизм, реваншистское движение во Франции, возглавленное генералом *Жоржем Эрнестом Буланже* (1837—1891). Возникло в конце 80-х гг. XIX в. в условиях кризиса Третьей республики, когда получила популярность идея установления военной диктатуры. Буланжизм достиг своего апогея в к. 1888 — н. 1889 г., когда Буланже был избран в палату депутатов. Однако после его бегства из-за угрозы ареста в Бельгию (1889) движение быстро пошло на убыль, а через 2 года Буланже покончил жизнь самоубийством.

³ См., например, «Северный курьер» № 329 (прим. В.А. Грингмута).

Македонский вопрос.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1903. № 251. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 2. 1909, с.103—105.

¹ 2 августа 1903 г. в юго-западном районе Македонии (Битольский вилайет) вспыхнуло национально-освободительное восстание, которым руководила Внутренняя македонская революционная организация при поддержке Болгарии. Восстание началось в Ильин день, поэтому получило название

Илинденского, оно продолжалось два месяца и было жестоко подавлено османами.

² О Сан-Стефанском мирном договоре и Берлинском конгрессе см. примечание к статье «Обновление России».

³ *Стамбулов Стефан* (1854–1894), болгарский политический деятель, участник войны с Турцией 1877—1878 гг., с 1884 г. председатель болгарского парламента, с 1886 г. регент и фактический диктатор Болгарии. Проводил антирусскую политику. В 1894 г. отправлен в отставку, 15 июля 1894 г. убит на улице.

⁴ *Александр I Обренович*, король сербский (1876–1903), в ночь на 29 мая 1903 г. убит вместе с женой королевой Драгой офицерами белградского гарнизона.

⁵ *Сарафов Борис* (1872–1907), македонский революционер, руководитель Верховного Македонского Комитета, член Внутренней македонской революционной организации.

⁶ *Черняев Михаил Григорьевич* (22.10.1828—4.08.1898), генерал, покоритель Ташкента, командующий сербской армией и отрядами русских добровольцев во время Сербско-турецкой войны 1876 г.

⁷ Имеются в виду сомнительные с нравственной точки зрения «союзники». В заговоре и убийстве сербского короля Александра активную роль играли два брата покойного первого мужа королевы Драги полковника Машина.

БЛИЖНИЙ И ДАЛЬНИЙ ВОСТОК.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1903. № 279. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 2. 1909, с.118—120.

¹ О Боксерском восстании см. примечание к статье «Мировое значение китайского вопроса».

² В ходе подавления Боксерского восстания русские войска России оккупировали в сент. — окт. 1900 г. Маньчжурию. 7 сент. 1901 г. между Китаем и странами коалиции был подписан Заключительный (боксерский) протокол, согласно которому Китай выплачивал репарации странам коалиции. В апр. 1902 г.

Россия и Китай подписали договор, предусматривающий вывод российских войск из Маньчжурии при гарантии интересов России в регионе.

³ Хунхузы или хун-хуцзы (букв. краснобородые), банды китайских разбойников в Маньчжурии, Северном Китае, Корее и русском Приамурье и Приморье.

⁴ Англо-японский договор о совместном отстаивании своих интересов на Дальнем Востоке был заключен в январе 1902. Он был направлен против России.

Наши друзья и враги.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1904. № 39. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 3. 1910, с.18—20.

¹ *Виктор Эммануил III* (1869—1947), король Италии (с 1900 по 1946), из Савойской династии.

² *Вильгельм II Гогенцоллерн* (1859—1941), германский император и прусский король в 1888—1918, сын императора Фридриха и английской принцессы Виктории.

³ О нелепости выражения «Севастопольский погром» превосходно написал Б.М. Юзефович в недавно вышедшей книге «Печать, политика и школа. Беседы на темы из текущей жизни» (Киев, 1903). — Прим. автора.

Юзефович Борис Михайлович (1843—19.10.1911), статский советник, публицист и общественный деятель, один из руководителей правомонархического движения в Киеве, председатель Киевского отдела Русского Собрания.

⁴ *Лубэ Эмиль* (1838—1929), президент Третьей республики в 1899—1906 гг.

⁵ *Делькассе Теофиль* (1852—1923), французский министр колоний в 1894—1895 гг., министр иностранных дел в 1898—1905 и 1914—1915 гг., морской министр в 1911—1913 гг., сторонник создания Антанты и укрепления франко-русского союза.

⁶ Вот текст телеграммы, отправленной чешской радикальной партией русскому министру иностранных дел: «В тот момент, когда великий русский народ предпринимает тяжкую борьбу против своих тайных и явных врагов в защиту благородных

целей цивилизации и гуманности, мы, сыновья чешского народа, выражаем русскому народу свое искреннейшее сочувствие. Да победит русский народ всех своих противников в интересах человечества и на пользу всех славян». — Прим. автора.

⁷ Речь идет о победоносной для России Русско-турецкой войне 1877—1878 гг.

«Почетный» мир?»

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1905. № 156. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып.3. 1910, с.204—206.

¹ Грингмут перечисляет видных деятелей Французской революции: адвокат *Жорж-Жак Дантон* (1759—1794), депутат Конвента, министр юстиции в 1792 г., казнен; *Оноре Габриель Рикети, граф де Мирабо* (1749—1791), один из самых знаменитых ораторов и политических деятелей Франции, после смерти объявлен предателем, его останки погребены на кладбище казненных; журналист и литератор *Камилл Демулен* (1760—1794), активный член клуба якобинцев, друг Дантона, казнен; *Максимилиан Мари Исидор Робеспьер* (1758—1794), депутат Учредительного собрания и Конвента, лидер якобинского клуба, казнен; врач и журналист *Жан-Поль Марат* (1743—1793), один из вождей якобинцев, убит; *Эммануэль Жозеф Сийэс* (1748—1836), депутат Учредительного Собрания и Конвента, автор брошюр «Эссе о привилегиях» и «Что такое третье сословие». *Луи Филипп (II) Жозеф, герцог Орлеанский* (1747—1793) в 1792 г. примкнул к революционерам, отказался от титула, стал «гражданином» и принял фамилию Эгалите (равенство). В Конвенте голосовал за казнь своего родственника Людовика XVI, но в том же 1793 г. был казнен революционерами и сам.

Православная Церковь перед судом «интеллигенции».

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1903. № 121. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 2. 1909, с.56—59.

¹ Грингмут пересказывает евангельский сюжет, описанный в Евангелии от Матфея (22, 16—18), от Марка (12, 13—15) и от Луки (20, 19—23).

² В 1902 г. во Франции было сформировано новое правительство, которое возглавил *Луи Эмиль Комб* (1835–1921), костяк которого составили радикалы и социалисты. Кабинет Комба разорвал дипломатические отношения с Ватиканом, фактически отделил школу от церкви и разработал закон об отделении церкви от государства, принятый в 1905 г.

Послание Святейшей Вселенской Патриархии.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1903. № 159. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 2. 1909, с.219—222.

¹ Течение в католичестве, отколовшееся от Ватикана после 1-го Ватиканского собора 1869—1870 гг., на котором был провозглашен догмат о непогрешимости Римского папы и подтвержден ранее принятый папой Пием IX догмат о непорочном зачатии Девы Марии. Оппозицию новому ватиканскому догмату составили, главным образом, немецкие богословы, которые провели в Нюрнберге в 1870 г. съезд и образовали старокатолическое движение. В 1871 г. прошел Мюнхенский конгресс старокатоликов, который принял программу (восстановление чистоты вероучения, восстановление церковного устройства, воссоединение с другими церквями).

Ответное послание Святейшего Синода.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1903. № 159. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 2. 1909, с.222—226.

¹ *Тецель Иоганн* (1470 (около 1455)—1519), саксонский монах, блестящий оратор, настоятель доминиканского монастыря в Глогау; прославился распространением индульгенций, которые продавал самым беззастенчивым образом. Написал свои тезисы с опровержением знаменитых тезисов Мартина Лютера, но студенты Виттенбергского университета собрали 800 экземпляров его тезисов и публично сожгли их на костре.

² Ультрамонтанство (от лат. *ultra montes* — за горами, то есть за Альпами, в Риме), религиозно-политическое на-

правление в католицизме, сторонники которого отстаивают идею неограниченной верховной власти Римского папы и его право вмешиваться в светские дела любого государства. Впервые ультрамонтаны выступили на Констанцском соборе 1414—1418 гг.

Церковный переворот.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1905. № 84. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып.4. 1910, с.5—9.

¹ Рассвет, 1905 г., № 23 и Слово, № 104. — Прим. автора.

² *Антоний* (в миру *Александр Васильевич Вадковский*), митрополит Санкт-Петербургский и Ладужский (3.09.1846—2.11.1912), правящий архиерей Петербургской епархии с 25 декабря 1898 г., первенствующий член Святейшего Синода с 9 июня 1900 г.

³ *Победоносцев Константин Петрович* (21.05.1827—10.03.1907), выдающийся государственный деятель, ученый-правовед и публицист, обер-прокурор Св. Синода в 1880-1905 гг., решительный противник «преобразований» С.Ю. Витте, не получив в своей борьбе поддержки от архиереев, вышел в отставку.

⁴ *Рункевич Степан Григорьевич* (1867— после 1917), секретарь, затем товарищ обер-прокурора Св. Синода, доктор церковной истории, приват-доцент С.-Петербургского университета. Рункевич был авторитетным ученым, оценка его Грингмутом более чем пристрастна.

⁵ *Саблер (Десятовский) Владимир Карлович* (13.11.1845 — сент. 1929), камергер Высочайшего Двора, действительный тайный советник, видный правый государственный деятель, обер-прокурор Св. Синода в 1911—1915 гг., сенатор, член группы правых Государственного Совета. Из-за разногласий с К.П. Победоносцевым вышел в отставку в мае 1905 г.

⁶ Лицо отдохнувшего, довольного человека (*фр.*).

⁷ «Русское дело», газета, издававшаяся в 1905—1907 гг. видным теоретиком неославянофильства С.Ф. Шараповым.

⁸ *Новоселов Михаил Александрович* (1864–1938), новомученик, выдающийся мыслитель, богослов, публицист, до революции хозяин московского религиозно-философского кружка. С 1928 г. в заточении, приговорен к расстрелу в Вологодской тюрьме, обстоятельства и место кончины неизвестны.

Свобода иноверия и инославия.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1905. № 108. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып.3. 1910, с.169—173.

¹ 17 апреля 1905 г. был опубликован указ о веротерпимости, фактически уравнивавший в правах все христианские конфессии и легализовавший старообрядцев и сектантов. Указ вызвал недовольство среди православных патриотов. Подробнее о подготовке указа см. примечания к статье «Православная церковь в России».

² Подляшье — населенная по преимуществу русскими православными людьми часть Седлецкой и Люблинской губерний Царства Польского. Московские монархисты оказывали активную поддержку жителям региона в борьбе с католическим прозелитизмом и польским гнетом.

Первая задача.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1900. № 104. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 1. 1910, с.194—196.

¹ *Ермолов Алексей Петрович* (24.05.1772—11.04.1861), генерал-от-инфантерии и генерал-от-артиллерии, член Государственного Совета, участник Бородинского сражения и Заграничного похода Русской армии, покоритель Кавказа.

Самодержавие, правовой порядок и бюрократия.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1904. № 315. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 3. 1910, с.117—120.

Великое преступление.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1906. № 294. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып.4. 1910, с.279—281.

¹ Фраза: «Если ради колоний надо принести в жертву хотя бы один принцип, — пусть лучше погибнут колонии!» принадлежит журналисту *Жан-Пьеру Бриссо* (1754—1793), активному деятелю Французской революции, лидеру жирондистов (в 1793 г. казнен).

Двухсотлетие Петербурга.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1903. № 133. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 2. 1909, с.209—212.

¹ 16 мая 1703 г. Царь Петр I заложил в устье Невы на Заячьем острове Петропавловскую крепость. Несколько дней спустя был поставлен деревянный домик Петра I, положивший начало городской застройке. В 1712 г. Государь принял решение перенести столицу в Санкт-Петербург.

² Московским генерал-губернатором в 1903 г. был дядя Государя Великий Князь Сергей Александрович.

Коренная реформа местной администрации.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1903. № 16. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 2. 1909, с.151—154.

¹ *Нилус Сергей Александрович* (28.08.1862—1[14].01.1929), русский мыслитель, духовный писатель и общественный деятель; автор многих сочинений, среди которых наиболее известно «Близ есть при дверех».

Кризис дворянского землевладения.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1903. № 313. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 2. 1909, с.246—248.

¹ *Суворин Алексей Сергеевич* (11.09.1834—11.08.1912), журналист, публицист, беллетрист и драматург (псевд. Бобровский, Незнакомец), издатель и общественный деятель, редактор самой популярной в к. XIX — н. XX в. русской националистической газеты «Новое время».

Двойная задача нашей окраинной политики.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1903. № 176. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып.2. 1909, с.77—80.

¹ Форс-мажор (*фр.*), чрезвычайные обстоятельства, которые невозможно предвидеть.

Окраинные миражи.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1903. № 293. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып.2. 1909, с.124—127.

¹ *Муравьев-Виленский Михаил Николаевич*. О нем см. примечание к статье «Чем Россия обязана Муравьеву?»

² *Лангевич Мариан* (1827—1887), руководитель польского восстания 1863 г. Разбит русскими войсками, бежал в Австрию.

³ Лидеры финляндского сепаратизма. *Мехелин Леопольд Генрих Станислав* (1839—1914), ученый-государствовед, в к. 1905—1908 вице-председатель финляндского сената (правительства).

⁴ *Величко Василий Львович* (2.07.1860—31.12.1903), поэт и общественный деятель, один из вдохновителей и организаторов первой черносотенной организации «Русское Собрание». В 1896—1899 гг. был редактором газеты «Кавказ», вел активную борьбу против армянской плутократии.

⁵ Армянских богатееров. *Крез* (595—546 до Р.Х.), царь Лидии, его богатство вошло в поговорку.

⁶ См. «Письмо из Тифлиса» Кубанца в «*Московских ведомостях*». 1903 г. № 292 (прим. В.А. Грингмута).

Создаем ли мы «рабочий вопрос»?

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1903. № 36. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 2. 1909, с.167—171.

¹ Первое «Общество фабрично-заводских рабочих» было создано в Москве по инициативе начальника Московского охранного отделения С.В. Зубатова и при активной поддержке Московского генерал-губернатора Великого князя Сергея Александровича.

² «Общество религиозно-нравственного просвещения в духе Православной Церкви» было основано в Санкт-Петербурге в 1881 г., с 1892 г. его возглавлял *сщмч. протоиерей Философ Орнатский* (1860—1918), который стоял у истоков и православной рабочей организации в столице.

³ *Богданович Евгений Васильевич* (26.02.1829—1.09.1914), генерал-от-инфантерии, видный правый государственный и общественный деятель, хозяин одного из крупнейших правых салонов Санкт-Петербурга, издатель и публицист.

⁴ Видимо, имеется в виду будущий патриарх Сергей (Страгородский), на тот момент архиепископ Финляндский и Выборгский; он принимал активное участие в общественной жизни того времени.

Спасение нашей средней школы.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1903. № 100. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 2. 1909, с.195—197.

Семья и школа.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1904. № 264. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 2. 1909, с.284—288.

¹ *Глазов Владимир Гаврилович* (1848 — не позднее 1919), генерал-от-инфантерии, в 1901—1904 гг. начальник Николаевской Академии Генерального штаба, с апр. 1904 по окт. 1905 министр народного просвещения.

² Воспитательное преподавание (нем.).

³ Вопросу о семье и школе посвящена, между прочим, специальная статья в одном из *«Лицейских календарей»*. — Прим. В.А. Грингмута.

Русская национальная школа.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1906. № 258, 261, 262, 263. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. 1910, с.238—242.

¹ Русское Монархическое Собрание, общественная организация, интеллектуальный штаб монархистов Москвы. Создано по образцу петербургского Русского Собрания, инициаторами учреждения были москвичи — члены РС, главную роль среди которых играл В.А. Грингмут. Первые заседания начались летом 1906 г, Устав был официально утвержден 2 сентября.

«Русский Дом» в Москве.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1906. № 273. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. 1910, с.273—276.

¹ О Русском Монархическом Собрании см. статью «Русская национальная школа».

² В октябре 1905 г. митрополит Московский и Коломенский сщмч. Владимир (Богоявленский) распорядился прочитать во всех московских храмах составленное им при участии епископа Никона (Рождественского) слово «Что нам делать в эти тревожные наши дни?» В этом слове шла речь о преступных антихристианских замыслах составителей «Протоколов Сионских мудрецов». Сам владыка зачитал его в Успенском соборе Московского Кремля. Давая оценку Сионским протоколам, владыка прямо связывал чудовищные планы их составителей с революционными событиями в России, рассматривал возникшую смуту не с политических, а с религиозных позиций, призывал православных людей выполнить свой долг перед Богом и стать «на брань с антихристом». Владыка требовал от каждого верующего: «Исполняя то, чего от тебя потребуют слуги Царевы, что

скажут тебе пастыри Церкви». Однако многие московские священники отказались прочесть послание правящего архиерея своей пастве, а Общество любителей духовного просвещения отправило в газету «Русское слово» письмо-протест против учения, под которым подписались 80 московских священников, в котором послание называлось «провокацией» и даже клеймилось как «гнусная выходка» митрополита Владимира. А в кадетских «Русских ведомостях» группа профессоров Московской Духовной Академии обозвала обращение своего архипастыря «черносотенной агитацией».

³ См. вступительную статью.

Апология шатания умов.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1901. № 91. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 1. 1908, с. 310—312.

¹ «Русские ведомости», либеральная газета, выходившая в Москве с 1863 по март 1918; с 1905 официальный орган кадетской партии.

Маклаки парламентаризма.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1904. № 280. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 3. 1910, с. 105—108.

¹ Имеются в виду: *Якоб Брюннум Скавениус Эструп* (1825—1913), премьер-министр Дании в 1875—1894 гг.; *Фредерик Станг* (1808—1884), премьер-министр Норвегии в 1873—1880 гг.; *Эрнст фон Кербер* (1850—1919), канцлер Австро-Венгрии в 1900—1905 гг. О Бисмарке и императоре Вильгельме II см. примечание к статье «Историческое значение XIX века».

² «Вестник Европы». 1904, октябрь, стр. 875. — Прим. автора.

³ Почему *единственным* (курсив автора) исключением из этого правила (и то надолго ли?) является образ правления Бисмарка и Вильгельма II, — мы уже указали в № 245 «Московских ведомостей». 1904 г. — Прим. автора.

⁴ Еженедельная юридическая газета, выходившая в Петербурге с 1899 г. под редакцией В.М. Гессена и Н.И. Лазаревского (с 1905 г. — одного В.М. Гессена), к 1905 г. превратилась из чисто юридического издания в орган так называемого «освободительного движения».

⁵ Автором статьи «Война и бюрократия» был известный либерал, профессор Московского университета философ князь Евгений Николаевич Трубецкой.

⁶ Дортуар (фр.) — общая спальня в воспитательных, рабочих заведениях.

⁷ *Родс Сесиль Джон* (1853–1902), бизнесмен, инициатор английской экспансии в Южной Африке. Основатель южно-африканской компании, с 1890 премьер-министр Капской колонии. Путем подкупа и угроз присоединил в 1891 к Британской империи обширные владения, названные его именем, — Родезия. Финансировал неудачную войну с бурскими республиками, в 1896, после разгрома англичан, вынужден был подать в отставку с поста премьер-министра Капской колонии.

⁸ О восстании боксеров или ихэтуаней см. статью «Мировое значение китайского вопроса».

⁹ Сражение при Адуде в Эфиопии произошло 1 марта 1896 г. в ходе первой Итало-абиссинской (Итало-эфиопской) войны 1895—1896 гг., его итогом стал полный разгром итальянского экспедиционного корпуса. Битва при Садовой в Чехии произошла 3 июля 1866 г. и была самым крупным сражением Австро-прусской войны 1866 г., в ходе сражения австрийская армия была разгромлена.

Политические преступления.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1903. № 128. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 2. 1909, с.59—61.

¹ 6 мая 1903 г. среди бела дня в городском саду в центре Уфы был убит губернатор *Николай Модестович Богданович* (1856–1903), сын известного военного историка Модеста Ивановича Богдановича. Уфимскую губернию возглавлял с 1896 г.

Чего хотят наши злодеи?

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1904. № 195. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 2. 1909, с.272—275.

¹ О В.К. Плеве см. примечание к статье «Вячеслав Константинович Плеве».

² О П.Б. Струве см. примечание к статье «Где мировая задача России?» Под «московскими и орловскими друзьями» имеются в виду будущие деятели кадетской партии.

Новое политическое преступление.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1905. № 67. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 3. 1910, с.163—165.

¹ *Мясоедов Николай Александрович* (1850—не ранее 1917), тайный советник, сенатор, член правой группы Государственного Совета, общественный деятель, член Совета Русского Собрания. Выборгский губернатор с 1902 по 1905 гг.

² О Леопольде Мехелине см. статью «Окраинные миражи».

³ Прокурор финляндского сената русофил Ионсон был убит 11 января 1905 г. террористом студентом Гогенталем, при этом был ранен его шестнадцатилетний сын.

⁴ О графе Михаиле Николаевиче Муравьеве-Виленском см. статью «Чем Россия обязана Муравьеву?».

⁵ «Русская Старина». 1902. Июнь. Курсив везде наш. — Прим. автора.

Еще кровавая жертва!

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1906. № 233. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. 1910, с.213—214.

¹ *Старынкевич Константин Сократович*, генерал-майор, сын президента Варшавы С.И. Старынкевича, в 1904—1906 Харьковский губернатор, где проводил жесткую политику в

отношении либералов, в 1906 назначен в Симбирск, смертельно ранен 21.09.1906.

² Имеется в виду *Бронислав Мечиславович Янушевич*.

Кровь, вопиющая к небу.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1905. № 36. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 3. 1910, с.132—134.

¹ *Сергей Александрович, Великий князь* (29.04.1857—4.02.1905), правый государственный деятель, генерал-адъютант, генерал-лейтенант, Московский генерал-губернатор, командующий войсками Московского военного округа, член Государственного Совета. Убит бомбой террориста Каляева на Сенатской площади Московского Кремля вблизи Никольских ворот.

² Имеется в виду граф С.Ю. Витте, возглавлявший правительство с середины октября 1905 г., которого Грингмут считал тайным вдохновителем революции.

³ Имеется в виду Царь-Освободитель Александр II, убитый 1 марта 1881 г. бандитами-народовольцами в Петербурге.

Чего они хотят?

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1905. № 42. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 3. 1910, с.138—141.

¹ Великий князь Сергей Александрович был временно похоронен 10 февр. 1905 г. в Андреевской церкви кремлевского Чудова монастыря, 4 июля 1906 г. погребен в том же монастыре в специально построенном храме-усыпальнице во имя прп. Сергия Радонежского (разрушена вместе с монастырем в 1929 г., сохранившийся подземный склеп обнаружен в 1985 г.). 17 сент. 1995 г. останки торжественно перенесены в Новоспасский монастырь Москвы, погребены в подклете Преображенского собора — храме-усыпальнице бояр Романовых.

² 16 сентября 1904 г. новый министр внутренних дел (после убийства В.К. Плеве) князь П.Д. Святополк-Мирский на прие-

ме чинов министерства провозгласил «политику доверия». См. подробнее: сщмч. Иоанн Восторгов. «Памяти В.А. Грингмута».

³ 9 января 1905 г. в Петербурге священником Георгием Гапоном было организовано провокационное шествие, закончившееся столкновениями с полицией и казаками и расстрелом демонстрантов («Кровавое воскресенье»). 4 февраля 1905 г. в Кремле был убит бывший Московский генерал-губернатор Великий князь Сергей Александрович.

Что надо делать?

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1905. № 43. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 3. 1910, с.141—144.

¹ См. статью «Чего они хотят?»

Предстоящие страсти России.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1906. № 81. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. 1910, с.94—96.

¹ О панамском скандале см. в статье «Историческое значение XIX века».

² *Руссо Жан-Жак* (1712—1778), французский философ эпохи Просвещения, писатель-сентименталист, идеолог демократического радикализма.

Новое революционное оружие.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1906. № 111. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. 1910, с.116—118.

¹ 27 апреля 1906 г. в Георгиевском зале Зимнего дворца Император Николай II торжественно открыл заседания I Государственной Думы.

² Правительство *Сергея Юльевича Витте* существовало с 24 октября 1905 г. по 22 апреля 1906 г. *Петр Николаевич Дурново* (23.11.1842—11.09.1915) был в правительстве Витте министром внутренних дел. Правительство *Ивана Логгиновича*

Горемыкина (27.10.1839—11.12.1917) существовало с 22 апреля 1906 г. по 7 июля 1906 г. *Александр Семенович Стишинский* (18.06.1851—29.12.1921[11.01.1922]) был в нем главноуправляющим землеустройством и земледелием.

Наш «Талейран».

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1906. № 268. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. 1910, с.250—253.

¹ *Витте Сергей Юльевич* (12.06.1849—27.02.1915), граф, государственный деятель, либеральный сановник, министр финансов (1892—1903), председатель правительства с октября 1905 г. по апрель 1906 г. Грингмут считал Витте главным виновником революции и немало сделал для падения всесильного премьера.

² *Талейран-Перигор Шарль Морис* (1754—1838), князь, французский государственный деятель и дипломат; один из главных деятелей наполеоновской эпохи, в 1799—1807 гг. — министр иностранных дел Франции, присягал на верность 18 французским правительствам с 1790 по 1834 гг. Его имя стало нарицательным для обозначения беспринципности и хитрости в политике.

³ Имеется в виду Портсмутский мирный договор между Россией и Японией, заключенный 25 августа (5 сентября) 1905 г. и завершивший Русско-японскую войну. Делегацию России возглавлял С.Ю. Витте, которому Государь пожаловал за успешное заключение мира титул графа. В правом лагере считали, что Витте ничем не заслужил столь высокой награды и иронично называли его «графом Полусахалинским», поскольку Витте не выполнил волю Царя («ни гроша контрибуции, ни пяди земли»), по договору Россия уступила Японии половину острова Сахалин.

⁴ *Сольский Дмитрий Мартынович* (3.09.1833—29.11.1910), граф, председатель Государственного Совета с августа 1905 г. по май 1906 г. В данном случае имеется в виду Особое совещание для рассмотрения дополнительных к узаконениям о Государственной Думе правил, председателем которого был граф Сольский.

⁵ *Проппер Станислав Максимилианович* (1853 (1855)–1931), выходец из Австрии, биржевой маклер, разбогател на финансовых спекуляциях, с 1880 г. издавал в Петербурге газету «Биржевые ведомости», был близок к С.Ю. Витте.

Открытое письмо Правительству.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1906. № 277. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. 1910, с.256—259.

¹ Петербургская газета «Россия» с июля 1906 г. была превращена министром внутренних дел П.А. Столыпиным в правительственный полуофициоз. В письме Петербургскому градоначальнику Столыпин писал 9 июня 1906 г., что решено «избрать один из существующих частных органов столичной печати, посредством которого сообщались бы верные фактические данные по всем наиболее важным вопросам и событиям и из которого можно было бы почерпнуть сведения о действительных взглядах и предложениях правительства». Редактором газеты стал юрист и журналист, крещеный еврей, сын раввина *Илья Яковлевич Гурлянд* (1868 — не ранее 1921).

О легкомысленной статье газеты «Россия».

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1906. № 278. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. 1910, с.260—261.

¹ См. статью «Открытое письмо Правительству».

² *Столыпин Петр Аркадьевич* (2(5?).04.1862—5.09.1911), выдающийся государственный деятель, действительный статский советник, гофмейстер Высочайшего Двора, министр внутренних дел с апреля 1906 г., с 8 июля 1906 и до кончины председатель Совета министров.

Долг правительства.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1906. № 279. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. 1910, с.262—264.

Виды евреев на Россию.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1906. № 19. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. 1910, с.54—56.

¹ Сионистская организация России (СОР) — составная часть Всемирной сионистской организации, первый конгресс которой состоялся в Базеле 29—31 августа 1897 г. Первый российский съезд сионистов прошел нелегально в Варшаве 19—22 августа 1898 г., но к моменту его проведения в России действовало почти 400 местных сионистских кружков.

Русский и еврейский элементы в нашей революции.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1906. № 268, 269. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. 1910, с.245—250.

¹ *Сикорский Иван Алексеевич* (26.05.1842—1[14].02.1919), выдающийся русский ученый-психолог, теоретик национализма, активный общественный деятель, эксперт на процессе по расследованию ритуального убийства А.Ющинского (дело Бейлиса).

² Грингмут перечисляет видных либеральных лидеров земства: *Шипов Дмитрий Николаевич* (1851—1920), председатель московской губернской земской управы, затем один из лидеров октябристов и мирнообновленцев; *Петрункевич Иван Ильич* (1843—1928), земец, общественный деятель, один из столпов российского либерализма; *Родичев Федор Измайлович* (1854—1933), общественный деятель, член Государственной Думы I, II, III и IV созывов, один из столпов российского либерализма; *Муромцев Сергей Андреевич* (1850—1910), юрист, либеральный политический деятель, профессор Московского университета, председатель I Государственной Думы; *Гейден Петр Александрович* (1840—1907), граф, президент Вольного Экономического Общества, один из лидеров октябристов и мирнообновленцев; *Стахович Михаил Александрович* (1861—1923), орловский губернский предводитель дворянства, либеральный славянофил, один из организаторов партии октябристов, затем мирнообновленцев, депутат I и II Госдум.

³ Земское совещание, которое имеет в виду Грингмут, прошло в Петербурге 6—9 ноября 1904 г., а не в конце ноября. В итоговую декларацию было внесено, несмотря на возражения председателя совещания Д.Н. Шипова, требование конституционного ограничения Самодержавия.

⁴ Т. е. видные еврейские лидеры. *Винавер Максим Моисеевич* (1863—1926), один из основателей партии кадетов, лидер еврейской народной группы; *Герцештейн Михаил Яковлевич* (1859—1906), экономист, политический деятель, приват-доцент Московского университета, один из основателей кадетской партии, депутат I Госдумы, в своих выступлениях одобрял аграрные беспорядки, убит.

⁵ *Френкель Захарий Григорьевич* (1869—1970), один из основателей кадетской партии, депутат I Госдумы; *Якубсон Вениамин*, адвокат, депутат I Госдумы от сионистов, член фракции кадетов.

⁶ О так называемом «Выборгском воззвании» см. прим. к статье «Монархисты и Правительство».

Евреи и Правительство.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1907. № 203. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. 1910, с.400—402.

¹ *Бутми-де-Кацман (Бутми) Георгий Васильевич* (1856—1919?), землевладелец и предприниматель, публицист, специалист по еврейскому и финансовому вопросам, общественный деятель, активный участник правомонархического движения.

² 4-й Всероссийский съезд Русских Людей, или Всероссийский съезд Объединенного Русского Народа проходил в Москве с 26 апреля по 1 мая 1907 года. В работе съезда принимали участие ок. 900 делегатов практически со всей России. Подробнее о съезде см. Степанов А. Четвертый Всероссийский Съезд Объединенного Русского Народа (Всероссийский Съезд Русских Людей) // Святая Русь. Энциклопедия Русского Народа. Русский патриотизм. Гл. ред., сост. О.А. Платонов, сост. А.Д. Степанов. М., 2003.

Евреи и Русский Народ.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1907. № 204. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. 1910, с.402—405.

Хвала евреям.

Речь, произнесенная 1 июля 1907 г. на Собрании Смоленского Союза Русского Народа. Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1907. № 173. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. 1910, с.373—379.

¹ Гелд (идиш), видимо, от «хануке гелд», т. е. ханукальное золото; здесь в смысле прибыль, гешефт.

² *Винавер Максим Моисеевич* (1863—1926), один из основателей партии кадетов, лидер еврейской народной группы; *Пергамент Осип Яковлевич* (1868—1909), адвокат, депутат III Государственной Думы, отравился морфием; *Гессен Иосиф Владимирович* (1866—1943), один из лидеров кадетов, адвокат и публицист.

³ Имеются в виду лидеры социал-демократов и трудовиков во II Государственной Думе: *Аладьин Алексей Федорович*; *Озоль И.П.*; *Церетели Ираклий Георгиевич* (1882—1959).

⁴ *Шмаков Алексей Семенович* (1852—25.06.1916), присяжный поверенный, публицист и общественный деятель, активный участник правомонархического движения, автор книг и статей по еврейскому вопросу.

Русские масоны.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1905. № 242. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 3. 1910, с.347—349.

¹ Главный удар по масонам нанес Император Александр I, подписавший 1 августа 1822 г. указ «О уничтожении масонских лож и всяких тайных обществ».

² «Отдели примесь от серебра, и выйдет у серебряника сосуд; удали неправедного от царя, и престол его утвердится правдою» (Книга Притчей Соломоновых 25, 4—5).

³ Место наименьшего сопротивления (лат.).

⁴ *Макиавелли Никколо ди Бернардо* (1469–1527), итальянский политик, писатель, историк, секретарь Совета Флорентийской республики. Для усиления государства считал допустимыми любые средства, отчего произошел термин макиавеллизм — политика, пренебрегающая нормами морали.

⁵ Подробнее о роли масонов в русской революции см. в книгах О.А. Платонова «Терновый венец России. Тайная история масонства. 1731—1996» (М., 1996), «Тайна беззакония: Иудаизм и масонство против Христианской цивилизации» (М., 2004), В.С. Брачева «Масоны в России: от Петра I до наших дней» (СПб., 2000) и др. (В книге Брачева приводится подробная библиография проблемы.)

В чем сила и слабость социализма?

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1903. № 225. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 2. 1909, с.94—96.

¹ *Моммзен Теодор* (1817–1903), немецкий историк, филолог и юрист, лауреат Нобелевской премии по литературе за 1902 г. за труд «Римская история».

² *Маркс Карл Генрих* (1818–1883), философ, экономист, политический журналист, основатель самого влиятельного социалистического течения — марксизма; *Бебель Август* (1840–1912), ученик К.Маркса, один из руководителей германской социал-демократии; *Жорес Жан* (1859–1914), лидер французских социалистов, убит французским националистом Раулем Виленом накануне Первой мировой войны за пропаганду пацифизма; *Бернштейн Эдуард* (1850–1932), публицист и политический деятель, один из лидеров германской социал-демократии, впоследствии противник марксизма.

³ *Мильтеран Александр* (1859–1943), французский социалист, президент Франции в 1920—1924 гг.; *Либкнехт Вильгельм* (1826–1900), один из основателей германской социал-демократической партии; *Зингер Пауль* (1844—1911), один из лидеров социал-демократической партии Германии.

Международная борьба против революции и социализма.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1907. № 197. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. 1910, с.394—397.

¹ Осуществлению этих планов помешала кончина В.А. Грингмута.

Кто устраивает погромы и забастовки.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1906. № 157. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. 1910, с.156—160.

¹ *Иваново-Вознесенская Самодержавно-Монархическая партия* создана в нояб. 1905 г. Председатель Совета — конторщик Иван Петрович Борисов, тов. председателя — железнодорожный рабочий Михаил Тимофеевич Кашин. Партия состояла в основном из рабочих. Известность получила после приема Государем депутации от ИВСМП 16 февр. 1906 г., во время которого Николай II сказал ставшие знаменитыми слова: «Передайте всем уполномочившим вас, что реформы, которые Мною возведены Манифестом 17 октября, будут осуществлены неизменно, и права, которые Мною даны одинаково всему населению, неотъемлемы. Самодержавие же Мое останется таким, каким оно было встарь».

² Из Русских Ведомостей (№ 158) мы увидели, что г. Комисаров с перепугу поскакал с этой вздорной телеграммой к министру внутренних дел. — Прим. автора.

С нами Бог! С нами Царь!

Речь, произнесенная 17 июня 1907 г. на Общем собрании Рязанского отдела Союза Русского Народа. В скобках курсивом приводится реакция зала. Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1907. № 139. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. 1910, с.359—364.

¹ 3 июня 1907 г. была распущена революционная II Государственная Дума и был опубликован новый, более консервативный закон о выборах в Думу.

² 15 июля 1907 г. в ответ на многочисленные телеграммы от отделов Союза Русского Народа по случаю роспуска II Государственной Думы Государь направил телеграмму на имя председателя Союза А.И. Дубровина следующего содержания: «Передайте всем председателям Отделов и всем членам Союза Русского Народа, приславшим Мне изъявления воодушевляющих их чувств, Мою сердечную благодарность за их преданность и готовность служить Престолу и благу дорогой Родины. Уверен, что теперь все истинно-верные Русские, беззаветно любящие свое Отечество сыны, сплотятся еще теснее и, постоянно умножая свои ряды, помогут Мне достичь мирного обновления нашей святой и великой России и усовершенствования быта Великого ее народа. Да будет же Мне Союз Русского Народа надежной опорой, служа для всех и во всем примером законности и порядка».

³ В.А. Грингмут перечисляет лидеров леволиберального крыла II Госдумы: Алексинский Григорий Алексеевич (1879–1967), один из лидеров большевиков во II Госдуме, позже отошел от большевиков, обвинял В.И.Ленина в шпионаже в пользу Германии; Маклаков Василий Алексеевич (1869–1957), депутат II—IV Госдум, один из лидеров кадетов, видный масон; Винавер Максим Моисеевич (1863–1926), один из основателей партии кадетов; Гучков Александр Иванович (1862–1936), лидер партии октябристов, один из организаторов февральского переворота 1917 г.; Пергамент Осип Яковлевич (1868–1909), адвокат, кадет.

⁴ *Кизеветтер Александр Александрович* (1866–1933), историк, политический деятель, член ЦК партии кадетов; Абрамсона автор привел, видимо, из-за звучной фамилии, поскольку реально А.Г.Абрамсон, избранный во II Думу от еврейского населения по списку кадетов, особой роли не играл и умер в 1907 г.

Чего нам страшиться и на что надеяться?

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1907. № 178. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. 1910, с.381—387.

¹ Калужским губернатором с 1897 г. по 1909 г. был камергер Двора, в дальнейшем сенатор *Александр Александрович Офросимов* (?–1935).

² 18 октября 1905 г., на другой день после обнаружения Манифеста 17 октября, что привело к выступлениям антиправительственного характера, глумлению над государственными символами, на улицы русских городов вышли патриотические манифестации. Монархисты в течение 2—3 дней очистили улицы от революционных демонстраций.

³ 11 июня 1907 г. в Москве открылся съезд земских деятелей, который начал свою работу с принятия верноподданнической телеграммы и принял резолюцию об осуждении террора.

⁴ 3 июня 1907 г. была распущена II Государственная Дума и был опубликован новый избирательный закон.

Руководство черносотенца-монархиста.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1906. № 141. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. 1910, с.136—141.

Организация монархической партии.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1905. № 61. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 3. 1910, с.156—161.

¹ 18 февраля 1905 г. был опубликован Высочайший Рескрипт на имя министра внутренних дел А.Г. Булыгина, в котором Император Николай II заявлял о намерении «привлекать достойнейших, доверием народа облеченных, избранных от населения людей к участию в предварительной разработке и обсуждении законодательных предположений». Рескриптом учреждалось Особое совещание под председательством министра внутренних дел для выработки избирательного закона. В тот же день был опубликован Высочайший манифест, в котором Государь призывал верноподданных «соединиться в дружном содействии словом и делом во святом и великом подвиге одоления упорного врага внешнего, в искоренении крамолы и в разумном противодействии смуте внутренней» и сплотиться вокруг Престола. Того же 18 февраля был опубликован Высочайший указ Правительствующему Сенату, которым повелевалось «воз-

ложить на Совет министров рассмотрение и обсуждение поступающих на Высочайшее имя от частных лиц и учреждений видов и предположений по вопросам, касающимся усовершенствования государственного благоустройства и улучшения народного благосостояния».

² Нечто не стоящее внимания (фр.).

³ Недействительный (фр.).

⁴ По месту, ситуационно (лат.).

⁵ О Д.Н. Шипове и о земском совещании см. статью «Русский и еврейский элементы в нашей революции».

⁶ Мы не отступим ни на шаг (фр.).

Главная задача Монархической партии.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1905. № 134. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 3. 1910, с.181—183. Статья из цикла, посвященного разъяснению идеологии и Программы Монархической партии. Наиболее важные из статей публикуются в настоящей книге далее. Первая статья появилась в «Московских ведомостях» за 1905 г., № 121.

Русская Монархическая партия.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1905. № 274. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 3. 1910, с.270—281.

¹ В этом тезисе Монархическая партия буквально сходится с «партией Правового порядка», с той разницей, что последняя сильную Государственную Власть видит в парламенте, а Монархическая партия — в Самодержавном Монархе. — Прим. В.А. Грингмута.

Когда настанет время для реформ?

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1905. № 145. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 3. 1910, с.197—199.

Укрепление Самодержавия.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1905. № 149. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 3. 1910, с.200—204.

¹ Шведско-норвежская уния — государственно-правовое объединение Швеции и Норвегии — возникла как итог Шведско-норвежской войны 1814 г. 4 ноября 1814 г. королем Норвегии был избран шведский король Карл XIII. 7 июня 1905 г. норвежский стортинг принял резолюцию о расторжении унии. В ходе плебисцита 13 авг. 1905 г. за разрыв унии проголосовало подавляющее большинство норвежцев.

Русский народ в России.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1905. № 164. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 3. 1910, с.212—219.

¹ *Гурко (Ромейко-Гурко) Иосиф Владимирович* (28.07.1828—28.01.1901), генерал-фельдмаршал, прославился во время Русско-турецкой войны 1877—1878 гг., с июля 1883 по декабрь 1894 гг. Варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа, проводил русификаторскую политику в Польше.

² *Шувалов Павел Андреевич* (13.11.1830—7.04.1908), граф, военный деятель и дипломат, генерал-от-инфантерии, в 1885—1894 гг. посол в Берлине, с 1894 по 1896 г. Варшавский генерал-губернатор и командующий войсками Варшавского военного округа.

³ В 1830 и 1863 гг. произошли два самых крупных польских мятежа.

⁴ Обращаем особенное внимание наших читателей на известную книгу г. Н. *Государственное учение Филарета* (Москва), где они найдут полное развитие идеи Русского христианского государства. — Прим. В.А. Грингмута.

⁵ Имеется в виду Московский генерал-губернатор Великий князь Сергей Александрович и его супруга прмц. Великая княгиня Елизавета Федоровна.

⁶ О графе *Михаиле Николаевиче Муравьеве-Виленском* см. примечание к статье «Чем Россия обязана Муравьеву?»

⁷ *Шаховской Сергей Владимирович* (1852–1894), князь Черниговский, а с 1885 г. Эсляндский губернатор, активный поборник православия в Прибалтике, основатель Пюхтицкого монастыря, борец с немецким засильем.

Православная Церковь в России.

Две статьи под таким названием впервые опубликованы: Московские ведомости. 1905. №№ 161, 162. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып.3. 1910, с.206—212.

¹ Председателем Комитета министров с авг. 1903 по апр. 1906 г. был С.Ю. Витте.

² Речь идет об указе «Об укреплении начал веротерпимости», который был опубликован на Пасху 17 апр. 1905 г. Указ начал разрабатываться в Комитете министров в янв. 1905 г., решительным его противником был обер-прокурор Св. Синода К.П. Победоносцев, подготовивший специальную записку, в которой доказывал гибельность указа как для Церкви, так и для государства. Компромиссную позицию занял первенствующий член Св. Синода митрополит Санкт-Петербургский Антоний (Вадковский), который в своей записке допускал расширение прав старообрядцев, инославных и иноверцев, но настаивал на расширении прав и Православной Церкви. Однако в основу указа легла записка С.Ю. Витте, основанная на либеральных идеях «свободы совести». Победоносцев попытался воспрепятствовать принятию указа путем изъятия его подготовки из Комитета министров в Св. Синод, но Витте его перехитрил, после публикации указа Победоносцев вышел в отставку.

³ Речь идет о населенных по преимуществу русскими православными людьми частях Седлецкой и Люблинской губерний Царства Польского. В 1912 г. эти районы были объединены в специально учрежденную Холмскую губернию, которая была выведена из-под юрисдикции польских властей.

⁴ «Бракоразводная реформа» стала неизбежным следствием указа о веротерпимости. Она снимала ограничения на

вступление в брак с христианами других конфессий, с раскольниками и сектантами.

⁵ 17 марта 1905 г. «Церковный вестник» опубликовал записку 32 столичных священников, в которой содержалось требование созыва Поместного собора для выборов патриарха. 22 марта Св. Синод без согласования с обер-прокурором К.П. Победоносцевым подготовил Всеподданнейший доклад, в котором высказывался за проведение Поместного собора в Москве и избрания патриарха, каковым предполагалось избрать митрополита Антония (Вадковского). С протестом против этого решения выступил не только обер-прокурор Св. Синода, но и видные богословы и публицисты. Перед лицом разногласий в церковной среде Император Николай II отклонил предложение о созыве Собора до наступления «благоприятного времени».

⁶ *Фридрих II Великий* (1712–1786), король Пруссии с 1740 г. Имеется в виду закон о веротерпимости, принятый королем уже в первые годы царствования.

Русская бюрократия.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1905. № 168. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 3. 1910, с.219—225.

Царь и Народ.

Три статьи на одну тему, объединенные нами, впервые опубликованы: Московские ведомости. 1907. №№ 53, 54 и 55. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. 1910, с.333—340.

¹ *Щербатов Александр Григорьевич* (10.10.1850—24.04.1915), князь, камергер Высочайшего Двора, государственный и общественный деятель, экономист, публицист, путешественник, активный участник правомонархического движения, лидер Союза Русских Людей.

² 1 декабря 1905 г. в Александровском дворце Царского Села Государь принял депутации от Союза Русских Людей, Русской Монархической партии, Союза землевладельцев, Обще-

ства хоругвеносцев и Добровольной охраны, редакции журнала «Русское крестьянство» и Общества крестьян подмосковного села Воробьевы горы. В состав депутации вошел также инициатор создания Союза Русского Народа Синодальный миссионер игумен Арсений (Алексеев).

³ *Трепов Дмитрий Федорович* (2.12.1855—2.09.1906), генерал-майор, видный правый государственный деятель, Дворцовый комендант с 26 февраля 1905 г.

⁴ О приеме Государем депутации Иваново-Вознесенской Самодержавно-Монархической партии см. в статье «Кто устраивает погромы и забастовки».

Жизненные интересы крестьянского и рабочего сословия.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1905. № 198. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 3. 1910, с.243—246.

«Аграрный вопрос».

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1906. № 42. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. 1910, с.70—74.

¹ О Съезде Русского Собрания см. статью «Историческое значение всероссийского съезда Русского Собрания».

² *Кутлер Николай Николаевич* (1859—1924), либеральный сановник, масон. Товарищ министра внутренних дел при князе П.Д. Святополк-Мирском, главноуправляющий землеустройством и земледелием в кабинете С.Ю. Витте, затем видный деятель кадетской партии. После 1917 г. работал у большевиков в Наркомате финансов.

Монархисты и Правительство.

Речь, произнесенная 24 сентября 1906 г. на VIII Общем собрании Русской Монархической партии. Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1906. № 235. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. 1910, с.214—219.

¹ В.А. Грингмут называет в паре либерального и консервативного сановников: *Плеве Вячеслав Константинович* (8.04.1846—15.07.1904) и *Святополк-Мирский, князь Петр Дмитриевич* (1857—1914) — министры внутренних дел; *Победоносцев Константин Петрович* (21.05.1827—10.03.1907) и *Оболенский, князь Александр Дмитриевич* (1855—1933) — обер-прокуроры Св. Синода; *Витте, граф Сергей Юльевич* (12.06.1849—27.02.1915) и *Столыпин Петр Аркадьевич* (2.04.1862—5.09.1911) — председатели правительства.

² 3 июня 1907 г. по инициативе П.А.Столыпина была распущена левая II Государственная Дума, отказавшаяся снять депутатскую неприкосновенность с членов Думы — участников военного заговора.

³ Речь идет о так называемом «Выборгском воззвании» бывших членов I Государственной Думы. 9 июля 1906 г., на следующий день после роспуска Думы 178 бывших депутатов собрались в Выборге и подписали воззвание к народу и иностранным правительствам (автор проекта лидер кадетов П.Н.Милюков в Выборге не присутствовал) с призывом не платить налоги, отказываться от призыва на военную службу, не признавать займы, заключенные правительством. Воззвание не имело никаких особенных последствий. Только через полтора года подписанты воззвания были привлечены к суду, который лишил их права участвовать в выборах в Думу.

⁴ *Герард Николай Николаевич* (1838–1929), либеральный сановник, сенатор, в 1905—1908 гг. генерал-губернатор Финляндии.

Опасное недоразумение.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1905. № 32. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 3. 1910, с.125—128.

¹ Грингмут описывает, не называя имен, историю с созывом Земского собора в 1882 г., когда московские славянофилы (Иван Сергеевич Аксаков и его окружение) попытались через министра внутренних дел графа Николая Павловича Игнатьева предложить Императору Александру III проект манифеста о со-

зыве собора 6 мая 1882 г. (в день рождения Наследника Николая Александровича). Подготовка проекта собора велась конспиративно, поскольку противниками его созыва были многие видные правые государственные деятели, в том числе влиятельный тогда обер-прокурор Св. Синода Константин Петрович Победоносцев. Именно он расстроил планы «заговорщиков», выступив с уничтожающей критикой идеи созыва собора. В итоге проект манифеста не был принят, граф П.Н. Игнатьев получил отставку, а на его место был назначен граф Дмитрий Андреевич Толстой, который и стал проводником так называемой «политики контрреформ» Александра III.

² «Гражданин», еженедельная «газета-журнал политики и литературы» национально-консервативного направления, издававшаяся с 1872 по 1914 с перерывами из-за гонений цензуры князем Владимиром Петровичем Мещерским. Год газету редактировал Ф.М. Достоевский.

Славянофильские иллюзии.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1905. № 33. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 3. 1910, с. 128—130.

¹ *Родичев Федор Измайлович и Петрункевич Иван Ильич* — лидеры российского либерального земства. Оба бежали из России после революции и умерли в эмиграции. Подробнее о них см. статью «Историческое значение всероссийского съезда Русского Собрания».

«Только один вопрос».

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1905. № 34. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 3. 1910, с. 130—132.

¹ Полное выяснение причин (фр.).

Призыв к Русским людям.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1906. № 14. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. 1910, с. 45—47.

Русская Монархическая Партия и Государственная Дума.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1906. № 197. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. 1910, с.206—208.

Благое ли мы делаем дело?

Речь, произнесенная В.А. Грингмутом на собрании монархистов в Павловском Посаде 10 марта 1906 г. В скобках курсивом приводится реакция зала на выступление докладчика. Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1906. № 68. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. 1910, с.86—92.

¹ 16 февраля 1906 г. Император Николай II Александрович принял в Царском Селе депутацию от Иваново-Вознесенской Самодержавно-Монархической партии, которая преподнесла Государю адрес с выражением верноподданнических чувств. В ответ Государь обратился к депутации со следующими словами: «Знаю и ценю ваши чувства, от души благодарю вас и в вашем лице всю Самодержавно-Монархическую партию. Передайте всем уполномочившим вас, что реформы, которые Мною возведены Манифестом 17 октября, будут осуществлены неизменно, и права, которые Мною даны одинаково всему населению, неотъемлемы. Самодержавие же Мое останется таким, каким оно было встарь. Спасибо вам за вашу преданность».

Историческое значение Всероссийского Съезда Русского Собрания.

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1906. № 49. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. 1910, с.80—82.

¹ Впоследствии стал называться 1-м Всероссийским Съездом Русских Людей. На съезде были представлены 30 монархических организаций. Подробнее о съезде см. *Степанов А.* Первый Всероссийский Съезд Русских Людей (Всероссийский Съезд Русского Собрания) // *Святая Русь. Энциклопедия Русского Народа. Русский патриотизм.* Гл. ред., сост. О.А. Платонов, сост. А.Д. Степанов. М., 2003.

² О В.К. Плеве см. статью «Чего хотят наши злодеи?»

³ О тайном вдохновителе конституционализма графе С.Ю. Витте см. статью «Наш «Талейран». Открытое письмо графу Витте».

⁴ *Святополк-Мирский Петр Дмитриевич* (1857—1914), князь, генерал-адъютант, министр внутренних дел после убийства В.К. Плеве. Проводил политику потворства либеральному движению. Уволен после «Кровавого воскресенья» 9 января 1905 года, которое не смог предотвратить.

⁵ *Родичев Федор Измайлович* (1854—1933), общественный деятель, член Государственной думы I, II, III и IV созывов, один из столпов российского либерализма. Умер в эмиграции.

⁶ *Петрункевич Иван Ильич* (1843—1928), землец, общественный деятель, один из столпов российского либерализма. Умер в эмиграции.

⁷ Русское Собрание — старейшая черносотенная организация, создана в Петербурге в конце 1900 — начале 1901 гг. Первый председатель — князь Д.П. Голицын (Муравлин).

⁸ Союз Русских Людей был создан в апреле 1905 г. на основе кружка братьев Павла и Петра Шереметевых, сыновей видного правого государственного деятеля С.Д. Шереметева.

Русские люди.

Речь, произнесенная 6 октября 1906 года на Всероссийском Съезде Русских Людей в Киеве. 3-й Всероссийский съезд Русских Людей, или Всероссийский съезд Людей Земли Русской проходил в Киеве с 1-го по 7-е октября 1906. На съезде присутствовали около 500 чел., из них 200 делегатов, которые представляли 74 организации от 60 губерний и городов Европейской России и Сибири. Подробнее о съезде см. *Степанов А.* Третий Всероссийский Съезд Русских Людей (Всероссийский Съезд Людей Земли Русской) // *Святая Русь. Энциклопедия Русского Народа. Русский патриотизм.* Гл. ред., сост. О.А. Платонов, сост. А.Д. Степанов. М., 2003. Впервые опубликовано: *Московские ведомости.* 1906. № 247. Печатается по изданию: *Собрание статей В.А. Грингмута.* Вып. 4. 1910, с.221—226.

¹ 17 октября 1905 г. был опубликован Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», разработанный С.Ю. Витте.

² *Алмазов Борис Николаевич* (1827–1876), известный поэт-пародист.

³ *Вязигин Андрей Сергеевич* (15.10.1867—11[24].09.1919), действительный статский советник, профессор Харьковского университета, председатель фракции правых III Государственной Думы, издатель журнала «Мирный труд», председатель Харьковского отдела Русского Собрания и Харьковского отдела Союза Русского Народа, участник Киевского съезда.

⁴ Имеется в виду стихотворение А.К. Толстого «Против течения» (1867).

Спасайте Народ!

Впервые опубликовано: Московские ведомости. 1907. №№ 65 и 66. Печатается по изданию: Собрание статей В.А. Грингмута. Вып. 4. 1910, с. 342—347.

¹ *Союз «Белое Знамя»* (другое название — Союз «Белого Знамени»), крупнейшая правомонархическая организация Нижегородской губернии, создана в октябре 1905 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
 УЧИТЕЛЯ РОССИИ	 18
Великий учитель России	18
Чему нам учиться у Петра?	21
Что нам завещала Екатерина Великая?	24
Апостолы и ученики нашего национального евангелия	28
М.Н.Катков и современное общество	37
Чем Россия обязана Муравьеву?	42
П.М.Леонтьев и наша классическая школа	46
Вячеслав Константинович Плеве	53
Николай Иванович Бобриков	57
 ПРЕДНАЗНАЧЕНИЕ РОССИИ	 61
1899 год	61
Мировое значение китайского вопроса	67
Мировое призвание России	69
Обновление России	73
Историческое значение XIX века	75
Россия в XIX столетии	82
Где мировая задача России?	88
Личность в истории	94

РОССИЯ В МИРЕ 98

«Польский вопрос»	98
Чехи и Россия	104
Политика России в Восточном вопросе	108
Россия на Дальнем Востоке	111
Империализм	114
Македонский вопрос	118
Ближний и Дальний Восток	121
Наши друзья и враги	125
«Почётный» мир?	129

РУССКИЙ МИР 134

Православная церковь перед судом «интеллигенции»	134
Послание Святейшей Вселенской Патриархии	138
Ответное послание Святейшего Синода	143
Церковный переворот	149
Свобода иноверия и инославия	156
Первая задача	162
Самодержавие, правовой порядок и бюрократия	166
Великое преступление	170
Двухсотлетие Петербурга	175
Коренная реформа местной администрации	180
Кризис дворянского землевладения	185
Двойная задача нашей окраинной политики	189
Окраинные миражи	194
Создаем ли мы «рабочий вопрос»?	199
Спасение нашей средней школы	205
Семья и школа	210
Русская национальная школа	217
«Русский Дом» в Москве	224

ИСТОКИ РЕВОЛЮЦИИ В РОССИИ 228

Апология шатания умов	228
Маклаки парламентаризма	231
Политические преступления	235
Чего хотят наши злодеи?	238
Новое политическое преступление	243
Еще кровавая жертва!	247
Кровь, вопиющая к небу	249
Чего они хотят?	251
Что надо делать?	255
Предстоящие страсти России	259
Новое революционное орудие	264
Наш «Талейран»	267
Открытое письмо Правительству	271
О легкомысленной статье газеты «Россия»	276
Долг правительства	279
Виды евреев на Россию	282
Русский и еврейский элементы в нашей революции	286
Евреи и Правительство	294
Евреи и Русский Народ	297
Хвала евреям	301
Русские масоны	309
В чем сила и слабость социализма?	311
Международная борьба против революции и социализма	315
Кто устраивает погромы и забастовки	319
С нами Бог! С нами Царь!	326
Чего нам страшиться и на что надеяться?	335

ИДЕОЛОГИЯ И ПРОГРАММА МОНАРХИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

344

Руководство черносотенца-монархиста	344
Организация монархической партии	352
Главная задача Монархической партии	358
Русская Монархическая партия	362
Когда настанет время для реформ?	379
Укрепление Самодержавия	383
Русский народ в России	389
Православная церковь в России	399
Русская бюрократия	407
Царь и Народ	416
Жизненные интересы крестьянского и рабочего сословия	426
«Аграрный вопрос»	431
Монархисты и Правительство	437
Опасное недоразумение	445
Славянофильские иллюзии	449
«Только один вопрос»	453
Призыв к Русским людям	456
Русская Монархическая Партия и Государственная Дума	458
Благое ли мы делаем дело?	463
Историческое значение всероссийского съезда Русского Собрания	471
Русские люди	474
Спасайте Народ!	480
Комментарии	489

**ИНСТИТУТ РУССКОЙ ЦИВИЛИЗАЦИИ
ВЫПУСКАЕТ
БОЛЬШУЮ ЭНЦИКЛОПЕДИЮ
РУССКОГО НАРОДА**

Главный редактор О. А. Платонов

Энциклопедия включает следующие тома:

Русская цивилизация *(вышел)*
Русское Православие *(выйдет в 2008 г.)*
Русское государство *(вышел)*
Русский патриотизм *(вышел)*
Русское мировоззрение *(вышел)*
Русский образ жизни *(вышел)*
Русская география
Русское хозяйство *(вышел)*
Международные отношения
Национальные отношения
Русская литература *(вышел)*
Русское искусство
Русский театр
Русская музыка
Русская наука
Русская школа
Русское воинство
Памятники Отечества
Русские за рубежом
Противники русской цивилизации

Каждый том Энциклопедии посвящен определенной отрасли жизни русского народа и будет завершенным сводом энциклопедических знаний по этой отрасли от «А» до «Я». Читатели могут в зависимости от потребностей подбирать либо полный комплект Энциклопедии, либо необходимые один или несколько томов.

К подготовке издания привлекаются лучшие русские ученые и специалисты, используются опыт и наиболее ценные материалы предыдущих русских энциклопедий и словарей. Критерием подготовки и отбора статей для Энциклопедии являются православные и национальные традиции русской науки, соответствие сделанных оценок национальным интересам русского народа.

Редакция Энциклопедии привлекает к сотрудничеству всех заинтересованных русских людей и организации. Будем признательны за любую помощь в подготовке нашего издания.

Настоящая Энциклопедия является первой попыткой создания всеобъемлющего свода православных и национальных сведений о жизни русского народа. После выхода первого издания Энциклопедии предполагается ее совершенствование и подготовка нового издания.

Приглашаем к сотрудничеству всех русских людей, разделяющих идеи Святой Руси, русской цивилизации.

Будем благодарны за любые отзывы, замечания, поправки и дополнения.

Просим направлять их по адресу: 121170, Москва, а/я 18. Платонову О. А., e-mail: info@rusinst.ru

Электронную версию Энциклопедии можно получить на нашем сайте: www.rusinst.ru.

Автономная некоммерческая организация Институт русской цивилизации создан в октябре 2003 г. для осуществления идей и в память великого подвижника православной России митрополита Санкт-Петербургского и Ладожского Иоанна (Снычева). Предшественником института был научно-исследовательский и издательский центр «Энциклопедия русской цивилизации» (1997—2003).

Целью института является творческое объединение ученых и специалистов, занимающихся изучением истории и идеологии русского народа, проведение научных исследований, конференций, семинаров и систематизация знаний по всем вопросам русской цивилизации, истории, философии, этнографии, культуры, искусства и других научных отраслей, связанных с жизнедеятельностью русского народа с древнейших времен до начала XXI века. Приоритетным направлением деятельности института является создание 20-томной «Энциклопедии русского народа», а также научная подготовка и публикация самых великих книг русских мыслителей, отражающих главные вехи в развитии русского национального мировоззрения и противостояния силам мирового зла, русофобии и расизма.

Корректор А. Г. Мартынова
Компьютерная верстка Д. Е. Поляков
Институт русской цивилизации Тел.: 8-499-242-50-80.

Подписано в печать 19.12.2007 г. Формат 84 x 108 ¹/₃₂.
Гарнитура «Times». Объем 28,5 изд. л.
Печать офсетная. Заказ №
Отпечатано в ОАО «Можайский полиграфический комбинат».
143200, г. Можайск, ул. Мира, 93.